

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.И. Клисторин

ИЗБРАННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ

Научный редактор
д.э.н. Е.А. Коломак

Новосибирск
2019

УДК 338.9
ББК 65.9 (2P)+65.9(2P)30-1
К 495

Рецензенты: д.э.н. Л.П. Буфетова, к.э.н. Ю.П. Воронов

К 495 **Клисторин В.И.** Избранные экономические очерки. – Новосибирск: Издательство ИЭОПП СО РАН. – 2019. – 348 с.

ISBN 978-5-89665-337-0

В монографии рассмотрен широкий круг проблем социально-экономического развития современной России в контексте политических и институциональных изменений в длительной ретроспективе. В эту работу вошли избранные статьи автора по экономике и экономической истории, опубликованные в журнале ЭКО за последние десять лет и которые, по мнению автора, не потеряли актуальность и сегодня. По жанру статьи можно разделить на собственно историко-экономические исследования, рецензии на крупные работы отечественных и иностранных ученых, анализ институтов и функций государства, обсуждение проблем государственной политики и общественных финансов в современной России. Кроме того, в отдельных статьях затронуты вопросы экономической культуры и этики.

Книга может быть полезна для специалистов, интересующихся вопросами экономической теории и истории, а также преподавателям ВУЗов, студентам и аспирантам, возможно, широкому кругу читателей, интересующихся российской экономикой и ее историей.

УДК 338.9
ББК 65.9 (2P)+65.9(2P)30-1

ISBN 978-5-89665-337-0

© ФГБУН ИЭОПП СО РАН, 2019
© Клисторин В.И., 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
FEDERAL STATE-FINANCED INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ECONOMICS AND
INDUSTRIAL ENGINEERING

V.I. Klistorin

**SELECTED ECONOMIC ESSAYS:
HISTORICAL APPROACH AND
EVOLUTION OF INSTITUTIONS**

Novosibirsk
2019

V. Klistorin. Selected Economic Essays. – Novosibirsk: Published by IEIE SB RAS. – 2019. – 348 p.

The book considers a wide range of issues concerning socio-economic development in modern Russia in the context of political and institutional changes taking place in the long retrospective. This work includes the author's selected articles on economics and economic history published by the journal EKO for the last decade and which, according to the author, retain their relevance and significance at present. According to the articles' genre, they can be divided into historical and economic research, reviews of major works written by domestic and foreign scientists, analysis of institutions and functions of the state, and discussion on public policy and public finance in modern Russia. Moreover, several articles address issues of economic culture and ethics.

The book would be useful for professionals interested in economic theory and history, university professors, students and graduate students and, perhaps, a wide range of readers interested in the Russian economy and its history.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эту книгу вошли тридцать статей, опубликованных в журнале ЭКО за последние десять лет. ЭКО занимает особое место среди российских экономических изданий, поскольку успешно совмещает научность и публицистичность. С этим журналом я начинал сотрудничать еще в начале 1980-х годов, когда В.Д. Речин пригласил меня готовить статистические иллюстрации, полагая, что мои навыки в этой области достаточны для работы в журнале. Но тогда работа не сложилась, и свою первую статью в ЭКО я опубликовал только в 1993 году. Потом опять был длительный перерыв, и уже с 2009 г. я стал публиковаться регулярно. Замыслы и поводы для написания статей были различны. Чаще всего они возникали спонтанно в результате дискуссий на заседаниях редакционного совета и разговоров с сотрудниками редакции журнала, чаще всего с Т.Р. Болдыревой. Иногда идея написать статью появлялась при прочтении какой-нибудь книги или написании рецензии на статьи, поступавшие в редакцию. Часто бывало, что сама по себе статья была откровенно слабой, но ее тема представлялась весьма перспективной, но, конечно, писать рецензии гораздо приятнее на серьезные работы.

Статьи, вошедшие в эту книгу, посвящены различным темам, но их объединяет то, что я старался рассматривать ту или иную проблему в широком историческом контексте. Стандартная экономическая теория, которую изучают в вузах и, одновременно, критикуют и постоянно подвергают сомнению, постоянно использует оговорку «при прочих равных условиях». Поэтому в аналитике и прогнозировании постоянно приходится обращать внимание на выполнение этого условия, которое часто нарушается в результате действий государства под влиянием действующих институтов. Собственно, это и является основной темой данной работы. Понять влияние институтов на направление и темпы экономических преобразований позволяет исторический подход к изучению экономики.

Сама мысль об издании этой книги родилась достаточно внезапно. Просто хотелось сделать подарок самому себе и тем людям, которых люблю и уважаю. Представлялось, что это будет несложной работой, поскольку все статьи уже прошли научное и литературное редактирование, рецензирование, и некоторые из них удостоились благоприятных отзывов. Но оказалось, что задача не так проста, поскольку тематика и стиль отдельных статей были очень различны. Достаточно долго пришлось вымучивать структуру и рубрикацию книги, и приходится признать, что они далеки от совершенства.

Первый раздел включает статьи, так или иначе связанные с экономической историей или современным прочтением крупных работ, имеющих историко-экономическую направленность. Представляется, что знание истории для экономиста обязательно, поскольку исторический опыт позволяет не только осознать риски, связанные с теми или иными методами реализа-

ции экономической политики, но и понять качество функционирования институтов, проверить те или иные гипотезы. Вообще знание истории позволяет легче разобраться в текущих проблемах, лучше оценить их масштаб и вспомнить способы их решения. Говорят, что история ничему не учит. Думаю, это прежде всего касается тех, кто ее не знает и знать не хочет.

Во втором разделе рассматривается обоснование функций государства и, соответственно, целей государственной социально-экономической политики. Проблема видится в том, что для многих людей, в том числе экономистов, многие функции государства и институты представляются самоочевидными, и их существование не требует обоснования. Кроме того, очевиден парадокс: экономика рассматривается, с одной стороны, как саморегулируемая система (экономические законы), с другой – как объект государственного управления.

Третий раздел посвящен проблемам федерализма, развития регионов на примере Сибири и муниципального самоуправления. Главный вопрос состоит в том, имеется ли экономическая выгода от децентрализации, т.е. делегирования части полномочий региональным и локальным уровням управления. Эти темы связаны тем, что фундаментом федерализма является система местного самоуправления, и попытки развивать одно без другого обречены на неудачу.

Четвертый раздел посвящен обсуждению этических и ментальных проблем в экономическом развитии. Дело в том, что часто государство рассматривается в качестве морального авторитета и выразителя общих интересов народа в противовес бездушному бизнесу, чьей целью является только прибыль, фиктивный капитал и демонстративное потребление. Стало расхожим утверждение о противоположности экономической эффективности и социальной справедливости. Хотелось показать, что хотя в нашей стране такие утверждения в целом верны, но они не носят абсолютного характера. Имеются возможности для смягчения и даже преодоления таких противоречий, и они лежат вовсе не в области всеобщей регламентации и ужесточения законодательства. В этот раздел включены также статьи, которые не вошли в предыдущие разделы.

О чем бы я ни писал, мне казалось, что я пишу о современных проблемах России. Иногда приходилось лишь намекать на сходство проблем и тенденций, но всегда казалось, что вдумчивый отечественный читатель поймет намеки и проведет аналогии. Хотя статьи написаны в разное время, хочется думать, что большая часть текстов сохранила актуальность и может вызвать интерес и сегодня.

Хотелось выразить благодарность моей жене и дочери, всей редакции журнала ЭКО и особенно Т.Р. Болдыревой, а также Ю.Ш. Бламу и другим коллегам за благожелательное отношение и ценные замечания, что немало способствовало улучшению качества текстов и устранению длиннот.

РАЗДЕЛ I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

1.1. Россия в 1913 году¹

Для советских экономистов 1913 год был базой для сравнения поступательного развития отечественной экономики, основанием для оценки успехов реального социализма и предметом профессиональных шуток в узком кругу. Этот год завершал мирный период развития Российской империи. В следующем году началась война, которую сейчас называют Первой мировой, а тогда в России называли Германской или Второй отечественной. Война завершилась для нашей страны революцией и гражданской войной, разрухой, голодом и террором. Эта череда катаклизмов породила огромный разброс оценок предреволюционного развития России, причем со временем крайние оценки только расходились.

Что касается официальной историографии тех лет, важнейшим событием года было празднование 300-летия дома Романовых. В связи с ним, как и в нынешнее время, публиковались многочисленные статьи и книги, популярные буклеты и иллюстрированные календари, содержавшие, помимо прочего, массу любопытных сведений.

Дискуссия об уровне развития России в начале XX века, продолжающаяся до сих пор, связана не столько с появлением новых данных, сколько с текущей политикой и манипулированием общественным мнением. Как и сто лет назад, это выражается в подборе индикаторов и базы для сравнения. Успехи и неудачи в развитии дореволюционной России становятся более понятными в сравнении с нынешними проблемами. История важна не только из праздного любопытства, ностальгии и для идеологического обоснования решений, но главным образом – для понимания пройденного пути и осмысления нынешней ситуации.

Легенда о фатальном отставании России

Можно смело утверждать, что представление о России как об отсталой и архаичной стране родилось не вчера. Поскольку от-

¹ Эко. – 2013. – № 12.

ставание от ведущих европейских стран фиксировалось на протяжении веков, получило широкое распространение мнение о бесконечном догоняющем развитии России, что последовательно объяснялось климатом, пространством, религией и особенностями национального характера. Любопытно, что подобная оценка была широко распространена по обе стороны российской границы с европейскими странами. Что касается западных интеллектуалов и общественного мнения, то к ним претензий нет. Уже в середине XIX века в Европе и многих других странах абсолютная монархия, государственный клерикализм и крепостное право считались дикостью. Нельзя забывать, что Россия на протяжении десятилетий была «жандармом Европы», по выражению А.И. Герцена. Кроме того, отечественные революционеры охотно принимались в европейских странах и могли открыто излагать свою точку зрения на российскую действительность. Определенную роль сыграло и империалистическое соперничество России с другими великими державами на Балканах, в Турции, Персии и Китае. Россия располагала наиболее многочисленными вооруженными силами в мире, что не способствовало росту доверия к ее политике.

Иностранец, попадавший в Россию, обычно был ошарашен бескрайностью просторов, невероятным разрывом между блеском имперской столицы и бурной жизнью небольшого числа городов, с одной стороны, и сонным существованием малых городов и местечек, убожеством деревенского быта в центральной части страны, с другой. Не последнюю роль играло и поведение значительной части наших соотечественников за рубежом. Марк Твен отмечал, что если вы хотите, чтобы в Германии или Швейцарии вас обслужили по первому классу, выдавайте себя за русских или румын, отличавшихся экстравагантным поведением и щедрыми чаевыми. Вместе с тем Россия представлялась европейской страной, а ее жители – в основном европейцами. Интерес к российской культуре и участие российских подданных и выходцев из России во всех аспектах европейской жизни подтверждают это.

Но широкое распространение представления об отсталости России внутри страны определялось совсем другими причинами. Разумеется, в XIX веке Россия отставала в своем технологическом и институциональном развитии от ведущих держав. Идее о фатальной отсталости России и бесконечном догоняющем развитии мы обязаны отечественным «западникам», которые переносили

силы критику отдельных архаичных институтов на все стороны общественной жизни, в отличие от представителей идеологии славянофильства, говоривших о своеобразии и самобытности идеологии и хозяйственно-бытового уклада и, следовательно, особом историческом пути России. Если Россия – особый мир со своими законами, то любые сравнения с другими странами теряют смысл, и проблема отставания снимается.

Приверженцы как традиционализма, так и западничества были далеко не однородны по своим устремлениям. К традиционалистам, помимо славянофилов, можно отнести крайних националистов, с одной стороны, и революционеров-народовольцев – с другой. К западникам можно отнести либералов, считавших необходимыми вестернизацию институтов, привлечение иностранных капиталов и специалистов, всемерную интеграцию России в мировые хозяйственные и культурные отношения, а также марксистов всех направлений, революционных и «легальных», по выражению В.И. Ленина.

Существует множество свидетельств современников, наглядно демонстрирующих отсталость России в начале XX века. Но свидетельства очевидцев не всегда следует принимать на веру. Во-первых, они могут фиксировать крайние случаи, возможно, нехарактерные для других частей такой огромной и разнообразной страны. Во-вторых, часто люди воспринимают относительные индикаторы как абсолютные. Например, более медленный рост доходов сельского населения по сравнению с городским может восприниматься как обнищание деревни. Наконец, современники часто не могут правильно оценить долгосрочные тенденции. В целом ужасающее положение рабочих в крупных городах постепенно улучшалось: они переезжали из казарм в отдельные комнаты или даже квартиры, но процесс затягивался на десятилетия. Медленно, но росла заработная плата даже наемных рабочих в сельском хозяйстве. Данные, подтверждающие рост благосостояния в сельской России, опубликовал С.Г. Струмилин, который показал, что средняя реальная заработная плата наемных рабочих в сельском хозяйстве выросла с 1890 г. по 1905 г. на 14%, что было бы невозможным при снижении доходов крестьян¹.

¹ *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. – М.: Наука. 1982. – 471 с. Рост доходов успешных хозяйств обгонял процессы разорения других семей и рост пролетаризации в сельском хозяйстве.

Либералы справедливо указывали на то, что отдельные реформы институтов шли медленно, непоследовательно и часто сменялись контрреформами. Именно это обстоятельство, по их мнению, сдерживало развитие производительных сил и рост продуктивности хозяйства. На обширном статистическом материале они доказывали, что отставание России от ведущих держав не только не сокращается, но и в некоторых областях увеличивается.

Другую цель преследовал революционный марксизм. В.И. Ленину и его последователям было необходимо объяснить, почему, вопреки предсказаниям К. Маркса, социалистическая революция должна произойти (и произошла) не одновременно в ведущих капиталистических странах, а в России – «слабом звене» капиталистических стран. В.И. Ленин обосновывал наличие в России сгустка противоречий и предпосылок социалистической революции именно отсталостью страны: сохранением феодальных пережитков в деревне, сверхэксплуатацией пролетариата, сконцентрированного в сравнительно небольшом числе промышленных центров, и фактическим статусом России как полукolonии западных держав. Эти идеи были в значительной мере восприняты многими зарубежными исследователями и публицистами.

Советские исследователи, политики и пропагандисты использовали тезис об отсталости России для обоснования чрезвычайных мер в экономике и социальной сфере в советский период. Действительно, если вы получили в наследство страну со слабой и однобокой промышленностью, отсталым сельским хозяйством и неразвитой транспортной инфраструктурой, неграмотным населением и т.д., то проблемы строительства социализма, да еще после разрушительной войны и во враждебном окружении вполне объяснимы. Равно как и неизбежны чрезвычайные меры для решения этих проблем. Любопытно, что в царской России было не принято при обосновании решений ссылаться на тяжелое наследство, доставшееся от предшественников, но это стало нормой в советский и постсоветский период.

Разумеется, представление о России как об особом мире с собственными законами развития, равно как и неизбежность вечного догоняющего развития, заставляющего вспомнить притчу об Ахиллесе и черепахе, являются не более чем идеологическими схемами, объясняющими и оправдывающими ту или иную политику.

Сравнения с другими странами. Немного о статистике

Оценки масштабов отставания России от передовых стран содержат немало лукавства. Сравнить Россию в целом с метрополиями других империй не совсем корректно. Вошедшие во все отечественные учебники истории данные о душевых объемах производства электроэнергии, металлов, а также плотности железных дорог, уровне урбанизации и грамотности населения и т.п. нужно воспринимать с осторожностью. Дело в том, что колонии Российской империи, в отличие от других стран, не были заморскими территориями. Если же сопоставить Российскую империю с Британской, Бельгийской, Голландской или Французской целиком, то сравнение по тем же показателям даст иные результаты.

Другим приемом стало сравнение России только с ведущими странами. Никто и не собирался сравнивать Россию с Португалией, Грецией, Османской империей или даже с Японией, не говоря уже о Китае. Сейчас в мире почти в пять раз больше стран, чем 100 лет назад. Тогда Россия входила в десятку наиболее развитых стран мира. Сейчас же она вынуждена довольствоваться скромным местом в шестом-седьмом десятке по душевым показателям. Оценки институционального развития и инвестиционного климата тогда не проводились, но вряд ли место России в мире и разрыв с другими странами были хуже нынешних.

Уровень технологического развития также трудно оценить, но Россия могла производить военные корабли всех классов, на что были способны не более полудюжины стран. Это же касается значительной части вооружений, технологический уровень которых вполне соответствовал зарубежным аналогам. Качество российской продукции промышленности и ремесел было достаточно высоким, что подтверждается медалями на международных выставках. Россия была единственной страной, вступившей в Мировую войну, имея тяжелую бомбардировочную авиацию, и т.д.

В огромной России было мало университетов – всего десять. Но уровень образования и профессиональной подготовки в них был не ниже европейского. Это подтверждается вполне эквивалентными обменами преподавателями и студентами, быстрым и качественным переводом научных работ на русский язык при том, что языковая подготовка в гимназиях была вполне приличной.

Многие российские ученые публиковались в зарубежных журналах, получали международные премии и признание.

Наука как область духовной жизни и творчества не могла не развиваться параллельно с изобретательством, литературой, живописью и другими сферами искусства. Значительные достижения в этих областях общеизвестны. Более того, многие ученые и изобретатели, оказавшись в эмиграции, внесли неоценимый вклад в развитие принявших их стран.

Кроме университетов в России было около 50 высших инженерных институтов. Количество и качество подготовки российских инженеров было таково, что после вступления США в войну в 1917 г. Россия командировала своих инженеров для налаживания массового производства вооружений. Реализация в России множества промышленных и инфраструктурных проектов в конце XIX – начале XX века, включая постройку Транссибирской магистрали, также подтверждает уровень подготовки инженеров.

Народное образование развивалось достаточно быстро, причем не только за счет государственных и муниципальных средств, но и за счет добровольных пожертвований и волонтерства. Даже критики режима признавали успехи в этой области. В чем действительно были огромные проблемы, так это в деле общественного здравоохранения. Относительная динамика показателей общей и детской смертности в сравнении с европейскими странами была явно негативной. Если в середине XIX века уровни общей и детской смертности незначительно уступали показателям Германии, Австро-Венгрии и Италии, то в начале XX века разрыв стал очень велик. В результате средняя продолжительность жизни в России была на 10–15 лет короче, чем в европейских странах. Неспособность России существенно снизить уровень детской смертности за 50 лет объясняется не только низкой доступностью медицинской помощи, но и антисанитарией как в городе, так и в деревне, низким качеством питьевой воды и практически отсутствием контроля за качеством продуктов питания.

При оценке уровня развития России следует помнить и об эффекте масштаба. Поскольку население России уступало по численности только Британской империи и Китаю, абсолютная численность городского населения, среднего класса, число грамотных были весьма велики. Накануне Мировой войны Россия стояла на четвертом месте среди промышленно развитых стран, была крупнейшим производителем и экспортером сельскохозяй-

ственной продукции¹, а ее промышленное производство примерно равнялось показателям Австро-Венгрии. Низкая плотность железных дорог объяснялась размерами территории. По темпам железнодорожного строительства страна входила в число лидеров. Кроме того, Россия имела самый большой в мире речной флот.

Среднегодовые темпы прироста валового выпуска в России с 1885 г. по 1913 г. составляли 3,3%. Среди развитых стран только США, Канада, Австралия и Швеция демонстрировали темпы роста, сопоставимые с российскими. Для сравнения: максимальные темпы прироста валового выпуска в СССР наблюдались в период индустриализации с 1928 г. по 1940 г. и составили 5,1%. Если учесть, что в период с 1913 по 1928 г. среднегодовые темпы прироста были нулевыми или даже отрицательными, то долгосрочные темпы прироста практически не претерпели существенного изменения.

Экономика России росла экстенсивно как в досоветский, так и в советский периоды, но эффективность использования факторов производства в дореволюционное время увеличивалась быстрее, чем в период индустриализации².

История с демографией

Во второй половине XIX века Россия вступила в длительный период демографического перехода, который завершился на большей части страны только в середине XX века. Быстрый рост численности населения сам по себе был показателем роста производства и доходов населения. С другой стороны, быстрый рост населения приводил к более медленному росту относительных показателей в сравнении с абсолютными. Объем производства на душу населения в 1913 г. составлял около 40% от французского и немецкого, 20% английского и 1/6 американского³. Среди ведущих стран по показателю доходов на душу населения Россия превосходила лишь Японию⁴.

¹ Только в США в 1913 г. было произведено больше зерна. См.: *Грегори П.* Цит. соч. – С. 21.

² *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 76, 81–82.

³ Заметим, что в настоящее время уровень производительности труда в России в сравнении со странами ЕС колеблется от 20 до 70% по различным отраслям и в целом составляет менее половины.

⁴ *Грегори П.* Указ. соч. – С. 2.

За период с 1885 г. по 1904 г. население выросло в 1,3 раза, а среднегодовое производство зерна – менее чем в 1,6 раза. Таким образом, были ресурсы и для роста внутреннего потребления, и для экспорта. Голод, периодически охватывавший ряд губерний, был связан скорее с неразвитостью рынков и транспортной инфраструктуры. Напомним, что большинство европейских стран избавилось от периодического массового голода в мирное время только в середине XIX века благодаря развитию импорта продовольствия и массовой эмиграции.

Ежегодный прирост населения России в начале XX века составлял примерно 1 млн человек. Высокий уровень эмиграции (свыше 3 млн человек за 1897–1916 гг., или около 100 тыс. в год) затрагивал главным образом западные губернии и определялся в основном национальными и религиозными факторами. Города поглощали порядка 300 тыс. человек в год. Скорее всего, эти данные преуменьшают темпы урбанизации, поскольку не включают временную работу (отхожий промысел) и индустриализацию сельских поселений, не имевших статуса города. С другой стороны, в советское время темпы урбанизации искусственно завышались путем включения в городскую черту окрестных поселений и придания статуса рабочих поселков крупным селам.

Массовая миграция населения в города оказывала давление на рынках труда, что приводило к замедлению роста как заработной платы, так и квалификации и производительности труда. Кроме того, как отмечалось выше, делало неизбежным экстенсивный характер экономического роста.

Быстрый рост численности сельского населения приводил к росту малоземелья в крестьянских хозяйствах, что сдерживало рост его продуктивности и доходов семей. Поэтому колонизация слабозаселенных районов Азиатской России представлялась приоритетной задачей. С 1900 г. по 1914 г. восточнее Урала переселилось около 4,7 млн человек. В том числе после 1907 г. – 3,1 млн.

Масштабы миграции в России в начале XX века превышают наиболее крупные проекты сельскохозяйственной колонизации в новейшее время. Заселение причерноморских степей в последней четверти XVIII века привело к миграции 2 млн человек в течение 20 лет, что примерно равнялось числу переселенцев первой волны освоения Великих прерий в США в первой половине XIX века. Освоение целинных земель в Западной Сибири и Казахстане в 1954–1960 гг. потребовало переселения также около 2 млн чело-

век. Более того, переселения в 1907–1914 гг. превосходят по масштабам миграцию в связи с индустриальным освоением Урала и Сибири в межвоенное время. При близких количественных оценках следует учесть, что в ареал индустриализации был также включен Южный Урал, не рассматривавшийся в качестве региона колонизации в дореволюционное время¹.

Немного о государственном управлении

Россия, безусловно, была бюрократическим и полицейским государством. Николай I даже как-то пошутил, что страной управляет не император, а столоначальники. Хотя в России число чиновников в расчете на 1000 человек населения и было несколько выше, чем в других странах Европы, но отличие было невелико. Другое дело, что перечень государственных услуг в России тогда был гораздо уже, чем в большинстве стран Европы. Что касается численности чиновников, то в 1913 г. их было на порядок меньше, чем в настоящее время, при вполне сопоставимой численности населения. Разумеется, перечень государственных услуг и функций государства, сложность государственного управления и информационные потоки внутри государственной системы за 100 лет возросли многократно, но эффективность бюрократической машины в сравнении с другими странами, скорее всего, значительно снизилась. Главной причиной здесь видится постоянное изменение структуры управления и правил игры в настоящее время в сравнении с высокой устойчивостью формальных институтов в Российской империи и преобладанием целей экономической политики даже в периоды реформ.

Там, где бюрократия, там и коррупция. Вспомним хотя бы бессмертные произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина или знаменитое «воруют». Уровень коррупции был, несомненно, достаточно высоким, но он, как ни странно, мало сказывался на темпах экономического роста и предпринимательской активности. Государство мало вмешивалось в экономические процессы. Даже такие барьеры, как обязательное утверждение устава акционерных обществ императором, не сильно сдерживали процессы накопления и концентрации капиталов. Более серьезной проблемой было

¹ *Марианский А.* Современные миграции населения. – М.: Статистика, 1969. – С. 150–153.

вытеснение частных капиталов государственным, что, собственно, и питало коррупцию.

Широко распространены уничижительные оценки современников по поводу профессиональных, организационных и деловых качеств высших сановников империи и генералитета. Достаточно почитать едкие характеристики государственных мужей в мемуарах С.Ю. Витте¹. Но несомненные экономические и, частично, социальные успехи страны в 1885–1913 гг. не могут быть объяснены усилиями только отдельных людей. Как минимум они имели достаточное количество толковых сотрудников, помощников и исполнителей, а те бездари и интриганы, которых всегда хватало в государственных структурах, не могли им существенно помешать.

Полицейский характер государства был очевиден для современников. Начало централизованной системы политического сыска положил, по-видимому, еще Алексей Михайлович Романов (Тишайший), создавший Приказ тайных дел. Далее функции политической полиции выполняли Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Тайная экспедиция, Министерство внутренних дел. Кроме того, в распоряжении губернаторов были собственные структуры тайной полиции.

Новый этап в развитии «правоохранительных органов» связывается с учреждением III отделения собственной его императорского величества канцелярии 3 июля 1826 г. и назначением ее главным начальником шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа². А.И. Герцен определил создание III отделения как организацию «вооруженной инквизиции, полицейского масонства, имевшего во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев, слушающих и подслушивающих»³. Он говорил, что эта «центральная контора шпионажа» стоит вне закона и над законом⁴. Справедливости ради следует заметить, что в начале XX века подобную характеристику вполне заслужили аналогичные структуры и большинства других стран, например Германии или Австро-Венгрии.

¹ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.

² *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1980 гг.). – М.: Мысль, 1982. – 207 с.

³ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т., т. XVII. – С. 210–211.

⁴ *Оржеховский И.В.* Указ. соч. – С. 5.

Развернутую картину методов работы сыска и репрессий представляет в своих произведениях С.М. Степняк-Кравчинский¹, общественный резонанс которых в то время можно сравнить только с «Архипелагом ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Разумеется, количество правоохранительных структур и численность полиции, отдельного корпуса жандармов и т.п. не шли ни в какое сравнение с нынешним уровнем. Хотя надзор за состоянием умов был на высоком уровне, превентивные действия полиции были разнообразны, а политические партии и революционные группы кишели осведомителями и провокаторами. Но, как показали последующие события, выполнить свою главную функцию эта система не смогла.

Политика П.А. Столыпина

В настоящее время, когда спрос на охранительную идеологию и жесткие методы подавления оппозиции возрос, а проблема общественной поддержки политики государства обострилась, наблюдается рост интереса к деятельности высших должностных лиц империи. Например, П.А. Столыпину воздаются почести, немислимые 100 лет назад. Оценки деятельности П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел и главы Правительства Российской империи разительно разнятся как у современников, так и в последующих работах историков, экономистов, публицистов и политиков. В.И. Ленин дал однозначную характеристику, присвоив ему кличку «вешатель», и объявил провал аграрной реформы и переселенческой политики. Отрицательно к политике П.А. Столыпина относились Л.Н. Толстой, С.Ю. Витте, И.Е. Репин и многие другие авторитетные современники. Тем интереснее обратиться еще раз к оценке политики этого деятеля, которая фактически продолжалась и после его гибели.

На высших государственных постах П.А. Столыпин решал две задачи: подавление революции и устранение ее предпосылок. Под последним он понимал создание класса «чумазных лендлордов» (по его собственному выражению), которые стали бы еще одной опорой монархии наряду с казачеством, армией, полицией и мелкой городской буржуазией. Революция 1905–1907 гг., вылившаяся в восстания, терроризм, а иногда – в простую уголов-

¹ *Степняк-Кравчинский С.М.* Соч. в 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. – М.: Художественная литература, 1987. – 575 с.

щину, была подавлена, но задача создания массовой общественной поддержки режима осталась, как показали последующие события, невыполненной.

С именем П.А. Столыпина связано введение военно-полевых судов и расширение применения смертной казни, изменение закона о выборах, позволившее получить думское большинство, и ограничение автономии Финляндии, отказывавшей в выдаче подозреваемых в революционной деятельности. Сама Дума была перегружена принятием второстепенных актов, чтобы меньше «бузила». Были предприняты усилия по устранению правовой асимметрии в Российской империи, выразившиеся в изменении управления в западных губерниях. П.А. Столыпин предпринял определенные шаги в решении так называемого «еврейского вопроса» и эмансипации евреев. Во всяком случае, после 1907 г. погромы практически прекратились.

Экономическая политика П.А. Столыпина и механизмы взаимодействия властей и бизнеса практически не изменились со времен С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкина, равно как внешняя и внешнеэкономическая политика.

Аграрная политика, направленная на разрушение общины и укрепление института мелкой частной собственности на землю, была в целом успешной, хотя, как показывают современные работы, институт общины фактически мало препятствовал развитию института частной собственности¹.

Особенно важными были и запоздалые решения об отмене выкупных платежей и активизации работы Крестьянского поземельного банка. В то же время с позиций продуктивности сельского хозяйства, как показывают опубликованные данные, революции не произошло. Возможно, из-за того, что повышение продуктивности происходило с большим запаздыванием.

Важно, что переселение начала XX века сопровождалось и ростом сельскохозяйственного производства в местах выхода крестьян. Это говорило о том, что действительно решалась проблема аграрного перенаселения. Сравнение аграрной колонизации с освоением целинных земель в 1954–1960 гг. – не в пользу последнего. Освоение целины потребовало более четверти инвестиций в сельское хозяйство всей страны, что привело к его недоинвестированию в других районах и в дальнейшем привело к деградации

¹ Грегори П. Указ. соч. – С. 53–54.

сельского хозяйства и системы расселения в ряде центральных областей РСФСР.

Следует отметить, что реализация переселенческой политики П.А. Столыпина была бы невозможной без строительства Транссибирской магистрали при его предшественнике С.Ю. Витте, подобно тому, как вторая волна колонизации Среднего Запада США и канадских прерий прошла после строительства железных дорог. Это показывает, что даже при отсутствии Госплана и Госснаба в тогдашней России со стратегическим планированием, экономической и региональной политикой дело обстояло вполне благополучно.

Вместо заключения

В 1913 г. Россия была менее развитой страной в сравнении с тогдашними странами-лидерами, но уже относилась к числу развитых стран. Институциональные проблемы, высокая степень монополизации, бюрократическое вмешательство и коррупция, по-видимому, негативно сказывались на темпах экономического роста, но в целом не смогли его сдержать, что подтверждается количественными оценками и динамикой изменения структуры экономики. Запоздалая аграрная реформа лишь частично изменила ситуацию: просто не хватило времени. Экономику дореволюционной России следует признать в большей степени рыночной, чем современную. Другими словами, институты рыночной экономики функционировали более эффективно, решения в большей степени принимались децентрализованно, а цены в большей степени устанавливались в результате функционирования рыночных механизмов.

1.2. Россия в 1915 году¹

В своем романе «Красное колесо» А.И. Солженицын не рассматривал события 1915 года как отдельный «узел». Наверное, зря, поскольку события именно этого года предопределили перелом в общественном сознании страны, что, в конечном счете, привело к тому, что А.И. Деникин назвал крушением власти и армии. В центре внимания этой статьи эволюция общественного сознания, как «общества», так и «народных масс». В статье опущены ссылки на источники, поскольку они существенно усложнили бы чтение.

¹ ЭКО. – 2015. – № 4.

Почему была невозможна большая европейская война

Еще в 1913 году большая война в Европе была невозможна. Что бы потом ни писали советские историки о межимпериалистических противоречиях и территориальных амбициях ведущих держав, война была немыслима. Во-первых, экономическая взаимосвязанность национальных экономик (сейчас бы сказали – экономическая интеграция) была столь велика, что даже перекрытие таможенных границ привело бы к грандиозным сбоям и экономическому коллапсу. Неизбежное в случае войны нарушение поставок из собственных и чужих колоний поставило бы многие страны на грань выживания.

Интернационализация жизни – смешанные браки, научные и студенческие обмены, туристические и деловые поездки представителей быстро растущего среднего класса, не говоря уже о династических и родственных связях королевских семей и родовой аристократии – делали войну невозможной. Расцвет социалистических и пацифистских движений и соответствующих настроений в обществе и парламентах дополняли картину. Европа неотвратимо пропитывалась демократическими, социалистическими, эгалитарными и интернационалистскими идеями. Это происходило и в России. В.И. Ленин писал в 1913 г., что выборы в IV Думу показали общее полевение страны, банкротство третьей ионьской политики царизма и наступление полосы открытой революционной борьбы масс.

Но помимо экономических и социально-политических соображений были и военно-технические факторы. Авиация, радио, телефон и телеграф исключали возможность скрытного сосредоточения войск. Железобетонные укрепления современных крепостей, пулеметы и мины делали невозможными наступательные операции. С другой стороны, прогресс в тяжелой артиллерии позволял взламывать любую оборону. Железные дороги и автомобили позволяли перебрасывать огромные массы войск. Система всеобщей воинской повинности позволяла создавать невиданные в истории армии (за время войны было мобилизовано 74 млн человек). Все это крайне затрудняло планирование и осуществление военных операций, создавало такие неопределенность и риски, которые были явно неприемлемы.

Наконец, искусство дипломатии и умение находить компромиссы в большом числе локальных конфликтов в прошлом вну-

шали уверенность, что войны можно всегда избежать. Тем более что история учила, что результатами войны могут легко воспользоваться третьи страны, особенно нейтральные. И победить в войне вовсе не означает выиграть мир. Примеров тому было множество.

Соперничество между великими державами и войны могли бы происходить и происходили на периферии цивилизованного мира: в Азии, Африке, в крайнем случае, на Балканах. Даже такие значимые события, как предоставление независимости Норвегии или марокканский кризис, обходились без кровопролития.

Подобно тому, как советские историки вслед за В.И. Лениным убедительно доказывали историческую неизбежность Мировой войны исходя из классовых и экономических интересов, серьезные аналитики в начале 1914 года считали вероятность подобных событий низкой исходя из экономических и других соображений. Война вообще очень дорогое удовольствие, а большая война – неподъемное предприятие. Потребовалось бы пожертвовать не просто комфортом для небольшой части населения, а смириться с обнищанием широких масс, нехваткой рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства, мобилизацией тяглогового скота, падением производства и доходов, нехваткой простейших продуктов, ростом цен и т.д. В конечном счете это неизбежно привело бы к политическому кризису и/или социальному взрыву.

Техническая представлялась возможной мобилизация миллионов мужчин и перевод промышленности на военные рельсы. Но как прокормить и вооружить эти армии, снабжать оружием и боеприпасами, какой эффект в обществе вызовут известия о десятках или даже сотнях тысяч убитых, как вывезти и лечить сотни тысяч раненых? Нет, большая война в Европе была невозможна. Но даже если бы она и началась, то продлилась бы не дольше нескольких месяцев, поскольку и экономически и психологически общество не выдержало бы дольше.

Война началась

Историки давно выяснили причины Первой Мировой войны и буквально по часам восстановили цепь событий, которые привели к тому, что произошло на самом деле. Большинство населения стран, вступивших в войну, встретило ее, если судить по газе-

там, с большим энтузиазмом. Люди охотно верили, что их страна ведет благородную и справедливую освободительную войну против вероломного агрессора. Вступившие в войну страны отменили обмен бумажных денег на золото, а их парламенты дружно проголосовали за военные кредиты.

В городах России, как впрочем и многих других стран, прошли массовые манифестации, тысячи людей пошли на фронт добровольцами, начались пожертвования и развертывания госпиталей для раненых. Были немецкие погромы, а притеснения евреев, наоборот, резко сократились. Хотя немецкие общины демонстрировали свою лояльность, а в католических и лютеранских храмах молились за здоровье императора и победу русского оружия, это слабо сказывалось на патриотических настроениях.

Само слово «немцы» было вытеснено «германцами», «тевтонами» или даже «гуннами» (во Франции использовался термин «боши»). Пошли сообщения о страшных зверствах, творимых солдатами германской и австро-венгерской армий против мирного населения и военнопленных по контрасту с рыцарским и гуманным поведением отечественных воинов. Хотя все образованные люди знали о тесных союзнических отношениях России с Австро-Венгрией и Пруссией в середине XIX века и в более ранние времена, в общественном сознании была внедрена мысль о том, что исконной целью этих держав всегда было унижение, расчленение и уничтожение России, притеснение славян и православных. В многочисленных публикациях образ врага был двойственным: в нем совмещались патологическая агрессивность и фатальная трусость, изнеженность и грубость, доходящая до скотства, военная и технологическая мощь и откровенная слабость.

В патриотическом порыве профсоюзы отменяли забастовки, торговцы отказывались от немецких товаров, а 31 августа 1914 года Николай II объявил о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград. Невозможное становилось возможным.

Разгром армии А.В. Самсонова при Танненберге и другие неудачи в Восточной Пруссии не означали катастрофы, особенно в условиях коалиционной войны. На других фронтах ситуация была обратной. В Галиции был занят Львов (Лемберг), блокирована крепость Перемышль, было отражено сентябрьское наступление австро-германских войск на Варшаву и нанесено им поражение. Определенные успехи были и на турецком фронте.

По итогам осенней кампании выяснилось, что война приняла затяжной характер, и к такой войне все страны оказались не готовы. Довоенные запасы были быстро истощены, промышленность не успевала удовлетворять потребности армии, военные потери были огромны, рабочих рук не хватало, кто-то сделал огромные состояния на военных заказах, многие заметно обеднели, появилось множество беженцев.

Год 1915-й

За зиму России вроде бы удалось подготовиться к новой военной кампании. В марте 1915 года 120-тысячный гарнизон крепости Перемышль капитулировал. Но потом начались неудачи. Войска центральных держав ликвидировали угрозу прорыва русских армий на венгерские равнины и попытались устроить «Канны» под Варшавой. В результате русская армия отступила по итогам кампании на 200–300 км, были оставлены Львов, Варшава, Либава, Модлин и множество мелких населенных пунктов. Правда, в отличие от предыдущего года, ни одно соединение не попало в окружение. Но потери армии были огромны – около 300 тыс. человек только убитыми. Этот период войны некоторые журналисты окрестили «великим бегством», газеты писали о дорогах, забитых беженцами. Стали распространяться слухи, а потом и разговоры о предательстве, шпионаже, некомпетентности военного руководства.

Во всех воюющих странах шло разрушение рыночной экономики и ее институтов, сделавших Европу столь богатой, передовой и привлекательной во всех отношениях. Конкуренция все больше замещалась искусством лоббирования и коррупцией, в сельском хозяйстве внедрялись принудительные планы по объему посевных площадей и обязательной сдаче урожая по фиксированным ценам. Естественно, эти планы разверстывались в соответствии с территориально-административным делением стран, исходя из любых соображений, кроме экономической целесообразности. Такая система неизбежно приводила к снижению издержек и ухудшению обработки земли. Уже через год имела место технологическая деградация сельского хозяйства, которое и без этого страдало от нехватки рабочих рук и лошадей. Несмотря на принятые меры и благодаря им, урожаи сокращались. Так, в Германии в 1916 г. урожай картофеля снизился вдвое, и его заменяли брюквой.

Была введена сначала в Германии, а потом и в других странах карточная система на основные продукты питания. В России такая система была введена только в 1916 году, поскольку экспорт практически прекратился, в начале войны цены падали, а нехватка продовольствия стала ощущаться гораздо позднее, чем в других странах. Постепенно стало вводиться рacionamento основных видов сырья и материалов, выделялись государственные кредиты на создание производственных мощностей по производству военной, а потом и просто дефицитной продукции, всякого рода импортозамещение.

Вводились элементы милитаризации труда, выразившиеся в запрете забастовок, пресечении «незаконных» требований рабочих, запрете на смену места работы для определенных категорий. Фактически речь шла о внедрении системы принудительного труда. Как известно, ничто так не способствует имущественному и социальному расслоению, как инфляция. А она по понятным причинам, в том числе и благодаря рационированию, государственным заказам и кредитам, росла невиданными ранее темпами.

Во всех странах принимались экстраординарные меры по снабжению армий вооружением и припасами. Для этого создавались специальные органы: в Германии «Военное управление» получило неограниченные полномочия по руководству промышленностью в части регламентации производства продукции и технологических процессов, в Англии Министерство вооружения получило право конфисковать любое предприятие, необходимое для производства военной продукции.

В России в 1915 году было создано «Особое совещание по обороне», в функции которого вошли надзор за деятельностью всех государственных и частных промышленных предприятий, организация снабжения армии, распределение заказов и контроль за их исполнением. Были созданы и другие особые совещания, решавшие проблемы снабжения продовольствием, топливом и транспортом. Еще в 1914 г. на волне патриотического подъема были созданы общественные организации, сначала занимавшиеся созданием госпиталей, а потом мобилизацией мелкой и кустарной промышленности для нужд войны. Через какое-то время «Земгор» – союз земств и городов – превратился в бюрократическую структуру с особыми интересами.

Основным результатом рационирования был упадок промышленности и сельского хозяйства и расцвет коррупции в не-

виданных ранее масштабах. В 1915 году в России для этого были созданы все институциональные предпосылки. Когда в следующем году была введена карточная система, мгновенно возник черный рынок, перебои поставок и постоянное снижение норм выдачи. За годы войны покупательная способность рубля упала примерно в 3 раза, государственный долг вырос с 8,8 в 1913 до 50 млрд рублей в 1917 году. Растущий внешний долг, поставки стратегического сырья и вооружений со стороны союзников лишали военные и гражданские власти самостоятельности в принятии решений, что явно ограничивало суверенитет страны.

Уже в 1915 г. лазареты покинули сотни тысяч инвалидов, которые разъехались по стране. Офицеров уже не встречали аплодисментами, а солдат на фронт не провожали цветами. Возобновились забастовки. В Костроме и Иваново-Вознесенске полиция и войска применили оружие. В следующем году бастовали уже сотни тысяч, среди лозунгов появился «Долой войну». Также в 1916 году начались волнения в деревне, переходящие в погромы и бунты, начались волнения на национальных окраинах, особенно в Туркестане на территории нынешнего Казахстана.

Перевод экономики воюющих стран на военные рельсы, первоначально наиболее успешный в Германии, постепенно охватывал остальные страны. В Англии к концу войны недельное производство боеприпасов превышало довоенные запасы. В России в 1916 г. военная промышленность достигла пика производительности. К весне 1917 г. были созданы новые армии, обеспеченные снаряжением и боеприпасами лучше, чем когда бы то ни было до этого за всю войну. Российских запасов вооружения и боеприпасов фактически хватило еще и на два года гражданской войны.

В 1915 г. на основных фронтах началась окопная война, во всех воюющих странах были уничтожены практически полностью предвоенные запасы вооружения, стратегические запасы и предвоенная кадровая армия, проведена мобилизация экономики. В этих условиях исход войны зависел только от соотношения экономической мощи сторон и способности властей контролировать ситуацию в стране.

Из истории мы знаем, как ошибочные решения порождали цепную реакцию вынужденных мер, корыстные интересы и амбиции брали верх над рациональными расчетами. Недооценка ситуации и возможных действий потенциального противника и переоценка собственных возможностей, ошибочное представление о стабильности общественных настроений и степени лояльности населения приводили к роковому запаздыванию с принятием необходимых решений. Наоборот, скоропалительные и паллиативные решения делали неизбежными дальнейшие шаги, лишь усугублявшие ситуацию. Неспособность властей и отдельных ее представителей признавать собственные ошибки и боязнь потерять лицо привели страну к катастрофе. Немаловажную роль в развитии событий играли метаморфозы настроений и оценок в обществе, в которых победы были неотличимы от поражений, а потери смешивались с достижениями.

1.3. Россия в XX веке. Цена революции¹

Гражданские войны вызываются людьми, воображающими, что их личное неудовлетворительное положение может быть лучше всего исправлено всеобщей разрухой.

*Уильям Петти, врач, экономист
и политический деятель XVII в.*

Столетие, прошедшее после драматических событий 1917 г., – повод для размышлений над результатами и последствиями революций вообще и российской в особенности. На мой взгляд, революция в России была неизбежной. Свидетельства тому – предшествовавшие ей попытки реформирования государственного и социального устройства, предпринимавшиеся в начале XX века («революция сверху»), обострение противоречий в условиях войны. Кроме того, что население Российской империи было очень молодо, а молодежь склонна к радикализму, многие народы, населявшие окраины империи, противились русификации и боролись за автономию и независимость. Наконец, в начале XX века российская экономика развивалась достаточно быстро, но плодами экономического роста могли воспользоваться немногие.

¹ Эко. – 2017. – № 11.

Накануне

Россия была страной олигархического капитализма: с засильем монополий, сращиванием власти и богатства, вопиющим социальным и имущественным неравенством. В разных слоях общества были популярны социалистические идеи – от марксизма и анархизма до христианского и прусского социализма. Наконец, слабый император, не способный контролировать двор и семью, допустивший кадровую чехарду в Правительстве и вмешательство странных личностей в решение государственных вопросов, не доверяющий никому и потому постоянно попадающий под чье-то влияние. Все это гарантировало рост популярности радикальных идей и методов борьбы за власть. Сложился общественный консенсус вокруг простой формулы «Так дальше жить нельзя».

Сами по себе революция 1917-го и предшествующие ей события вряд ли могли сравниться по своему влиянию на макроэкономические показатели развития страны с процессами, запущенными в ходе Первой мировой войны. Грабежи и беспорядки, забастовки, демонстрации, митинги и т.п., конечно, повлияли на дезорганизацию экономической жизни, но последующие сознательные действия Советского правительства, которые казались вынужденными или выдавались за таковые, привели к экономической катастрофе. На фоне дальнейших событий революция 1917 г. выглядела просто «праздником непослушания».

Прежде всего, следует выделить экономические последствия экспроприации и национализации банков, всей финансовой сферы и промышленных предприятий. В результате денежное обращение было разрушено, заводы останавливались из-за нехватки сырья и полуфабрикатов, шахты были затоплены. Попытки многочисленных советов, не подчинявшихся друг другу, рационализировать материальные потоки приводили к хаосу.

Другим последствием революции стала Гражданская война. В. И. Ленин задолго до революции выдвинул лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую». Возможно, тогда он и не подозревал, насколько был прав. Без Гражданской войны советская власть не удержалась бы. Расстрелы и реквизиции, без которых невозможно было, по словам Н. Бухарина, воспитать нового человека, органично вписывались в Гражданскую войну и одновременно провоцировали ее. Это подтверждается тем фактом, что открытое недовольство политикой Советско-

го правительства и массовые восстания заметно активизировались после разгрома основных белых армий в 1920 г., что и привело впоследствии к отказу от политики военного коммунизма и переходу к нэпу.

Поначалу Россия не хотела участвовать в Гражданской войне, и потребовались месяцы террора, включая уничтожение царской семьи, массовые расстрелы заложников и т.п. для того, чтобы привычка убивать, выработанная на фронте, переросла в массовое озверение, описанное не только в материалах следственных комиссий и трудах историков, но и в художественной литературе¹. Потери населения на территории, оставшейся в границах советской России, оцениваются более чем в 12 млн человек, т.е. без малого 9% населения, из которых половина умерли от голода и болезней, 2,5 млн эмигрировали, и более 2 млн стали жертвами террора. Гражданские войны носят характер религиозных и отличаются большей жестокостью в отношении противника и мирного населения. Революции и гражданские войны обязательно вызывают массовую эмиграцию, затрагивающую высшие слои общества, как правило, более образованные и активные. Например, после американской революции до 10% населения (так называемые лоялисты) переселились в Канаду, то же произошло после английской или французской революций.

Наивно было бы предполагать, что террор прекратился после окончания войны. Раскачивание перешло в раскулачивание, которое сменилось политическими процессами, плавно перешедшими в так называемый «большой террор», и так до смерти И.В. Сталина. После этого террор стал уже индивидуальным, чего многие до сих пор не могут простить последующим правителям. И, как и в годы Гражданской войны, убыль населения и деградация человеческого капитала перед Второй мировой войной определялись не только и не столько физическим уничтожением, сколько голодом и болезнями, которые стали средством воспитания нового человека.

Одновременно с ликвидацией рыночных институтов, включая частную собственность, уничтожением имущих классов и максимальным упрощением социальной структуры общества Со-

¹ Настоятельно рекомендую, помимо прочих, прочитать роман Артема Веселого «Россия, кровью умытая», написанный на основе воспоминаний участников событий (М.: Современник, 1989. – 508 с.).

ветское правительство приступило к внешней экспансии. Мировая революция требовала дополнительной мобилизации внутренних ресурсов и использования их вне страны. Политика послереволюционной экспансии неоднократно встречалась в истории, начиная с английской и французской революций до китайской и иранской в новейшее время.

Но в случае России курс на мировую революцию был провозглашен изначально, и к его реализации приступили незамедлительно еще до провозглашения Коминтерна в 1919 г. В эту политику укладывались и поддержка коммунистических и национально-освободительных движений, и прямое участие в конфликтах по всему миру, подготовка и участие СССР во Второй мировой войне, и политика противостояния двух систем в период «мирного сосуществования», и многое другое.

Участие СССР во Второй мировой войне привело к тяжелым потерям и невиданной убыли населения, которые связаны, в том числе, с многочисленными просчетами политики Советского правительства в довоенный период. Историки до сих пор спорят о масштабах людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны, и оценки находятся в диапазоне от 25 до более 40 млн человек, в зависимости от методики подсчета демографических потерь. Кроме того, СССР потерял в годы войны до 30% национального богатства. Сравнение с потерями в Первой мировой войне, когда руководство страны и армии обвиняли в некомпетентности, а то и в прямом предательстве, приводит к неутешительным для советской системы выводам.

Неравенство

Как и многие иные, российская революция шла под лозунгами восстановления справедливости, борьбы за свободу, равенство и братство. Историко-экономические исследования фиксируют огромное имущественное расслоение и высокую дифференциацию доходов в дореволюционной России. Национализация и экспроприация, нормирование потребления, перераспределение жилого фонда в пользу городской бедноты после революции, казалось, должны были резко снизить имущественное неравенство и дифференциацию доходов. И статистика вроде бы это подтверждает. Проблема видится в том, что в условиях развала системы денежного обращения, нормирования распределения и прямого

продуктообмена все эти расчеты превращаются в фикцию. И. Эренбург иронично писал: «Чем эта шикарная лестница пайков, от восьмушки хлеба до бутербродов с икрой, хуже шестнадцати классов нашего несчастного друга?»¹. Вообще в системе, в которой отношения собственности по владению, распоряжению и использованию разделены, а цены устанавливаются директивно, исходя из политических и иных целей, говорить о распределении богатства и доходов в общепринятом смысле достаточно бессмысленно. НЭп не столько создавал имущественное расслоение, сколько переводил его из латентной в явную форму. На протяжении всего периода существования СССР дифференциация денежных доходов слабо отражала реальные различия в уровне и качестве жизни разных групп населения.

С середины 1950-х годов отношения владения, распоряжения и использования постепенно начинают сближаться. Причин тому множество: от роста защищенности номенклатуры и изменений в кадровой политике до экономических реформ и деградации плановой системы. Интересно, что одним из главных требований общественных движений периода перестройки и гласности стала борьба с привилегиями. Другими словами, в общественном мнении сформировалось представление не только о высокой дифференциации реальных доходов, но и о несправедливости такой системы.

Расчеты, проведенные на основании имеющихся данных, показывают, что доля доходов верхних 1% и 10% населения России действительно резко сократилась с 18% и 47% в 1905 г. до менее 4% и 23% в 1925 г., но потом выросла до 6% и 26% к 1955 г.².

Некоторое снижение дифференциации доходов в 1955–1985 гг. можно объяснить как ростом среднего класса, так и постепенным нарастанием дефицита потребительских товаров и развитием теневого сектора, что делает оценки менее надежными. Но взрывной рост неравенства в доходах после 1985 г. представ-

¹ Имеется в виду один из героев романа, месье Дэле, прейскурант которого на похоронные услуги включал 16 классов, в зависимости от цены. См.: *Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников.* Собр. соч. в девяти томах, Т. 1. – М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962.– 534 с., С. 175

² *Novokmet F, Piketty T., Zucman G.* From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge.– MA, USA, 02138.– 2017.– Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>

ляется вполне адекватным. В результате 1% наиболее богатого населения страны в 2015 г. располагал 20% доходов, а верхние 10% получили 47% всех доходов. Это несколько меньше, чем в предкризисном 2005 г., но выше, чем в дореволюционной России¹. Высокая дифференциация доходов, помимо ощущения несправедливости, создает барьеры для экономического роста и социальной мобильности.

Следует отметить, что общественное восприятие дифференциации доходов зависит, по крайней мере, от двух факторов. Во-первых, с ним тем легче мириться, чем богаче страна. Поскольку средние доходы в современной России несколько выше, чем во времена СССР и, тем более, в дореволюционной России, то неприятие существующего положения ограничивается в основном словесной критикой. Во-вторых, отношение к высокой дифференциации и низкому уровню доходов у большинства населения тем мягче, чем выше социальная и профессиональная мобильность. Это объясняет, почему в довоенное время и в 1990-е годы сохранялась относительная стабильность в обществе, несмотря на резкое падение доходов у большей части населения. Высокая социальная мобильность в 1930-е годы и в послевоенное время, вызванная главным образом массовыми репрессиями, до сих пор является предметом гордости сторонников советской власти, равно как и стабильность в период экстенсивного роста в последующие годы.

Разумеется, большой вклад в поддержание социальной стабильности, помимо роста доходов и снижения их дифференциации, вносят репрессии, идеологическая обработка населения, демонстрация отдельных успехов, мобилизация в борьбе с внешними и внутренними врагами и многое другое, но условия жизни, перспективы их улучшения и сравнение собственного положения с положением других играют очень важную роль. Смещение в памяти периодов высокой социальной мобильности и социальной стабильности является основным источником ностальгии по советской эпохе. Советские люди были чем-то похожи на персонажей Льюиса Кэрролла из «Алисы в Зазеркалье», которые хорошо знали будущее, путались в настоящем и ничего не знали о прошлом.

¹ *Novokmet F, Piketty T., Zucman G.* From soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National bureau of economic research, Cambridge.– MA, USA, 02138.– 2017.– Aug. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>

Опыт альтернативной истории

Многие экономисты увлекаются историей. Это неудивительно, поскольку они работают со статистикой, которая отражает то, что уже произошло. Кроме того, они пытаются выявить причинно-следственные связи и объяснить события и их последствия. Наконец, экономисты пытаются понять общество, в котором они живут, и объяснить тенденции его развития.

Разумеется, история в той мере, в которой она остается наукой, не терпит сослагательного наклонения. Но продолжающиеся идеологические споры вокруг истории нашей страны, в частности вокруг революционных событий вековой давности, делают неизбежным обсуждение их социально-экономических последствий. Следует сразу оговориться, что дискуссия о революции и ее последствиях носит идеологический характер, и истина в ней родиться не может.

Экономисты оценивают события, решения и отдельные проекты двумя способами. Если проекты в сопоставлении невелики, то можно сравнивать затраты и выгоды. Если же мы имеем дело с масштабными проектами, меняющими структуру экономики и общества, то используется модель, описывающая систему в целом, и проводятся варианты расчеты (с проектом и без него). События в России в 1917 г. имели всемирно-историческое значение и не могут быть отнесены к разряду малых.

Экономическая история дореволюционной России достаточно хорошо описана, и хотя выводы из многочисленных работ различны, статистическая база для исследований сформирована¹. Кроме того, изучена экономическая история СССР и, в определенной степени, проведены корректировка статистической информации и ее очистка от приписок и искажений².

Несмотря на продолжающуюся дискуссию о действительных достижениях СССР в области экономики, можно считать доказанным, что публиковавшиеся данные ЦСУ были существенно

¹ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.– 256 с.

² *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время / Учеб. пособие в 3 ч.– Новосибирск: Изд. СибАГС, 2003–2011 гг. См. также и другие работы этого автора.

завышены. Более того, это относится и к оценкам зарубежных авторов, профессионально изучавших экономику СССР. Напрашивается пример с ГДР, экономика которой оказалась много слабее, чем представлялось до объединения.

Но это не единственные трудности для сопоставления ретро-прогноза с фактическим развитием страны. Представляются некорректными как прямая экстраполяция на столетний период, так и использование аппарата производственных функций, поскольку показатели эластичности факторов должны меняться в больших пределах. Остаются качественные оценки на основе сопоставления с развитием других стран с учетом влияния ключевых событий XX века.

Во-первых, выделим неизбежный процесс деколонизации и распада империй. Вероятно, в иных условиях он протекал бы медленнее и менее драматично. Возможны и иные сценарии. Но, несомненно, этот процесс затронул бы и Россию. Не исключено, что некоторые части империи, такие, как Польша, стали бы независимыми, а на части территории Сибири и Дальнего Востока сформировалось бы нечто, напоминающее доминионы Британской империи.

Во-вторых, Россия, несомненно, участвовала бы в многочисленных войнах, которыми был так богат XX век. Потери в них были бы не столь грандиозны, как в Великой Отечественной войне, но все же очень серьезные.

В-третьих, Великая депрессия и другие экономические кризисы обязательно затронули бы Россию, интегрированную в мировое хозяйство.

Наконец, Россия в XX веке пережила бы начавшийся в XIX веке демографический переход, урбанизацию и смену модели развития. Экстенсивный рост сменился бы на интенсивный. Остается открытым вопрос о преобладающем направлении внешней миграции: осталась бы Россия нетто-экспортером населения и трудовых ресурсов или наоборот?

Но несомненно, что Россия не потеряла бы большую часть своего научно-технического и образовательного потенциала в годы Гражданской войны и последующих десятилетий репрессий, сельскохозяйственного – в период коллективизации и индустриализации, и промышленного – в годы войны. Значительная часть периода экономического развития после революции 1917 г. приходится на восстановительный рост, чем во многом и определя-

лись его высокие темпы в отдельные годы¹. Но за столетие темпы роста будут весьма невелики, поскольку сначала создавались проблемы, а потом они преодолевались. Периоды максимальной мобилизации всех ресурсов сменялись периодами релаксации.

Скорее всего, численность населения России в нынешних границах была бы примерно в 1,5–2 раза больше, уровень урбанизации – несколько ниже, дифференциация доходов и имущества – много выше, чем в советское время, но ниже современной. Межрегиональные диспропорции были бы ниже, чем в настоящее время, а доля промышленности в экономике – несколько выше нынешней, хотя и ниже, чем в советское время. Удельные показатели ВВП и доходов населения примерно вдвое превышали бы существующие в настоящий момент.

Собственно, более подробно обсуждать результаты российской революции нет необходимости, поскольку эксперимент, начатый 100 лет назад и продолжавшийся 3/4 века, завершился провалом. Поэтому так легко он был закончен. Но переход к новой социально-экономической системе обошелся России необычайно дорого.

Заключение

Революции, т.е. быстрое изменение политико-экономических основ общественного устройства и развития, неизбежны, как неустранимы противоречия и конфликты в любом обществе, имеющие не только материальную, но и ценностную основу. Главная проблема – что происходит после революции. Если, в терминах К. Маркса, общество сбрасывает кандалы старых производственных отношений и открывает возможности для развития производительных сил, или, согласно Д. Норту и другим авторам, позволяет формировать социальный порядок с открытым доступом, то издержки революции более чем компенсируются резким ускорением экономического роста и развития в долгосрочной перспективе. В терминах Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, это инклюзивные институты. Но если в результате революции формируются и,

¹ Другими причинами высоких темпов экономического роста в период индустриализации являются милитаризация экономики и диспаритет цен. Но милитаризация экономики имеет преимущественно краткосрочный положительный эффект и в долгосрочном периоде наносит ущерб экономическому развитию.

главное, набирают силу институты, препятствующие конкуренции, и получают развитие экстрактные институты, созданные для извлечения ресурсов у многих немногими и неспособные защищать права собственности или создавать стимулы для экономической деятельности, то такое общество обречено на отставание и деградацию в меняющемся мире.

Русская революция действительно устранила многие сословные и национальные барьеры. Но, с другой стороны, лишив имущие классы прав и собственности самым варварским способом, подвергнув их репрессиям, она способствовала снижению конкуренции. Параллельно шло формирование номенклатуры и превращение ее в относительно замкнутую касту, ориентированную на извлечение ренты. Революция начала 1990-х годов также устранила многие барьеры, но потом были воссозданы новые. Тем самым завершился круг российской истории за последнее столетие.

1.4. Империализм как последняя стадия¹

Весной-летом 1916 года В.И. Ленин закончил работу над своей знаменитой брошюрой «Империализм, как высшая стадия капитализма»², которая спустя год была напечатана в Петрограде в издательстве «Жизнь и знание». Вне зависимости от содержания эта работа сыграла огромную роль в жизни нашей страны, да и не только. Сам В.И. Ленин определил это свое произведение как «популярный очерк». Но в СССР из этого очерка выросла целая наука – политическая экономия государственно-монополистического капитализма³.

¹ ЭКО. – 2016. – № 5

² Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) ПСС, изд. 5, т. 27, М.: Государственное издательство политической литературы, 1962 г. – 643 с. Полный вариант представлен в сети интернет:

http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Lenin_Imperialism/imp.html
с. 299–426.

³ См, например, Политическая экономия современного монополистического капитализма. В 2-х томах / Отв. Ред. Н.Н. Иноземцев и др. М.: Мысль, 1971. Т. 1. – 455 с., с., Т.2. – 413 с., *Меньшиков С.М.* Современный капитализм. Краткая политэкономия. М.: Мысль. – 1974. – 262 с., *Пезенти А.* Очерки политической экономии капитализма В 2-х томах / Под ред. А.Г. Милейковского и др. М.: Прогресс, 1976. Т.2. – 885 с. и др.

В предисловии к своей книге В.И. Ленин выделяет работу Джона А. Гобсона «Империализм», на которую часто ссылается на протяжении всего текста. Кроме того, он цитирует и обсуждает работы множества других авторов, среди которых следует выделить социалистов Рудольфа Гильфердинга и Карла Каутского. Примечательно, что к буржуазным авторам В.И. Ленин относится с большим уважением, а к их выводам с большим доверием, чем к социалистическим писателям. Видимо, это объясняется не только более высоким качеством и степенью научности работ буржуазных авторов, но и тем, что В.И. Ленин и его единомышленники рассматривали социалистов как политических конкурентов в отличие от либералов и консерваторов, которые были просто классовыми врагами. В предисловии к французскому и немецкому изданиям в 1920 г. В.И. Ленин писал: «Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международно-идейного течения, которое представлено во всех странах мира «виднейшими теоретиками», вождями II Интернационала»¹.

В.И. Ленин представил очень жесткую и цельную структуру и внутреннюю логику своей работы, которая очень проста для изучения и изобилует формулами, легкими для запоминания. Надо отметить, что в конце XIX – начале XX века в интеллектуальной среде был очень популярен т.н. «экономизм» или материалистический подход к истории, т.е. представление о том, что все социальные и политические процессы и события можно объяснить исходя из экономических, которые, в свою очередь, подчиняются неким объективным законам. Разделяя позицию Г.В. Плеханова в монистическом взгляде на историю, В.И. Ленин вывел чеканную формулу: политика есть концентрированное выражение экономики. Позитивизм в духе Г. Спенсера и О. Конта тогда критиковался последовательными марксистами, которыми считали себя большевики, поскольку они отвергали саму идею внеклассовой науки, лишенной идеологических и ценностных оценок. Справедливости ради отметим, что тогда позитивизм был неприемлем и для ученых многих других направлений, которые пытались найти причины территориальной экспансии европейских держав, конфликтов и войн, миграции населения и капитала и многого другого в объективных процессах развития производительных сил, обусловленных объективными же экономическими законами.

¹ Ленин В.И., цит. Соч., С. 306.

В тезисном виде «Империализм» В.И. Ленина выглядит следующим образом: положительный эффект масштабов ведет к концентрации производства и капиталов; это приводит к образованию монополий в промышленной и банковской сферах; слияние банковского и промышленного капитала образует финансовый капитал и порождает финансовую олигархию, которая, в свою очередь, экспортирует капитал в колонии и зависимые страны, что и делает необходимым раздел мира между ведущими странами для защиты инвестиций. Завершение раздела мира и неравномерность экономического развития стран приводит к войнам за передел мира. Монополии господствуют внутри отдельных стран и на международной арене, что приводит к усилению паразитизма буржуа, превращение метрополий в государства-рантье, объединению и социализации производства и распределения в мировом масштабе. Благодаря сверхприбылям монополии являются паразитами и ведут к загниванию экономики и общества. Таким образом, империализм есть высшая и последняя стадия капитализма. Созданы все материальные и организационные предпосылки для мировой революции. Империализм есть канун социальной революции пролетариата¹.

Теории монополии

Монополии и выгоды, проистекающие из монопольного положения на рынке, известны с древнейших времен. А. Смит связывал возникновение монополий с государством, которое устанавливает привилегии для отдельных субъектов. Для него было очевидно, что экономический прогресс состоял в переходе от государственно-монополистического капитализма к капитализму свободной конкуренции.

К. Маркс и его последователи разделяли идею стадий социально-экономического развития общества, каждая из которых развивалась и гибла, подчиняясь собственным законам. Поэтому с их точки зрения капитализм начинался с переходом к свободному рынку. Оставалось непонятным, каким образом новая формация вызревала в недрах старой, почему институты капитализма могли возникнуть и в достаточной степени оформиться в феодальном обществе. Это противоречило основной идее формационной те-

¹ Ленин В.И., цит. Соч., С. 308.

рии, в которой материальные производительные силы были активным фактором, а институциональная надстройка была консервативной и служила интересам господствующих классов.

Во второй половине XIX века был замечен феномен монополий иного типа, монополий, возникающих практически без участия государства. Разумеется, коррупция и другие неформальные отношения между бизнесом и государством играли значительную роль в формировании монополий, но главными причинами их образования оказался технический прогресс и образование новых отраслей промышленности, развитие транспорта.

Монополии вызывали недовольство значительной части общества, и первые антитрестовские законы были приняты еще в конце XIX века (закон Шермана 1890 г.), но это не слишком помешало их развитию. С другой стороны, само государство способствовало росту монополий путем предоставления концессий, распределения государственных заказов и развитием патентного права и многих других институтов.

Хотя А. Курно построил первую модель монополии еще в 1838 году, работы по этой проблеме долгое время носили в основном описательный характер, а теории монополии являются достижением XX века.

Дж.Б. Кларк резко отрицательно относился к монополиям, считая их средством грабежа и тормозом технического прогресса. Но он показал, что в случае растущей предельной производительности капитала (как, например, в транспортной инфраструктуре) монополии неизбежны и должны регулироваться государством. Примечательно, что к монополиям он относил и профсоюзы.

П. Сраффа в своих работах начала 1920-х годов показал, что наличие множества производителей не делает рынок совершенно конкурентным, и его следует рассматривать как множество локальных монопольных рынков, когда каждый предприниматель формирует свой собственный рынок. Э. Чемберлин в 1933 г. опубликовал замечательную работу «Теория монополистической конкуренции»¹. В предисловии к русскому изданию этой книги Ю.Я. Ольсевич писал: «Для него (Чемберлина) монополистическая конкуренция не некое нарушение нормального состояния, ведущее к потере равновесия в хозяйственной системе, а, напротив, одна из характе-

¹ Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции: (Реориентация теории стоимости). / Под ред. Ю.Я. Ольсевича. – М.: Экономика, 1996. – 351 с.

ристик нормального равновесного состояния рынка. Причем состояния, исключая эксплуатацию наемного труда и соответствующего потребностям покупателей. Чемберлин выступает лишь против одного типа монополий – профсоюзов»¹.

В 1934 году Г. фон Штакельберг опубликовал работу «Структура рынка и равновесие», в которой показал, что асимметрия информации приводит к асимметрии выигрышей в случае олигополии. Рассмотрение монопольной прибыли как квази-ренды привело к разработке множества теорий олигополии. Обзор теорий монополии начала-середины XX века приведен в работе А. Пезенти².

Й. Шумпетер доказывал, что в основе монополии лежат инновации и, следовательно, она не может быть вечной и, во-вторых, антимонополия политика, скорее всего, будет контрпродуктивна, поскольку сдерживает «созидательное разрушение» и не позволяет раскрыться потенциалу инноваций. Ф. фон Хайек придерживался сходной точки зрения, поскольку считал, что монополии транслируют верную информацию о своей сверхприбыльности. Это привлекает на рынок конкурентов и способствует структурным сдвигам в экономике, способствует разрушению монополии.

В современном понимании монополия связывается с наличием барьеров, как правило, институционального характера, асимметрией информации и инновациями. Монополия является научной абстракцией, а рынки скорее олигополистические. Поэтому прогнозы К. Каутского и многих других о том, что на смену капитализма свободной конкуренции идет организованный капитализм, отрицающий конкуренцию, пока не оправдался. Вообще линейная экстраполяция на длительные периоды обычно ошибочна.

Финансовый капитал

Понятие финансового капитала ввел Р. Гильфердинг в своей одноименной работе³. Это произведение представляет интерес не только для историка науки, но и с точки зрения экономической

¹ Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции: (Реориентация теории стоимости). / Под ред. Ю.Я. Ольсевича. – М.: Экономика, 1996. – 351 с., – С. 6–7.

² Пезенти А., указ. Соч., С. 138–176.

³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы. – 1959. – 491 с.

истории вообще. Разумеется, его теория денег во многом устарела, поскольку денежные системы различных стран изменились до неузнаваемости. Но Р. Гильфердинг одним из первых заметил, как финансовые инновации влияют на возможность аккумуляции финансовых ресурсов и перераспределение прибыли, описал механизмы трансформации сбережений в инвестиции и т.п.

Его вывод о том, что «курсовая стоимость акционерного капитала всегда выше, чем стоимость капитала, функционирующего в нормальных условиях»¹, и отсюда теория фиктивного капитала в настоящее время получила совсем другую интерпретацию. Описание функционирования фондовой и товарной бирж для того времени вполне корректны, но упреки в том, что биржевые цены никак не связаны с издержками и потому подрывают условия воспроизводства в отдельных странах, явно необоснованны².

Следуя марксистской традиции, Р. Гильфердинг считал, что прибыль возникает в производстве и реализуется в обращении. Но поскольку обращение также требует использования капитала, прибыль в торговле, финансах, банковской деятельности и т.д. «есть вычет из прибавочной стоимости, т.к. они имеют дело лишь с реализованными стоимостями (даже если они реализованы только в виде долговых требований)»³. Поскольку капитал все более концентрируется в посреднической сфере, то производственный капитал все более подчиняется капиталу, занятому в сфере обращения, что и является основой для образования финансового капитала.

Даже сейчас интересно читать рассуждения Р. Гильфердинга о влиянии финансового капитала на различные стороны экономической жизни: воспроизводственный процесс, миграцию капиталов, открытие новых рынков, последствия протекционистской политики, захват колоний, влияние на циклическое развитие экономики и многое другое. Его выводы не всегда согласуются с нашими представлениями, но заставляют задуматься об изменениях, произошедших в экономике за последние сто лет.

Как и многие другие писатели, Р. Гильфердинг связывает господство финансового капитала и финансовой олигархии с

¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы. – 1959. – С. 159.

² Там же, С. 215.

³ Там же, С. 232.

идеологией империализма и достаточно подробно обсуждает формирование идеологии империализма вместе с пересмотром самой концепции государства. «Финансовому капиталу необходимо было государство достаточно сильное, для того чтобы проводить политику экспансии и присоединять новые колонии. Либерализм был противником государственной политики силы, он хотел обезопасить свое господство от старых сил аристократии и бюрократии, предоставляя им средства государственной власти в минимальном объеме»¹. Именно с господством финансового капитала Р. Гильфердинг связывает рост расистских и ксенофобских настроений. «Возникает идеология империализма, идущая на смену идеалам старого либерализма. Она высмеивает наивность последнего... Достигнуто подчинение интересов индивидуума высшим общим интересам. Чуждое народу государство и сама нация связаны в единое целое, и национальная идея в качестве движущей силы сделалась служанкой политики»².

Завершает свою работу Р. Гильфердинг почти как В.И. Ленин, провозглашая финансовый капитал высшей ступенью полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках финансовой олигархии и тезисом о неизбежности превращения диктатуры магнатов капитала в диктатуру пролетариата. Что действительно отличает марксизм – так это признание тесной связи между экономическими, социальными и политическими процессами.

В конце жизни Р. Гильфердинг пересмотрел свое отношение к марксизму, но в 2010 году он еще не отошел от него. В предисловии к обсуждаемой работе он писал: «Марксизм часто упрекали за то, что он пренебрегал дальнейшим развитием экономической теории, и упрек этот, до известной степени, не лишен объективных оснований»³ и прилагал значительные усилия для развития марксистской концепции и объяснения в ее рамках новейших тенденций в эволюции рыночной экономики.

Империализм сто лет спустя

Анализ новейших тенденций в развитии капитализма, проведенный В.И. Лениным, был во многом верен хотя бы потому, что основывался на критическом рассмотрении множества работ

¹ Гильфердинг Р., С. 433.

² Там же, С. 434–435.

³ Там же, С. 43.

предшественников. Обсуждаемая работа В.И. Ленина представляет собой высококачественный реферат и критический обзор научной литературы тех лет. Оригинальность работы состоит в выводах, которые В.И. Ленин сделал на основании этого обзора. И не все из них прошли проверку временем.

Прежде всего, это касается утверждения о монополистическом капитализме как о высшей и последней стадии капитализма и неизбежности социалистической революции в мировом масштабе. Как известно, в том же 1916 г. В.И. Ленин говорил о том, что революция в России – дело отдаленного будущего, но она неизбежна. Революции действительно произошли в ряде стран, но принесли ли они освобождение рабочего класса и невиданный расцвет производительных сил – большой вопрос.

Гораздо ближе к реальному развитию ситуации оказались институционалисты, прежде всего Дж. А. Гобсон, полагавший, что развитие демократических институтов и парламентаризма может обуздать всевластие монополий и империалистические захваты. Не сразу, но постепенно в общественном мнении возобладала мысль, высказанная еще Дизраэли, что колонии – жернова на ногах империи. Двадцатый век показал, что территориальные захваты и милитаризация экономики, необходимая для внешней экспансии и удержания присоединенных территорий и стран-клиентов, обходится чрезвычайно дорого.

Ряд тенденций, описанных В.И. Лениным, не имели продолжения или были преувеличены. Так, следуя К. Марксу, В.И. Ленин считал, что «банки создают в общественном масштабе форму, но именно только форму, общего счетоводства и общего распределения средств производства» и далее пишет об «общем счетоводстве» всего класса капиталистов и даже не только капиталистов¹.

Не подтвердилась гипотеза о том, что банки вытеснят биржу. Ссылаясь на работу Шульце-Геверница, В.И. Ленин писал, что «смена старого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополии, выражается, между прочим, в падении значения биржи. Таким образом суживается область действия автоматически функционирующих экономических законов и чрезвычайно расширяется область сознательного регулирования через банки, то в связи с этим гигантски возрастает и народнохозяйственная ответственность немно-

¹ Ленин В.И., цит. Соч., С. 332.

гих руководящих лиц»¹. Близкие идеи мы встречаем у Р. Гильфердинга: «Монополистические союзы совершенно устраняют товарные биржи»². Наоборот, роль биржи в современном мире возросла, расширился перечень институциональных инвесторов, а доля банков в совокупных финансовых активах снизилась.

Наряду с процессами концентрации и централизации производства и капитала в ведущих странах наблюдались противоположные процессы. «После Второй мировой войны конкуренция не только не уступила место монополии, а возродилась с утроенной энергией». Жизнеспособность конкуренции во многом объясняется той дифференциацией продукта, которую, как отметил Чемберлин, создают конкурирующие фирмы³. Кроме того, многократно выросла сравнительная эффективность малых и средних предприятий, производство крупных фирм диверсифицировалось, многократно возросла номенклатура выпускаемой продукции, ускорило обновление ее ассортимента, стали более доступны рыночная информация и капитал.

Вопреки ожиданиям В.И. Ленина, уровень коррупции по сравнению с началом XX века существенно снизился, по крайней мере в ведущих странах. Подкуп путем предоставления места в совете директоров банков и трестов отставным депутатам, чиновникам и т.п., разумеется, имеет место и сегодня. Но коррупция, кумовство и личные унии более характерны для развивающихся стран, а не тех, о которых писал В.И. Ленин.

Вывоз капитала 100 лет назад объяснялся возникновением огромного избытка капитала в передовых странах. В.И. Ленин писал: «Разумеется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским, – тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм оста-

¹ Ленин В.И., цит. Соч., С. 334.

² Гильфердинг Р., С. 222.

³ Чемберлин Э., указ. Соч., С. 13.

ется капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны»¹.

Современная теория платежного баланса и соответствующие модели наглядно демонстрируют, что международное движение товаров, услуг и капитала тесно взаимосвязаны, и вывоз капитала не может вытеснить экспорт товаров и услуг на сколько-нибудь длительное время. Сельское хозяйство перестало быть «страшно отсталым», а проблема физической нехватки продовольствия в мировом масштабе была решена. И это при том, что население Земли увеличилось за последние 100 лет в 5 раз. Несоизмеримо вырос уровень жизни в капиталистических странах. Более того, при желании В.И. Ленин мог бы заметить рост уровня и качества жизни в конце XIX века у низших классов общества не только в Европе, но и в России.

В отличие от Дж. Гобсона В.И. Ленин не различал колониальную и империалистическую политики. Это объяснялось тем, что все процессы, включая демографические, он связывал с интересами капитала и не хотел признавать даже частичную правоту сторонников теории Т. Мальтуса. Критика К. Каутского, связывавшего империализм с особой политикой территориальной экспансии промышленных стран в аграрные области и, по мнению В.И. Ленина, не замечавшего роли финансового капитала в формировании этой политики, связана с тем, что классовый подход для него был важнейшим принципом². Для В.И. Ленина высокое отношение прибавочного труда к необходимому было нормой эксплуатации при капитализме и свидетельство алчности буржуазии. Но после пролетарской революции оно стало показателем эффективности социалистической экономики. Точно так же территориальная экспансия в эпоху империализма проводилась в интересах финансовой олигархии, а для СССР – борьбой за права угнетенного рабочего класса и всех трудящихся. Репрессии, включая смертную казнь в буржуазном обществе, большевики гневно осуждали, а после революции В.И. Ленин писал, что всякая революция чего-то стоит, если она может защищаться, а Н.И. Бухарин даже говорил о том, что «пролетарское принуждение во

¹ Ленин В.И. Указ. Соч., 339–340.

² Там же, С. 387–391.

всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»¹.

Удивительно, что, будучи политиком, В.И. Ленин так мало места в своей работе уделил идеологии империализма. А ведь эту идеологию разделяли далеко не только господствующие классы. В.И. Ленин не мог не заметить, с каким энтузиазмом воспринимали известие о начале войны «широкие народные массы», и как этот энтузиазм переходил в шовинизм. Видимо, он полагал, что в распоряжении лидеров революционного пролетариата в нужное время найдутся нужные инструменты для идеологического перевооружения масс. И то, что он цитирует Сесилия Родса (если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами), говорит о том, что В.И. Ленин прекрасно понимал возможности манипуляции общественным мнением и не боялся гражданской войны, а главное зло видел в реформизме и пацифизме².

В множество советских учебников вошли знаменитые пять основных признаков империализма³: 1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами.

Главный вывод В.И. Ленина состоял в том, что «империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁴.

¹ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода, гл X.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Бухарин,_Николай_Иванович

² Ленин В.И., Указ соч., 376.

³ Там же, С. 386.

⁴ Там же, С. 387.

Вклад советской науки в теорию империализма

Как было сказано выше, из обсуждаемой работы В.И. Ленина выросла целая наука «Политическая экономия современного монополистического капитализма». Попробуем кратко обрисовать основные достижения этой науки. Поскольку вопреки представлениям В.И. Ленина революция в мировом масштабе не произошла, то была выдвинута идея о том, что революционный процесс растянут во времени и, следовательно, общий кризис капитализма состоит из нескольких этапов или стадий. Советские ученые и солидарные с ними зарубежные марксисты выделяли три этапа. Первые два датируются мировыми войнами, а третий был связан с формированием мировой социалистической системы и мирным соревнованием двух систем. «Мировой социализм бросает вызов капиталу тем, что он осуществляет благородные принципы интернационализма и мобилизует все ресурсы для роста благосостояния народа, создания всех условий для всестороннего развития физических и духовных сил человека. Социализм своей политикой, рассчитанной на мирное сосуществование с капитализмом и поддержку всех сил внутри его, которые тяготеют к миру, демократии и социальному прогрессу, начинает оказывать все более существенное влияние на ход классовой борьбы в буржуазных государствах»¹. Мирное сосуществование и соревнование двух систем на деле означало раздел мира на зоны влияния в соответствии с ялтинско-потстамскими соглашениями и обернулось огромным числом прокси-войн, в которых погибло не меньшее число людей, чем в обеих мировых войнах.

Советские ученые внимательно следили как за тенденциями социально-экономического развития капиталистических и развивающихся стран, так и за новациями в сфере государственного управления. Но все эти сведения использовались только для того, чтобы подтвердить правильность выводов, сделанных В.И. Лениным еще в 1916 г. Обвинения в апологетической сущности буржуазной науки полностью относились и к большинству советских авторов. Любое явление или событие, начиная от экономических кризисов и инфляции до внедрения систем экономического прогнозирования, планирования и программирования, национализа-

¹ Политическая экономия современного монополистического капитализма. В 2-х томах / Отв. Ред. Н.Н. Иноземцев и др. М.: Мысль, 1971. Т. 1. – 455 с., С. 11.

ции предприятий и роста государственного аппарата, рассматривались как очередное свидетельство загнивания капитализма и его неспособности к дальнейшему развитию.

Сформировалась концепция государственно-монополистического капитализма как результат сращивания государства и финансовой олигархии. «С ростом государственно-монополистического капитализма значительно усложняется функция государственного управления. В среде финансовой олигархии наблюдается растущая тяга к прямому участию в управлении государством. Плутократия жаждет распоряжаться судьбами миллионов людей, диктовать свою волю другим странам, ощущать близость к военной силе и ядерному оружию»¹. Зарубежные исследователи и журналисты предоставляли прекрасный материал для подобных выводов, поскольку располагали качественной статистикой о распределении доходов и богатства, динамике безработицы и бедности, чистых активов компаний, числе банкротств и т.п. Советская же статистика была построена таким образом, что самые острые социально-экономические проблемы были скрыты.

Академик И.И. Иноземцев писал в заключительном разделе об исторической неизбежности революционного низвержения капитализма: «Стремясь «перехитрить» историю, выносящую капитализму как системе неумолимый приговор, буржуазные философы, социологи, экономисты утверждают, что современный капитализм – это-де вовсе не капитализм в его марксистском понимании, лишенный классовых антагонизмов. Однако, как уже было сказано, – и это подтверждается всем фактическим материалом, приводимым в книге, развитие государственно-монополистического капитализма, значительно модифицировав капиталистическое общество, ни в коей мере не изменило его основ»².

Структура многочисленных работ по теории государственно-монополистического капитализма, их содержание, логика, аргументация и выводы очень близки, если не совпадают с теми, которые были предложены В.И. Лениным. Сами же эти работы, несмотря на множество новых данных и аргументов, являются лишь расширенными комментариями к «Империализму как высшей стадии капитализма».

¹ *Меньшиков С.М.* Современный капитализм. Краткая политэкономия. – М.: Мысль. – 1974. – 262 с., С. 212–213.

² *Политическая экономия.*, 1971. – Т. 2., С. 339.

Заключение

Нельзя пренебрежительно относиться к тем схемам, формулам и цитатам, которые были заложены в нас в школе или университете. Как бы ни широка была пропасть между моделями и стереотипами, заложенными в процессе обучения и последующим опытом и знаниями, усвоенными в зрелом возрасте, избавиться от привычного мировосприятия и двигаться дальше удастся очень немногим, поскольку новые процессы и явления мы рассматриваем через призму ранее усвоенных «истин».

В СССР осуждались догматизм и начетничество и раздавались призывы к творческому развитию марксизма-ленинизма. Но обязательное цитирование классиков, равно как и решений партийных съездов, было важнейшим аргументом при отстаивании истинности теоретических концепций и практических выводов. Трудно добиться прогресса в науке, если невозможно подвергать сомнению и критиковать предшественников, даже ставших классиками.

Поскольку истинным считалось, что империализм есть высшая и последняя стадия капитализма, подготавливающая максимальную степень обобществления производства, все инструменты управления в условиях диктатуры пролетариата, то после революции следовало завершить процессы монополизации производства и распределения. А именно: национализировать и слить банки и создать на этой основе единую бухгалтерию, ликвидировать биржи, на месте множества предприятий создать синдикаты и тресты и т.п. В результате была построена монополистическая экономика государственного капитализма, которая в соответствии с ленинским анализом на определенном этапе проявила тенденцию к загниванию и паразитизму.

Анализируя в 1996 г. проблемы переходного периода в России, Ю.Я. Ольсевич приходит к выводу, что выбор чрезвычайно рискованного и разорительного варианта перехода от централизованной к рыночной системе был связан с тем, что «в СССР сложились мощные силы, заинтересованные в сохранении монопольного положения предприятий и их объединений и не заинтересованные в рыночной конкуренции»¹.

Институты постсоветской экономики формировали отнюдь не широкие народные массы или ученые. Эта миссия выпала на до-

¹ Чемберлин Э., Указ соч., С. 24.

лю советских, партийных и комсомольских функционеров, бюрократов, представителей силовых структур и теневого бизнеса,

Когда они достигли консенсуса в том, что эксперимент с реальным социализмом нужно закончить и перейти к строительству капитализма, они решили, что не следует восстанавливать «старый» капитализм свободной конкуренции, а перейти сразу к строительству его высшей фазы: государственно-монополистическому капитализму. В СССР монополии уже были созданы и осталось их только приватизировать, даже если они формально оставались в собственности государства. В кратчайшие сроки в стране появились тысячи банков и сотни бирж, оперировавших с фиктивным капиталом, быстро сформировался финансовый капитал и финансовая олигархия, огромных масштабов достиг вывоз капитала, сыгравший большую роль в развитии страны, чем вывоз товаров, финансово-промышленные группы приобрели транснациональный характер и включились в международную конкуренцию. Осталось только включиться в борьбу за передел мира, используя межимпериалистические противоречия.

Что касается «империалистических» стран, то за последние 100 лет они постепенно отказались от подобной политики, прилагают значительные усилия по демонополизации экономики и развитию конкуренции, жестко регулируют деятельность финансовых институтов, ограничивают слияние банковского и промышленного капитала, поддерживают малый бизнес, провели деколонизацию и пытаются контролировать трансграничные финансовые потоки. Много сделано для демилитаризации экономики. Нельзя сказать, что все указанные мероприятия завершились успехом, но общий вектор перемен вполне очевиден. Возможно, множество работ типа «Империализма» В.И. Ленина и «Финансового капитала» Р. Гильфердинга сыграли роль антиутопии для Правительств и общественности ряда стран, но скорее всего еще большую роль сыграли драматические события XX века.

К произведениям В.И. Ленина, включая «Империализм», целиком относится характеристика, данная В. Парето «Капиталу» Карла Маркса. Парето заявлял, что марксизм ввел в заблуждение неграмотные массы благодаря той страстности, которая для него характерна, а грамотных людей привлек своей кажущейся логической стройностью. Лишь страстность, присущая Марксу, сделала его учение столь привлекательным, а материалистический взгляд на историю имеет черты подлинно научной теории, хотя и

является лишь рассчитанным на эмоции придатком к социалистической теории¹.

В чем В.И. Ленин оказался абсолютно прав, так это в том, что монополии в экономике и политике тесно взаимосвязаны, неизбежно ведут к формированию финансовой олигархии, конфликтам и войнам с другими государствами, обнищанию народных масс.

1.5. «Лихие девяностые» глазами экономиста²

Размышления над книгой Г.И. Ханина «Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 годах». – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2014. – 712 с. (Серия «Монографии НГТУ»)

Немного об авторе и его книге

Г.И. Ханин принадлежит к когорте самых ярких и оригинальных отечественных экономистов. Его статья³ (совместно с В. Селюниным) прогремела в конце 1980-х годов и сделала его одним из наиболее цитируемых советских экономистов в мире. Он же в числе первых обратил внимание на признаки рецессии экономики России в 2013 г.⁴.

Другие авторы, не уступающие Г.И. Ханину в жесткости и эмоциональности оценок и выводов, в большинстве своем экономистами не являются. Он же – действительно разносторонний экономист, причем старой школы, т.е. чувствующий и понимающий данные, хорошо знающий методологию отечественной статистики и то, что опубликованные данные отражают. В соответ-

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. – М.: «Прогресс». 1968. 600 с., С.251.

² ЭКО. – 2014. – № 10.

³ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. – 1987. – № 2. – С. 181–201. URL: <http://viktr.narod.ru/select/perestr/selunin.htm>

⁴ Ханин Г.И., Фомин Д.А. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra Economicus. – 2013. – №2. – С. 12–15. См. также: Ханин Г., Фомин Д. Лукавые цифры российской статистики // Ведомости. – 2014. – 18 март. URL:

<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/24095291/lukavayacifra-protiv-ekonomiki-rossii#ixzz37iZgcB13>

ствии с научной традицией он считает необходимым для серьезного исследователя проверять и перепроверять данные и для установления фактов использовать разные источники. А вот привычка формулировать, сопоставлять и перепроверять различные гипотезы в его работах выражена слабее.

Впечатляет список источников, не просто использованных, а тщательно проанализированных и критически переосмысленных автором. Когда дело касается количественных оценок, Г.И. Ханин обычно на высоте. Но когда речь идет о качественных оценках событий и формулировке выводов, чувство меры и стремление сохранить объективность порой ему изменяют. Отсюда его благосклонное отношение ко всякого рода публицистам, рассуждающим о гуманизме коммунистической идеи, якобы извращенной в условиях реального социализма, или о невероятной результативности советской мобилизационной модели, от которой начиная с 1950-х годов неоднократно пытались отказаться по причине ее неэффективности.

Это уже третья обширная монография автора по экономической истории СССР / России в XX веке¹. Две других посвящены анализу проблем и достижений в 1930–1987 гг. и 1988–1991 гг., соответственно. Для того чтобы понять и оценить обсуждаемую книгу, следует хотя бы поверхностно ознакомиться с предыдущей, в которой подводятся социально-экономические итоги перестройки. Отметим, что, несмотря на ужасающий провал социально-экономических преобразований на излете существования СССР, Г.И. Ханин оценивает их более сдержанно, чем первый этап постсоветских преобразований.

По замыслу автора, постсоветская экономическая история разделяется на два периода: первый – от либерализации цен и указа о свободе торговли до нижней точки экономического спада после августа 1998 г. (так называемого дефолта), и последующий этап восстановительного роста, которому будет посвящен отдельный том. Как явствует из предисловия, такая периодизация обусловлена тем, что на 1990-е приходится основной этап передела советского наследия в части собственности и потоков доходов и

¹ Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Том 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2008 г. – 515 с.; Том 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2010.

формирование российской модели предпринимательства и капитализма. С этим сейчас сложно согласиться – передел советского наследия продолжается. Можно перечислить множество эпизодов, начиная с «дела ЮКОСА» и сотен более мелких подобных дел, до создания госкорпораций, размещения госзаказов, «выкупа» бизнесов, «расчистки рынков» и т.п.

Нельзя пожаловаться на то, что первый этап экономического развития России – так называемый переход к рыночной экономике – обойден вниманием исследователей. Скорее, наоборот. В первую очередь это мемуарная и квази-мемуарная литература непосредственных участников социально-экономических преобразований (Е. Гайдара, А. Чубайса, Е. Ясина, а также А. Коржакова и многих других), критические произведения их оппонентов как справа (например, А. Илларионова), так и слева (работы Г. Попова, С. Глазьева и др.), и, наконец, аналитические исследования отечественных и зарубежных организаций и специалистов (доклады МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, включая ряд монографических исследований, например, многократно цитируемого в книге А. Ослунда или не упомянутого в ней А. Аганбегяна). Разнобой в оценках и даже в фактологии и статистических данных в этих работах показывает, что споры относительно итогов указанного периода развития страны далеко не закончены (это касается предыдущего и последующего периодов развития России). Слишком много идеологических и политических пристрастий и вполне понятных сегодняшних интересов затрагивает обсуждение подобных вопросов.

Об ухе и аквариуме

Главная проблема, решить которую попытался Г.И. Ханин, – это дать свой ответ на парадокс Л. Валенсы, сравнившего переход от централизованной социалистической экономики к децентрализованной рыночной с попыткой сделать из уха аквариум. Опыт постсоциалистических стран Восточной Европы и Прибалтики показывает, что такой процесс в принципе возможен. Более того, некоторые азиатские страны, такие как Китай или Вьетнам, смогли прийти к децентрализованной рыночной экономике даже в условиях монополии правящей партии. Так что Л. Валенса говорил не об абсолютной невозможности решения задачи, а, скорее, о ее невероятной трудности. Дело в том, что, за исключением крайне

редкой в историческом плане ситуации, вытравить полностью индивидуальные мотивы в поведении людей не удастся, значительная часть рыб в аквариуме вполне живы и ощущают весь дискомфорт от манипуляций с ними. Причем чем крупнее рыба, тем большее стеснение она испытывает и тем более тяготеет к изменению среды.

Применительно к России Г.И. Ханин в своей книге дает отрицательный ответ: попытка превратить советскую уху в российский аквариум окончилась полной неудачей. И как бы ни претила всем централизованная плановая экономика, заменить ее в нашей стране просто нечем. Такой вывод во многом определяется выбранным периодом, начавшимся и закончившимся резким экономическим спадом.

Другой вопрос, на который пытается ответить Г.И. Ханин: почему в условиях экономической катастрофы, а именно так он оценивает анализируемый период, экономика и общество не рухнули окончательно и бесповоротно. Автор постоянно возвращается к этим вопросам и ощущает явное противоречие: ошибочные, иногда даже преступные решения некомпетентных людей в Правительстве должны были привести к социальной катастрофе и бунту, но экономические и социальные издержки не вызвали достаточно массовых выступлений, способных угрожать основам режима. И это в условиях слабого и коррумпированного государства, не способного на массовые репрессии и тотальный контроль.

Объяснений этому феномену множество, и далеко не все они обсуждаются в книге. Прежде всего, население страны в значительной степени было подготовлено психологически к «неизбежным» жертвам при переходе к рыночным отношениям, как из-за предыдущих неудач реформирования, так и массивной пропаганды в СМИ о том, что без тягот в «переходный» период не обойтись. Во-вторых, множество людей действительно получили свободу в обмен на более или менее гарантированный доход и уровень жизни. Правда, этой свободой воспользовалось меньшинство, но она формально была предоставлена всем. Многие просто ждали, когда в экономике ситуация улучшится, и всем станет легче жить.

Появившаяся возможность выбирать структуру потребления, место работы и жительства, вплоть до эмиграции, создавать собственный бизнес, покупать и продавать все что угодно позволяла сформировать надежду на улучшение в будущем и необходимость

рассчитывать только на себя у значительной части населения, по крайней мере, крупных городов. Объяснить иностранцам или бывшим соотечественникам, посетившим Новосибирск в середине 1990-х годов, что в стране кризис, и жизнь большинства очень тяжела, было просто невозможно. Весьма оптимистично смотрели в будущее молодые и образованные, в то время как людям предпенсионного возраста было трудно найти работу и сколь-нибудь приемлемый доход.

На фоне удручающих результатов в целом по России отдельные регионы, и особенно крупные города, смогли эффективно вписаться в новую реальность и вышли из кризиса гораздо раньше остальной страны. Именно эти обстоятельства вместе с декоративным характером профсоюзов и политических партий объясняют относительно низкий уровень забастовочного движения и социального протеста при таком падении доходов и занятости. Кроме того, если при социализме общим местом были приписки, то в последующий период их сменило сокрытие выпуска продукции и доходов¹. Отсюда – завышенные оценки спада и недоумение, почему в стране нет массового голода. Какую-то роль (скорее всего – незначительную) сыграла и гуманитарная помощь. Сгладили в какой-то мере общественное восприятие социально-экономической ситуации в России и ее сравнение с другими странами бывшего СССР, причем не в пользу последних. Безусловно, Г.И. Ханину известны все эти обстоятельства, но, по-видимому, он не придает им существенного значения.

Качество государственной политики

Книга издана в 2014 г., т.е. более чем через 15 лет после дефолта. Как мы знаем, страна сумела пережить эту катастрофу и через короткое время вступила в период восстановительного роста. Поэтому тезис автора об ошибочности всего проекта на стр. 690 выглядит малоубедительным. Можно согласиться с его выводами по поводу неверности или запоздалости многих решений Правительства РФ и Банка России, слабости институтов и государственной политики. Но за почти 25-летнюю постсоветскую

¹ Справедливости ради следует отметить, что Г.И. Ханин значительную часть своих исследований посвятил именно пересчету «лукавых цифр». Выявить масштабы приписок ему удалось, но по поводу оценок теневого сектора можно поспорить.

историю в России сменилось множество Правительств, а экономическая политика радикально менялась еще чаще. Г.И. Ханин, перечисляя события и решения без должного учета этих изменений, создает у читателя не совсем верную картину неизменности «генеральной линии» на протяжении 1990-х.

В отличие от Г.И. Ханина, полагавшего, что внешний фон в 1992–1998 гг. был в целом благоприятным для российской экономики, А. Илларионов¹ показал, что это далеко не так. Его вывод состоит в том, что в целом экономическая политика Президента Б. Ельцина (несмотря на почти перманентный экономический кризис 1990-х годов) оказалась более качественной, чем проводившаяся в последующий период. При этом декларации и фактическая политика часто существенно расходились. По мнению А. Илларионова, под аккомпанемент либеральных лозунгов Правительство Е. Гайдара в 1992 г. проводило жесткую интервенционистскую политику, а Правительство Е. Примакова в 1998–1999 гг., прикрываясь интервенционистскими лозунгами, – наиболее либеральную и эффективную, во многом обеспечившую последующий экономический подъем. Добавим, что А. Лифшиц, работы которого высоко оценивает Г.И. Ханин, был одним из самых неудачных министров финансов. Долгожитель российской политики А.Б. Чубайс принимал активное участие в разработке плана реформ, их реализации, корректировке и последующем свертывании. То же относится к С.Ю. Глазьеву и многим другим.

Г.И. Ханин уделяет большое внимание низкому уровню теоретической подготовки и практического опыта «младореформаторов». Скорее всего, это действительно так. Интервью с А.Б. Чубайсом и некоторыми другими участниками семинаров², на которых сформировалась эта группа, показывает, что в профессиональном плане это были слабо подготовленные специалисты, но с огромным самомнением и верой в свою миссию. На чем основывалось последнее – пока неизвестно. Но эти люди быстро учились, правда, не всегда понятно – чему. Вообще, период конца

¹ Илларионов А. Авторы на сцене 11 апреля 2013. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/524426.html>

² «Мы были единственной группой в стране, потратившей больше 10 лет на профессиональную работу по проектированию реформ». URL: <http://www.webcitation.org/65CZjFiAc>

1980-х и почти все 1990-е годы может быть охарактеризован как «эпоха прожектеров».

Этот термин придумал Даниэль Дефо для обозначения периода развития Англии после 1680 г. Тогда страна буквально кишела людьми, «слишком хитрыми, чтобы сделаться в своей погоне за золотом действительными преступниками... Они увлекают под прекрасными предложениями честных людей отдать им свои деньги и следовать их указаниям, а затем ускользают за занавес какого-нибудь безопасного убежища...»¹.

Наряду с ними Дефо выделяет и искренне заблуждающихся людей, увлеченных какой-либо идеей и претворяющих ее в жизнь со сходными результатами. Как бы то ни было, скорее следует удивляться тому, что находится множество людей, в том числе и в органах власти, верящих в чудо, которое случится при реализации того или иного проекта, будь то огромные проценты по вкладам или бурный экономический подъем в отдельном регионе в результате эмиссии векселей или иных денежных суррогатов. Мы мало чем отличаемся от тех, кто верил в философский камень.

Немного об идеологии и движущих силах реформ

В 1990 г. в журнале «Век XX и мир» С. Кордонский² опубликовал статью с анализом идеологических платформ и расстановки сил на закате перестройки. В этой весьма неровно написанной, а местами и просто вздорной статье есть сюжет, достойный упоминания. С. Кордонский выделяет три базовые идеологии и, соответственно, их носителей в советском обществе того периода: прогрессистов, фундаменталистов и коммунистов. В переводе на более современный язык – это либералы-западники, консерваторы-националисты и социалисты. Четвертой общественной силой, лишенной идеологии, автор считает чиновников (в его терминологии – аппаратчиков). Будущее страны он связывает с возможными союзами между указанными группами, причем, по его мнению, возможны любые комбинации и союзы. Прогрессисты и коммунисты могут выступить против фундаменталистов, прежде всего, по национальному вопросу. Прогрессисты могут блокиро-

¹ *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – С. 37.

² *Кордонский С.* Три мифа и четыре кита перестройки // Век XX и мир. – 1990. – № 4. – С. 19–26, 48.

ваться с фундаменталистами против коммунистов, поскольку для них неприемлемо отношение последних к частной собственности и апологетика советской истории. Фундаменталисты могут вступить в союз с коммунистами, поскольку прогрессисты настаивают на интеграции страны в мировую экономику и отрицают коренное ее отличие от других стран.

По мнению автора статьи, аппаратчики будут поддерживать наиболее слабую группу для сохранения собственной власти. Ею должны стать прогрессисты. Ключевым словом в статье является «миф», поскольку в понимании адептов все идеологии принципиально оторваны от реальности.

Эта концепция кажется надуманной, но через некоторое время Г.Х. Попов выступил с предложением заключить стратегический союз демократов с номенклатурой. Фактически же подобный союз сложился гораздо раньше, как показали многие авторы, в том числе и Г.И. Ханин. По-видимому, реформаторы хотели использовать готовый государственный аппарат, заняв в нем ключевые позиции. Фактически же госаппарат оказался в значительной степени недееспособен не только по причине распада страны, но и потому, что из него была изъята несущая конструкция – КПСС. Более того, через непродолжительное время реформаторы оказались младшим партнером в тандеме, а потом – и просто декорацией.

В связи с этим уместно напомнить, что еще в позднесоветское время среди либералов были широко распространены идеи о необходимости российского Пиночета, среди коммунистов – нового Сталина, а среди националистов – нового царя.

Заключительная глава обсуждаемой книги посвящена критическому анализу различных программ и концепций развития России. Как показывает Г.И. Ханин, практически все они носили характер мифов, имели мало общего с реальной оценкой ситуации, ресурсными ограничениями, общественными настроениями и расстановкой политических сил.

Еще немного о книге

Очевидная трудность, с которой столкнулся Г.И. Ханин и с достоинством попытался ее преодолеть, заключается в том, что исследуемый период развития страны еще не ушел в далекое прошлое, живы многие его ключевые участники, а данные и

оценки участников и наблюдателей содержат значительную долю субъективизма и эмоций. Кроме того, пока не дошла очередь до собственно исторического анализа архивных данных, четкого определения альтернатив решений при выборе политики, выявления истинных замыслов и приоритетов, которые, как известно, могут сильно отличаться от деклараций.

К тому же автор в своей работе выступает не как историк, а как экономист, и его интересует в первую очередь анализ количественных индикаторов и их соотношение. Такой подход оправдан, поскольку позволяет усилить аргументацию и сделать выводы более наглядными и доказательными. С другой стороны, при количественном анализе могут ускользнуть от внимания многие качественные данные. Автор осознает эту опасность и в большинстве случаев делает соответствующие оговорки. В экономическом анализе важны установление причинно-следственных связей и оценка их тесноты. Методический аппарат, используемый в данной работе, только отчасти позволяет «выжать» все возможное из имеющейся информации. Особенно это касается количественной оценки тесноты связи и разделения факторов на главные и второстепенные.

Неоспоримым достоинством работы является использование альтернативных оценок и верификация выводов на основе альтернативных источников. В этом отношении она может служить примером для новых поколений исследователей, привыкших «доверять» единственному источнику информации, например, Росстату.

Книга Г.И. Ханина, несомненно, является важным продвижением в осмыслении экономической истории России, вводит в научный оборот дополнительные массивы структурированной информации и верифицированных оценок и послужит катализатором для содержательного обсуждения проблем экономической истории России, обобщения прошлого опыта для выработки экономической политики в будущем.

Жизнь страны, как и отдельного человека, состоит из темных и светлых полос, но должно пройти определенное время, чтобы понять – какую именно, темную или светлую, мы пережили в тот или иной период. Будем с нетерпением ожидать следующую книгу этого автора.

1.6. Былое и думы. Ч. I. Как в России ищут ответы на вызовы в смутные времена¹

Любая интеллектуальная деятельность, любая наука, в том числе и экономическая, немыслима без дискуссий. Другое дело, каковы предмет дискуссии, методы и участники обсуждения, а самое главное – почему обсуждаются те или иные вопросы, кто их ставит, кто является арбитром и каковы итоги для науки и практики. В истории нашей страны было множество обсуждений различных экономических и социальных вопросов, и они имели самое разное отношение к действительным проблемам страны и собственно науки. Немаловажную роль в этих дискуссиях играют историческая память и различная интерпретация исторических событий.

Сталкиваясь с разными загадками, мы инстинктивно пытаемся свести новую задачу к тем, которые решались ранее, а при анализе ситуации, в которой оказалась страна, пытаемся найти в истории (в основном отечественной, но иногда и в мировой) нечто похожее. Нас не смущает, что каждая ситуация уникальна, а в истории нет и не может быть неизменно хороших или плохих решений, всеобщих схем и т. д., поскольку история делается людьми (причем не отдельными личностями, а массами), действующими под влиянием рациональных и иррациональных мотивов в рамках неполной и даже искаженной информации. При этом память играет с нами злую шутку: мы помним не все и не так, как это было на самом деле. Фактически, мы всегда имеем дело с искаженной картиной происходившего, когда личные ощущения наслаиваются на мнения других людей, что-то почерпнуто из книг, фильмов, разговоров и т. д.

Экономисты, как и все прочие, считают, что люди разумны и обладают памятью. Но память бывает однобока, и обычная рядовая ситуация иногда воспринимается как беспрецедентная, а катастрофическая – как заурядная, «временные трудности». На помощь приходит наука, располагающая доступом к информационным массивам и инструментарию, позволяющему из этой информации извлекать содержательные и доказательные выводы. Важную роль играет теория, т. е. та модель мира, которую мы используем для объяснения фактов и формирования наших пред-

¹ ЭКО. – 2016. – № 2.

ставлений о будущем развитии ситуации и обоснования решений. И есть методология исследования, позволяющая сопоставить теоретическую модель с данными реальной действительности и оценить достоверность наших заключений и выводов. Все это и является обычно предметом научных дискуссий.

Экономические дискуссии в послереволюционный период

До начала 1920-х экономические проблемы рассматривались во внутрипартийных дискуссиях как немаловажная часть революционной перестройки общества и при решении текущих вопросов. Об обсуждении актуальных проблем экономической теории и политики, а также методологии экономической науки вне партийных споров того периода нам ничего не известно.

Во внутрипартийных дискуссиях обсуждались вопросы возможности построения коммунизма в отдельно взятой стране, эффективности принудительного труда (милитаризации труда), отмирания государства в условиях диктатуры пролетариата и т. п. Арбитрами выступала узкая группа вождей, а истинной целью обсуждений была победа во внутрипартийной борьбе. Итоги дискуссий фиксировались в партийных документах и доводились до рядовых членов партии в виде директив и/или популярных изданий вроде «Азбуки коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского¹, часто отражавших не столько результаты анализа ситуации в рамках марксистской теории, сколько оправдание уже принятых решений. Жаркие споры, нашедшие свое документальное подтверждение в материалах съездов ВКП (б), содержали множество эмоций, замешанных на политическом интересе.

Считалось, что партийные вожди, вооруженные единственно верным учением и диалектическим методом, могли выполнять любые функции – от командования фронтами до руководства наркоматами. Но особенно высоко ценились теоретическая работа и публицистика. Быстро выяснилось, что большевики имели очень поверхностное, а иногда и просто экзотическое представление о планировании, организации производства и распределения в масштабах народного хозяйства, функционировании банков и де-

¹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. – М.: ТЕРРА, 1994. – 317 с.

нежного обращения. Об этом говорит идея развития экономики страны как «единой фабрики»¹ или представление о государственном банке как о «единой бухгалтерии» для всей экономики страны².

Широко было распространено мнение о том, что конец капиталистически-товарного общества будет и концом политической экономии, поскольку «на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива», а на месте политической экономии «останется одна лишь “экономическая география” – наука идиографического типа и нормативная наука “экономической политики”»³.

Что касается академических дискуссий, то они возобновились только после перехода к НЭПу, когда оказалось, что «кавалерийская атака на капитализм» не удалась, и потребовалось привлечь «буржуазных» специалистов не только к технической работе, но и к содержательному обсуждению экономических и социальных проблем. К слову сказать, большинство ученых, участвовавших в дискуссиях 1920-х годов, были по убеждениям социалистами или близки к ним. Те же, кто придерживался других убеждений, иммигрировали, поменяли специальность или ушли в преподавание математики, географии, статистики, т. е. наук, более или менее далеких от экономической теории.

Дискуссии периода НЭПа затрагивали самые разные стороны жизни.

Аграрная политика и стратегия развития кооперации. Первооткрыватель трудового крестьянского хозяйства А. В. Чаянов предлагал многоэтапный, растянутый по времени путь к сплошной кооперации, а его оппоненты настаивали на максимально быстром переходе к обобществлению крестьянских хозяйств, поскольку последние создавали базу для воспроизводства сельской буржуазии и капиталистических отношений вообще.

¹ История экономических учений / Под ред. В. Автономова и др. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 784 с., С. 421–426.

² Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Звезда и свастика. Большеизм и русский фашизм. – М.: ТЕРА, 1994. – 317 с., С. 155–157.

³ Бухарин Н. Политическая экономия рантье. – М.-Л., 1925. – С. 47. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Bukharin/>

Природа и сущность планового хозяйства, цели и инструменты планирования в социалистической экономике. Первая проблема состояла в том, как рассматривать план: как некий ориентир или директиву. Вторая – насколько радикальной может быть структурная перестройка экономики. Сторонники «генетического» подхода настаивали на постепенном изменении пропорций между секторами хозяйства, а приверженцы «телеологического» подхода были убеждены, что цель оправдывает средства. Первые отстаивали принцип баланса, вторые полагали, что соблюдение равновесия несущественно. Поскольку, как считали многие марксисты, капиталистическая индустриализация проходила за счет ограбления колоний и пролетаризации крестьянства, то и социалистическая индустриализация будет базироваться на перераспределении ресурсов из села и пролетаризации непролетарских элементов города и деревни.

Денежное обращение, кредит и регулирование цен. Г.Я. Сокольников утверждал и подтвердил на практике, что стабильность денежного обращения есть единственный путь к стабилизации и развитию народного хозяйства, а «эмиссия – опиум для народного хозяйства». Подобно С. Ю. Витте он быстро убедился в том, что денежная эмиссия и связанная с ней инфляция приводят не к росту, а к нехватке денег в экономике. Первоначальные иллюзии о том, что можно отменить все налоги и финансировать народное хозяйство исключительно за счет кредитов Госбанка, быстро рассеялись. Видимо, доводы Н. Кондратьева, Е. Слуцкого, А. Конюса и других сотрудников Конъюнктурного института при Наркомфине произвели впечатление на Г. Сокольникова. Но Е. Преображенский и другие «левые» экономисты считали, что повышенное налогообложение частников, «ножницы цен», денежная эмиссия и «социалистический протекционизм» дадут необходимые ресурсы для индустриализации¹. В. В. Новожилов показал в своих работах источники и механизмы инфляционных процессов, а также то, что товарный дефицит, спекуляция и коррупция есть прямое следствие регулирования цен². Его оппоненты счита-

¹ Бухарин Н. Политическая экономия рантье. – М.-Л., 1925. – С. 47. URL: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Bukharin/C.430>.

² Статьи В. В. Новожилова «Пределы инфляции» (1924 г.) и «Недостаток товаров» (1926 г.) были повторно опубликованы только в 1972 г. после смерти автора. См.: Вопросы развития социалистической экономики. URL: <http://victor.sokirko.com/ecomomy/Zes3/1.1.htm>

ли эти утверждения надуманными, а проблемы вполне преодолимыми при правильном выстраивании политики и верной расстановке кадров.

Налоговая политика. Должны ли налоги быть равномерными или допустима дифференциация налоговых ставок для отдельных категорий экономических агентов (государственных и частных предприятий, кулаков и середняков и т. д.)? Можно ли поднимать налоги в условиях замедления темпов роста экономики или предпочтительно снижать налоговый пресс? Как найти баланс между фискальной и регулирующей функциями налоговой системы? Из изложенного выше понятны позиции участников.

Уже во второй половине 1920-х годов темпы роста социалистической экономики замедлились, и началась дискуссия о темпах. Ее итог иронично подвел С. Г. Струмилин, сказав, что предпочитает стоять за высокие темпы, нежели сидеть – за низкие. Многие участники экономических дискуссий 1920-х годов были обвинены в правом уклоне и репрессированы. Другие, такие как В. В. Новожилов, ушли в тень на долгие годы.

Постепенно менялись состав участников дискуссий и те рамки, в которых позволялось высказывать свое мнение. Историк А. Л. Сидоров в своих воспоминаниях писал: «Партийная жизнь в Институте была высоко развита, и в эпоху борьбы с оппозицией часто играла доминирующую роль в определении достоинств человека и в его будущей судьбе. Партийные связи с “верхами”, а не успехи в науках определяли где-то лицо человека. До поры до времени это не сказывалось на тех, кто занимался историей и находил удовлетворение в педагогике или чисто научной сфере. Но постепенно получили ход люди карьеристские, мало интересовавшиеся наукой»¹

Значительный ущерб экономической науке и вклад в деградацию морали в научных коллективах внесла практика назначения на научные должности и перевод на преподавательскую работу в области общественных наук отставных чиновников, партийных функционеров и тому подобных лиц, нуждавшихся в си-некуре, или для «кадрового укрепления ненадежных

¹ *Воронкова С. В.* Аркадий Лаврович Сидоров // Экономическая история. Ежегодник. – М.: Российская экономическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 451.

организаций». Какие уж тут дискуссии?! Разумеется, научные споры продолжались, например об учебнике политической экономии. С итогами можно познакомиться в книге И. Сталина «Вопросы ленинизма»¹.

Дискуссии в период оттепели

Экономические дискуссии с негарантированным исходом возобновились только в конце 1950-х и в 1960-е годы. Можно выделить обсуждение товарного характера производства при социализме, суть которого была в том, что если при социализме производятся, обращаются и потребляются товары, то действуют и объективные законы товарного производства, а если нет – то можно научно обосновать и скалькулировать любые цены и пропорции. Научная общественность разделилась на «товарников» и «нетоварников». Хотя и те и другие считали, что при коммунизме закон цен утратит свое значение, но при социализме, как доказывали «товарники», когда еще не достигнуто товарное изобилие, действуют товарно-денежные отношения с остальным миром, и по ряду других причин товарный характер производства в СССР сохраняется.

Надо отметить, что еще в 1930-е годы отечественная экономическая наука разделилась на чистую теорию – политическую экономию социализма и прикладную экономическую науку, которая занималась решением практических задач: обоснованием размещения производств и сроков строительства, расчетом потребности в ресурсах для реализации отдельных проектов, оптимизацией кооперативных связей предприятий и т. п. Очевидно, что специалисты, занятые подобной работой, во-первых, понимали важность ценовых показателей при обосновании эффективности проектов, а во-вторых, разрабатывали методы измерения затрат и результатов. И они составили ядро «товарников». Итогов дискуссии никто не подводил. Все остались при своем мнении, но представители школ прикладных исследований заявили о создании «конструктивной» экономической науки в противовес политэкономам и тем самым укрепили свои позиции в научном сообществе.

¹ Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. – М.: ОГИЗ, 1945. – 611 с.

Уже в середине 1960-х годов обсуждались применимость и значение экономико-математических моделей в научных исследованиях. Суть дискуссии заключалась в ответе на вопрос: дает ли использование экономико-математических моделей новое знание о социально-экономических процессах или же только некоторые, весьма условные количественные характеристики этих процессов? Следует сказать, что к этому времени советские экономисты разными путями получили доступ к работам своих зарубежных коллег, для которых полезность использования математических моделей и методов в экономических исследованиях давно была бесспорной. Этому способствовало открытие некоторых фондов библиотек, общение с коллегами из социалистических стран, лучше знакомых с работами западных ученых, а потом и очное знакомство с последними. Постепенно расширялся перечень публикаций книг и статей зарубежных авторов. Большую роль в восстановлении отечественной экономической науки сыграло издание многочисленных работ по истории экономической мысли и преподавание соответствующих курсов в университетах. Конечно, содержание этих курсов было основано на критике немарксистских теорий, но для того чтобы критиковать, следовало дать хотя бы самое общее представление о предмете критики. Кроме того, в основе подавляющего числа отечественных учебников лежали труды М. И. Туган-Барановского и ряд высококачественных работ других отечественных ученых¹.

В этой дискуссии речь, конечно же, шла не только и не столько о полезности того или иного инструментария при анализе и прогнозировании развития различных экономических ситуаций, сколько о выборе парадигмы экономической теории. Проницательный академик С. Г. Струмилин сразу понял, что под видом обоснования использования математических моделей в экономических исследованиях протаскивается «буржуазная» теория предельной полезности и предельной производительности, и не принимал активного участия в обсуждениях. Сторон-

¹ Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии. – СПб.: Изд. журнала «Мир божий», 1903. – X, 434 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003717545#?page=1>

Рубин И. И. Современные экономисты на Западе. – М. – Л.: Гос. издательство, 1927. – 324 с.

Блюмин И.Г. О современной буржуазной политической экономии. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1958. – 159 с.

ники экономико-математического направления ссылались на авторитет К. Маркса, говорившего о том, что всякая наука становится таковой только после овладения математическим аппаратом, и указывали на другие преимущества математических моделей: четкость определения понятий и функциональных связей, использование только измеримых и количественно определяемых индикаторов, строгость выводов при принятии определенных гипотез и т. д.

Оппонентам трудно было возражать по существу, и они говорили о том, что жизнь гораздо богаче простых схем и детерминированных связей, а также о том, что использование формальной логики вместо диалектической убивает самое ценное в политической экономии.

Академики Л.В. Канторович и В.С. Немчинов были главной силой в отстаивании экономико-математического направления и организаторами научных подразделений этой специализации. Их активно поддерживали А.Г. Аганбегян, В. В. Новожилов, В.Н. Богачев и многие другие. Создание научных институтов и лабораторий в Москве, Новосибирске, а потом и в других городах, присуждение единственной Ленинской премии по экономике Л.В. Канторовичу, В.С. Немчинову и В.В. Новожилову в 1965 г. фактически подвели итог дискуссии. Одновременно это резко расширило свободу научного творчества, поскольку идеологические работники и цензоры, как правило, не знали и не понимали математики, а аргумент, что выводы подтверждены расчетами на ЭВМ, был беспроблемным. Поле исследований и возможность публикации результатов резко расширились.

Еще одним важным направлением ожесточенных споров был вопрос о пределах хозяйственного расчета социалистических предприятий. Фактически речь шла об использовании рыночных механизмов саморегулирования в социалистическом плановом хозяйстве. В 1960-е годы в европейских социалистических странах, а с 1965 г. – и в СССР начинаются реформы хозяйственного механизма, направленные на расширение самостоятельности предприятий. В теоретическом плане обсуждение шло вокруг проблемы совместимости локального и глобального оптимумов, а в практическом – в перераспределении полномочий, ответственности и, главное, ресурсов, между предприятиями и органами власти. Все шло к тому, что в СССР и других странах-членах СЭВ будет реализована модель, которую позднее

использовали Китай, Вьетнам и некоторые другие страны, но чехословацкие события 1968 г. привели к отказу от реформы в СССР. Дискуссии по вопросам хозяйственной самостоятельности предприятий можно проследить по отечественным журналам, таким как «ЭКО», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство» и др. Публиковались как теоретические статьи, так и анализ деятельности отдельных предприятий и отраслей.

1970-е годы – это период экспериментов. Проводить широкомасштабные реформы власти не хотели, но что-то делать с неэффективной, способной развиваться только экстенсивно экономикой было необходимо. Анализу подобных экспериментов в регионах, на отдельных сельских и промышленных предприятиях, а также в пяти отраслях промышленности и строительства в 1979 г. посвящено множество публикаций, некоторые из них читаются с интересом и сегодня.

Вместо заключения

Данная статья представляет только первую часть обзора экономических дискуссий в нашей стране. Разумеется, она не претендует на полноту и всеохватность проблемы. Не названо большое число работ, не упомянуты многие видные участники обсуждений. Но даже краткая статья или ее фрагмент должны завершаться выводами.

Представленный анализ показывает, во-первых, что наиболее ожесточенные экономические дискуссии происходили в периоды системных кризисов в самой модели развития общества, которые характеризовались не только замедлением или падением производства и потребления, но и тем, что прежние механизмы управления народным хозяйством работали все хуже или не работали вовсе. Структура экономики признавалась неудовлетворительной, но изменить ее привычными методами и инструментами не представлялось возможным. Все это сопровождалось финансовым, бюджетным и управленческим кризисами. Так было накануне перехода к НЭПу и в период его угара, а далее – практически каждое послевоенное десятилетие.

Фактическая проблема, находящаяся в центре дискуссии, в большей или меньшей степени была завуалирована, замаскирована под относительно второстепенные вопросы. Всегда существовали запреты на обсуждение определенных научных про-

блем и вопросов экономической политики. Поэтому участники дискуссий использовали эзопов язык, и соответствующие тексты следует читать между строк, соотнося с историческим контекстом.

Экономические дискуссии оказывали крайне незначительное воздействие на решения органов власти. Последние скорее использовали риторику, терминологию и аргументы ученых и специалистов для обоснования тех решений, которые им казались наиболее удобными с тактической точки зрения. С другой стороны, многие участники научных дискуссий прекрасно понимали зигзаги политического курса и подстраивались под него. Система централизованного планирования и распределения как главное преимущество социализма (в сравнении с капиталистической анархией) фактически не оставляла места для стратегического планирования. Множество авторов показали, что попытки реализации стратегических документов, начиная с программы КПСС и кончая комплексными программами научно-технического прогресса, заканчивались провалом. Экономика становилась все более неконкурентоспособной и инновационной. Все это подталкивало к реформированию базовых институтов государства и общества, но писать об этом было нельзя.

Когда экономика страны приходит в неудовлетворительное состояние, власти и общество обращаются к экономической науке. При этом практически всегда следуют упреки в том, что экономисты недоработали, вовремя не предупредили о приближающихся проблемах, их наука излишне академична и оторвана от реальной жизни, некоторые ученые начинают говорить о кризисе в экономической науке и необходимости разработать новую парадигму. Кризисы в экономической науке, разумеется, бывали неоднократно, но эти упреки в условиях нашей страны огульно адресовать всем ученым несправедливо¹.

Сейчас Россия переживает системный кризис, как это неоднократно случалось за последние сто лет. Речь идет не просто о рецессии, падении производства и потребления. Такое периодически бывает и проходит почти само собой просто в силу того, что люди, как правило, стремятся улучшить свою жизнь, и, если

¹ *Клисторин В.И.* О кризисе экономической науки в стране и мире // ЭКО. – 2009. – № 3. – С. 22–40.

это не делается за счет других, экономика растет естественным образом. Другое дело, когда основные институты построены так, что перераспределительные механизмы работают более эффективно, нежели созидательные, и отнять и поделить – быстрее, проще и безопаснее, чем создавать новое богатство. Все это накладывается на потерю конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках. Это и называется системным кризисом, выход из которого осуществляется не просто расшивкой узких мест и залатыванием дыр, но перестройкой базовых институтов, без которой представляется невозможным изменение структуры экономики и приведение в соответствие факторов цены и производительности.

Кроме уже общепризнанной рецессии, в России имеют место финансовый (бюджетный, банковский и биржевой) кризис и кризис управления, выражающийся в создании все новых ведомств и перераспределении полномочий между ними, постоянных предложениях со всех сторон о создании, наряду с Правительством РФ, некоего органа стратегического управления и органов по координации ведомств. Но если Правительство не осуществляет эти функции, то возникает естественный вопрос о том, чем оно, собственно, занимается, и как принимаются решения на самом деле?

Все это сопровождается активными дискуссиями как о путях дальнейшего развития страны, так и вокруг методологии экономической науки. Когда экономика страны движется явно не в нужном направлении, и за что ни возьмись, изменить ситуацию невозможно, когда привычные методы и инструменты работают все хуже – дискуссии не просто обостряются. Позиции участников все более радикализируются, они все менее стесняются в выражениях, а аргументами в научных спорах все чаще становится обвинение оппонента в безграмотности, политической ангажированности и даже в предательстве Родины.

Собственно, для развития экономической науки, равно как и любой другой, дискуссии необходимы. Но в жизни нашей страны в XX веке неоднократно наблюдались дискуссии иного рода, а именно те, о которых говорилось выше.

1.7. Былое и думы. Ч. II. Экономические дискуссии времен перестройки¹

В первой части статьи был представлен краткий обзор экономических дискуссий на разных этапах социалистического развития страны. Рассматривались предмет и тематика, методы и позиции участников обсуждений. Мы пытались понять, почему выдвигались те или иные вопросы, каковы были итоги для науки, практики и общества в целом. Ранее обзоры эволюции отечественной экономической науки были выполнены разными авторами, некоторые из них упомянуты в первой части статьи. Профессор Ю. Я. Ольсевич предложил рассматривать в качестве главного фактора формирования парадигмы и тематики исследований не столько проблемы развития социалистического хозяйства, сколько запросы правящей бюрократии². В своей работе он делает важный вывод о том, что в 1970-х – 1980-х годах произошел отказ от идеи строительства коммунизма, равно как и от различных вариантов рыночного социализма, в пользу неограниченного во времени этапа «совершенствования социализма». В теории на авансцену выходят концепции «развитого социализма», с одной стороны, и «системы оптимального функционирования экономики» (СОФЭ) – с другой³.

Экономические дискуссии в эпоху застоя

Период 1970-е – начало 1980-х годов получил название «эпохи застоя». Но любое лапидарное определение более или менее продолжительного периода жизни страны всегда будет неточным. Это было время достаточно серьезных и крупных событий и решений. Строились БАМ, КАМАЗ и Атоммаш, КАТЭК, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс и магистральные нефте- и газопроводы, ГЭС на Енисее и Ангаре (Саяно-Шушенская, Усть-Илимская, Богучанская), города и комплексы предприятий при них, была принята программа развития Нечерноземья. Перечень крупнейших проектов можно продолжить. Бурно рос и качественно менялся военно-промышленный ком-

¹ ЭКО. – 2016. – №3.

² История экономических учений: (современный этап). Учебник / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 733 с., С. 535–539, 554–591.

³ Там же, С. 538.

плекс. Не менее активно проявлял себя СССР и на международной арене. Помимо вьетнамской и афганской, страна была вовлечена и в другие войны и конфликты: в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке. Перечень можно продолжить.

Не наблюдалось застоя и в различных областях интеллектуальной и культурной жизни страны. Можно долго перечислять фамилии писателей, поэтов, режиссеров и артистов, художников, инженеров и ученых, их достижения и вклад в соответствующие отрасли интеллектуальной деятельности.

Тогда почему же застой? Становилось очевидным, что, несмотря на все свои достижения, централизованная плановая советская экономика постепенно проигрывает соревнование с децентрализованной рыночной экономикой условного Запада. Темпы прироста экономики СССР вроде бы вдвое превышали показатели США, но разрыв в масштабах экономик и производительности труда не уменьшался. Особенно впечатляла разница в качестве продукции.

Стали явными проблемы в инновационном развитии страны. Научные открытия годами не превращались в технологии, а последние не находили спроса со стороны промышленности и других отраслей. Появился термин «внедрение», фактически означавший систему принуждения к технологическому обновлению. В полувоенных структурах, вроде отраслей «девятки», внедрение шло лучше, но в остальных тормозилось. Одновременно функционировала целая индустрия промышленного шпионажа и копирования зарубежных технологий. Плохо обстояло дело с эффективностью использования ресурсов. По показателям производительности труда, материалоемкости и эффективности инвестиций СССР отставал от промышленно развитых стран. Экономика была тяжелой и неповоротливой. Это означало экстенсивный тип развития, который неизбежно приводил к стагнации по мере исчерпания ресурсов. Если в довоенные и первые послевоенные годы промышленность в целом, и ВПК в особенности, были реципиентами, а донорами были аграрный сектор и природно-ресурсный потенциал, то в 1970-е уже и аграрный сектор стал реципиентом. Вспомним ежегодные поездки на сельскохозяйственные работы студентов и сотрудников большинства предприятий и организаций. СССР превращался в сырьевую державу, зависимую от конъюнктуры мировых рынков.

Неизбежное торможение экономического развития наслаивалось на быстрое снижение вертикальной социальной мобильности. Был популярен такой анекдот: «Может ли сын генерала стать маршалом? Нет, поскольку у маршала тоже есть сын». Общество все более стратифицировалось, и каждая из социальных и профессиональных групп постепенно «закукливалась». То же самое относилось и к сфере управления, партийным органам и силовым ведомствам. Обычными стали династические браки, наследование должностей и званий в науке и образовании, промышленности, в партийных и советских органах, министерствах и ведомствах. Окончательно оформилась советская элита на месте старой номенклатуры. Эта элита воспроизводилась в автономном режиме, в отличие от номенклатуры, которая формировалась и обновлялась под жестким партийным контролем. Комсомол и высшее образование перестали быть гарантами карьеры.

Свертывание реформ, связываемых с именем А. Н. Косыгина (правильнее сказать А.Г. Либермана), из-за страха потери управляемости в стране и превращения рыночного социализма в либерализацию политической жизни по чехословацкому образцу породили уныние у части интеллигенции, включая экономистов. Накапливалась усталость от того, что теоретические обсуждения и практические рекомендации ходили по кругу, что резко контрастировало с явным прогрессом в других науках и с достижениями зарубежного обществоведения. Все это дополнялось ощущением того, что страна живет в атмосфере лжи. Трудно верить официальной статистике, речам руководителей партии и Правительства, СМИ, когда из года в год читаешь и слышишь победные религии, а личные ощущения и разговоры на кухне свидетельствуют о другом. Фальшивым было, казалось, все: от всенародного обсуждения основных направлений развития народного хозяйства СССР на очередную пятилетку, собраний и конференций, до выборов любого уровня.

Директора уже рассматривали предприятия как свою собственность и устраивали для себя автономное пространство: строили жилье и базы отдыха, детские сады и спортивные площадки, подсобные хозяйства и цехи, помогали, а фактически содержали местные советы, парткомы и профкомы. В некоторых сельских районах фактически уже не было и советской власти, поскольку все, от милиционеров до суда, содержались на средства совхозов.

Что касается научных дискуссий, то они концентрировались, во-первых, вокруг технологии планирования, когда правильные методы агрегации и дезагрегации показателей позволяют согласовывать оптимальные планы на уровне народного хозяйства, отраслей, экономических районов, а их, в свою очередь, – с планами краев, областей, городов и предприятий. Эта деятельность стимулировалась разработкой и внедрением АСУ.

Параллельно шли споры о том, какие показатели или системы показателей в наибольшей степени отражают цели социалистического воспроизводства. Что лучше: объем товарной или реализованной, чистой или нормативно-чистой продукции и т. д. Точно такая же дискуссия велась об экономической сущности и практическом использовании норматива эффективности капитальных вложений – должен ли быть этот норматив единым для народного хозяйства или дифференцированным для различных отраслей, регионов или типов проектов, какова его связь с ограниченностью фонда капитальных вложений, темпами роста экономики, ставкой платы за фонды или банковским процентом и т. д.

Эти дискуссии носили схоластический характер хотя бы в силу того, что ценообразование в СССР оставалось плановым и централизованным. Для обоснования эффективности некоторых проектов проще было доказать их народнохозяйственную и социальную эффективность и исходя из этого обосновать необходимость корректировки цен на новую продукцию, нежели привести калькуляцию на базе стандартных нормативов.

В основе цен лежали так называемые общественно необходимые затраты и норматив рентабельности, что почти автоматически вело к их установлению на уровне среднеотраслевых. Вне зависимости от того, какой концепции придерживались экономисты (цены производства, стоимостной, цен оптимального плана (ООО-оценок) или равновесных), результат был один и тот же – затратное ценообразование и рост издержек на лоббирование и согласование.

Следующее направление исследований можно определить как дискуссии вокруг оценки эффективности капитальных вложений и новой техники, территориальной организации хозяйства, инфраструктурных проектов и освоения новых территорий. Потом эта тематика стала включать и проблемы реконструкции промышленных узлов и районов. Споры шли вокруг сочетания отраслевого и территориального принципов управления народным хозяйством.

Большое развитие получили комплексные региональные исследования на стыке экономики, демографии, социологии и географии.

Особым направлением экономических исследований следует считать оценку природных ресурсов для выбора вариантов их хозяйственного освоения, обоснования платежей за использование природных ресурсов, определение «оптимального» уровня загрязнения окружающей среды в целях недопущения ее деградации. Особо следует выделить работы по экономической оценке земель, в том числе и городских, которые базировались на марксистской теории ренты и, следовательно, приводили к обсуждению так называемого противоречия между первым и третьим томами «Капитала».

Все эти проблемы, при всей их важности, имели слабое отношение к коренным проблемам развития советского общества. Преобладал технократический подход к их решению. Считалось, что при достаточном обеспечении вычислительными мощностями и памятью ЭВМ, должном финансировании и организации контроля за полнотой и качеством информации экономика действительно достигнет оптимального состояния и встанет на траекторию устойчивого развития.

Эмпирическим исследованиям придавалось сравнительно небольшое значение, поскольку их результаты применялись скорее для подтверждения теоретических выводов. Используемые методы экономического анализа в большинстве своем были примитивными, застрявшими на уровне начала – первой половины XX века. Для обоснования решений мало помогали экономические эксперименты, поскольку они часто проводились в несопоставимых условиях.

Специалисты тех институтов, которые выезжали в экономические и социологические экспедиции, лучше знали реальное положение дел в экономике, но не все материалы полевых исследований могли публиковаться, многие из них были засекречены. Итог проведенной работы подвел Ю. В. Андропов, который сказал, что мы плохо знаем общество, в котором живем и работаем.

Дискуссии в период перестройки и гласности

Приход к власти М. С. Горбачева не обещал ничего принципиально нового, кроме обновления состава и омоложения высшего партийного руководства и Правительственного аппарата. Но

новому руководству нужны новые лозунги и идеи. Такими лозунгами стали антиалкогольная кампания и программа ускорения. Стагнация в экономике объяснялась упадком морально-нравственных ценностей и трудовой дисциплины на фоне высокого потребления алкоголя и плохого использования ресурсов из-за недостатков в работе ряда министерств. Первая проблема должна была быть решена запретами и уничтожением сырьевой базы производства алкоголя, вторая – укрупнением министерств и ведомств и более жестким контролем за их работой. Предполагалось, что это позволит более эффективно использовать ресурсы и поднять уровень жизни населения.

После провозглашения политики гласности освобождение некоторых диссидентов, перевод ряда книг из спецхранов в открытые фонды и тому подобные практические шаги привели к взрыву дискуссий и резкой смене их тематики. Прежде всего, ре-визии подверглись оценки результатов социалистического строительства, достижения и невозвратные потери эпохи И.В. Сталина и успехи СССР в соревновании двух систем. Интересно, что обсуждение этих вопросов шло не столько в экономических, сколько в литературных журналах, вроде «Нового мира», и публицистических изданиях, от «ЭКО» до журналов «Огонек» и «Век XX и мир». Необходимо выделить статьи В. Селонина и Г. Ханина «Лукавые цифры»¹ и Л. Попковой (Л. И. Пияшевой) «Где пышнее пироги?»² и ответ О. Лациса на статью Л. Пияшевой³ опубликованные в «Новом мире» в 1987 г.

В первой статье представлена жесткая критика советской статистики, которая, манипулируя ценами, систематически завышала результаты экономического развития страны. Это приводило к дезориентации всех субъектов, включая властные органы. Отдавая приоритет оценкам в натуральных показателях, авторы указывают, что «денежные измерители исправно служат там, где деньги играют активную роль в экономике, являются важнейшим инструментом хозяйственного механизма. При чрезмерной централизации, при тотальном планировании и директив-

¹ Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. тр. в 2 т. Т.1. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 384 с

² Попкова Л. Где пышнее пироги? // Новый мир. – 1987. – № 5. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processpopkova.htm>

³ Лацис О. Зачем же под руку толкать? // Новый мир. – 1987. – № 7. URL: <http://www.agitclub.ru/gorby/glasnost/processlazis.htm>

ном распределении практически всех ресурсов деньги своих функций не выполняют»¹. То есть, присутствует намек, что дело даже не в статистике, а во всей политико-экономической системе реального социализма.

Еще дальше в своих рассуждениях пошла Л. Пияшева, писавшая фактически о том, что план и рынок несовместимы, и рассуждения о рыночном социализме в лучшем случае есть заблуждение и благоглупость. О. Лацис, тонко чувствовавший опасность, ответил, что советский вариант социализма не следует воспринимать как приговор системе, социализм имеет резервы для своего улучшения.

Эти работы породили бесчисленное количество публикаций, в которых, наряду с развенчанием культа личности и критикой достижений реального социализма, предлагались практические рецепты реформирования экономики и общества. Редакции журналов были завалены статьями на эти темы. Кое-где такие работы получили название «доцентских писем», которые надлежало выбрасывать в корзину.

Здесь следует сделать отступление по поводу экономического образования в СССР. Изучение курсов политической экономии капитализма и социализма давало отрывочные, искаженные и в большинстве случаев неверные представления о функционировании этих политико-экономических систем. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина были разобраны на цитаты, которые воспринимались как догматы, вне исторического контекста, целей и замысла произведений. Ссылки на классиков и решения съездов КПСС были главным аргументом в дискуссиях. Поэтому представление о том, как функционирует институциональная система той или иной страны, включая собственную, было крайне поверхностным. Эти знания были дополнены моделями из зарубежных учебников и переводных книг, которые ранее критиковались отечественными специалистами.

Долгие годы изучения должного вместо реальности не могли не повлиять на квалификацию ученых и мировосприятие общественности. Все это сказывалось на качестве анализа, воспитывало некритическое отношение к научным текстам, публицистике и реальной жизни. Все мы были догматиками, хотя и в разной степени, что не мешало ожесточенной полеми-

¹ Ханин Г.И., цит. Произведение, С. 40.

ке. С этой точки зрения интересна статья В. Н. Богачева, в которой он разбирает заблуждения и упрощенность рекомендаций своих коллег¹.

Предложения по реформированию экономики часто были утопичными и сводились к рекомендациям «от противного», т. е. если при социализме цены директивные, то при капитализме – свободные, если при социализме преследуются спекуляция и частная инициатива, то при капитализме они ничем не стеснены и т. д. Или, наоборот, предлагался возврат к «очищенному социализму», который возможен, если набрать две тысячи грамотных и честных специалистов, создать эффективную систему контроля, убрать привилегии номенклатуры и установить научно обоснованные цены.

Меньшинство призывало вернуться к ленинским принципам и строительству социализма по Марксу, большинство уже не ссылалось на авторитеты и предлагало различные варианты реформ для того, чтобы двинуться в сторону Швеции, Польши, Чили или в каком-то ином направлении, но только подальше от реального социализма.

Обзор экономических дискуссий времен перестройки выполнил Г. И. Ханин². Он выделил четыре группы участников дискуссии и, соответственно, четыре концепции реформ: модифицированная командная система; концепция двухсекторной экономики; постепенный переход к рыночной экономике и радикальная рыночная реформа. Сами наименования групп дают представление об идеологических позициях и предложениях авторов. Г. И. Ханин пытался соблюсти объективность в своем анализе, но видно, что он симпатизирует сторонникам мобилизационного пути реформирования экономики, хотя и отмечает их слабость в обосновании позитивных рекомендаций³. Он отдает должное авторам, особенно зарубежным, предлагающим медленный переход к рыночной экономике. Следует отметить, что иностранные специалисты, изучавшие экономику СССР, гораздо большее внимание уделяли анализу экономических процессов и использованию количественных методов в отличие от отечественных авторов, предпо-

¹ Богачев В.Н. Освоить бы накопленное // ЭКО. – 1987. – № 6. – С. 119–133.

² Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. тр. в 2 т. Т.2. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – 371 с. С. 4–37.

³ Там же, С. 19.

читавших качественный анализ, разбор кейсов и уделявших большое внимание идеологическим и политическим факторам и ограничениям¹.

Более краткий, но при этом более емкий анализ идеологических и политико-экономических воззрений участников дискуссии представил С.Г. Кордонский², который попытался выявить возможные коалиции групп со схожими интересами и высказал предположение о вероятном союзе бюрократии и сторонников радикальных реформ.

Самым важным в этих дискуссиях было снятие табу на обсуждение реальных проблем экономики и общества и осознание того, что экономические проблемы страны имеют политические корни. С точки зрения качества научной проработки и обоснованности выводов и рекомендаций сторонники градуализма были много выше своих оппонентов как слева, так и справа. Но нарастающий политический и экономический кризис резко сужал поле выбора действий. Элиты и общество быстро радикализировались, что и привело к последующим событиям.

Это наглядно видно при сравнении содержания двух сборников статей, выпущенных под общей шапкой «Социализм. Гласность. Перестройка». Если первый, вышедший в 1988 г., назывался «Постижение»³ и включал преимущественно аналитические статьи, то второй, «Погружение в трясину»⁴, опубликованный в 1991 г., уже был откровенно публицистическим, а его содержание можно свести к названию фильма С. Говорухина «Так жить нельзя», вышедшего на экраны в то же время.

Рабочая группа под руководством академика С. С. Шаталина разработала программу под названием «Переход к рынку»⁵, в которой был представлен квалифицированный анализ основ-

¹ См., например *Хьютт Э.* Экономические реформы в СССР. 1985–1987 гг. // ЭКО. – 1989. – № 6. – С. 37–48.

² *Кордонский С.Г.* Три мифа и четыре кита перестройки // Век XX и мир. – 1990. – № 4. – С. 19–26.

³ *Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа.* /Ред.-сост. Ф.М. Бородкин, Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина. – М.: Прогресс, 1988. – 332 с.

⁴ *Погружение в трясину (Анатомия застоя)* /Сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. – М.: Прогресс, 1991. – 704 с.

⁵ *Шаталин С.С., Петраков Н.Я., Явлинский Г.А.* и др. Переход к рынку. Концепция и Программа. – М.: «Архангельское», 1990. – 239 с.

ных тенденций и проблем развития страны, перечислены сценарии и варианты действий: постепенные преобразования, откат и радикальная экономическая реформа¹. Последний сценарий, несмотря на название, предполагал последовательность и градуализм.

Дальнейшая полемика привела лишь к потере времени, и программа не была реализована. Но она сыграла огромную роль в смене дискурса. На первый план вышли проблемы состава бюджетных расходов, структурный маневр в инвестиционной сфере, конверсия, преобразования финансовой системы, приватизация, поддержка предпринимательства, создание рыночной инфраструктуры и другие. Поскольку многие проблемы были слабо освещены в отечественной научной литературе или просто игнорировались, возникли претензии к экономической теории².

Вместе с тем решения, принимаемые руководством страны исходя из тактических соображений и на основе множества компромиссов, каждое из которых имело рациональное обоснование, приводили в целом к быстрому ухудшению ситуации. Нормативные акты о деятельности предприятий, государственном заказе, кооперации, арендных отношениях, совместных предприятиях и т. д. привели к бесконтрольным процессам приватизации оборотных средств предприятий, роста денежного навеса и дефицита товаров, увеличения внешнего долга страны, развития частного сектора, в основном за счет спекуляции.

Заключение

Бурные экономические дискуссии происходили в разные периоды жизни нашей страны. Общим было то, что структура и темпы развития экономики признавались неудовлетворительными, система и механизмы управления народным хозяйством вызвали недовольство как сверху, так и снизу. Попытки решать проблемы по мере их выявления приводили к неожиданным и нежелательным последствиям.

¹ Шаталин С.С., Петраков Н.Я., Явлинский Г.А. и др. Переход к рынку. Концепция и Программа. – М.: «Архангельское», 1990. – 239 с., С. 23–24.

² Майбурд Е.М. Снимем шляпу Карла Маркса с нашей головы // ЭКО. – 1991. – № 8. – С. 209–213.

С приходом к власти М.С. Горбачева в обстановке гласности резко изменились тематика и тон дискуссий. Поставив под сомнение достижения и преимущества реального социализма, участники обсуждений увязали решение экономических проблем с политическими вопросами. Но, как и ранее в отечественной истории, экономические дискуссии оказывали крайне незначительное воздействие на решения органов власти. Последние скорее использовали риторику, терминологию и аргументы ученых и специалистов для обоснования тех решений, которые им казались наиболее удобными с тактической точки зрения. С другой стороны, многие участники дискуссий прекрасно понимали зигзаги политического курса и подстраивались под него.

Экономические дискуссии времен перестройки выявили, что общедоступная аналитика оказалась на крайне низком уровне, ученые изучали не то и не так и фактически обманывали общественность, власти и самих себя. Как бывает всегда в периоды экономической и социальной турбулентности, происходило развенчание авторитетов, и на сцену выходили новые, среди которых было много жуликов и демагогов.

По мере ухудшения состояния экономики и усиления недовольства различных групп населения росла поляризация точек зрения по поводу причин кризиса и направлений дальнейшего развития. Власти же пытались балансировать между ними, что приводило к потере времени и сужению доступных альтернатив.

Как мы теперь понимаем, под аккомпанемент дискуссий о методологии планирования и прогнозирования, пределах хозяйственной самостоятельности предприятий в период «застоя» страна шла к экономическому и политическому кризису. Точно так же на фоне обсуждения альтернативных направлений и темпов экономических преобразований, различных программ перехода к рынку в СССР создавались первые банки и биржи, появились десятки и, возможно, сотни тысяч частных предприятий, на которых работали сотни тысяч, если не миллионы человек. В условиях правового вакуума появились первые миллионеры, шла деградация государственного аппарата, набирали силу коррупция и организованная преступность. Наступала новая эпоха, которая породила иную систему отношений, иную социальную организацию общества и иные дискуссии.

1.8. К столетию падения Запада и заката Европы¹

*Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость твердого порядка.*

Булат Окуджава

*Является ли скептицизм модным учением?
Скептики смотрят на это скептически*

Станислав Е. Лец

Летом 1918 г., когда поражение Германии и ее союзников в Первой мировой войне стало очевидным, а в формально вышедшей из войны России надвигалась гражданская война, Освальд Шпенглер публикует первый том своего самого известного произведения «Der Untergang des Abendlandes» в переводе на русский – «Падение Запада», или «Закат Европы»². Ужасы войны, ощущение, что мир меняется и уже никогда не будет прежним, предчувствие грядущих катаклизмов и, наконец, яркое название обеспечили книге исключительный успех: в короткие сроки она была переведена на другие языки и выдержала 32 издания.

Гений Шпенглера проявился в том, что он, будучи совсем молодым человеком, сформулировал основные идеи работы еще в 1911 г., задолго до начала войны, и в последующие годы их развивал, шлифовал и переносил свои мысли на бумагу. Работа Шпенглера оказала огромное влияние на множество других крупных ученых – от А. Тойнби и С. Хантингтона до Л.Н. Гумилева, которые не соглашались с ним, но находились под сильным влиянием основной идеи – выявление механизмов зарождения, развития, расцвета и упадка великих цивилизаций. Эта книга, несомненно, оказала влияние и на художественную литературу, породив множество антиутопий.

¹ ЭКО. – 2017. – № 7.

² Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука» Сибирская издательская фирма, 1993. – 592 с. В статье приведены ссылки на это издание с указанием соответствующих страниц.

Другой вариант перевода можно найти в Интернете: URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml;

http://fictionbook.ru/author/osvald_shpengler/zakat_evropyi_tom_1/read_online.html?page=3

«Закат Европы» сейчас, как и все другие классические произведения, за исключением специалистов, мало кто читает. Но само название книги превратилось в своеобразный мем, устойчивое словосочетание, живущее собственной жизнью. Идею об упадке Запада и закате Европы нещадно эксплуатируют политики и публицисты вне зависимости от политической позиции или идеологической ориентации и даже при полном отсутствии таковых.

Шпенглер был книжным, даже кабинетным ученым. Все свои знания он выносил из чтения книг, а во время написания «Заката Европы» вообще закрылся в стенах своего кабинета, прекратив общение с коллегами. Исключив, таким образом, контакты с действительностью, он жил в своем мире, пытаясь силою собственной мысли объяснить ход истории. При этом, судя по ссылкам, он воспринимал высказывания многих людей, от Наполеона до Бисмарка, как такие же факты, как битва при Маренго или объединение Германии. Эрудиция автора и широта охвата проблемы поражают читателя, при этом в книге заметен налет немецкого романтизма, который неоднократно приводил крупных ученых к неверной интерпретации фактов и ложным построениям. Наконец, О. Шпенглер по своим политическим взглядам был, несомненно, консерваторм и пессимистом, т.е. человеком, который отчетливо видел признаки упадка в социальной жизни, а прогресс сводил только к материальным условиям жизни.

Немного о самой книге

Провести сколько-нибудь содержательный анализ «Заката Европы» в короткой статье невозможно из-за невероятного объема материала и множества идей, развиваемых автором. Да в этом и нет необходимости, поскольку существует обширная литература на эту тему. Для понимания масштаба работы достаточно прочитать оглавление «Заката Европы» на семи страницах, а развернутое предисловие профессора А.П. Дубнова убеждает в том, какие жаркие дискуссии спровоцировало это издание. Причем каждый из комментаторов находил в книге что-то свое, понимал и толковал ее содержание по-своему.

Сам Шпенглер так определил цель своей работы: «В настоящей книге впервые делается смелая попытка предугадать ход истории. Замысел ее – проследить судьбу культуры, притом единст-

венной, которая в настоящее время на земле считается совершенной, именно – судьбу западноевропейской культуры в ее не истекших еще стадиях»¹. Европейскую культуру он рассматривал в ряду других, полагая, что все культуры равноправны и, при всей их оригинальности, сопоставимы в части прохождения определенных стадий развития, которые заканчиваются упадком и гибелью. Отказ от европоцентризма в настоящее время вполне принят в современной науке и общественном мнении, но тогда звучал свежо и дерзко.

Сама по себе идея построить если не теорию, то хотя бы философию истории не нова. Еще более распространена точка зрения, что все, что имеет начало в истории, имеет в ней же и конец. Например, К. Маркс стремился открыть законы исторического развития и выяснить, почему и каким образом современный ему капитализм погибнет в результате нарастания внутренних противоречий и саморазрушения. О. Шпенглер не соглашался со своими предшественниками, особенно с Гегелем и Марксом, но, пусть и по-иному, ставил по сути те же вопросы.

Недовольство работами профессиональных историков со стороны интеллектуалов общеизвестно. Вспоминается шутка, что историк подобен человеку, который едет в карете по незнакомой местности и, изредка выглядывая в заднее окно, пытается понять, куда же она движется. Профессионализм историков и скрупулезное установление и обоснование ими фактов не удовлетворяли философов, которые были убеждены в том, что историки не видят за деревьями леса.

«Мы, люди западноевропейской культуры – явления почти точно ограниченного промежутком времени между 1000 и 2000 годом после Р.Х. – являемся исключением, а не правилом. “Всемирная история” – это наша картина мира, а не принадлежащая человечеству»². Историю, действительно, обычно пишут победители. С этой точки зрения это высказывание банально. Но теперь очевидно, что Европа породила современную науку, в том числе и историческую, которая распространила свои принципы и методики на все страны и установила стандарты для исследователей во всем мире, вне зависимости от культурных традиций других народов.

¹ Шпенглер, С. 34.

² Там же, С. 48.

О. Шпенглер придерживался широко распространенной среди немецкой профессуры идеи, что в любом обществе динамизм и направление его развития задают именно культура или дух. Материальные факторы (по Марксу – производительные силы) могут развиваться только в рамках определенной культуры и отражают ценности и цели, которые органично ей присущи. Культура у Шпенглера понимается как особый способ восприятия мира, не свойственный другим культурам. Он касается восприятия пространства и времени, следовательно, понимания чисел и количественных измерений, отношения к жизни и смерти, формирует определенную этику и эстетику и находит свое отражение в религии и государственном устройстве.

О. Шпенглер выделял семь различных культур: египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую, античную, майя, арабскую (арабо-византийскую) и современную европейскую. Каждая из них, по его мнению, существовала примерно 1000 лет и потом умирала. Процесс угасания мог растягиваться на столетия, но финал был неизбежен. На первой странице Шпенглер задается вопросом – применимы ли основные понятия всего органического (рождение, смерть, юность, продолжительность жизни) к культуре народов, и всей своей книгой, от названия до последнего слова, пытается обосновать положительный ответ.

Поэтому особой задачей Шпенглер считал диагностику угасания культуры, выделение признаков ее деградации. Очевидно, это было нетривиальной задачей, поскольку угасание, если принять аналогию с живыми организмами, начинается сразу после стадии наивысшего расцвета и, возможно, параллельно с ней.

Разработанная Шпенглером продолжительность фаз цикла развития культуры не совпадает с историческими данными, будь то культура майя или Китая. Скорее это привязка именно к европейской культуре, история которой была ему хорошо известна. Сейчас наука выделяет гораздо большее число культур, наши знания об их развитии гораздо обширнее, чем в начале XX века. Более того, Шпенглер не мог не знать об империях персов, инков, гуннов, монголов и многих других, но их история не укладывалась в его концепцию.

Если исходить из идеи Шпенглера, что культуры различаются по восприятию мира и потому существуют автономно, то непонятен феномен параллельного существования различных сообществ и культурного обмена между ними. Хотя в книге можно найти

множество и других, мягко говоря, спорных утверждений, это не умаляет важность самой постановки проблемы: дальнейшей эволюции и судьбы западной цивилизации.

Шпенглер определил исторические рамки стадии угасания европейской культуры: «Исходя из установленной точки зрения на мир, морфологически определить строение современности, точнее говоря, времени между 1800 и 2000 годами. Следует выяснить временное положение этой эпохи внутри всей западной культуры в ее целом, ее значение как биографического отрезка, необходимо встречающегося в той или иной форме в каждой культуре, а также органическое и символическое значение свойственных ей сочетаний политических, художественных, умственных и социальных форм»¹.

Высшую стадию развития культуры Шпенглер определил как стадию цивилизации. «Под этим углом зрения падение Западного мира представляет собой не более и не менее как *проблему цивилизации*. В этом заключен один из основных вопросов истории. Что такое цивилизация, понимаемая как логическое следствие, как завершение и исход культуры?». Далее он пишет, что у каждой культуры – своя собственная цивилизация, но она неизбежно является завершающей стадией развития. «Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществлять которые способен высший вид людей»². По всей книге разбросано множество примеров вступления различных культур в стадию цивилизации. Признаки этого Шпенглер находит в архитектуре, музыке, изобразительном искусстве, науке и литературе. Но главные, как представляется, признаки наступления фазы цивилизации он видит в империализме, социализме и урбанизации. К этому следует добавить такие черты, присущие образованному горожанину, как рационализм, скептицизм и атеизм.

Немного о методе исследования. Шпенглер считал, что общественные науки, в отличие от естественных, предполагают иной метод познания. «Средством для понимания мертвых форм служит математический закон. Средством для уразумения живых форм – аналогия». Он скептически оценивает возможности такого подхода, поскольку «техники сравнения еще не существует», и

¹ Шпенглер, С. 63.

² Там же, С. 69.

«никто еще не подумал о выработке метода»¹. Он был неправ, поскольку методы сравнительного анализа в общественных науках успешно использовались уже в XIX веке, а в настоящее время появилась целая наука – компаративистика. Впрочем, в целом сравнительные исследования еще сохраняют элементы искусства. В своей работе, помимо аналогии, Шпенглер использовал и аллэгорию. Отсюда его постоянные отсылки к «усталости духа», «пресыщению души культуры», противопоставление и поиск сходства в развитии фаустовской, аполлоновской и магической душ, находящихся свое выражение в архитектуре, музыке и изобразительном искусстве, и т.п.².

Урбанизация

На определенной (завершающей) стадии развития общества бездушные, практицизм, погоня за материальным успехом начинают превалировать в нем и распространяются на все слои общества. Рост крупных городов, мировых столиц является наглядным выражением этого процесса. Очевидно, что Шпенглер писал о гиперурбанизации. В рамках цивилизации происходит разделение на города и провинции, и глобальный город побеждает глобальную деревню. Важно подчеркнуть, что если ранее культура развивалась повсеместно, то на завершающей стадии она эволюционирует только в столицах. Таково его представление о Римской империи или империи майя, где вся общественная жизнь стягивалась в столицу. Судьба большинства горожан при этом была незавидной. «Римский народ ютился в невообразимой нищете по мелким наемным квартирами многоэтажных домов в мрачных предместьях»³. Даже родовая аристократия уступала место спекулянтам-нуворишам.

В городах народ исчезает, а ему на смену приходит население, зависимое от узкой группы правителей и живущее подачками государства, которое их же и обдирает. «Мировой город населен не народом, а массой. Ее непонимание традиции и борьба с традицией, которая является, в сущности, борьбой с культурой (с дворянством, церковью, привилегиями, династией, условностями в искусстве, границами познания в науке), ее острая и холодная

¹ Шпенглер, С. 35–36.

² Там же, С. 239 и далее.

³ Там же, С. 73.

рассудочность, превосходящая мужицкую рассудительность, ее натурализм в совершенно новом смысле, идущий во всех половых и социальных вопросах гораздо дальше Сократа и Руссо и возвращающийся к первобытным инстинктам и состояниям, ее "panem et circenses" (хлеба и зрелищ), снова появляющееся в настоящее время под личиной борьбы за заработную плату и спортивных состязаний, – все это, в противоположность окончательно завершенной культуре провинции, есть выражение совершенно новой, поздней и лишенной будущего, но неизбежной формы человеческого существования»¹.

«Стать провинцией – такова судьба целых стран, которые не входят в круг излучения этих городов, как некогда это было с Критом и Македонией, а теперь со Скандинавским севером»². Шпенглер обращает внимание на процесс стягивания культурной и деловой жизни в столицу и превращение множества других центров оригинальной культуры в безликую провинцию. На месте множества городов и поселений формируется провинция во главе с мировым городом, что и является свидетельством культурной деградации. «Мировой город – это означает космополитизм вместо "отечества", холодный практический ум вместо благоговения к преданию и укладу, научная иррелигиозность в качестве окаменелых остатков прежней религии сердца, "общество" вместо государства, естественные права вместо приобретенных. И, наконец, окончательное закрепление особой функции денег в качестве неорганического абстрактного фактора, лишенного связи с ценностями первоначального уклада жизни»³.

Империализм

По Шпенглеру империализм, т.е. страсть к безудержному расширению границ и распространению собственных порядков на другие страны и территории, есть цивилизация в ее чистом виде. Империализм – неизбежная судьба любой зрелой культуры, в том числе и западной или европейской. Шпенглер объясняет это так: «Энергия культурного человека устремлена вовнутрь, энергия цивилизованного – во внешнее»⁴. Именно поэтому зрелая ци-

¹ Шпенглер, С. 72.

² Там же, С. 71.

³ Там же, С. 71–72.

⁴ Там же, С. 77.

визация начинает безудержную экспансию. Это очень спорное утверждение. Шпенглер приводит пример Римской империи и историю ее завоеваний как завершение античной цивилизации. Далее он проводит аналогию с экспансией европейских стран в XIX веке. Но создание империи Александра Македонского произошло задолго до завоевания Римом Галлии и Африки, а экспансия Испании, Португалии и России – задолго до создания колониальных империй Англии и Франции.

Великое переселение народов, о котором Шпенглер не мог не знать, произошло в период начального формирования культур германских народов и объяснялось совсем не культурными факторами, а нашествием гуннов, климатическими изменениями, демографией и чем угодно, но не вступлением культуры этих народов в высшую стадию развития. Л.Н. Гумилев показал, что территориальная экспансия характерна, наоборот, на ранних стадиях становления этносов, когда энергия народов выплескивается вовне. По мере становления культуры и государственности страсть к безудержному расширению границ в целом снижается.

Внешнюю экспансию Шпенглер связывает не с исключительной военной мощью завоевателей, а со слабостью покоряемых народов. «Что касается римского мирового владычества, то оно было явлением отрицательного характера, результатом не избытка силы у одной стороны, а недостатка силы сопротивления у другой. Римляне вовсе не завоевали мир. Они только завладели тем, что лежало готовой добычей для каждого»¹.

Это очень субъективный и неверный с исторической точки зрения тезис. Сопротивление римским завоеваниям многих народов в Европе и в Азии было очень серьезным. К тому же военная мощь всегда и во все времена носила не абсолютный, а относительный характер. Видимо, когда Шпенглер писал эти строки, перед его глазами стояли картины европейских колониальных захватов нового и новейшего времени. Разумеется, воля к завоеванию или сопротивлению, то, что называют боевым духом, играет роль, но сводить все к нему неверно.

Примечательно, что, обсуждая проблему империализма, Шпенглер приводит примеры территориальной экспансии в далеком прошлом, но не касается культурной. Видимо, мешало его

¹ Шпенглер, С. 76.

восприятие культуры как автономно развивающегося процесса. Другими словами, он не мог согласиться с миграцией ценностей и культурных образцов, тем более с их взаимопроникновением. Видимо, он полагал, что человек, принимающий чужую культуру, отрекается от собственной. Сейчас очевидно, что это далеко не так. Принятие чужой религии, системы образования и науки, импорт технологий и образа жизни не обязательно приводят к утере национальной культуры и чувства идентичности. Культура, как и язык, может переваривать заимствования непрерывно и в большом объеме.

В конце XIX века появилась обширная научная литература, объясняющая мотивы и механизмы территориальной экспансии европейских стран, в том числе и в новейшее время. Показательно, что Шпенглер фактически игнорирует эту литературу, поскольку выводы различных авторов не укладываются в его концепцию упадка Запада. Он бы, наверное, с пониманием отнесся к национально-освободительным движениям и процессу деколонизации как свидетельству угасания и упадка западной культуры, но вряд ли поддержал бы их, будучи консерватором.

Социализм

Второй раздел пятой главы своей книги Шпенглер многозначительно назвал «Буддизм, стоицизм, социализм». Для него социализм – это некая идея и духовное состояние общества, воспринявшего эту идею. При рассуждении о социализме он начинает с морали. Шпенглер выделяет главную особенность морали Запада – долженствование. «Всякий чего-то требует от других. Слова “ты должен” произносятся с полным убеждением, что здесь действительно, возможно и должно что-то в общем смысле изменить, образовать и упорядочить. Вера в это и в законность такого требования непоколебимы. Здесь приказывают и требуют повиновения. Вот что у нас называется моралью»¹. Каждой культуре соответствует своя мораль, которая изменяется с развитием культуры. «Моралей столько же, сколько и культур, не больше и не меньше. Ни у кого нет свободы выбора»². И далее он делает вывод о невозможности миссионерства.

¹ Шпенглер, С. 441.

² Там же, С. 446.

«Социализм – в высшем, а не банальном смысле – как все фаустовское, есть идеал, исключаящий другие идеалы, и обязан своей популярности только недоразумению (распространенному даже среди руководителей), а именно будто он является совокупностью прав, а не обязанностей, устранение, а не обострение Кантова императива, ослабление, а не высшее напряжение энергии направления»¹.

Трудно себе это представить, но Шпенглер рассматривает социализм как финал интеллектуального поиска и формирование рабской морали под личиной гуманности, морали, ведущей к стабильному, а потому бесперспективному и умирающему обществу.

«Руссо – родоначальник этого социализма. Руссо стоит около Сократа и Будды – этих двух других этических провозвестников больших цивилизаций». Ниже на той же странице он пишет: «Каждый из них проводил в могилу тысячелетие внутренних достижений. Они проповедуют евангелие гуманности, но это гуманность интеллигентного городского обитателя, которому приелся город, а с ним вместе и культура, чистый “рассудок” которого ищет освобождения от этой культуры и ее властных форм, от ее суровостей, от ее символизма, который теперь уже внутренне не переживается и поэтому делается ненавистным»².

Далее читаем: «Все трое демонстрируют восхождение нигилизма (Ницше). После исчезновения старых сословий крестьянин остается единственным органическим человеком, единственным сохранившимся пережитком культуры»³. После окончательной победы города над деревней крестьянин исчезнет. Это несколько странно звучит сегодня, поскольку торжество буддизма, стоицизма или конфуцианства не привело ни к чему похожему на социализм в европейском или российском смысле и к уничтожению крестьянства. Правда, реальный социализм в СССР и некоторых других странах приблизился к этому идеалу. Вообще современному российскому читателю очень трудно представить себе Конфуция, Сократа или Сенеку социалистами. Кроме того, если учения Будды и Конфуция ознаменовали упадок соответствующих культур, то сколько же времени может длиться этот упадок и что

¹ Шпенглер, С. 455.

² Там же, С. 461.

³ Там же, С. 463.

тогда можно сказать о датировке упадка западной культуры, приведенной выше?

Такое расширительное понимание социализма приводит Шпенглера к тому, что он зачисляет в социалисты и Фридриха Великого. Но тогда каждого, кто мечтал о построении стабильного общества на основе разума, следует именовать социалистом, включая Платона.

Шпенглер отмечает огромное количество социалистических концепций в современной ему Европе и именно незрелостью современной социалистической идеи объясняет то, что нет четкой и ясной формулировки того образа социализма, к которому обществу следует прийти. При этом все адепты социализма верят в его возможность и даже неизбежность подобно тому, как христиане верят во второе пришествие. «Насквозь диалектическая, практическая, плебейская, она (социалистическая идея. – В. К.) заменяет внушительный, имеющий широкое влияние образ великих людей безудержной агитацией людей маленьких, но умных, заменяет идеи – целью, символы – программой»¹.

Человеческая масса есть объект стоической и социалистической пропаганды, и сходные явления важно наблюдать в египетском Новом Царстве, в буддийской Индии и Китае Конфуция. Поскольку пропаганда обращена к простому народу, то формируется особый язык, форма общения и общественной деятельности – диатриба².

Намекая на примитивизацию языка и уровня полемики, Шпенглер замечает, что «Вся античная философия после Платона и Аристотеля есть риторика. Весь социализм в широком смысле, от Шопенгауэра до эскизов Шоу, не исключая и Ницше, по форме и намерениям – журналистика»³.

Для Шпенглера социализм представляет собой идеологию, отвергающую судьбу и утверждающую причинность в этике. Для

¹ Шпенглер, С. 475.

² Признаки диатрибы — моральная тема, обличительный пафос, сочетание серьезности и насмешки (spoudogeloion), личные обращения к читателю-адресату, возражения самому себе и ответы на них, широкое использование сравнений, аналогий, примеров, притчей, мифов, сентенций, раскрывающих и объясняющих доказываемый философский тезис. Диатрибам были присущи простота изложения, образная форма, фольклорные мотивы. Вместе с тем в них использовались риторические приемы (из Википедии).

³ Там же, С. 477.

него социализм есть одновременно и образ будущего, и признак упадка. Более того, он считал, что все мы – бессознательные социалисты, подобно тому, как считал всех граждан Римской империи бессознательными стоиками. Социализм – это жизнечувствование, находящееся под знаком цели.

Эта идеология разрабатывается интеллектуалами и захватывает большинство общества. «Социализм – вопреки внешним иллюзиям – отнюдь не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Все остальное – самообман. Цель его совершенно империалистическая: благоденствие в экспансивном смысле, но не больных людей, а жизнедеятельных, которым стремятся дать свободу действий, вопреки сопротивлению общественности, рождения и традиции» [С. 479]. Другими словами, социализм утверждает, что у общества есть великая цель (помимо индивидуальных), и эта цель вполне оправдывает средства ее достижения. Это очень напоминает высказывание одного из персонажей И.Г. Эренбурга, который говорил не только о замене царства свободы на царство необходимости, но и о том, что будет создан пафос нового рабства.

Рассматривая различные варианты критики современного ему общественного устройства, предложенные Марксом, Энгельсом, Штирнером и др., попытки придания ей характера научности обоснования иного общественного устройства, он пишет, что «Социализм есть превращенная в этическое, именно императивное, политическая экономия»¹.

Рационализм, скептицизм и атеизм

Макс Вебер считал, что целесообразный и рациональный типы человеческой деятельности, поведения, характерные для эпохи капитализма, постепенно вытесняющие традиционный и аффектированный типы, есть прогресс в духовной жизни общества, и именно они определили научный, технологический и социальный прогресс в целом. По его мнению, именно такой тип человека, появление которого он связывал с распространением протестантизма, позволил Европе занять ее нынешнее место в мире. Но для Шпенглера рационализм – это свидетельство и причина упадка, поскольку время подменяется пространством, а качество – ко-

¹ Шпенглер, С. 485.

личеством. Сознание становится механистичным, оперирующим только понятиями средства и цели. Он писал: «Направление есть жизнь, цель – смерть»¹.

С рационализмом тесно связан скептицизм. Шпенглер убежден, что он является неотъемлемым атрибутом зрелой цивилизации, поскольку ставит под сомнение все достижения прошлого и, тем самым, критикует картину мира предшествующей культуры. В основе скептицизма, по его словам, лежит убеждение, что все, что есть, прошло процесс формирования, и что в самой основе всего реального и познаваемого лежит нечто историческое. Другими словами, скептицизм по Шпенглеру тесно связан с историзмом. Вопрос о том, могут ли наука, искусство или политика развиваться без скептицизма, его не интересует.

Религия для Шпенглера – важнейший элемент и квинтэссенция культуры. Поэтому распространение атеизма является таким же признаком упадка культуры, как и бездетные браки, переселение в город, распад сословного общества, изменение отношения индивидуума к государству и т.п. Именно с атеизмом, который он видел в учениях Конфуция или Будды, Шпенглер связывает упадок этих великих азиатских культур. Действительно, как показал Л.Н. Гумилев, с точки зрения западного наблюдателя, конфуцианство и буддизм очень близки к атеизму. Но все-таки они являются религией, подобно тому как марксизм стал своеобразной светской религией в СССР. Сейчас очень трудно говорить об упадке культуры, утрате динамизма в развитии Китая, Индии или Японии.

Многочратно показано, что Европа и Запад в целом стали тем, чем они стали, благодаря инновациям в различных областях, от изобразительного искусства, литературы и государственного устройства до науки, технологий и военного дела. Именно инновации позволили некоторым европейским странам достичь невиданного в мировой истории прорыва в экономической и социальной сферах. Разумеется, это движение само по себе создавало проблемы, но они так или иначе решались, иногда путем войн и революций, иногда – компромиссов и реформ. Но Шпенглер видел в этом «созидательном разрушении» после 1800 г. лишь негативную сторону.

¹ Шпенглер, С. 479.

Запад и Европа сто лет спустя

Прошедшее столетие было бурным. Может быть оттого, что это совсем недавняя история, мы воспринимаем многие события как беспрецедентные. Первая половина столетия характеризовалась военными, социальными и экономическими катаклизмами. Вторая прошла под знаком «мирного соревнования» двух систем, но человеческих жертв в мире при этом вряд ли стало меньше. Запад и Европа все эти годы были, как выяснилось, островом стабильности в бушующем мире. Именно это и создавало ощущение, что после окончания Второй мировой войны на планете наступил мир. В этом отражается европоцентричность нашего восприятия.

Европа пережила после окончания войны массовые миграции, раздел на сферы влияния и процесс деколонизации. Были и массовые забастовки, протесты, Правительственные кризисы в разных странах, студенческие волнения 1960-х, террор со стороны ОАС, «красных бригад», ИРА, палестинцев и др. Были созданы европейские институты, основан ЕС, который за 70 лет существенно расширился и превратился в сложную бюрократическую структуру. Теперь весь послевоенный период до 2008 г. воспринимается как эпоха стабильного развития, но современники так не считали.

Мировой экономический кризис 2007–2008 гг. и последующие события в Африке, на Ближнем Востоке и на Украине сильно ударили по Европе и вновь породили ощущение ее упадка. Его признаки – бесконечная рецессия и перманентный бюджетный кризис в странах Южной Европы, наплыв беженцев и реакция избирателей на эти и иные вызовы, неспособность национальной и наднациональной бюрократии быстро и эффективно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Широко распространилось мнение, что защита прав женщин, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств носит гипертрофированный характер и приводит к обратной дискриминации. Бедность и неполные семьи превратились в выгодный бизнес.

Рост националистических и изоляционистских настроений и усиление влияния политиков-популистов зародили сомнения не только в интеграционном проекте, но и в ценности свобод, прав человека и демократии как основы европейского политического и общественного устройства.

Но вернемся к идеям и прогнозам Шпенглера. Процесс урбанизации в странах «старой Европы», кажется, не только пошел на спад, но и сменился на противоположную тенденцию. Рурализация наблюдается во многих «передовых» странах, в отличие от продолжающейся урбанизации в прочих частях света. Вопреки предсказаниям Шпенглера, многие средние и даже малые города Европы сумели не утратить и даже преумножили свое влияние в культурном и общественном смысле. Крестьянство действительно сокращается как класс, несмотря на поддержку государства. Но ему на смену пришел быстро растущий класс мелких предпринимателей со сходной идеологией. Более того, крестьянство как хранитель дорогих сердцу Шпенглера культурных ценностей уже давно не существует. Во всяком случае, в том виде, в каком он его представлял.

Важный вопрос: действительно ли европейские горожане превратились из народа в массу, жаждущую только хлеба и зрелищ? Хотя индустрия развлечений по всему миру невероятно разрослась (достаточно указать на спортивные состязания, концерты и карнавалы), пока трудно диагностировать превращение граждан в некое подобие римского пролетариата. Скорее это относится к странам третьего мира. Но во многих государствах действительно сформировался новый праздный класс, занимающий низшие ступени общества.

Империализм в смысле территориальных захватов ушел в прошлое и сменился экспортом культурных образцов, «мягкой силой», движением капитала, информации, товаров и услуг. В этом преуспели не только Запад, но и некоторые другие страны.

Тем не менее социалистическая идея в разных формах не покинула Европу. Призрак коммунизма, правда, уже не бродит в этой части света, но общественный запрос на стабильность, милосердие, гуманность и заботу со стороны государства в форме социальных гарантий, пацифизм и т.п., скорее, усилился. Причем не только у низших классов, но и у обеспеченной части общества. Неправильно сводить благотворительность только к уходу от уплаты налогов и повышению социального статуса.

Многие сюжеты, о которых писал Шпенглер, вполне укладываются в современную картину Европы: распад традиционной семьи, бездетные браки, кризис социализма, парламентаризма и рационализма и многое другое. С другой стороны, резко упала численность рабочего класса (четвертого сословия), и изменилось

в лучшую сторону его экономическое положение, что в начале прошлого века представлялось неразрешимой проблемой.

Шпенглер много писал об интеллектуальном измельчании в науке, искусстве и политике. Судя по литературе, эти слова звучат актуально и сегодня, хотя многие личности, упоминаемые им, отнюдь не выглядят пигмеями в сравнении с великими мастерами или политическими деятелями предыдущих эпох. Сегодня трудно признать импрессионизм или литературу Серебряного века символами деградации, равно как и произведения Чайковского или Стравинского.

Шпенглер сформулировал «великую задачу познания мира как потребности человека высокой культуры». Племена, народы и расы приходят и уходят, когда угасает их созидаящая сила. По его мнению, это просто рябь на водной поверхности. «Но над этой поверхностью великие культуры вздымают свой величественный хоровод волн. Внезапно появляются они, раскидываются пышными линиями, сверкают, исчезают, и зеркальная поверхность воды снова пустынна и погружена в сон»¹. Так вот, всемирная история, такая, какой мы ее сейчас знаем, не содержала периодов пустыни и сна.

В заключение следует сказать, что книга изобилует смелыми сюжетами и аналогиями, оригинальными мыслями, заставляющими по-новому взглянуть на нынешние проблемы, в том числе и нашей страны. Самое замечательное состоит в том, что концепция Шпенглера не может быть опровергнута. Можно доказать, что какие-то отдельные его высказывания неверны или неточны, но работу в целом критиковать невозможно в рамках парадигмы автора. На все возражения мы получим ответ, что они сформулированы исходя из представлений человека западной культуры, который неспособен подняться над ней и увидеть историю человечества целиком. Другими словами, концепция Шпенглера не соответствует критерию фальсифицируемости и должна быть признана ненаучной. Единственная возможность убедиться в действительном закате Европы состоит в том, чтобы дожидаться конца европейской цивилизации, на что может уйти неопределенно долгое время.

¹ Шпенглер, С. 172.

1.9. Исторические перспективы заката Европы сто лет спустя¹

Под "бонапартистом" я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение "отечество" с выражением "ваше превосходительство" и даже отдает предпочтение последнему перед первым.

М.Е. Салтыков-Щедрин

*Я сам себе рассказываю сказки
И жду, когда они начнут сбываться...*

Юрий Кукин

Предыдущая статья была посвящена комментариям к первому тому «Заката Европы» Освальда Шпенглера. Уместно обсудить и второй том, не дожидаясь наступления 2022 года, когда исполнится сто лет со дня его выхода².

Первый том обсуждаемой книги заканчивается главой, в которой Шпенглер пытается доказать кризис и упадок западной науки. Поскольку наука является важной частью культуры и цивилизации в целом, для него было важно показать, что европейская наука уже прошла пик своего развития и подошла к своему пределу, т.е. вступила в стадию деградация и упадка. В чем-то он был прав, поскольку действительно на грани XIX и XX веков многие отрасли европейской науки переживали кризис. Но не в том смысле, который Шпенглер вкладывал в это понятие, а скорее как период, предшествующий революции в науке, механизм которой предложил Т. Кун. История науки в XX веке подтвердила правоту последнего. Шпенглер не обращал внимания на то, что гениальные достижения сэра Исаака Ньютона или Готфрида Лейбница стали ступенью в последующих великих открытиях, но каждый следующий шаг в науке требует непропорционально больших усилий и затрат. И вообще, кризис – это далеко не всегда конец, но часто необходимый этап для последующего прорыва.

¹ ЭКО. – 2017. – № 8.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с. Все цитаты приведены по этому изданию.

Второй том «Заката Европы» вышел через четыре года после первого. Уже был подписан Версальский мирный договор и последующие соглашения, зафиксировавшие положение стран после Мировой войны, закончилась гражданская война в России, в Германии была свергнута монархия и разгромлены советские республики, повсеместно росли коммунистические, националистические настроения и нарастал антисемитизм. Хотя Шпенглер и не отказался от своего метода исторических аналогий, бурные события начала века постоянно заставляли его обращаться к экстраполяции.

Культуры и народы

На первый взгляд на фоне Мировой войны и революций содержание второго тома выглядит сугубо академическим исследованием. Прежде всего, это набор дополнительных аргументов в пользу идей, изложенных в первом томе. Пространные рассуждения о макрокосме и микрокосме, мире растений и животных, судьбе и причинности, существовании и бодрствовании нужны лишь для того, чтобы разделить людей на героев и толпу. Во-вторых, это длинное, тягучее и одновременно эмоциональное объяснение того, что понимание важнее знания, а интуиция важнее теории. В-третьих, он заново формулирует важный для дальнейшего понимания всей его концепции тезис о том, что понять всемирную историю и угадать ее перспективы можно лишь оторвавшись от отдельных фактов и оставив в стороне причинно-следственные связи для объяснения конкретных фактов.

Это очень напоминает рассуждения Л.Н. Гумилева о противопоставлении взгляда из мышиной норы и с высоты полета орла. Разница лишь в том, что Шпенглер предлагает взглянуть на Землю из космоса. Но, как мы знаем, зрение орла устроено так, что он не обращает внимания на открывающуюся панораму, но видит грызунов далеко внизу. Да и из космоса мы теперь видим не только дома и автомобили, но и отдельных людей.

Наконец, он утверждает, что общественное устройство и сама картина мира создается активным меньшинством, и служат этому меньшинству. Особенно это заметно при исследовании правовых систем, поскольку право Шпенглер рассматривает как квинтэссенцию культуры. «Всякое право содержит в себе в отвлеченной форме картину мира своего автора, и всякая историческая картина

мира содержит политико-экономическую тенденцию, которая зависит не от того, что думает в плане теории тот или этот человек, но от того, чего на практике желает держащее в своих руках фактическую власть сословие, а тем самым – и законотворчество. Всякое право создается во имя всеобщности одним-единственным сословием»¹. Но потом Шпенглер делает неожиданный вывод: «Право делается не оружием, но обузой, и действительность продолжает двигаться дальше не вместе с историей права, но помимо нее»².

Далее Шпенглер обсуждает то, что Л.Н. Гумилев назвал этногенезом. Начинает он с анализа души города и ее эволюции. Все великие культуры являются городскими и в этом заложена predeterminedность их гибели. Города разрастаются, создаются мировые города, сосредоточие цивилизации. И, в конечном счете, города умирают от свободы, эмансипации и бездетности. Разбирая соотношение понятий народы, расы и языки, Шпенглер приходит к выводу, что народы – это выдумка, расы – продукт ландшафта, а язык – это и есть человеческая деятельность. Языки рождаются, мигрируют и распространяются. Обсуждение им расовых различий показывает, что Шпенглер был незнаком с генетикой или, возможно, имел собственное понятие расы, отличное от общепринятого, поскольку писал о расовой энергии.

Все народы по Шпенглеру можно разделить на пранароды, культурные народы и феллахские народы. Первые представляют собой неорганизованную массу, «почву» для завоевателей, материал, с помощью которого кучка воинов творит историю. Собственно народ – это единство души. «Все великие события истории, собственно говоря, совершены народами не были, но скорее породили на свет их самих»³. И далее он пишет: «Народы – это не языковые, не политические и не зоологические единства, но единства душевные»⁴. Народ объединяет общая культура, которая в своем развитии приводит к высшей стадии – формированию нации. «Народ, по стилю принадлежащий одной культуре, я называю нацией и уже одним этим словом отличаю от образований,

¹ Шпенглер, С. 66.

² Там же, С. 85.

³ Там же, С. 168.

⁴ Там же, С. 173.

имеющих место до и после. В основе нации лежит идея»¹. В центре формирования нации лежит некий идеал, выразителем которого является аристократия и, прежде всего, военное сословие: «Перед историей всякую нацию представляет меньшинство. В начале раннего времени это меньшинство – знать, возникающая именно теперь как цвет народа»². Шпенглер явно идеализирует аристократию, которая предстает каждый раз как новое издание рыцарей Крутого стола Т. Мелори, героев В. Скотта или исландских саг.

Народы, аристократия которых не смогла создать нацию или утратившая национальную идею, обречены на превращение в феллахские народы. Это народы, впавшие в безвременье, выпавшие из истории, жертва потенциальных завоевателей. К такому состоянию народы приходят, не сумев создать жесткой государственности во главе с активным меньшинством либо путем внутреннего разложения цивилизации.

«Именно в мировых столицах наряду с меньшинством, обладающим историей и переживающим в себе нацию, с меньшинством, ощущающим себя представителем нации и желающим вести ее за собой, возникает другое меньшинство – вневременные, внеисторичные, литературные люди, люди резонов и оснований, а не судьбы, внутренне отчужденные от крови и существования, сплошь мыслящее бодрствование, которое более не находит в понятии нации никакого «разумного» содержания»³.

Развивая идеи, изложенные в первом томе, о том, что признаками упадка являются гиперурбанизация и социализм, он пишет: «Все улучшатели мира и граждане мира отстаивают феллахские идеалы вне зависимости от того, знают они об этом или же нет. Их успех означает сход нации со сцены внутри истории, и не в пользу вечного мира, но в пользу других наций. Мир во всем мире – это всякий раз одностороннее решение»⁴. С его точки зрения идеология пацифизма приводит к многократно большим жертвам и формирует психологию рабской толпы, настроение которой колеблется между долготерпением и внезапными приступами ярости.

¹ Шпенглер, С. 175.

² Там же, С. 177.

³ Там же, С. 190.

⁴ Там же, С. 191.

Шпенглер о культуре России

В третьей главе Шпенглер наконец-то переходит от «аналитической» к «прогностической» части работы. Но читатель, ожидающий футурологических построений или пророчеств в духе Нострадамуса, будет разочарован. В этой части работы он обсуждает, главным образом, судьбы двух культур: арабской и русской. Правда, он вкладывает в эти понятия непривычный нам смысл. Так, арабскую культуру он выводит из персидской, вавилонской и восточно-христианской, пока она не находит свое завершение в исламе. Новые культуры, возникающие в обжитом ареале, не могут избавиться от культуры предшествующих цивилизаций и растворяются в них. Здесь явное противоречие с предыдущими рассуждениями, да и нашими знаниями.

Китай, Индия, страны и народы Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии его не интересуют. Видимо из-за того, что по его концепции они уже прошли стадию цивилизации и влачат феллахское существование.

Но российского читателя, естественно, интересуют взгляды Шпенглера на судьбы России и российской культуры. Сначала он проводит более или менее убедительные параллели с историей Западной Европы, но потом доказывает, что после реформ Петра I Россия потеряла свою магическую душу. «У Москвы никогда не было собственной души. Общество было западным по духу, а простой народ нес душу края в себе. Между двумя этими мирами не существовало никакого понимания, никакой связи, никакого прощения»¹. Для подтверждения этого тезиса он сталкивает мировоззрение и творчество Достоевского и Толстого. «Достоевский был крестьянин, а Толстой – человек из общества мировой столицы. Один никогда не мог внутренне освободиться от земли, а другой, несмотря на все свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел... Толстой – это Русь прошлая, а Достоевский – будущая. Толстой связан с Западом всем своим нутром. Он – великий выразитель петровского духа, несмотря даже на то, что он его отрицает». Шпенглер видит прямую связь реформ Петра I, творчества Толстого и эксцессов большевистской революции. «Большевики не есть народ, ни даже его часть. Они низший слой «общества», чуждый, западный, как и оно, однако им не признанный и

¹ Шпенглер, С. 199.

потому полный низменной ненависти. То, что придало этой революции ее размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих – тою же дорогой. Христианство Толстого было недоразумением. Он говорил о Христе, а в виду имел Маркса. Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию»¹. Все это очень спорно. Во-первых, это фактически не верно. Достоевский был в гораздо большей степени городским человеком и писателем, чем Толстой. Во-вторых, они оба были скорее консерваторами и принадлежали к образованным сословиям. Наконец, художественная литература позволяет познакомиться с народом, но не достаточна для всеобъемлющих выводов.

Что роднит по Шпенглеру арабскую и русскую (в его смысле) культуры, – так это магическая душа, своеобразная разновидность благочестия, – безвольная покорность, исключаяющая всякую субъектность личности. Для такого рода тоталитаризма необходимо единство государства, церкви и общества. «Государство, церковь и нация образуют духовное единство, а именно становящуюся зримой в живущем ныне человечестве часть правоверного consensus'a»².

Рассматривая большевистскую революцию в России как очистительный этап, который должен покончить с русским западничеством и русской интеллигенцией, а потом после свержения большевизма приступить к воссозданию собственной культуры, он пишет: «Бросив взгляд в любую книгу по истории религии, мы узнаем, что «христианство» пережило две эпохи великого идейного движения: в 0–500 гг. на Востоке и в 1000–1500 гг. – на Западе. Третья, им «одновременная», наступит в первой половине следующего тысячелетия в русском мире»³.

Но коммунистический режим был свергнут не народом в его идейном искании, но городской интеллигенцией, партийной номенклатурой и разночинцами, стремившимися в упадочную Европу, а не в допетровскую Русь. Также сомнительно, судя по тенденции, что духовное возрождение в русском мире назревает. Более

¹ Шпенглер, С. 201.

² Там же, С. 252.

³ Там же, С. 252.

того, попытки его как-то стимулировать напоминают скорее пародию на формирование коммунистической идеологии и создания исторической общности «советский народ». Но поживем – увидим.

Религией Шпенглер называет духовное переживание, которое мобилизует человека и заставляет его действовать нерационально, принимать различные формы аскезы и даже идти на мученичество. Знание русской литературы и, особенно, истории раскольничьих сект в их противостоянии государству и официальной церкви привели Шпенглера к выводу о противоположности западной фаустовской и русской магической души. «Человек Запада смотрит вверх, русский смотрит вдаль, на горизонт. Так что порыв того и другого в глубину следует различать в том отношении, что у первого это есть страсть порыва во все стороны в бесконечном пространстве, а у второго – самоотчуждение, пока «оно» в человеке не сливается с безграничной равниной»¹. Такая степень влияния ландшафта на культуру, религию и человеческое поведение представляется экстремистской.

Различия в мировосприятии Шпенглер переводит в область науки и технологии. «Нет сомнения в том, что наука здесь (на Западе – В.К.) с самого начала была не прислугой теологии, но служительницей технической воли к власти и лишь поэтому имела математическое и экспериментальное направление, являясь, по сути, практической механикой». И далее: «Необходимо вполне свыкнуться с тем поразительным фактом, что идея тут же находить практическое применение всякому уяснению естественных взаимосвязей человеку как таковому нисколько не присуща за исключением человека фаустовского и тех, кто, как японцы, евреи и русские, пребывают сегодня под духовным очарованием фаустовской цивилизации»².

Конфликт между культурой образованных горожан и народной культурой приводит, по его мнению, к возникновению второй религиозности, т.е. возврату к «истокам», включая древние верования, которые меняют догматы официальной церкви. Это протест против рационализма и материализма и истоки нового фанатизма. «Однако то, что исходит от второй религиозности, – это не религиозное времяпровождение образованных и перекормленных литературой кругов и вообще даже не дух, но совершенно непри-

¹ Шпенглер, С. 307.

² Там же, С. 313.

метная и возникающая сама собой наивная вера масс в некое мифическое устройство действительности, вера, для которой все доказательства начинают представляться игрой в слова, чем-то скучным и тоскливым, и в то же самое время – наивная потребность сердца покорно ответить мифу каким-то культом»¹. В этом он был, несомненно, прав, поскольку богоискательство, суеверия и конспирология распространяются в современной России (да и не только) как лесной пожар.

Таким образом, в зрелой цивилизации должны возникать все новые культы. Более того, зрелые цивилизации распространяются на новые территории, что создает почву для конфликта между коренными и пришлыми культурами. Пришлые устанавливают свои порядки, но это не институциональный, а культурный конфликт. «Современный европеец повсюду смотрит на чужие судьбы сквозь призму понятий «конституция», «парламент», «демократия», хотя применение таких представлений к другим культурам смехотворно и бессмысленно»². И далее: «В страшном сне не привидится, сколько всего уничтожила западноевропейская культура в областях, относящихся к сфере ее влияния, посредством реформ, проведенных в ее собственном стиле; и столь же разрушительно действует еврейство там, где за дело берется оно. Ощущение неизбежности этого взаимного недопонимания ведет к чудовищной, проникающей глубоко в кровь ненависти, укорененной в таких символических чертах, как раса, образ жизни, профессия, язык, и внутренне снедает, губит обе стороны, доводя дело до кровавых вспышек»³. В качестве примеров крайней степени зверства Шпенглер указывает на восстание сипаев в Индии, боксерское восстание в Китае и большевистское неистовство евреев, латышей и других чуждых народов в России. Но дело не в столкновении культур и кульгов, а в мифологии вокруг них и ее использовании в политических целях.

Государство и сословия

Государство по Шпенглеру возникает параллельно с формированием высших сословий (знати и духовенства) в соответствии их заслугам. Для знати это воинская доблесть и честь, достигае-

¹ Шпенглер, С. 324.

² Там же, С. 334.

³ Там же, С. 335.

мые воспитанием и муштрой в течение поколений, а для духовенства – личные заслуги. Наши знания о формировании протогосударств и государств показывают, что все обстоит несколько сложнее. Он полагал, что если процесс формирования сословного общества соответствует народному духу, то структура общества приобретает устойчивость и даже сакральный смысл. В качестве контрпримера приводится русская революция. «Легкость, с которой большевизм изничтожил в России четыре так называемых сословия Петровской эпохи (дворянство, купечество, мещанство и крестьянство), доказывает, что они были чистым подражанием и порождались административной практикой, которая была лишена всякой символики, – а последнюю силой не удушить... Подлинные знать и духовенство в русском стиле оформятся лишь в будущем»¹. Видимо он не обратил внимания на реплику Н. Макиавелли о том, что страну с жесткой центральной властью трудно завоевать, но зато ею потом легко управлять.

Одновременно с выделением сословий формируется и понятие собственности. Собственность и власть взаимосвязаны, и если аристократия потеряет собственность, то утратит и претензии на власть. После укоренения и легитимации собственности появляется идея отрицания собственности как чисто интеллектуальный протест против государства и общественного устройства в целом. Шпенглер считал сословную организацию общества результатом естественного развития культуры и одновременно «основным каркасом» для ее развития.

Высшие сословия по Шпенглеру уравнивают друг друга. Разумеется, этот тезис соответствует в основном европейской истории. «Знать всех ранних времен была сословием в изначальнейшем смысле, воплощенной историей, расой в высшей ее потенции. Духовенство выступало рядом с ней как противосословие, говорящее «нет» во всех тех случаях, когда знать говорила «да», и тем самым посредством великого символа оно выявляло иную сторону жизни»².

Но наряду с ними в городах формируется третье сословие, которое Шпенглер называет «несословием», поскольку единственное, что его объединяет, это протест против сословности и ее символов. Критика существующего порядка ведется под лозунгом

¹ Шпенглер, С. 349.

² Там же, С. 366.

борьбы с привилегиями. Когда культура вступает в завершающую стадию цивилизации, а городское население численно разрастается, третье сословие уничтожается превращением в четвертое сословие – плебс, массу, принципиально отвергающую культуру с ее органическими формами. «Это нечто абсолютно бесформенное, с ненавистью преследующее любого рода форму, все различия в ранге, всякое упорядоченное владение, упорядоченное знание. Это новые кочевники мировых столиц ... Масса – это конец, радикальное ничто»¹.

По Шпенглеру культура – это существование наций в государственной форме. Зрелое государство создает конституцию, в которой отражены история нации и ее «расовые свойства». Конституция провозглашает права и свободы, но кроме писанных законов существует еще и правоприменительная практика. Он доказывал, что в государствах правит лишь одно-единственное сословие и даже его часть. Кроме того, внутренняя политика проводится для обеспечения внешней политики. Отсюда вывод: «Быть от чего-то свободными желают все; однако перед лицом насилия исторических фактов дух желал государства как реализации «справедливости», или всеобщих прав человека, или свободы критики господствующей религии; а деньги желали себе свободы ради экономических успехов»².

Далее следует пессимистический вывод: «Если понимать под демократией форму, которую третье сословие как таковое желает придать всей вообще общественной жизни, то следует прибавить, что по значению демократия и плутократия равны меж собой»³. С этим выводом был бы солидарен В. Парето, считавший демократию синонимом коррупции.

Шпенглер не верил в народные движения и революции: «Нет на свете ни пролетарского, ни даже коммунистического движения, которое бы не действовало в интересах денег»⁴. Единственным реальным следствием революций является бонапартизм. «С помощью не-знати первая тирания довела полис до совершенства; не-знать с помощью второй тирании его разрушила»⁵. «Пар-

¹ Шпенглер, С. 377.

² Там же, С. 423.

³ Там же, С. 425.

⁴ Там же, С. 426.

⁵ Там же, С. 429.

ламентаризм никакая не вершина, как абсолютный полис и барочное государство, но краткий переход, а именно переход от позднего времени с его органическими формами к эпохе великих Одиночек посреди сделавшегося бесформенным мира»¹.

Бонапартизм как неизбежное следствие кризиса демократии означает вступление в эпоху колоссальных внутренних и внешних конфликтов. «Переход от бонапартизма к цезаризму, всеобщая стадия развития продолжительностью, по меньшей мере, в два столетия, обнаруживающаяся во всех культурах. Китайцы называют ее Чжаньго – эпоха борющихся государств (480–230, в античности приблизительно 300–50)»² [С. 442].

Эта эпоха империализма по Шпенглеру должна продолжаться два века: «Для нас эпоха борющихся государств началась с Наполеона и его насильственных мероприятий». Войны и подготовка к ним (гонка вооружений) сопровождали весь XIX век, но особенно развернутся в XX веке. Способы ведения военных действий и даже форма войн неоднократно претерпит изменения: «Постоянные армии будут впредь постепенно сменяться профессиональными армиями добровольных и бредящих войной солдат, миллионы снова сменяются сотнями тысяч, однако как раз по этой причине предстоящее второе столетие будет действительно столетием борющихся государств. Ибо простое существование этих армий войны вовсе не отменяет. Они здесь для войны, и они ее хотят. Через два поколения появятся те, чья воля сильнее суммарной воли всех жаждущих покоя. В эти войны за наследство целого мира будут вовлечены континенты, мобилизованы Индия, Китай, Южная Африка, Россия, ислам, в дело будут введены новые и сверхновые техника и тактика»³.

Жестокость будущих войн превзойдет все самые невероятные фантазии. Попытки предотвратить войны бессмысленны и бесполезны: «Гаагская мирная конференция 1907 г. была прелюдией мировой войны. Вашингтонская 1921 г. явится ею для новых войн»⁴. Войны потребуют у нации максимального напряжения сил и выиграет та, которая сможет это выдержать: «Последняя раса, остающаяся «в форме», последняя живая традиция, послед-

¹ Шпенглер, С. 441.

² Там же, С. 442.

³ Там же, С. 457.

⁴ Там же, С. 458.

ний вождь, опирающийся на то и другое, – они-то и рвут ленточку на финише как победители»¹. Это эпоха цезаризма, правление без всякой сентиментальности, зато прагматическое и ориентированное исключительно на решение ближайших задач без учета отдаленных последствий.

Философия политики

Политика по Шпенглеру — это война. Политик не должен руководствоваться какой-то идеологией, принципами и теориями. Политик, прежде всего, интуитивист. «Великие государственные деятели имеют обыкновение действовать непосредственно, причем на основе глубокого чутья фактов. Для них это настолько естественно, что им и в голову не приходит задумываться над общими фундаментальными понятиями этой деятельности – если предположить, что такие вообще существуют»².

Самое важное в политике – это личность: «Бывает только личностная история и в силу этого только личностная политика. Схватка не принципов, но людей, не идеалов, но расовых черт за обладание исполнительной властью – вот что является здесь альфой и омегой, и никаким исключением отсюда не оказываются также и революции, ибо «суверенитет народа» – это лишь слова, означающие, что господствующая власть приняла вместо королевского титула звание «народного вождя»³.

Отсюда глубокое презрение к демократическим институтам и избирательному праву, поскольку имеются технологии «делать» выборы, будь то древнеримская, американская или немецкая система. «Что до свободной прессы, то пускай мечтатели удовольствуются тем, что она «свободна» по конституции; знаток же спрашивает лишь о том, в чьем распоряжении она находится»⁴.

По Шпенглеру, цель политики исключительно экспансивна. Политик должен держать собственный народ «в форме» для достижения внешних целей. И для этого он должен возглавить исполнительную власть и реализовывать собственные задачи. Это основные принципы правления вообще. «Никакой одаренный вождь масс, ни Клеон, ни Робеспьер, ни Ленин, не относил-

¹ Шпенглер, С. 459.

² Там же, С. 465.

³ Там же, С. 467.

⁴ Там же, С. 474.

ся к своей должности как-то иначе. Тот, кто действительно ощущает себя в роли порученца толпы, вместо того чтобы быть правителем тех, кто сам не знает, чего хочет, ни дня не будет владеть ситуацией»¹.

Демократия отрицает сословия. Поэтому вместо сословного представительства приходит партийное. Подобно тому, как сословия сдерживают друг друга, партии уравнивают интересы буржуазии. «Марксизм, в теории являющийся отрицанием буржуазии, ультрабуржуазен как партия по повадкам своим и руководству»². Но имеются партии, только прикидывающиеся либеральными. Консерваторы имеют перспективу, поскольку под либеральными лозунгами стремятся воссоздать сословную структуру и привнести расовое содержание в политику.

Конец демократии и переход к цезаризму выражаются в том, что исчезает партия как форма политической жизни. Стоит какому-то движению самоорганизоваться, как его сторонники становятся орудием организации, которая очень быстро становится орудием вождя. «Воля к власти сильнее всякой теории. Вначале руководство и аппарат возникают ради программы, затем те, кто к ним пробился, защищают свои места из-за власти и добычи»³.

Содержание политических программ, равно как и их критика, не имеют значения: «Такие сочинения, как «Общественный договор» и «Манифест коммунистической партии», становятся первоклассными средствами власти в руках сильных людей, поднявшихся в партийной жизни наверх и знающих толк в том, как формировать и использовать убеждения подвластной им массы» [С. 482].

Кризис демократии есть и кризис теорий общественного устройства. Великие теории либерализма и социализма возникли в период между 1750 и 1850 гг. «Чистой теорией остается также и идеальное фундаментальное право западноевропейских конституций, а именно право масс свободно определять своих представителей, ибо всякая развитая организация на деле пополняет сама себя... Свобода, как всегда, исключительно негативна»⁴.

¹ Шпенглер, С. 475.

² Там же, С. 478.

³ Там же, С. 480.

⁴ Там же, С. 485.

Последний гвоздь в гроб демократии вбивают средства массовой информации: «Что есть истина? Для толпы истина – это то, что приходится читать и слышать постоянно»¹.

Завершает свои рассуждения Шпенглер следующим резюме: «С помощью денег демократия уничтожает саму себя – после того как деньги уничтожили дух. Однако именно вследствие того, что рассеялись все грезы насчет какой бы то ни было возможности улучшения действительности с помощью идей какого-нибудь Зенона или Маркса и люди выучились-таки тому, что в сфере действительности одна воля к власти может быть ниспровергнута лишь другой такой же (вот великий опыт, постигаемый в эпоху борющихся государств), в конце концов пробуждается глубокая страсть ко всему, что еще живет старинной, благородной традицией. Капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны, упование, связываемое с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга. И вот наступает время, когда в глубине снова просыпаются оформленные до последней черты силы крови, которые были вытеснены рационализмом больших городов. Все, что уцелело для будущего от династической традиции, от древней знати, что сохранилось от благородных, возвышающихся над деньгами нравов, все, что достаточно сильно само по себе, чтобы (в согласии со словами Фридриха Великого) быть слугой государства (при этом обладая неограниченной властью) в тяжелой, полной самоотверженности и попечения работе, т. е. все, что я в противоположность капитализму означил как социализм»².

Об экономике

Шпенглер обсуждает не столько экономические проблемы, сколько саму науку, поскольку идеи для него важнее результатов, точнее, они и являются единственным результатом. Удивительно, но, посвятив целую главу экономике, он называет по имени очень мало экономистов. Разумеется, говорится о Д. Юме, А. Смита, К. Марксе и некоторых других, но он даже не упоминает современников, даже таких близких ему по духу как Г. фон Шмоллер или В. Зомбарт.

¹ Шпенглер, С. 491.

² Там же, С. 447.

Прежде всего, для него экономика – это некий дух, а история экономики – история культуры. Поэтому анализ хозяйственной деятельности не следует искать в сфере самой экономики. Все экономисты в действительности анализируют только образ мысли только одной нации, да и то в определенный период времени. «В экономике нет никакой системы. Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни»¹. По его мнению, пока еще не создано подлинной политической экономии, это дело будущего. Настоящая политэкономия должна стать исторической наукой, а не той или иной системой бухгалтерии. Более того, наука и не нужна для ведения хозяйства подобно тому, как всадник не нуждается в знании зоологии.

Экономика, как и другие стороны жизни, для Шпенглера является делом творческого меньшинства. «Политика и торговля в развитой форме, как искусство с помощью духовного превосходства приобретать материальные преимущества над противником, обе являются заменой войны другими средствами. Всякая дипломатия имеет предпринимательскую природу, всякое предпринимательство – природу дипломатическую, и оба они основываются на проницательном знании людей и физиогномическом такте. Предпринимательский дух великих мореходов, какой мы находим у финикийцев, этрусков, норманнов, венецианцев, ганзейцев, толковых банкиров, как Фуггеры и Медичи, могущественных финансистов, как Кресе, угольные короли и директора трестов наших дней, требует – раз операция должна увенчаться успехом – стратегического дара полководца»².

Так же как и В. Зомбарт, он связывает предпринимательство и хозяйственную жизнь вообще с расовыми особенностями, которые позволяют вырабатывать необходимые деловые качества и исключать моральный фактор.

Современная экономика – это соревнование технологий. Технологии же создаются относительно небольшим числом ученых и инженеров. Без их творчества не было бы ничего. Поэтому количественные оценки их отдачи являются пустой тратой времени.

Наконец, необходим творческий труд организатора производства. «Всякий поток существования состоит из меньшинства вождей и большинства ведомых, а значит, всякая экономика – из

¹ Шпенглер, С. 497.

² Там же, С. 503.

труда руководящего и исполнительского. Приземленному взгляду Маркса и социалистических идеологов вообще виден лишь последний, мелкий, массовый труд, однако он появляется лишь вследствие первого, и дух этого мира труда может быть понят лишь исходя из высших возможностей. Мэру задает изобретатель паровой машины, а не кочегар. Мышление – вот что важно»¹.

По Шпенглеру, современная экономика – это городская экономика. Подчинив и уничтожив традиционную сельскую экономику, она концентрируется в немногих мировых столицах, а точнее на биржах. Далее следуют два неожиданных пророчества. Первое связано с Россией, в которой будет создана третья разновидность христианства, отрицающая деньги как мерило успеха. Но в конечном счете «Русь снова смирится с западной экономикой, как смирились с римской экономикой древние христиане, а христиане готики – с еврейской, однако внутренне она в ней больше не участвует»².

Другой важнейшей стороной экономики является технология. И поэтому инженер – ее негласный повелитель и судьба. Рабочие, предприниматели и управленцы вынуждены подчиняться технологии. Но так будет не всегда. Среди рабочих зреет движение против машин и технологии вообще, а расширение власти денег подчиняет развитие технологии денежным спекуляциям³. Т. Веблен отстаивал противоположную точку зрения. Он считал, что власти финансистов, целью которой является денежная прибыль от операций с «абсентеистской» собственностью, придет конец, и фактическая власть сосредоточится в руках инженеров, движимых инстинктами мастерства и праздного любопытства.

Завершает обсуждение экономики Шпенглер предсказанием ее неизбежного конца: «Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие – демократию. После долгого торжества экономики мировых столиц и ее интересов над силой политического формообразования политическая сторона жизни доказывает-таки, что она сильнее. Меч одерживает победу над деньгами, воля господствовать снова подчиняет волю к добыче. Если называть власть денег капитализмом, а социализмом – волю к тому, чтоб вызвать к жизни мощный, возвышаю-

¹ Шпенглер, С. 525.

² Там же, С. 528.

³ Там же, С. 536.

щийся над всеми классовыми интересами политико-экономический порядок, систему благородного попечения и долга, удерживающую все в целом в стабильной форме для решающих битв истории, это будет в то же самое время и борьба между деньгами и правом»¹.

В. Зомбарт формулировал те же идеи с меньшим пафосом. Предпринимательский дух угасает, и ему на смену идет национальный дух, предполагающий отказ от понятий прибыли и рентабельности, но подчиняющий развитие базовых отраслей и транспорта интересам Генштаба.

Послесловие

Шпенглер был великий писатель в том смысле, что он создал свой собственный особый мир, в котором он жил, творил и который яростно защищал, но не столько от потенциальных критиков, сколько от собственных сомнений. Это очень эмоциональная книга. В этом ее сила и слабость. Сила, поскольку в ней множество ярких запоминающихся фраз, почти осязаемых образов, дерзких выводов. Слабость, поскольку в работе множество противоречий и тенденциозных высказываний. Поскольку отдельные комментарии приведены выше, сформулирую общий вывод. В силу манеры изложения и используемой терминологии автора невозможно однозначно сказать, симпатизировал ли Шпенглер национал-социализму или считал его приход неизбежным. Но очевидно, что он явно недооценивал возможности механизмов сдерживания внутривидовой агрессии как в мире животных, так и в мире людей. Его восхищение аристократией, людьми крови, расы и идеи служения высшим интересам нации достаточно беспочвенно. Он яростно критиковал все теории общественного развития и социальной динамики, писал о бессмысленности всякой теории и... попытался написать свою собственную.

¹ Шпенглер, С. 538.

РАЗДЕЛ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

2.1. Скромное обаяние государства¹

«Надо сказать правду, в России в наше время очень трудно встретить довольного человека... Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует, другой – на то, что власть чересчур достаточно действует; одни находят, что глупость нас одолела, другие – что слишком мы умны стали; третьи, наконец, участвуют во всех пакостях и, хохоча, приговаривают: ну где еще такое безобразие видано?! Даже расхитители казенного имущества – и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет».

М.Е. Салтыков-Щедрин (За рубежом. 1881 год. – М.: Худ. лит., 1973. – С. 48).

В настоящее время в России большие проблемы с исполнением бюджетных обязательств: растут дефициты бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов, финансирование части программ фактически сворачивается или переносится на более поздние сроки, обещание не сокращать социальные расходы и даже исполнение майских указов Президента РФ ставится под сомнение. С другой стороны, многочисленные представители креативного класса из коридоров власти и окол властных структур генерируют все новые проекты расходования государственных средств. Возникают все новые проблемы, ответом на которые становится создание новых ведомств и перераспределение бюджетных средств.

Некоторые политики и специалисты, близкие к власти, такие как А.Л. Кудрин, Г.О. Греф и многие другие, говорят о необходимости дальнейшего сокращения расходов и вообще обязательств государства, другие, например С.Ю. Глазьев, настаивают на экспансионистской экономической политике. Такие, как академик Е.М. Примаков, предлагают программу институ-

¹ ЭКО. – 2015. – № 5.

циональных реформ в России, базирующуюся на идее децентрализации полномочий и ответственности. Г.О. Греф выдвигает идею создать специальный орган стратегического планирования и управления в стране. Другие же говорят о необходимости перехода к мобилизационной экономике и дальнейшей централизации ресурсов.

Все это свидетельствует о том, что во властных и околовластных кругах нет единой стратегии выхода из кризиса, не говоря уже о долгосрочном развитии страны. Более того, зреет понимание исчерпанности нынешней модели управления и, более широко, роли государства в развитии отечественной экономики. Все это заставляет вернуться к обсуждению проблем роли государства в экономике, его размеров, ограничения его роста и повышения эффективности функционирования государственных институтов.

Государство как субъект экономических отношений

По мнению экономистов, можно выделить две модели государства. Согласно первой модели, оно является производителем общественных благ, выражающихся в предоставлении некоторого набора услуг. В этом случае к основным функциям государства относятся поддержание законности, безопасности и общественного порядка, социальная защита, обеспечение полностью или частично нетрудоспособных граждан и т. п. Среди сторонников такого подхода можно назвать А.А. Аузана.

Вторая рассматривает государство как систему управления социально-экономическими процессами. В этом случае в центре внимания оказывается государственная политика по формированию инвестиционного климата, деловой и социальной инфраструктуры, структурной перестройке хозяйства, а также реагирование на внешние вызовы и угрозы. Эту концепцию разделяет, например, академик А.Г. Аганбегян.

В принципе обе концепции имеют право на существование. Лишь от целей исследователя зависит, какую из них принять в качестве базовой. Но в первом случае в центре внимания оказывается максимум общественной полезности при заданных ресурсах и их ожидаемой динамике, а во втором – максимизация темпов роста, т.е. ресурсной базы, при данном уровне социально-экономических обязательств. В краткосрочном периоде вроде бы

оправданна первая модель, а в долгосрочном – вторая. Многие страны, такие как восточноазиатские «тигры», сумели перейти из третьего мира в первый благодаря правильно выбранной стратегии развития, другие – под лозунгами социальной справедливости прошли обратный путь.

Считается, что все экономические субъекты максимизируют свою полезность и преследуют свои цели, которые можно выразить в терминах дохода, прибыли, доли рынка, стабильности развития или в чем-то подобном. Что касается государства, то его цели и, соответственно, решения не укладываются в указанные индикаторы и не всегда описываются ими. Во-первых, решения государственных органов регламентированы политическим процессом, который накладывает свои ограничения на принятие решений и их результаты. Во-вторых, государство представляет собой иерархические структуры, в которых отдельные подсистемы имеют различные, часто противоречивые цели и функции. Процессы сбора и анализа информации, выработки решений и их согласования требуют значительного времени и усилий. В-третьих, в отличие от частного сектора, государство формирует еще и правила, обязательные как для частного сектора, так и государственных структур.

Считается, что в идеале частный сектор создает богатство, а государство – условия для его производства. В реальности же деятельность государства далеко выходит за пределы столь простого правила, и государство само создает богатство в разных формах. Доля государственного сектора в ВВП (или других макроэкономических показателях) определяет вклад государства в общее благосостояние. При этом практически невозможно вычислить альтернативную стоимость государственных услуг или рыночных товаров и услуг, производимых государственным сектором, т. е. невозможно сказать, насколько богаче или беднее было бы общество при передаче ряда функций частному сектору или наоборот. Отсюда споры среди экономистов и политиков о разумных пределах государственного сектора. Одни считают, что увеличение доли государства вредит экономическому росту, другие придерживаются противоположной точки зрения. Эти споры носят еще и этический и философский характер, поскольку одни считают, что с ростом государственного сектора снижается степень свободы в обществе, начинается деградация институтов и этики граждан, другие же обосновывают необходимость расши-

рения государственного сектора в схожих терминах и с прямо противоположными выводами.

Забавно, что аргументы за и против расширения роли государства и государственного сектора в экономике используются и при обсуждении проблемы устойчивого развития. Одни считают, что большой государственный сектор уменьшает зависимость национальной экономики от внешних факторов и, следовательно, всякого рода инфекций и шоков, другие же говорят о дополнительных рисках вследствие «плохих» решений, вероятность которых возрастает из-за закрытости государственных структур, о неэкономическом характере решений государства, искажении информации и пр.

Широко распространено не только мнение о всемогуществе государства, но и об особых навыках и талантах государственного управления, о большей по объему и более качественной информации, на основании которой органы власти принимают свои решения. Но даже такой сторонник активного государственного вмешательства, как П. Кругман, отмечает риск беззаветной веры в мудрость власти вообще и на примере Китая в частности: «Некоторые комментаторы говорят, что не стоит волноваться. Что в Китае есть сильные и умные лидеры, которые сделают все необходимое, чтобы справиться со спадом... я очень хорошо помню получение аналогичных гарантий в отношении Японии в 1980-х годах... А позже были гарантии того, что Америка никогда больше не будет повторять ошибок, которые привели к “потерянному десятилетию” Японии. Но мы, в сущности, делаем все еще хуже, чем было в Японии»¹. Известно более точное и горестное выражение коллеги П. Кругмана, тоже нобелевского лауреата и одного из авторов идеи смешанной экономики П. Самуэльсона: «...Нужно признать: сумасшедшие во власти способны самостоятельно воспроизводить свое безумие и вовсе не нуждаются в помощи ни покойных, ни нынешних экономистов»².

Такие оценки государственной политики становятся понятны, если учесть временной горизонт государственных мер. Политик решает конкретные задачи и стремится получить результат в кратчайшие сроки, в то время как консультанты и комментаторы

¹ Свои опаснее китайских [Электронный ресурс] URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/12/23_a_3938022.shtml

² Там же.

говорят о необходимости преодоления проблем, которые привели к негативной ситуации, и долгосрочных последствиях принимаемых решений.

О функциях государства, или зачем оно нужно

С давних пор экономистов волновала проблема влияния государственной политики на экономическое развитие страны. Адам Смит посвятил всю пятую книгу своего «Богатства народов» этой проблеме. Главный его вывод состоял в том, что некоторые виды деятельности государства полезны для роста общего благосостояния, а другие – вредны. Он не ставил под сомнение полезность самого существования государства и экономической политики, но считал необходимыми определенные границы государственного вмешательства. «Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал, и продукт какой промышленности может обладать наибольшей ценностью. Государственный деятель, который пытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению»¹.

В дальнейшем экономисты сделали очень много для обоснования необходимости государственного вмешательства в экономические процессы, разработку инструментов государственного регулирования и критериев оценки их эффективности. Представление об экономических функциях государства базируется на идее компенсации несостоятельности рынков в отдельных областях. Во все учебники входит раздел, посвященный фиаско рынков. Р. Масгрейв в качестве таких примеров приводит, например, феномен спонтанного возникновения монополий, внешние эффекты и общественные блага, неполноту фьючерсных и страховых рынков, неопределенность с правами собственности, разде-

¹ Цит. по: Делепляс Г. Лекции по истории экономической мысли. Европейский подход. Новосибирск: НГУ, 2000. – 204 с., С. 63.

ление товаров и услуг на полезные и вредные в общественном сознании и др.¹

Государство также перераспределяет ресурсы и блага в интересах бедных, меньшинств, одиноких, инвалидов, престарелых, больных и т. д. Таким образом осуществляется трансферт от тех, кто здоров и работает, тем, кто не работает и нуждается. Менее заметна и меньше обсуждается деятельность государства по перераспределению средств налогоплательщиков в пользу тех, кто предоставляет государству товары и услуги, или тех, чья деятельность считается полезной с позиций разнообразных критериев (размеры фирмы, перспективность разрабатываемой технологии, местоположение, состав работников или собственников, экологические заслуги и т. п.). Можно напомнить и о трансферте от тех, кто платит налоги, тем, кто покупает государственные облигации.

В качестве кредитора и страховщика последней инстанции государство может как повышать, так и заметно снижать восприятие риска и ответственность экономических субъектов за принятые решения и нарушение контрактных обязательств. Столь многообразная деятельность делает нетривиальным ответ на вопрос: в отношении интересов каких именно групп проводится политика перераспределения доходов?

Но государство часто выступает как предприниматель и работает на вполне сформировавшихся рынках, конкурируя с частными предприятиями. Анализ развития государственного предпринимательства в промышленно развитых странах показывает, что, как правило, государство – плохой предприниматель. Более того, в таких областях, как коммунальные услуги (электро-, газо-, водоснабжение, канализация, транспорт), убытки предприятий часто трактуются как выигрыш потребителя и ставятся в заслугу государству и его предприятиям².

Благодаря работам Р. Коуза, Дж. Бьюкенена и некоторых других, экономисты озаботились проблемой фиаско государства. Теперь во многих учебниках существует и такой раздел. Отсюда возникает проблема оптимального размера государства в эконо-

¹ *Аткинсон Э., Стиглиц Дж.* Лекции по экономической теории государственного сектора. – М.: Аспект-пресс, 1995. – 882 с. С. 18–22.

² Государственное предпринимательство в развитых капиталистических странах. – М.: ИНИОН, 1986. – 362 с.

мике, оптимизации его функций и набора инструментов регулирования. Но главным является ответ на вопрос о размерах государства и о том, почему оно повсеместно растет.

Измерение доли государственного сектора в экономике представляет собой непростую проблему. Первое приближение оценки размеров государства дает доля консолидированного бюджета в ВВП той или иной страны. Но для более полной оценки следовало бы учесть добавленную стоимость, создаваемую в государственных и муниципальных, а также в тех предприятиях, которые находятся под прямым или косвенным контролем государства, например, если большая часть их продукции (товаров и услуг) приобретает государством. Кроме доли государственного сектора в ВВП, важную роль при оценке его размеров играет его доля в общей численности занятых.

Почему государственный сектор повсеместно растет?

То, что он растет опережающими темпами по сравнению с ВВП, является эмпирическим фактом, на который экономисты обратили внимание еще в XIX веке¹. Самым простым, остроумным и потому поверхностным является объяснение, данное в книге «Закон Паркинсона, или в погоне за прогрессом»².

Утверждалось, что количество служащих и объем их работы совершенно не связаны между собой, поскольку, во-первых, чиновник увеличивает число подчиненных, а не конкурентов (находящихся с ним на одном уровне чиновников), а, во-вторых, чиновники обслуживают документооборот, т. е. работают друг на друга, а не выполняют общественные функции. При этом объем документооборота, который определяет задачи и число служащих, никак не зависит от масштаба (количества и сложности) управляемых объектов. Несмотря на множество примеров и остроумие автора, экономистов обычно не удовлетворяют подобные объяснения, поскольку остается непонятным, почему остальные члены общества так легко соглашаются с ростом бюрократии, которую они не только оплачивают, но еще и вынуждены преодолевать массу создаваемых ею неудобств.

¹ Аронсон Дж. и Отт Э. Рост государственного сектора / Панорама экономической мысли конца XX столетия. – СПб: Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 641–645.

² Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.

Другое объяснение состоит в том, что рост цен и заработной платы в государственном секторе идет быстрее, чем в частном, в результате того, что государство является «плохим» покупателем, а частный сектор и семейные хозяйства продают ему товары и услуги по ценам выше рыночных. При этом государство ориентируется на уровень зарплат и цен в частном секторе, но не имеет системы управления издержками, поскольку не находится в конкурентной среде. Кроме того, государство постоянно стремится к повышению эффективности работы ведомств и борется с коррупцией путем разделения функций, увеличения зарплат и льгот государственным служащим, а также выстраивая все новые системы контроля за чиновниками.

Более строго можно объяснить феномен роста государства, используя двухсекторную модель У. Баумоля. В ней экономика рассматривается состоящей из двух секторов: в прогрессивном наблюдается рост производительности труда, а в традиционном – рост производительности труда пренебрежимо мал.

Если заработная плата равна предельной производительности фактора, то в прогрессивном секторе она будет расти. Но она будет расти и в другом секторе в силу конкуренции и инерционности. Тогда предприятия традиционного сектора столкнутся с проблемами увеличения издержек и возможного падения спроса на продукцию. Но если спрос на блага, производимые этим сектором, неэластичен по ценам, то рабочая сила будет перемещаться в стагнирующий сектор, а государственные расходы – расти. Другими словами, если производительность труда в госсекторе не растет, то это вызывает увеличение числа чиновников и налогов.

А. Вагнер в середине XIX в. считал, что доля государства определяется налогами, которые, в свою очередь, являются одной из расходных статей бюджета семьи. Тогда имеется ограничение на рост фискальной нагрузки, которое становится менее жестким с экономическим ростом и увеличением доходов домашних хозяйств. Поэтому причиной роста государства является улучшение благосостояния большинства семей и семейных хозяйств в целом¹.

¹ Обсуждение закона А. Вагнера и других гипотез и моделей роста государства см. *Аронсон Дж. и Отт Э. Рост государственного сектора / Панорама экономической мысли конца XX столетия.* – СПб: Экономическая школа, 2002. – Т. 1. – С. 641–645.

Другим объяснением могут служить законы Э. Энгля, а именно утверждение, что с ростом доходов доля расходов на продовольствие снижается, а прочих расходов – растет, в особенности, на предметы роскоши. Если считать социальные пособия и расходы на инфраструктуру, образование и здравоохранение предметом роскоши, то четвертый закон Энгля выполняется исправно.

Еще одним объяснением может служить то, что государство производит общественные блага, и при росте числа потребителей удельные издержки на такие блага снижаются, налоговые издержки на одного налогоплательщика, при прочих равных условиях, падают, и растет спрос на общественные блага. Другими словами, эластичность спроса на общественные блага по доходу превышает единицу.

Некоторые экономисты объясняют феномен роста государства тем, что налогоплательщик не знает, на что в точности идут его налоги, и готов голосовать за увеличение расходов, поскольку может оценить собственные выгоды от увеличения таких расходов бюджета. Но при этом рост налогов и других обязательных платежей он обычно не связывает с увеличением государственных расходов. Еще более охотно гражданин проголосует за рост расходов, если финансирование программ будет идти за счет заимствований или каких-то других источников, не связанных жестко с налогами, например, доходов от деятельности государственных предприятий, добровольных пожертвований большого бизнеса или так называемой природной ренты. В этом случае люди склонны недооценивать будущий рост налогов для погашения долга или рост изъятий ресурсов из предприятий государственного или частного секторов, что последние обычно пытаются компенсировать повышением цен или снижением качества товаров и услуг. Еще в XIX в. некоторые экономисты, например, Д. Рикардо, были убеждены, что в долгосрочном периоде рост налогов и увеличение государственного долга имеют тождественные последствия. Насчет тождества можно поспорить, но нынешняя ситуация в некоторых странах ЕС заставляет согласиться, что последствия могут быть достаточно близкими.

Теория общественного выбора исходит из того, что представление о принятии государственных решений на основе общественной пользы изначально наивно. Политики и чиновники стремятся к максимизации расходов на программы, которые они про-

талкивают и курируют. Это увеличивает их власть, расширяет полномочия и даже может определять продолжительность их пребывания во властных структурах. Дополнительные возможности предоставляет долговое финансирование государственных программ, поскольку таким образом можно привлечь сторонников и не заполучить противников.

Дополнительные соображения о причинах роста государства

Реальное развитие стран сопровождалось в прошлом такими катаклизмами, как войны, во время которых росли государственные расходы и государственный долг. Очевидно, что такие периоды влекут за собой увеличение роли государственного сектора. Последующая конверсия не приводит автоматически к изначальному уровню налогообложения и расходов. Правительство «входит во вкус» и начинает финансировать масштабные программы, к которым все (включая политиков и чиновников) привыкли за годы войны. Происходит привыкание к масштабам. Кроме того, в результате войн обнаруживаются новые сферы деятельности, такие как восстановление инфраструктуры, трудоустройство демобилизованных, развитие новых направлений научных исследований и т. п., о которых раньше не знали и которые теперь рассматриваются как общественное благо.

Экономический рост невозможен без развития транспорта, коммуникаций, здравоохранения и образования, других инфраструктурных отраслей. Но естественное желание Правительства – унификация этих услуг и обеспечение равного доступа к ним. Не обсуждая рациональности или утопичности таких решений, отметим, что и власти, и граждане легко соглашаются с доводами в их пользу.

Следует отметить, что современное государство весьма озабочено проблемой экономического роста. Помимо того, что высокие темпы роста дают дополнительные ресурсы для самого государства и повышают его кредитоспособность, они могут стать предметом национальной гордости, уважения и зависти в других странах, а также повлиять на планы международных и национальных инвесторов.

Как бы мы ни относились к так называемому закону Э. Денисона о постоянстве нормы сбережения в частном секторе, мы не

можем отрицать многочисленные попытки со стороны государства увеличить эту норму. Принудительное накопление становится особенно очевидным в процессе милитаризации экономики. Вообще-то война с экономической точки зрения представляет собой процесс уничтожения богатства, а подготовка к ней – создание запасов для последующего уничтожения как самих запасов, так и тех объектов, к которым они будут применены. Не говоря уже о непроизводительном использовании и уничтожении человеческого капитала. Но пока создаются указанные запасы, статистика фиксирует значительный рост макроэкономических показателей: ВВП, промышленного производства, инвестиций в основной капитал и, возможно, даже реальных доходов населения.

Гипотеза М. Олсона состоит в том, что в стабильных обществах с неизменными границами с течением времени растет число групп с особыми интересами. Это приводит к увеличению числа соискателей ренты, а их требования усложняют работу Правительства, влекут за собой рост государственных расходов, количества функций государства и направлений расходования общественных средств. Одновременно группы с особыми интересами превращаются в распределительные коалиции, снижают социальную и трудовую мобильность и стимулы к труду. Такие группы, как правило, очень эффективны. Они срастаются с государством и пытаются использовать его как инструмент в достижении своих целей.

Заключение

В наше время, когда в некоторых странах демократические выборы выносят на вершины власти популистов, делающих ставку на идею всемогущества государства и зовущих избирателей в неизведанное, но светлое завтра, казалось бы, снимаются все политические ограничения на рост государства. С другой стороны, формально противостоящие им либералы и консерваторы также в значительной степени заражены популизмом и вождизмом и часто вынуждены перехватывать лозунги и идеи оппонентов. Тем не менее, сам феномен сменяемости власти существенно ограничивает возможности для принятия решений и бесконтрольного расширения функций государства.

В случае несменяемости власти можно надеяться, что катастрофические последствия популистской политики, основанной на

личной харизме, приведут к отрезвлению избирателей и смене курса, но это – слабая основа для оптимизма.

Для повышения эффективности государства, включая государственный сектор экономики, снижения негативных последствий их роста, ограничения роли государства в экономике используются принцип независимости ветвей власти, политическая и фискальная децентрализация. Даже несмотря на то, что тем самым снижается роль эффекта масштабов и удлиняются сроки принятия решений, выигрыш в долгосрочном плане может быть велик. Еще С. Паркинсон в упоминавшейся работе показал, что усиление централизации способствует бюрократизации организации, сверхцентрализованная фирма губит всякую инициативу на периферии, ведет к росту бессмысленных отчетов, и результатом обычно является крах.

Хотя эмпирические исследования в данной области демонстрируют противоречивые результаты, с совершенно неожиданной стороны пришло подтверждение гипотезы о позитивном воздействии децентрализации на развитие и рост в долгосрочной перспективе. Дж. Даймонд в послесловии к своей книге «Ружья, микробы и сталь» задается вопросом о соотношении централизации и децентрализации в достижении максимума эффективности и инновационной активности применительно к организациям, регионам и целым странам. Он обосновывает принцип оптимальной фрагментации, когда избыточная консолидация и избыточная раздробленность одинаково вредны¹. Ранее к сходным выводам при обсуждении проблем централизации-децентрализации на примере России и Китая пришли А. Шлейфер и О. Бланшар, сравнивая институциональные условия и экономические успехи обеих стран².

В их представлении экономическая и финансовая децентрализация эффективна только в случае политической консолидации, т. е. когда регионы и муниципалитеты разделяют цели центра в части поощрения экономического роста и структурных реформ. Если же центральные и региональные элиты настроены на извлечение ренты, то межрегиональные, межведомственные и другие

¹ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. – 720 с. С. 651–659.

² Bianchard O., Shleifer A. Federalism With and Without Political Centralization: China Versus Russia // IMF Staff Papers. – Vol. 48. – Special Issue. 2001. – P.171–179.

барьеры уничтожат стимулы к экономическому росту тем успешнее, чем выше степень экономической и финансовой самостоятельности ведомств, властей и корпораций.

Идея о том, что децентрализация в части полномочий и ответственности должна сопровождаться консолидацией в области ценностей и целей, достаточно глубока и продуктивна, хотя и не является новой. Именно эта идея может служить отправной точкой для объяснения не только экономической динамики, но и устойчивости развития федеративных государств и межгосударственных объединений, а также корпораций и негосударственных организаций¹.

Эта идея постоянно возрождается, что видно, например, из выступления Е.М. Примакова, в котором он основное внимание уделил проблеме децентрализации управления и возрождению федерализма в России². Децентрализация также может содействовать повышению качества экспертизы принимаемых решений, поскольку мало что так способствует росту сервильности институтов, включая и институт экспертизы, как централизация и персонализация власти.

2.2. Загадка общественных благ.

Еще раз об экономических функциях государства³

Какая еще может быть загадка, если во всех учебниках имеется специальный раздел, содержащий четкое определение общественных благ, подробное описание их признаков и критериев выделения, а главное – обоснование их влияния на рост общественного благосостояния?!

Вопреки широко распространенному представлению о том, что основная задача экономической науки – выявление новых фактов и зависимостей, ее цель состоит главным образом в критике существующих концепций и моделей. Нужно не столько

¹ *Клисторин В.И.* Экономические основания бюджетного федерализма // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.

² Евгений Примаков: единственной альтернативой для России является опора в первую очередь на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс] URL: <http://tpprf.ru/ru/news/v-tsentre-mezhdunarodnoy-torgovli-moskvysostoitsya-zasedanie-merkuriy-kluba-i61924/> (дата обращения: 05.04.15).

³ ЭКО. – 2015 г. – № 10.

вводить новые понятия, сколько подвергать сомнению устоявшиеся. Такое «разрушительное созидание», если использовать выражение Й. Шумпетера, является основным методом развития экономической науки.

Основная причина выделения общественных благ в отдельную группу заключается в том, что само их существование служит обоснованием «полезности» государства. Другие аргументы в пользу активного вмешательства государства в экономическую жизнь выглядят менее весомо.

Согласно Р. Масгрейву, экономические функции государства определяются, помимо потребности в общественных благах, наличием внешних эффектов, спонтанным образованием монополий, неполнотой страховых и фьючерсных рынков, наличием полезных и вредных продуктов и многим другим. Еще один сильный аргумент в пользу активного вмешательства в экономику – необходимость краткосрочного антикризисного регулирования – наиболее полно обоснован Дж. М. Кейнсом, в основе идей которого лежат негибкость цен, неспособность экономических субъектов адекватно оценивать экономическую информацию и циклическая смена оптимистических и пессимистических ожиданий инвесторов, определяющих их поведение.

Хотя все эти аргументы разделяются большинством экономистов и приняты общественностью, они далеко не бесспорны. Так, негативное влияние экстерналий может быть нивелировано укреплением прав собственности. Большие сомнения вызывает эффективность антимонопольной политики, равно как и способность государства компенсировать неопределенность и риски для экономических агентов, т. е. выступать в качестве страховщика последней инстанции. Очень сомнительно выглядит разделение благ на полезные и вредные, которое оправдывает субсидирование первых и ограничение производства и потребления вторых, вплоть до полного запрета. Даже контрциклическая политика Правительств и центральных банков вызывает ожесточенные дискуссии.

Другое дело – общественные блага. Если производство дополнительных благ повышает общий уровень благосостояния, но оно в силу каких-то причин невозможно без участия государства, то это – достаточный аргумент в пользу активной роли государства в экономике. Признание наличия общественных благ ставит под сомнение принцип рыночной координации посредством ценового механизма, поскольку превращает рыноч-

ное взаимодействие экономических субъектов из всеобщего принципа в частный случай, так как возможен рост общественного благосостояния сверх экономически оправданных действий частных лиц, подчиняющихся принципу максимизации индивидуальных функций полезности. Впрочем, само государство не нуждается в экономическом или любом другом обосновании, особенно это касается его полезности для развития общества. Государства долгое время создавались и эволюционировали вне какой-либо связи с экономической наукой, во всяком случае, до ее возникновения.

Проблема видится в том, что общественные блага в большинстве случаев производятся и потребляются индивидуально, т. е. формально неотличимы от всех прочих благ, но необходимо включают государство в качестве посредника между производителем и потребителем.

Об определении и свойствах общественных благ

Благо называется общественным, если доступ к нему не может быть ограничен, а его потребление возможно одновременно многими субъектами¹. Обычно далее следуют многочисленные примеры (национальная оборона, общественная безопасность, дорожная сеть, судебная система, маяки и другие навигационные знаки, уличное освещение, образование и т. п.). Но при этом имеется обширная литература, в которой ставится под сомнение общественный характер практически каждого из перечисленных выше благ. Например, исторический анализ создания «хрестоматийного» общественного блага – маяка – провел Р. Коуз в своей знаменитой статье².

Рассмотрим по порядку признаки общественных благ, опираясь на множество популярных учебников – от Пола Самуэльсона до Пола Хейне³.

¹ Гребнев Л. С., Нуреев Н. М. Экономика. Курс основ. – М.: Вита- Пресс. 2000. – 432 с. [С. 35].

² Коуз Р. Маяк в экономической теории // Фирма, рынок и право. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.

³ Самуэльсон П. Экономика. В 2-х томах, Т. 1. – М.: НПО «АЛГОН» ВНИИСИ, 1992. – 332 с., С. 155–163.; Хейне П. Экономический образ мышления. Гл. 14. Рынки и государство. – М.: Дело (при участии Catallaxy), 1992. – 704 с. [С. 441–467].

Начнем с коллективного характера общественных благ. Те блага, которые можно потреблять только членами определенной группы или группой в целом, называются коллективными, или клубными. Разумеется, не все они относятся к общественным, но обратное считается верным. В действительности коллективные блага являются первичным понятием, поскольку людям вообще свойственно объединяться в группы для реализации индивидуальных целей (профсоюзы, политические партии, соседские общины, уличные банды, религиозные объединения и т. д.). М. Олсон, исследовавший логику коллективных действий, отмечал, что блага, производимые группами с особыми интересами для своих членов, сходны с общественными¹.

Фактически же дело обстоит наоборот, поскольку коллективные блага становятся общественными, когда признаются таковыми широкими коалициями, и после этого – государством.

Общественные блага характеризуются отсутствием конкуренции при их потреблении и порождают «проблему безбилетника»². Типичный пример – национальная оборона – показывает, что наслаждение безопасностью при отсутствии угрозы внешнего нападения никак не зависит, во-первых, от числа тех, кого защищают вооруженные силы, и во-вторых, от того, каков личный вклад того или иного субъекта в укрепление обороноспособности страны. Другой пример – уличное освещение или дорожные знаки. Проблема видится в том, что хотя предельные издержки при включении дополнительного потребителя действительно равны нулю, такое положение не сохраняется до бесконечности, поскольку включаются дополнительные факторы. Сошлемся на хрестоматийный пример общинного пастбища.

Отсутствие конкуренции в потреблении общественных благ приводит к идее их «неизнашиваемости» в процессе потребления и к положительным эффектам масштаба в части потребления и производства. Последнее означает стабильность или даже рост предельной полезности с ростом потребления и

¹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. – Новосибирск: ЭКОР, 1982. – 432 с.

² Никулов И. В. Общественные блага и проблема безбилетника. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/11937.pdf> (дата обращения: 25.08.2015).

аналогичное поведение предельной производительности при производстве¹.

Считается, что частные блага, в отличие от общественных, делимы, конкурентны и исключаемы из потребления другими субъектами. В действительности же это можно сказать и о большинстве благ, обычно относимых к общественным. Это касается раскрытия и предотвращения преступлений, работы судебной системы, образования, медицинского обслуживания и многих других.

Поэтому введено понятие чистых общественных благ, якобы полностью отвечающих, по мысли авторов, перечисленным выше критериям. К ним обычно относят национальную оборону, фундаментальные исследования, охрану общественного порядка и т.д. Здесь также есть определенная путаница. Благом является не национальная оборона и полиция, а безопасность гражданина или жителя. Как бы совершенно ни были организованы и эффективны армия или полиция, безопасность одних будет несопоставимо выше, чем других. И причины этого видятся как в качестве институтов, так и в приоритетах государства.

К общественным благам, которые в наибольшей степени соответствуют понятию чистых, относятся наука и искусство, моральные и нравственные нормы, а также результаты их функционирования, такие как знания об окружающем мире, произведения искусства, архитектурные ансамбли, природные комплексы; человеческий и социальный капитал. Именно они обладают такими свойствами, как положительные внешние эффекты для всех (или подавляющего большинства). Поэтому общество и, в идеале, государство должны быть заинтересованы в максимально широком обеспечении потребителей подобными благами.

Альтернативность в производстве общественных благ

Общественные блага являются экономическими, т. е. обладают ценностью и стоимостью. Если, как указывалось выше, государство заинтересовано в повышении благосостояния граждан, то проблема состоит не в распределении общественных благ, а в обеспечении оптимального объема их производства.

¹ Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб: Экономическая школа, 1999. – С. 122–127.

Здесь также действует общий принцип: благо должно производиться в объеме, при котором предельные общественные выгоды, выраженные суммой предельных выгод всех потребителей, уравниваются с предельными общественными издержками на его производство.

Мы привыкли буквально воспринимать расходы государства по обеспечению нас определенными услугами как сами услуги в измеримом виде, и в большинстве случаев отождествляем эти услуги с общественными благами. Так, расходы на оборону воспринимаются как синоним защиты от внешних угроз. Но так ли это? В исторической ретроспективе создание мощных вооруженных сил чаще приводило к краху государства и общества, нежели к устранению внешних угроз. Гораздо большее значение в обеспечении безопасности играли дипломатические усилия, организация союзов и аналитическая работа стратегической разведки. Поэтому определенный уровень потребления общественных благ допускает альтернативы в их производстве. Более того, окольные способы их производства (используя терминологию О. фон Бем-Баверка) могут быть более эффективны, нежели непосредственные действия.

Как уже было отмечено, предельные издержки, обеспечивающие потребление дополнительной единицы общественного блага, настолько малы, что могут считаться нулевыми. Действительно, появление дополнительного ученика в классе, как и дополнительного пешехода на освещенной улице или туриста, любящегося красотами озера Байкал, не требует дополнительных общественных издержек. С другой стороны, эти блага исчерпаемы, т. е. учебные классы, улицы и живописные ландшафты – «не резиновые».

Общественные блага конкурируют за ограниченные ресурсы не только с частными благами, но и между собой. Помимо очевидной проблемы, что важнее: охраняемые природные комплексы или добыча природных ресурсов, возникают и другие: что важнее – общественная безопасность или качественная система здравоохранения?

Вместе с тем самое очевидное, казалось бы, предположение о нулевых предельных издержках при производстве и потреблении общественных благ приводит к неразрешимому противоречию. Считается, что частные блага характеризуются убывающей предельной производительностью при их производстве и убывающей

предельной полезностью – при потреблении. Если общественные блага не подчиняются этим «законам», то они неизбежно будут постепенно вытеснять частные в совокупном производстве и потреблении. И возникает вопрос о том, почему этого еще не произошло.

Как блага становятся общественными

Каждая группа с особыми интересами производит блага для своих членов. Первоначально это происходит за счет объединения собственных ресурсов участников. Но постепенно индивидуальные цели членов группы начинают трактоваться как общественные, и группа превращается в распределительную коалицию. Если коалиция достаточно широка и активна, она может навязать обществу и государству свои представления об общественном характере своей миссии и общественной пользе своего проекта. Это относится к созданию общественных парков и музеев, запрету на продажу алкогольных напитков с целью охраны здоровья нации, всеобщему бесплатному высшему образованию и т. д.

Другим способом преобразования частного блага в общественное становится деятельность самого государства – политиков и чиновников. Для обеспечения избрания и карьерного роста они ищут и неизменно находят проблемы, которые следует решать путем предоставления общественных благ. Государство не только улавливает настроения людей, но и может манипулировать общественным мнением. Применительно к интересующему нас предмету – общественным благам, государство умеет придавать некоторым благам высший приоритет ценности и декларировать их общественный характер, в результате чего меняется относительная ценность всех других благ. При этом возникающая в общественном сознании высшая полезность общественных благ принимает характер дихотомии. Если государство участвует в распределении общественных благ, но те же блага производятся частным образом (например, образование или безопасность), нередко возникают требования устранить частный сектор в этом виде деятельности. Даже снисходительное отношение к конкуренции с частным предоставлением благ создает ощущение дискриминации.

Вмешательство государства в предоставление благ и объявление их общественными зачастую приводят к любопытным из-

менениям в общественном сознании и поведении. Как мы уже отмечали, расходы на оборону, которые воспринимаются как финансирование общественного блага – чувства безопасности и гордости за свою страну – могут привести к прямо противоположным результатам. Наиболее подготовленные к войне страны – Германия и Япония – потерпели военное поражение и национальное унижение в том числе и потому, что имели изначально наиболее мощную военную машину. Советский Союз оказался в числе победителей, но его потери в войне вполне подходят под определение непоправимого ущерба.

Но и без всякой войны милитаризация экономики только до определенной степени может служить росту общественного благосостояния, как бы мы его ни понимали и как бы его ни измеряли. Следовательно, с определенного момента общественное благо может превратиться в антиблаго.

В более широком историческом контексте следует вспомнить, что войны велись и общественная безопасность поддерживалась частным образом. История большинства стран дает нам множество таких примеров.

Другим примером может служить история с развитием системы образования. Оно всегда рассматривалось как ценное и редкое благо. Родители пытались дать детям образование, которое было синонимом карьеры, достойной жизни и уважения. Когда же в большинстве стран сначала начальное, а потом среднее образование стали обязательными, его ценность существенно снизилась. Более того, став обязательным, образование превратилось для многих учеников и родителей в антиблаго, а недостатки общественного образования многим приходится исправлять за счет частных услуг.

Чтобы убедить общество в правильности своей политики, государство прилагает значительные усилия для подтверждения того, что производимые им блага действительно являются общественными.

Если же среди экономических субъектов рассматривать и государственные структуры, которые извлекают пользу из производства таких общественных благ, то проблема общественных благ применительно к ряду областей вообще снимается. Эти общественные блага (например, ту же безопасность) можно рассматривать как частное благо для Правительства и/или отдельных его ведомств. Тогда рыночная координация опять становится все-

общим принципом. И для достижения равновесия и оптимума по Парето необходимы лишь гибкость цен и этика как способ снижения транзакционных издержек.

Таким образом, мы убеждаемся, что простая и стройная теория общественных благ, включающая простую дихотомию «общественные блага – частные блага», обязательность участия государства в производстве общественных благ путем финансирования и придания им приоритета высшей ценности, как минимум, требует уточнения. Отсюда – концепция государства как некоего субъекта, производящего некий набор стандартных, привычных и потому не требующих дополнительного обоснования услуг, также требует пересмотра.

Заключение

Опасность неоправданного расширения понятия общественных благ состоит в следующем: так как они производятся при посредничестве государства, ответственность за результаты индивидуальных решений переносится с уровня экономических субъектов на уровень государства и общества в целом. Такое возможно в случае, когда государство «знает» потребности этих субъектов, может их ранжировать или, как минимум, отличить истинные потребности от мнимых. Однако потребители общественных благ через какое-то время настолько привыкают к их получению, что попытки государства исправить предыдущие решения встречают ожесточенное сопротивление. Политики и чиновники обычно не склонны признавать свои ошибки. Наконец, для производства и обслуживания посредничества в распределении общественных благ создаются бюрократические структуры, которые хорошо умеют обосновывать общественную полезность своей работы.

Общественный характер благ и соответствующие услуги государства обычно обосновываются понятием социальной справедливости. Поскольку в экономике результаты распределения доходов и имущества определяются не только объемами ресурсов и качеством методик расчетов, но и везением, счастливым стечением обстоятельств, короче, набором случайных факторов, вопрос о справедливости в распределении становится совсем запутанным. С одной стороны, справедливо помогать тем, кто попал в тяжелое положение, с другой – сам субъект должен нести полную

ответственность за принимаемые решения. Формальные теории вряд ли справятся с этой проблемой, но она постоянно решается в конкретных ситуациях на основании действующих формальных и неформальных институтов.

Часто государственные деятели, иногда совершенно искренне, провозглашают целями государственной политики замену предоставления частных благ общественными, обосновывая это снижением общественных издержек, справедливостью и здравым смыслом, но руководствуясь при этом интуитивным озарением, настроениями избирателей или примерами других стран, находящихся в иных условиях. Очень редко при принятии решений проводится всесторонняя и квалифицированная экспертиза их отдаленных и косвенных последствий. Еще труднее выявить истинные мотивы сторонников той или иной реформы: от альтруизма до корысти и от желания войти в историю до стремления усидеть на своем месте.

Адам Смит писал, что государственный деятель, который пытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению. Это писалось в те времена, когда английское Правительство крайне слабо вмешивалось в экономическую жизнь. Теперь же мы в России ежедневно сталкиваемся с инициативами как сверху, так и снизу по расширению перечня государственных услуг и субсидированию производства благ, объявляемых общественными. И почти все это делается без надлежащей экспертизы.

Полезно напомнить слова Томаса Джефферсона из Кентуккийских резолюций 1798 г. о том, что свободное Правительство основано на подозрительности, а не на доверии¹.

Стройная теория общественных благ является всего лишь моделью, или полезной фикцией, говоря словами Ф. Махлупа. Граница между частными и общественными благами тонка и подвержена манипуляции. Поэтому в реальной жизни следует всякий раз тщательно обсуждать ее обоснованность и применимость в каждом отдельном случае.

¹ Свободное Правительство, в его терминологии, избирается народом в отличие от назначения монархом.

2.3. Рост недоверия и неопределенности как результат регулирования в меняющемся мире¹

Размышления над учебником «Центральные банки в мировой экономике» (М.: Альфа – М; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.).

Этот учебник при внимательном прочтении оставляет странное впечатление. Для учебника в нем слишком много размышлений, сомнений, дискуссионных вопросов и различных вариантов интерпретации результатов. Для монографии – слишком много общепринятых определений, известных и даже банальных рассуждений и фактов. В то же время появление такой комбинации монографического исследования, критического обзора новейшей литературы – символично, поскольку отражает переход в преподавании от изложения канонической нормативной модели к позитивной экономике, акцентирующей наше внимание на ограниченности знаний и обязательности постоянного сопоставления теоретических моделей с тестированием эмпирически проверяемых гипотез.

Книга заставляет задуматься, дискутировать или требовать более подробного изложения материала и тем может быть интересна для читателя.

Центральная идея, если можно применить такое понятие к учебному пособию, заключается в том, что, столкнувшись с новыми вызовами и рисками, в условиях финансово-экономического кризиса, вызвавшего первую с начала XX века рецессию в мировом масштабе (исключая II мировую войну), субъекты денежно-кредитной политики вынуждены в очередной раз пересматривать не только ассортимент инструментов, но и сами цели своей политики. Меняются функции центральных банков. Причины этого авторы видят в процессах глобализации мировой экономики, отчасти – в либерализации финансовых рынков в предшествующие годы, а также в перемещении центров экономической активности в новые регионы и страны.

Но, с нашей точки зрения, такая характеристика не совсем полна, поскольку в последние годы изменился состав глобальных игроков финансовых рынков, и произошли значительные изменения в их относительной финансовой мощи. Помимо традиционных акторов, таких как центральные банки ведущих

¹ Эко. – 2012 г. – № 12.

стран, инвестиционные банки, управляющие компании страховых, пенсионных, хедж-фондов и транснациональных корпораций, появились суверенные фонды и национальные компании, значение которых в глобальной экономике, по-видимому, пока недооценивается.

Но критиковать работу за то, чего в ней нет, не совсем тактично, поэтому перейдем к разбору ее содержания по существу.

Первый раздел открывается кратким, но весьма информативным историко-экономическим очерком становления и развития центральных банков передовых стран как специфического института, а также их политики как эволюции целей, инструментов, достижений и провалов денежных властей.

Авторы традиционно и вполне обоснованно выделяют три основных этапа: эпоху золотого стандарта (1840–1930 гг.)¹, государственного регулирования (1930–1970 гг.) и «эпоху триумфа рынка» (с 1980 г. и по настоящее время). Некоторые претензии можно предъявить только к наименованию последнего этапа. Как показывают и сами авторы, несмотря на некоторую либерализацию финансовых рынков, особенно в США, в целом в мире шли скорее процессы усиления регулирования финансовых рынков и ужесточения законодательства. На это указывают расширение манипуляций с кратко- и среднесрочными процентными ставками со стороны центральных банков (с. 28–29), валютными курсами (с. 31 и далее), принятие международных стандартов в рамках Базельского комитета, а также не упоминаемые авторами «рекомендации» Всемирного банка и Международного валютного фонда, подкрепляемые масштабной финансовой помощью отдельным странам. Если речь идет об известном высказывании А. Гринспена о триумфе рыночной экономики, то он имел в виду либерализацию не столько политики центробанков ведущих стран, сколько экономической политики Китая, Индии, Вьетнама, стран бывшего СССР и некоторых других, что, конечно, сказалось на объемах торговли, потоках капитала и масштабах спекуляций, существенно повлияв на рост мировой экономики.

¹ Авторы на с. 14 указывают 1914 г., а на следующей странице – 1930-е годы, не поясняя, что пауза на время Мировой войны золотого стандарта сменилась его восстановлением в новых условиях. Это пояснение для сегодняшних студентов важно.

Представляется, что этот этап развития мировой экономики и глобальных финансовых рынков следовало бы определить как эпоху процветания, сопровождавшуюся эйфорией денежных властей и Правительств ведущих стран и руководителей финансовых корпораций, их верой в управляемость и стабильность мирового денежного хозяйства. Даже такие масштабные потрясения, как азиатский кризис 1997 г., кризис доткомов или 11 сентября 2001 г., имели лишь локальные последствия и не привели к глобальным катаклизмам. Казалось, что «свободный» рынок наконец-то стал вполне управляемым. Этот период в чем-то схож с 1950-ми годами процветания кейнсианской доктрины.

Небольшое замечание можно сделать и относительно сходства и различия политики ФРС под руководством Пола Волкера и Алана Гринспена. Первый главной задачей считал борьбу с инфляцией как в кратко-, так и в долгосрочном периоде, поскольку без этого все остальные проблемы, по его мнению, решить невозможно. А. Гринспен работал в более комфортных с этой точки зрения условиях и уделял больше внимания безработице и экономическому росту, а также преодолению шоков. Если верить его воспоминаниям, еще до кризиса доткомов он был озабочен инфляцией активов как новым явлением. Речь идет не только и не столько о финансовых пузырях, которые неизбежно лопались, сколько о том, что соответствующие шоки можно было стерилизовать. Появление и бурное развитие новых рынков в развивающихся и бывших социалистических странах определяли спрос на ликвидность, а расширение торговли и финансовых операций требовало страхования рисков, что многократно усиливало спрос на деньги. В том же направлении действовали многочисленные сделки слияния-поглощения и трансграничные потоки капитала.

Таргетирование номинальной процентной ставки или реальной, рассчитанной по индексу потребительских цен (в этот период в США они были близки), приводило к росту предложения денег, которые сразу уходили на финансовые рынки. Поскольку риски считались в целом застрахованными, номинальный рост стоимости активов рассматривался как реальный. Хотя были подозрения в том, что такой рост не оправдан, предпринимать какие-то действия вразрез с провозглашенной политикой ФРС было признано нецелесообразным. Так закладывался фундамент по-

следнего кризиса и нынешней неопределенности на финансовых и сырьевых рынках. Это частично признал и сам А. Гринспен.

Трансформации денежно-кредитной политики и действиям центральных банков в период острой фазы кризиса и период частичной стабилизации посвящена вторая глава. Ее содержание можно выразить одной фразой: ЦБ и Правительства большинства стран научились эффективно подавлять симптомы болезни, но не лечить саму болезнь. Стала очевидной необходимость пересмотра не только инструментов и целевых индикаторов, но и самих целей такой политики. Для большинства центробанков оказалось проще следовать в русле общего тренда стран-лидеров, чем обосновывать и проводить собственную политику. Исключения, иногда достаточно успешные, были редки.

Интересно обсуждение причин того, почему достаточно хорошо изученное и исправно работавшее в течение полувека снижение политической процентной ставки (учетной ставки или ставки рефинансирования) в условиях острого кризиса не приносит ожидаемых результатов и даже несет дополнительные риски. Наверное, не был в должной мере изучен опыт Японии, впервые в новейшее время столкнувшейся с этим феноменом.

Важен обоснованный вывод авторов о том, что не только между целями и инструментами центральных банков возникают противоречия, но и между их целями и функциями (с. 48). Этот сюжет только обозначен, но он очень интересен. Некоторые вопросы, связанные с ним, затронуты в этой и последующих главах, но лишь частично.

Главы с третьей по шестую представляют собой обзор новейших исследований в области эффективности инструментов денежно-кредитной политики в условиях глобального кризиса. Среди причин кризиса прямо не называются такие, на наш взгляд, очень важные, как ослабление связи между реальным и финансовым секторами экономики и относительное падение конкурентоспособности реального сектора национальных экономик ряда стран.

Зато очень хорошо описаны выявившиеся недостатки традиционных антикризисных мер и ступор трансмиссионных механизмов в ряде стран. Именно их сбой привел к тому, что как финансовый, так и реальный секторы перестали реагировать на посылаемые им сигналы в виде снижения политической ставки или количественного смягчения. Кризис традиционной денежно-

кредитной политики, по нашему мнению, можно объяснить еще тем, что субъекты рынка очень хорошо изучили мотивацию и последствия использования ее инструментов. На эту мысль наводят наблюдения за поведением финансовых рынков, особенно в последнее время. Если до кризиса ухудшение макроэкономических показателей приводило к уходу капитала, снижению обменного курса и т.п., что провоцировало падение финансовых рынков и включало механизмы саморегуляции, то теперь явное ухудшение экономической ситуации порождает ожидания конкретных действий со стороны большого Правительства и международных организаций.

Важно, что те меры, которые будут приняты, уже известны рынку и закладываются в котировки и объемы продаж еще до их принятия и обнародования. Особенно это относится к рынкам развитых стран. Другими словами, финансовые рынки могут вести себя по принципу: чем хуже, тем лучше. В работе также хорошо описаны различия в реакции развитых и развивающихся рынков на политику ведущих мировых и собственных центральных банков.

Кризис традиционных инструментов заставил центральные банки обратиться к чрезвычайным (нетрадиционным) мерам. Эти меры и оценки их влияния на состояние финансового и реального секторов (изменение рыночной процентной ставки), макроэкономическую стабильность, обменный курс и ценовые искажения, содержатся в четвертой главе.

Важную роль при выборе целей и инструментов денежно-кредитной политики играет наличие и, главное, масштабы дисбалансов в финансовой системе, включая те, которые имеют источником антикризисные меры. Обсуждение механизмов возникновения дисбалансов, их развития и возможности купирования составляют важную и интересную часть работы. От этих тем обсуждение логично переходит к проблемам банковского надзора и макропруденциальной политики центральных банков в меняющихся условиях: стабильного роста и турбулентности на финансовых рынках. Отсюда – изучение некоторых инструментов снижения уязвимости финансовых систем в отдельных странах.

Второй раздел носит более традиционный характер и содержит историю становления и развития центральных банков отдельных стран (Англии, США, Японии и России) и их современное состояние. Каждая из глав имеет стандартную структуру: ис-

тория, институциональная среда и антикризисные меры. Последняя глава посвящена проблемам включения валют стран-членов БРИКС в систему международных расчетов и движения капиталов. Несмотря на множество новых интересных фактов и данных, вывод не блещет новизной: потенциал стран БРИКС огромен, их финансовые системы быстро развиваются, но по-прежнему отстают от систем ведущих стран, а доля в мировом финансовом обороте не соответствует их доле в промышленном производстве и международной торговле. Проблемы интернационализации валют стран БРИКС и реальные шаги в этом направлении анализируются квалифицированно и кратко.

Почему эту книгу следует рекомендовать для прочтения? Во-первых, она содержит много новых результатов самых разных авторов, которые проводили квалифицированный анализ различных аспектов и инструментов денежно-кредитной политики и получили значимые результаты, позволяющие переоценить приоритетность ее целей и инструментов, по крайней мере, в некоторых странах. Сюда же относится как выделение полезного опыта, так и ошибок. Во-вторых, небольшой объем книги позволяет быстро ознакомиться с основными проблемами и уже самостоятельно находить источники и материалы для дальнейшей работы. Наконец, спокойное и неангажированное изложение материала, четкая и понятная структура и логика работы демонстрируют культуру как собственно исследования, так и представления результатов.

Появление этой книги полезно еще и тем, что в ней показана ограниченность возможностей государства в регулировании экономических процессов. Центральные банки представлены как живые субъекты, которые постоянно учатся действовать в меняющемся мире и далеко не всемогущи. С другой стороны, в ряде стран, в том числе и в России, широко распространено мнение о всемогущности государства и наличии какой-то пока неизвестной, но научно обоснованной и потому чудодейственной политики и/или инструментов, которые и разрешат кризисные ситуации. Именно разоблачение подобных мифов, хотя оно и не входило в задачи авторов, представляет несомненную пользу.

Учебник следует рекомендовать студентам, обучающимся в магистратуре, и аспирантам, поскольку в первую очередь для них он может служить началом работы (главы первого раздела).

2.4. Назад, в будущее?¹

О книге Е.М. Примакова «Россия: Надежды и тревоги». – М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015. – 244 с.

По жанру эта книга – нечто среднее между сборником эссе, включающим размышления о некоторых проблемах развития страны, и политическим манифестом: вполне естественно, что Е.М. Примаков дает политические оценки и выдвигает политические идеи для решения социально-экономических проблем. При этом автор игнорирует ряд других, касающихся экологии, демографии, преступности, коррупции или терроризма, вскользь упоминая о том, что их нужно решать, и это уже делается. Но какие бы сюжеты автор ни рассматривал, в центре его внимания неизменно оказываются система принятия решений и качество государственного управления. Безусловно, Е.М. Примаков, выражаясь словами Я. Гашека, относится к партии «умеренного прогресса в рамках законности». Совмещение полной лояльности к системе со стремлением устранить отдельные недостатки напоминает настрой политико-экономической публицистики 1970-х годов.

В кратком введении Е.М. Примаков явно намеренно не говорит об общей концепции работы и ее ключевой проблеме, но перечисляет важнейшие достижения Президента РФ В.В. Путина за последние 15 лет и упоминает его фамилию семь раз на одной странице, не говоря уже о щедро рассыпанных цитатах и комплиментах по всей книге. Правда, нет прямого ответа на вопрос: если все так хорошо, то почему же все плохо?

Структура власти и кадровая политика

Начинается книга с обсуждения рокировок во властном тандеме. Е.М. Примаков считает конструкцию чересчур усложненной и потому явно излишней. Тем более что Д. А. Медведева на посту Президента РФ и его команду, которая, как мы знаем, не была полностью ему подконтрольной, приходилось постоянно поправлять. Приводится ряд примеров ошибочных решений Д. А. Медведева на этом посту, а сам он предстает че-

¹ ЭКО. – 2015. – № 7.

ловеком без стратегического видения ситуации (см. «Дьявол в деталях»), поддающимся влиянию своих советников и склонным принимать спонтанные и непродуманные решения («Стремление к новшествам без здравого смысла»). Почему-то многоопытному Е.М. Примакову не приходит в голову мысль о том, что упущения и ошибки в кадровых вопросах характеризуют не только тех, кого выдвинули или назначили, но и тех, кто выдвигал и назначал.

По мнению автора, упущения в кадровой политике привели не только к неверным решениям, но и к распространению безответственности в структурах Правительства, что, вообще говоря, не очевидно. И эти процессы развивались по нарастающей после того, как Д. А. Медведев возглавил Правительство РФ, несмотря на усилия Президента, руководителей его аппарата, различных советников и помощников, к которым у Е.М. Примакова претензий нет. «Отсутствие административной дисциплины стало характерной чертой исполнительных органов. Часто отчет о выполнении поручений Президента представляется в форме собственных распоряжений нижестоящим организациям или программами с радужными обещаниями решить все вопросы... к 2025 году». Это высказывание остается актуальным.

Е.М. Примаков осознает противоречивость своей концепции тандема и сам пишет, что В.В. Путин, какой бы пост он ни занимал, имел возможность корректировать деятельность своего партнера и, добавим, активно этим пользовался. Странно, что Президентские амбиции Д.А. Медведева автор связывает не с ним самим, а его «неолиберальным» окружением, которое в большинстве своем, как известно, плавно перешло из окружения В.В. Путина, не утратив, как представляется, его доверия.

Создается странное ощущение, что одним из принципов кадровой политики в постсоветской России является нахождение у власти лиц, назначенных ответственными за все ошибки и упущения, начиная с А. Чубайса, виноватого во всем, потом М. Зурбова и еще целого ряда «непопулярных» министров и даже председателей Правительства РФ, которые после отставки получали вполне комфортные назначения в многочисленных властных и околоставных структурах.

Грехи российского либерализма

Е.М. Примаков именует некоторых деятелей периода реформ 1990-х годов и последующих лет и либералами, и неолибералами и псевдолибералами, но не дает дефиниций и фактически использует эти термины как синонимы. Интересно, что для подтверждения своих жестких оценок он цитирует А. Илларионова: «Потребовалось время, чтобы понять, что позиция, идеология их кумиров не являются ни либеральными, ни демократическими. Люди, провозглашавшие отделение собственности от власти, на практике захватывали госкомпании, государственные здания, получали госфинансирование, добивались вначале пониженных ставок арендной платы, а затем и полного освобождения от платежей государству. Такие действия дискредитировали не только конкретных людей, но и идеи, с которыми они ассоциировались в общественном сознании».

Общее в позициях Е.М. Примакова и, например, А. Илларионова состоит в том, что оба признают необходимость независимости суда, решительной борьбы со вседозволенностью чиновничьего аппарата, коррупцией, фальсификацией на выборах, обязательности подчинения закону всех сверху донизу. Но Е.М. Примаков полагает, что эти принципы не должны угрожать стабильности и чреваты возвращением к «лихим девяностым», а Илларионов – что именно игнорирование этих принципов ведет к хаосу и распаду государства.

Автор книги скромно указывает, что возглавляемое им Правительство РФ сумело стабилизировать экономическую и социальную ситуацию после дефолта 1998 г., не отказавшись от курса на построение рыночной экономики. Добавим, что оно фактически обеспечило в последующие годы уже при других Правительствах быстрый экономический рост, который во многом носил восстановительный характер и стимулировался постепенным улучшением внешнеэкономической конъюнктуры, но был самым значительным с 1950–1960 годов. По оценке того же А. Илларионова, именно коалиционное Правительство Е.М. Примакова проводило наиболее взвешенную бюджетную политику, успешно противостояло всякого рода лоббистам и не предпринимало резких и непредсказуемых действий. Другими словами, его политика в наибольшей степени соответствовала термину «либеральная» за весь постсоветский период.

Е.М. Примаков характеризует российских либералов как догматиков и недоучек, усвоивших из западной науки и политики только термины и лозунги, в большинстве случаев устаревшие. Он приводит ряд примеров, когда зарубежные ученые критиковали как своих коллег, принадлежащих к либеральному лагерю, так и экономическую политику российских властей в 1990-е годы.

В качестве альтернативы либеральным моделям экономики Е.М. Примаков рассматривает модель частно-государственного партнерства. Он обвиняет оппонентов в том, что те якобы занимают абсурдную позицию полного отказа от участия государства в экономике. Разумеется, либералы не являются врагами сильного государства, в отличие от анархистов или последовательных марксистов. В чем Е.М. Примаков прав, так это в том, что использование либеральной риторики нередко было всего лишь прикрытием для личного обогащения и карьерного роста, равно как сейчас для этого используются консерватизм и патриотизм. Очевидно, что рынок сам по себе действительно не приводит к созданию единого правового поля, не может взять на себя функции защиты жизни и имущества граждан, тем более выработать стратегию развития страны или промышленную политику.

Но действительно ли государственное участие в капитале крупнейших корпораций и стратегических предприятий, тесное взаимодействие государства и бизнеса способствуют решению проблем ускорения экономического роста в современной России? Оценивая успехи частно-государственного партнерства в нашей стране как незначительные, автор все же сглаживает проблемы. Когда ресурсы и политическое влияние руководителей отдельных корпораций сопоставимы или даже превосходят возможности отдельных ведомств и их руководителей, невозможны ни стратегическое планирование, ни промышленная политика со стороны государства. А интересы корпораций с государственным участием начинают довлеть над интересами страны в целом. Е.М. Примаков приводит примеры подобных коллизий. В. И. Ленин как-то по другому поводу писал, что прежде, чем объединяться, необходимо решительно размежеваться. Возможно, именно из-за этого в российском исполнении частно-государственное партнерство нередко становится синонимом коррумпции.

Проблема экономического роста и исполнения социальных обязательств

Е.М. Примаков явно считает надуманным и вредным обсуждение альтернатив: макроэкономическая стабилизация или экономический рост, наращивание инвестиционной активности или исполнение социальных обязательств, осуждая шараханья между этими целями. Он понимает, что приоритет должен отдаваться обеспечению долгосрочного экономического роста и социальной защиты, для чего требуется изменение как налогово-бюджетной политики, так и институциональной среды. Когда он цитирует А. Клепача, целью критики явно выступают «либералы» из Минфина с их «доминированием бухгалтерского финансового подхода над политикой развития, доминированием поддержки банковского сектора над поддержкой реального».

Действительно, фискальный подход в политике Минфина существенно сдерживает экономическое развитие страны. Но Минфин давно сконцентрирован на централизации бюджетных ресурсов, экономии бюджетных расходов и создании резервов, вне зависимости от того, какое влияние такая политика оказывает на экономическое развитие и рост, социальное расслоение и т. п. В период быстрого экономического роста дефекты такой политики были малозаметны, но в нынешних условиях они очевидны. Правда, непонятно, почему такой подход именуется либеральным, и почему руководство Минфина при всех кадровых перемещениях неизменно проводит, по сути, одну и ту же политику.

Кстати, в числе «неолибералов» он не упоминает одного из главных архитекторов налогово-бюджетной и даже всей политико-экономической конструкции современной России – А.Л. Кудрина, работавшего на ключевых должностях в Правительстве более 11 лет, а в настоящее время ставшего одним из главных критиков созданной им же модели.

Е.М. Примаков выступает против самоизоляции и автаркии российской экономики. Но он поддерживает контрсанкции и саму идею импортозамещения, хотя критически относится к резким и непродуманным решениям в этой сфере.

Обсуждая приватизацию государственной собственности, которая в принципе может способствовать пополнению доходной части бюджета и повышению эффективности работы предприятий, Е.М. Примаков скептически оценивает ее возможности и в

качестве альтернативы предлагает наведение порядка в государственных и частных компаниях. Поскольку в России в данной сфере созданы огромная нормативная база и множество контролирующих структур, было бы интересно услышать мнение Е.М. Примакова о качестве того и другого.

Автор указывает на отсутствие положительных результатов при приватизации, в частности РАО «ЕЭС», и в то же время приводит примеры конфликтов между государственными предприятиями. Создается впечатление, что в российских условиях государственные и частные предприятия заимствуют друг у друга недостатки: частные не умеют управлять издержками, а государственные способны только максимизировать текущую прибыль и виртуальную капитализацию. Выход из создавшейся ситуации Е.М. Примаков видит в реализации «мегапроектов», инициируемых и контролируемых государством. Но никаких данных, подтверждающих позитивное влияние ранее осуществленных проектов на экономический рост и инвестиционную активность, он не приводит.

Е.М. Примаков совершенно правильно указывает на преимущественно немонетарный характер инфляционных процессов в России, однако не уточняет, кто именно, кроме ЦБ РФ, должен отвечать за стабилизацию покупательной способности национальной валюты и какими могут быть инструменты антиинфляционной политики.

Масштабные инвестиционные проекты требуют аккумуляции колоссальных ресурсов. В условиях недоступности внешнего финансирования Е.М. Примаков называет множество внутренних резервов: от амнистии капиталов и деофшоризации до сокращения доли теневого сектора экономики, не оценивая, однако, затраты и результаты, а главное, отдаленные последствия предлагаемых мер.

Проблемы реиндустриализации в России также описаны широкими мазками. Автор против сокращения бюджетных расходов как реакции на стагнацию экономики. В программе реиндустриализации он предлагает задействовать не только инновационные предприятия, чтобы устранить научно-технологическое отставание от ведущих стран, но и сделать упор на восстановление экономического потенциала, созданного в советский период. Решать задачи реиндустриализации и структурной перестройки хозяйства следует в условиях низкой мобильности рабочей силы, не допус-

кая роста безработицы. В качестве одного из важнейших драйверов научно-технологического рывка Е.М. Примаков рассматривает оборонно-промышленный комплекс.

Завершая рассмотрение блока экономических проблем, Е.М. Примаков констатирует, что неолибералы не смогли реализовать свои цели и подходы к их решению. Во-первых, потому что удалось отстоять идею ведущей роли государственного сектора экономики, во-вторых, отказаться от консервативных сценариев развития страны в пользу форсированно-целевого^{1*}, в-третьих, «им не удалось провести идею о демократизации нашего общества за счет ограничения государственной власти», что, впрочем, не помешало, с его точки зрения, росту активности гражданского общества. Если обратить внимание на снижение инвестиционной активности с 2013 г. и то обстоятельство, что страна сползла в рецессию и ожидаемую длительную стагнацию экономики, то в чем же достижения?

Интересно, что для подтверждения своих выводов Е.М. Примаков обильно цитирует зарубежных специалистов и политиков и очень мало – отечественных ученых.

Проблемы федерализма

Лично для меня представляют особый интерес анализ и оценки Е.М. Примакова проблем взаимоотношений между центром и регионами, региональной политики, развития местного самоуправления, поиска путей их преодоления, поскольку я давно занимаюсь их изучением.

Наиболее конкретное предложение Е.М. Примакова касается необходимости и даже неизбежности децентрализации полномочий, ответственности и, главное, бюджетных ресурсов для решения обсуждавшихся в предыдущих главах проблем: ускорения экономического роста, реиндустриализации, развития на инновационной основе промышленности и сельского хозяйства. По сути, он предлагает в основном вернуться к модели межбюджетных отношений начала 2000-х годов, сформулированной В.Б. Христен-

¹ Его не смущает, что «консервативные» сценарии все равно закладываются в основу при бюджетном планировании. При этом последние годы они оказываются излишне оптимистическими и устаревают задолго до начала следующего года. Дело в том, что вербальные интервенции чиновников не оказывают значительного влияния на поведение экономических субъектов.

ко, и некоторым принципам Бюджетного кодекса 1998 г. в части разделения доходов консолидированного бюджета. Е.М. Примаков не устраивает позиция Председателя Правительства РФ относительно отсрочки увеличения доли бюджетных расходов в пользу образования, науки, здравоохранения и т. п. до завершения программы реорганизации и реконструкции вооруженных сил, т.е. до 2025 г., после чего и возможно перераспределение ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Он считает, что решение вопросов децентрализации бюджетных ресурсов не терпит отлагательства и приведет к их более эффективному использованию. Разумеется, при изменении принципов и механизмов взаимодействия центров и регионов. Важно, что автор признает критическим фактором даже не дефицит финансовых ресурсов в регионах, сколько чрезмерную регламентацию их использования со стороны центра. Но что же он предлагает? Во-первых, стабилизацию нормативов разделения налоговых поступлений между центром и регионами. Во-вторых, предоставление средств из федерального бюджета должно идти параллельно с привлечением инвесторов, а сами бюджеты – ориентированы на стимулирование инвестиций. В-третьих, бюджетный дефицит должен корреспондироваться с инвестиционной программой. Все это хорошо известно, но пока не всегда получается. Например, постоянные корректировки правил и нормативов разделения ресурсов между субъектами РФ давно уже стали обыденностью, равно как и выделение дополнительных средств отдельным регионам по указанию Президента или решениями Правительства РФ.

В разделе, посвященном региональной политике, выделены три стратегических региона: Дальний Восток, Северный Кавказ и Крым (в предыдущих публикациях назывался еще и Арктический). Е.М. Примаков полагает, что создание региональных министерств снимет множество проблем согласования соответствующих программ. Пока трудно сказать, насколько это оправданно. И остается открытым вопрос о региональной политике в остальной части страны, тем более что автор предлагает задействовать для решения проблем стратегических регионов ресурсы не только бюджета, но и крупнейших отечественных корпораций.

В этом разделе допущены и некоторые досадные ошибки. Так, в Крыму средняя заработная плата отстает от общероссийской не в 7–8, а максимум в три раза (от московской – в пять раз).

Для пополнения ресурсной базы регионов Е.М. Примаков рассматривает множество вариантов, предлагаемых разными политиками и чиновниками (в частности, А. Белоусов рекомендует более активно расходовать средства Резервного фонда, В. Матвиенко – перенести штаб-квартиры госкорпораций в регионы и т. д.). Сам Е.М. Примаков считает полезным перевод субъектов РФ на фиксированную ставку платежей в федеральный бюджет на период между выборами. Но общий его вывод таков: необходимо разработать комплексную, экономически обоснованную и юридически выверенную стратегию развития бюджетного федерализма в России. И это несмотря на его прежние негативные оценки ранее принятых программ, стратегий и т. п. с точки зрения как содержания, так и исполнения. В любом случае нынешняя политика Минфина РФ, по его мнению, ниже всякой критики.

Е.М. Примаков в целом позитивно оценивает принятые в последнее время поправки в законодательные акты, посвященные развитию местного самоуправления. С этим сложно согласиться, поскольку они существенно повышают роль региональных властей по отношению к муниципалитетам как в области перераспределения финансовых ресурсов, так и кадровой политики. Хотя неизменным остается конституционный принцип, утверждающий, что местное самоуправление не входит в систему государственной власти. Да и качество законопроектов и инициатив Е.М. Примаков оценивает невысоко, указывая, что многие из них принимались без предварительной экспертизы и дифференцированного подхода. Обсуждение межнациональных и межконфессиональных проблем России как федеративного государства практически невозможно комментировать как из-за их сложности, так и аморфности формулировок. Трудно было даже понять, в чем, собственно, суть этих проблем. Единственный вывод состоит в том, что отказываться от национально-территориального принципа выделения регионов рано, а сливать их в административно-территориальные единицы можно лишь в случае, если доля титульной нации невелика и гарантированы права на культурную автономию.

Немного о политике

Последующие главы посвящены разным политическим проблемам: отношениям между Россией, с одной стороны, США и Европой – с другой, Россией и ее партнерами по Таможенному

союзу, ШОС. Обсуждаются украинский конфликт и присоединение Крыма, а также история конфликта в Грузии, действия ИГИЛ на Ближнем Востоке и реформа РАН. Не удивительно, что последняя глава так и называется – «О разном».

Не будучи политологом, ограничусь общими замечаниями. Надо сказать, что практически все конфликты автор рассматривает под углом глобального противостояния в современном мире: «основное противоречие, проявляющееся на международной арене, развивается между объективным характером создания многополярного мира и субъективным стремлением США образовать однополярное мироустройство». Казалось бы, при такой постановке вопроса на стороне России как борца с однополярным миром должно выступить большинство стран. Представляется, однако, что в изоляции оказались отнюдь не США. Но, допустим, удалось добиться победы, и какова же будет позиция России в этом новом прекрасном многополярном мире, необходимость которого объективно обусловлена? Что получит наша страна от такой победы? Сможет ли она воспользоваться этими плодами? Кажется, все эти вопросы мало волнуют Е.М. Примакова.

Интересно, что, излагая историю конфликта вокруг Украины, да и некоторых других стран, автор в ряде случаев повторяет тезис о вынужденной реакции России в тех или иных обстоятельствах. Это очень удобный тезис, но он негативно характеризует руководство страны, и особенно МИДа, поскольку нет ничего хуже реактивной политики, когда страна вынуждена предпринимать те или иные шаги, а не управлять ситуацией.

Хотя язык книги далек от лучших образцов отечественной литературы, а обилие цифр и примеров уже не соответствует современным представлениям о качественной аналитике, книгу полезно прочитать хотя бы потому, что она отражает образ мыслей и мировосприятие значительной части российской элиты и околовластного экспертного сообщества. Или, возможно, ту нормативную модель мировосприятия, которую они стремятся донести до народных масс.

2.5. Экономический рост и бюджетная политика: институциональные ограничения для России¹

Российская экономика вступила в фазу стагфляции

Существенное замедление темпов роста экономики Российской Федерации в 2013 г. стало неприятным сюрпризом для Правительства РФ, но не для независимых аналитиков. Теперь это общепризнанный факт, и мы являемся свидетелями достаточно радикального пересмотра не только бюджетной политики на ближайшие три года, но и долгосрочных стратегических документов. Если по некоторым из них этого пока не произошло, то, несомненно, случится в будущем. Помимо неоднократного пересмотра параметров прогноза на 2013 г. Минэкономразвития меняло параметры и долгосрочного прогноза развития экономики² (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Среднегодовые темпы прироста экономики РФ на период до 2030 года, %

Сценарий	Март 2013		Сценарий	Ноябрь 2013	
	среднегодовой темп прироста ВВП	изменение доли РФ в мировой экономике		среднегодовой темп прироста ВВП	изменение доли РФ в мировой экономике
Консервативный	3-3,2	- 0,2	Консервативный	2,5	- 0,6
Инновационный	4-4,2	0,5	Умеренно-оптимистический	3,5	0,0
Форсированный (целевой)	5-5,4	1,5	Форсированный	5-5,3	1,8

Источник: Минэкономразвития РФ.

¹ ЭКО. – 2014. – № 1.

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития России, Март 2013 г. URL:

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5;

Пояснительная записка «О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz>

Таким образом, процесс переоценки перспектив развития российской экономики в течение 2013 г. существенно ускорился. При этом наиболее вероятным мне представляется консервативный вариант сценария. В мартовском прогнозе указывалось, что для ускорения экономического роста (инновационный и форсированный варианты) необходимы: переход к новой модели взаимоотношений между бизнесом и государством и существенное повышение качества управления. В ноябрьском варианте говорится, что для реализации даже консервативного сценария потребуется «продолжение активных институциональных преобразований, направленных на улучшение делового климата, развитие конкуренции, повышение качества и эффективности корпоративного и государственного управления...».

Следует отметить, что еще в 2012 г. аналитики обращали внимание на существенное замедление темпов экономического роста российской экономики и тревожные сигналы в виде замедления роста инвестиций, снижения эффективности их использования, стагнации промышленного производства, снижения сальдо текущих операций, ускорения оттока капитала и проч.

Но прогнозы экономических ведомств и, соответственно, бюджетная политика на 2013–2015 гг. строились исходя из гипотезы постепенного ускорения темпов прироста ВВП в эти годы, что вполне соответствовало оптимизму и брутальному стилю управления страной, сформировавшимся в «тучные» годы. Справедливости ради заметим, что умеренный оптимизм по поводу темпов экономического роста в России разделяли и такие международные организации, как МВФ и Всемирный банк. В результате в течение 2013 г. экономическим ведомствам и международным организациям пришлось неоднократно пересматривать свои оценки в сторону понижения.

А.О. Баранов в своей статье «Замедление экономического роста в России и перспективы его преодоления» представил квалифицированный анализ макроэкономической ситуации в российской экономике и причин, обусловивших замедление экономического роста¹. Он показал, что действительные причины стагнации в российской экономике существенно отличаются от названных в Правительственных документах. Так, основными

¹ Баранов А.О. Замедление экономического роста в России и перспективы его преодоления // ЭКО. – 2013. – № 12.

причинами падения темпов роста экономики Минфин РФ считает внешние: снижение темпов мирового экономического роста (нерешенные долговые проблемы Еврозоны и США, замедление экономики Китая), снижение цен на нефть, а также некоторые вскользь упомянутые внутренние факторы¹.

Такой анализ в Правительственных документах вызывает недоумение, поскольку внешние факторы в 2013 г. были весьма благоприятны для российской экономики, особенно по сравнению с 2012 г. Европа в целом выходила из рецессии, в США и Японии наблюдался умеренный рост. Даже в Китае замедление темпов прироста до 7,5% в расчете на год не предвещало ухудшения условий для России, а с учетом подписанных межгосударственных соглашений влияние китайского фактора должно было быть скорее позитивным. Цены на основные позиции российского экспорта в 2013 г. были выше, чем в 2012 г., и, самое главное, выше, чем в прогнозе Правительства РФ. Так, на нефть цены были выше прогнозных² более чем на 10 долл. за баррель, а на газ – более чем на 20 долл. за 1 тыс. м³.

Другими словами, причины снижения конкурентоспособности отечественной экономики следует искать внутри страны, в структурных диспропорциях и институциональном устройстве, а также в экономической и, как следствие, бюджетной и денежно-кредитной политике. Причем не только в 2013 г., но и за более длительный период.

Минэкономразвития РФ и Росстат называли и некоторые внутренние факторы замедления российской экономики, в том числе снижение конкурентоспособности отечественного бизнеса, снижение прибылей компаний, рост реального эффективного курса рубля, повышение тарифов естественных монополий и издержек на оплату труда. Сразу следует сказать, что все вышесказанное сводится к снижению конкурентоспособности российской экономики, а остальные факторы только расшифровывают это явление.

Такой анализ также неполон, поскольку не назван ряд очевидных причин. Среди них – высокая по современным меркам инфляция, коррупция и низкое качество управления компаниями (в первую

¹ Основные направления бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов. URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/07/Osnovnye_napravleniya_budzhethoy_politiki_2014-2016_gg.zip

² Там же. – С. 1.

очередь крупнейшими, особенно с участием государства), чрезмерное увлечение федерального и ряда региональных Правительств крупными проектами с сомнительной экономической и социальной эффективностью, высокая степень монополизации и огосударствления экономики, политика доходов, чрезмерная милитаризация экономики, неэффективность работы государственного аппарата, неадекватность судебной системы и многое другое. Все эти факторы достаточно хорошо описаны в экономической литературе и публицистике и обсуждались если не на уровне Правительства РФ, то на экономических форумах в присутствии его членов.

Именно снижение конкурентоспособности отечественной экономики на фоне неблагоприятного предпринимательского и инвестиционного климата и является главной проблемой¹. Стагнация экспорта и рост импорта, динамика процентных ставок и объемов кредитования, рост доли проблемных кредитов, недоинвестирование промышленности и, как следствие, усугубляющееся технологическое отставание не только от развитых, но и многих развивающихся стран – лишь следствие падения конкурентоспособности страны и растущего скептицизма инвесторов в отношении ее перспектив.

В экономическом анализе, как ни странно, самое трудное – это не перепутать причину со следствием, от чего зависят не только диагностика проблем, но и рекомендации по их разрешению. В упомянутой выше статье А.О. Баранов предлагает ряд мер денежно-кредитной и бюджетной политики. Нельзя сказать, что эти рекомендации неверны. Они соответствуют как господствующим теоретическим концепциям, так и опыту других стран. С другой стороны, среди профессиональных экономистов сложился консенсус в том, что краткосрочные темпы роста зависят в основном от агрегированного спроса, среднесрочные – от наличия ресурсов, а в долгосрочной перспективе – от качества институтов и человеческого капитала.

Пределы денежно-кредитной политики

Многие специалисты, и А.О. Баранов в их числе, рекомендуют проведение более мягкой (в тексте – гибкой) денежно-кредитной политики, в частности отказ от сдерживания инфляции

¹ *Стародубровский В.* Оценки предпринимательского климата в России // Экономическое развитие России. – 2013. – № 11. – С. 52–57. URL: http://www.iep.ru/files/text/RED/Russian_Economic_Developments_11_2013.pdf

со стороны ЦБ РФ. В этом есть рациональное зерно, поскольку значительная доля инфляции в России носит немонетарный характер. Правительство это хорошо понимает, и в прошлые годы неоднократно озвучивались предложения по сдерживанию тарифов естественных монополий, а в 2013 г. – даже об их замораживании. В ответ монополии, находящиеся якобы под контролем государства, сообщали о сокращении своих инвестиционных программ, неизбежности массовых увольнений и необходимости принятия срочных мер господдержки. В результате воз и ныне там. Государство либо соглашается с ростом тарифов, либо увеличивает капитал компаний за счет своих ресурсов, либо идет на реструктуризацию задолженности и выделение новых кредитов со стороны государственных банков, либо все вместе.

Другая причина немонетарной инфляции – низкий уровень конкуренции. Эта проблема также хорошо известна. Свидетельство тому – многочисленные программы поддержки малого и среднего бизнеса, активная деятельность антимонопольных органов, значительные средства, выделяемые институтам развития для финансирования инновационных и инвестиционных проектов, и многое другое. Но все эти действия малоэффективны. Результаты государственных программ по развитию конкуренции близки к тем, что получены при решении проблем моногородов. С другой стороны, ресурсы монополий, как собственные и заемные, так и бюджетные, часто направляются на приобретение активов, а не на создание новых мощностей. Большим ударом по малым предприятиям и конкуренции было повышение страховых выплат во внебюджетные фонды. Единственная сфера, где действительно наблюдается острая ценовая конкуренция, – это торговля, где импортные товары конкурируют с отечественными.

Третий фактор, толкающий цены вверх, – быстрый рост транзакционных издержек в результате увеличения числа и расширения функций всякого рода контролирующих и регулирующих органов. Этот перечень можно продолжать, но результат не изменится, отечественная экономика реагирует на рост доходов и спроса не столько изменением объема выпуска, сколько ростом цен и тарифов.

Все эти обстоятельства накладывают серьезные ограничения на денежно-кредитную политику ЦБ РФ. Многие экономисты предлагают, вслед за центральными банками США, Японии и многих других стран, снизить ставку рефинансирования и тем самым стимулировать экономический рост в России. Следует от-

метить, что «политическая» ставка в России достаточно давно определяется не столько ставкой рефинансирования, сколько ставкой ЦБ РФ по операциям репо и ломбардным кредитам.

Не так давно Банк России объявил ключевой процентную ставку по операциям предоставления и абсорбирования ликвидности на аукционной основе на срок в одну неделю, а к 1 января 2016 г. обещает скорректировать ставку рефинансирования до ее уровня¹. До указанной даты ставка рефинансирования будет иметь второстепенное значение. На 13 сентября 2013 г. ключевая ставка составила 5,5% годовых. В дальнейшем она должна колебаться в пределах 4,5–6,5%, что примерно соответствует прогнозируемой величине дефлятора ВВП. Ранее ставки по операциям репо также составляли 5,5–6%. Кроме того, в 2013 г. был существенно расширен перечень активов, принимаемых ЦБ РФ в качестве обеспечения по кредитам. Поскольку все эти действия, несомненно, направлены на смягчение денежно-кредитной политики, то остается только проанализировать их эффективность.

Что касается динамики процентных ставок по кредитам юридическим и физическим лицам, то на них влияет не только и даже не столько ключевая ставка ЦБ РФ, но и ряд других факторов. Прежде всего, воспользоваться дешевой ликвидностью могут далеко не все банки. Многим приходится привлекать гораздо более дорогие деньги с рынка. Во-вторых, риски, связанные с платежеспособностью заемщиков, заставляют банки повышать кредитные ставки, что также негативно влияет на возможность клиентов обслуживать свой долг. Рост проблемных долгов толкает кредитную ставку вверх. Наиболее крупные и качественные заемщики предпочитают пользоваться услугами зарубежных финансовых рынков, что ухудшает качество заемщиков для отечественных банков. В-третьих, ЦБ РФ пока явно недостаточно борется с ростовщичеством, когда банки и небанковские кредитные организации с помощью множества уловок непомерно завышают кредитную ставку. Наконец, неопределенность, связанная с экономической политикой Правительства, также не способствует снижению процентных ставок и удлинению сроков кредитования. При решении вопроса о дальнейшем смягчении денежно-кредитной политики

¹ О системе процентных инструментов денежно-кредитной политики Банка России. Департамент внешних и общественных связей Банка России. URL: http://cbr.ru/pw.aspx?file=/DKP/130913_13504271.htm

следует также обратить внимание на динамику объемов рефинансирования коммерческих банков со стороны ЦБ РФ и средств банков на счетах в Банке России.

Бюджетный дефицит и качество управления общественными финансами

Возможности использования инструментов бюджетной политики для ускорения экономического роста также нуждаются в комментариях. В последнее время все шире обсуждается проблема дефицита бюджетной системы Российской Федерации. Осенью 2013 года этот вопрос рассматривался на совещании по бюджетным проектировкам на период 2014–2016 гг.

Еще до завершения последних Президентских выборов бывший министр финансов А.Л. Кудрин резко высказался против бюджетной политики Правительства. Собственно, он и ушел в отставку из-за разногласий по поводу наращивания государственных расходов, что казалось ему неразумным в условиях мировой стагнации и рисков, связанных с сырьевым характером российской экономики. Его точку зрения поддержали многие деятели системной и, особенно, несистемной оппозиции, критикуя как быстрый рост расходов на содержание силовых структур и самого государства, так и непомерные расходы на мегапроекты, вроде Олимпиады или саммита АТЭС. Вне зависимости от взглядов все критики упирают на опасность роста дефицита бюджета в среднесрочной и, особенно, долгосрочной перспективе.

На фоне краткой постсоветской истории российской бюджетной политики подобные дискуссии представляются удивительными. В 1990-е годы замечательным достижением Правительства считался дефицит бюджета в 6% ВВП при несопоставимо большем объеме суверенного долга страны. Но тогда оппозиция настаивала на резком расширении расходов и почти не говорила об их эффективности. Сейчас же дефицит составляет менее 1% ВВП, и все, включая Президента, говорят о грядущих бюджетных проблемах, повышении эффективности расходов и их оптимизации. Последний доклад Института Гайдара и Академии народного хозяйства и госслужбы сообщает о высокой вероятности колоссального бюджетного разрыва в долгосрочной перспективе¹.

¹ Потомкам нынешних россиян останется 890 трлн рублей долга // Независимая газета. – 2013. 11 нояб. URL: <http://www.ng.ru/news/448923.html>

Для обсуждения проблемы и стимулирования экономического роста за счет наращивания дефицита в современной России приходится напомнить о некоторых фактах. Как известно, дефицит бюджета нужен для того, чтобы профинансировать расходы за счет будущих поступлений, но по этой причине формируется и растет государственный долг, который надо рефинансировать и обслуживать. Стоимость того и другого зависит от надежности заемщика: его ожидаемых доходов, актуального финансового состояния и кредитной истории.

Профицит бюджета обычно наблюдается в тех странах и регионах, долг которых столь велик, что его нужно срочно погашать, поскольку иначе невозможно его рефинансировать и/или реструктурировать. Иногда профицит бюджета объясняется просто счастливым стечением обстоятельств. Примером является наша страна в начале 2000-х годов. Очень хорошо, если за счет дефицита бюджета создаются новые активы. Еще лучше, если они будут генерировать положительный денежный поток. Но значительная часть бюджетных расходов не приводит к росту активов государства. Более того, некоторые объекты могут в дальнейшем потребовать роста текущих расходов на их содержание. Это означает, что в дальнейшем они будут генерировать отрицательный денежный поток. Судя по всему, расходы из государственных фондов на сочинскую Олимпиаду после ее завершения не прекратятся. Более того, со временем они могут существенно вырасти, если «частные» инвесторы смогут убедить Правительство выкупить эти объекты или, по крайней мере, компенсировать часть понесенных затрат. Учитывая схемы финансирования и состав участников проекта, такой поворот событий кажется неизбежным.

С финансовой точки зрения приобретение или создание активов тождественны росту профицита бюджета, а распродажа активов – дефициту, поскольку поступление доходов от приватизации учитывается как доход бюджета и автоматически снижает его дефицит.

Государственный долг не может быть бесконечным. Его предельные размеры определяются способностью экономики наращивать доходы всех субъектов, включая и государство. После наполеоновских войн Англия имела долг, в 2,5 раза превышавший ВВП страны, что не мешало ей бурно развиваться и строить империю. Слабые экономики не могут позволить себе

внешний долг даже в 30% ВВП и обычно ищут спонсора в виде международных или национальных фондов. Маастрихтскими соглашениями было предусмотрено ограничение дефицита бюджета стран-членов ЕС в размере 3% ВВП, поскольку предполагалось, что среднегодовые темпы экономического роста в долгосрочной перспективе будут составлять примерно эту величину. В результате отношение долга к ВВП будет стабильным. Темпы увеличения государственного долга России существенно обгоняют темпы экономического роста. Только за 2013 г. суверенный долг вырос с 10 до более 12% ВВП.

Важнейшими индикаторами финансового здоровья страны являются доля долга в ВВП, степень диверсификации национальной экономики и ее зависимости от конъюнктуры мирового рынка, уровень развития финансовой, в частности, банковской системы, состояние платежного баланса и международных резервов. Об особенностях российской экономики с этих позиций написано достаточно много. Напомним, что дефицит федерального бюджета без нефтегазовых доходов в 2013 г. составит, по расчетам Минфина РФ, около 9,5% ВВП¹.

Кредитная история России после дефолта 1998 г. почти безупречна, но дефолт все-таки был. Учитывая все эти обстоятельства, Минфин РФ может занимать на международных финансовых рынках по ставке 5–6% годовых, что немногим меньше, чем страны южной Европы, чье экономическое и финансовое положение значительно хуже по сравнению с Россией.

Государственный долг нужен и для удовлетворения спроса на высоколиквидные активы. Кроме того, операции центральных банков на открытом рынке давно признаны эффективным инструментом регулирования экономического развития и роста.

Дополнительной проблемой российской экономики и ее финансового положения является значительный корпоративный долг. Если суверенный долг России невелик, то корпоративный (главным образом корпораций с государственным участием и системообразующих банков) – свыше 40% ВВП.

Значительную проблему для бюджетной системы России в средне- и долгосрочной перспективе представляет рост трансферта из федерального бюджета Пенсионному фонду. В 2013 г. на эти

¹ Основные направления бюджетной политики на 2014 год...

цели планировалось выделить 2,82 трлн руб.¹ Сам бюджет ПФР уже вполне сопоставим с суммарным бюджетом всех субъектов Федерации.

Накануне Президентских выборов 2012 г. были опубликованы многочисленные обещания по повышению уровня жизни различных групп российских граждан в предстоящие годы и роста оборонных расходов. Кроме того, растут расходы на содержание государственного аппарата и мегапроекты. Эти обещания основывались на целевых проектировках прироста ВВП в размере не менее 5% в год. Но уже в 2012 г. не удалось уложиться в целевые параметры, а в 2012 г. прирост сократился до 1,5%, что близко к статистической погрешности. Отсюда – растущее беспокойство руководства страны по поводу исполнения бюджета и возможного роста дефицита и долга, особенно в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

При обсуждении проблемы государственного долга важным вопросом является то, в каких валютах он номинирован. В США или Великобритании долг номинирован в национальной валюте, предложение которой в значительной мере определяется собственными центральными банками, которые и держат на своем балансе значительную часть суверенного долга. Другое дело – Россия. Ее внешний долг в значительной степени номинирован в иностранной валюте, равно как и долги крупнейших корпораций и банков. Поэтому корректно сравнивать внешний долг не только с ВВП, но и с международными резервами. Напомним, что летом 2008 г. внешний корпоративный долг составлял около 500 млрд долл., а международные резервы России – почти 600 млрд. Как известно, государство тогда оказало значительную поддержку корпорациям и банкам. Сегодня международные резервы составляют немногим более 500 млрд долл., а внешний корпоративный долг вырос почти до 800 млрд.

Нужно отметить, что вне зависимости от степени лояльности Государственной думы, исполнительная ветвь власти всегда пеклась о своей независимости. В 1990-е годы принимались фактически неисполнимые бюджеты, что де-факто позволяло

¹ Федеральный закон от 03.12.2012 № 216-ФЗ "О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов" (07.12.2012). URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/12/FZ216-FZ_ot_031212.pdf

исполнять бюджетные назначения выборочно. В нулевые годы была принята иная модель. Бюджетные доходы рассчитывались исходя из «консервативного сценария», что в конце года позволяло распределять «дополнительные доходы», и это также обеспечивало «свободу рук», поскольку депутаты были довольны участием в этом процессе. Если же консервативные проекторы бюджета не выдерживаются, то может быть поколеблена лояльность не только отдельных социальных групп, но и представителей власти и бизнеса. Напомним, что министр финансов А. Силуанов говорил о бюджетном маневре, предусматривающем пропорциональное сокращение всех статей и создании некоего финансового резерва.

Призрак Рональда Рейгана

Более 30 лет назад администрация Р. Рейгана столкнулась с проблемой бюджетного маневра в условиях стагнирующей американской экономики. Как известно, при высокой инфляции тогдашний председатель ФРС Пол Уолкер поднял ключевую процентную ставку с 1 до 6% годовых, что отсекло малоэффективные проекты и привлекло в США капиталы со всего света. Администрация Рейгана пошла на снижение налогов и провозгласила политику увеличения военных расходов за счет сокращения социальных программ. В результате была предложена модель «нового федерализма», предполагающая передачу части социальных расходов на уровень штатов и муниципалитетов и подключение к их выполнению благотворительных фондов и некоммерческих организаций. Прелесть состояла в том, что при передаче ресурсов, необходимых для исполнения этих полномочий, можно было сэкономить, оставив часть ресурсов в федеральном бюджете. Столкнувшись с нехваткой ресурсов, власти штатов и городов уже в свою очередь должны были решать, какие программы продолжать, а какие – сокращать.

Не вдаваясь в продолжающуюся в нашей стране дискуссию об успешности или фиаско рейганомики, отметим, что подобная политика проводится в нашей стране уже не первый год. Доля расходов на оборону и силовые структуры постоянно растет, расходные полномочия передаются на уровень субъектов Федерации и муниципальных образований, средства, необходимые для их исполнения, передаются в меньшей степени, чем это необходимо,

что якобы стимулирует региональные и местные органы власти к более разумному их расходованию. Идея понятна, но вряд ли реализуема.

В отличие от администрации Р. Рейгана, наши власти не только не идут на снижение налоговой нагрузки на бизнес и потребление домашних хозяйств, но в последние годы неоднократно повышали эту нагрузку. Рост тарифов и ставок арендной платы также сказывался на динамике реальных доходов большинства предприятий и домашних хозяйств. Меры по стимулированию деловой и инвестиционной активности в нашей стране также не всегда достигали желаемого результата.

Дефицит бюджетной системы Российской Федерации в последние годы постепенно перераспределяется на региональный и муниципальный уровни. Сейчас это в целом не опасно, суммарный долг этих ветвей власти составляет около 1,5 трлн руб. и не превышает 2,5% ВВП, а суммарный дефицит их бюджетов в 2013 г., по данным Минфина РФ, – 0,3% ВВП¹. Но это означает, что темп прироста долга субъектов РФ и муниципалитетов в 2013 г. составит около 12%, а возможно, и все 15%. Напомним, что темп прироста суверенного долга – около 20%.

Следует отметить, что основные источники доходов региональных и местных бюджетов (помимо трансфертов) – налоги на прибыль предприятий и НДС – практически не растут. Прибыль предприятий просто снижается. Поскольку заимствования на финансовых рынках обходятся федеральному бюджету гораздо дешевле, чем региональным и, тем более муниципальным, то такая политика достаточно рискованна.

При этом отметим, что сокращение расходов вовсе не означает повышение их эффективности, равно как и их увеличение вовсе не гарантирует достижение заявленных целей. Поэтому дискуссии вокруг бюджетной и промышленной политики будут только обостряться.

Разумеется, всякие исторические параллели условны. Даже не знаю, будет ли такое сравнение (с рейганомикой) для отечественных министров лестным или вызовет решительный отпор. Риски подобной политики заключаются не только в том, что Рос-

¹ Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 01.10.2013. – См.: URL: http://www.minfin.ru/ru/public_debt/subdbt/

сия – не Америка, но и в том, что мы можем столкнуться с негативными ее результатами и не получить положительные. Тем более что усилия по стимулированию экономического роста могут оказаться недостаточными, поскольку промышленная политика фактически отдана на откуп крупнейших государственных и полугосударственных монополий.

Подводя итоги, можно утверждать, что Правительство РФ и ЦБ РФ прекрасно осознают проблемы, вытекающие из наблюдаемого замедления экономического роста. Они пытаются использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты денежно-кредитной и бюджетной политики для выхода из сложившейся ситуации. Но их возможности ограничены из-за ранее принятых обязательств, нарушение которых чревато конфликтами в самих властных структурах.

В начале экономических и политических реформ в нашей стране необходимо было отделить собственность от власти, высвободить энергию народа и направить ее на созидательные цели. Существовавшие в СССР институциональные условия и система взаимных обязательств не могли это обеспечить. Фактически те же проблемы стоят и сегодня на повестке дня.

2.6. Внешняя миграция в России в общественном сознании, текущей политике и стратегических документах¹

Большинство экономистов едины в том, что в краткосрочном периоде экономический рост определяется спросом, в среднесрочном – ресурсами, а в долгосрочном – человеческим капиталом и качеством институтов. Два последних фактора тесно связаны между собой. Очевидно, что естественное и механическое движение населения могут оказывать значительное влияние на темпы и качество экономического развития.

В теории население уходит оттуда, где плохо, туда, где лучше жить и работать. С экономической точки зрения это означает, что перемещение населения способствует максимизации индивидуальной и общественной полезности и продуктивности. Но действительность не всегда соответствует теории. Перемещение насе-

¹ ЭКО. – 2014 г. – № 8.

ления вызывает значительные издержки, которые тем больше, чем выше барьеры между странами и регионами, требует значительного времени на адаптацию к новым условиям жизни и работы, существенно влияет на региональные рынки труда, жилья и социальных услуг. Проблемы в указанных областях легко связать с наплывом мигрантов или оттоком населения, тем более что эти процессы весьма заметны.

Предполагается, что современные миграции населения беспрецедентны по масштабам и по проблемам, которые они порождают. Однако это не так. «Тревожащие современные Правительства миграции из одной страны в другую в течение последних двадцати лет есть лишь бледная тень миграций XIX века. То же самое можно сказать о миграции капитала»¹. Имеется множество исследований, посвященных международной и внутренней миграции населения. Например, А. Марианьский приводит впечатляющие данные по различным видам и направлениям миграции не только в XX веке, но и в более глубокой ретроспективе². Очевидно, что при всей сложности миграционных процессов государство всегда оказывало значительное влияние на них, исходя из собственных целей и понимания проблем и вызовов экономического и социального характера.

Целью настоящей статьи является обсуждение масштабов внешней миграции в современной России и того, как общество и власти воспринимают проблему и насколько готовы ее решать.

Проблемы изучения миграции и ее последствий

Около четверти века назад, в разгар перестройки и гласности, когда обсуждение межнациональных проблем и прав коренного населения достигло определенной точки кипения, один публицист заметил, что коренное население – всего лишь предпоследние завоеватели. В настоящее время проблемы коренных народов и их отношений с другими этносоциальными группами в тех или иных регионах страны в общественном сознании и политических выступлениях вытесняются проблемой отношений между мест-

¹ МакКлоски Д. Полезно ли прошлое для экономической науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Titova/31.php

² Марианьский А. Современные миграции населения. – М.: Статистика, 1969. – 223 с.

ным населением и мигрантами. На участников таких дискуссий не производит впечатление даже тот факт, что, не снижая степени общности, можно утверждать, что все население России, более того, любой страны мира, являются мигрантами или их прямыми потомками. Разница между отдельными группами людей состоит лишь в количестве поколений, осевших в том или ином регионе. В современном представлении большинства жителей России мигранты – это выходцы из республик Средней Азии, Закавказья, Китая, Вьетнама и некоторых других стран, а также северокавказских республик самой России. При этом жители Белоруссии или Украины, переселившиеся или приехавшие на работу в Россию, обычно мигрантами не считаются, не говоря уже о гражданах стран Западной Европы, США и даже Латинской Америки, к которым прилипло словечко «экспаты». По регионам страны понятие «мигранты» также различается. Жители отдаленных регионов России воспринимаются в Москве или Санкт-Петербурге как чужаки, в то время как во многих других городах – как свои. Еще более сложное понимание разделения на своих и чужих складывается в малых городах и сельской местности.

В последнее десятилетие все более устойчивым в общественном восприятии становится словосочетание «нелегальный мигрант». Под этим обычно понимается не столько правовой статус человека, сколько национальность, цвет кожи и разрез глаз. В общественном сознании широко распространено мнение об угрозах со стороны внешней миграции. Речь обычно идет о росте преступности, криминализации бизнеса, коррупции, трудностях с трудоустройством и деформации рынка труда, угрозе потери национальной идентичности и даже территориальной целостности страны¹.

Такие опасения обычно связаны с непониманием социально-экономических процессов и причинно-следственных связей, что является следствием предрассудков и плохого образования, с трансляцией того же самого через СМИ. Кроме того, в нашей стране имеется большое число любителей и профессионалов из

¹ Самарина А. Трудармия может превратиться в пятую колонну // Независимая газета. – 2014. – 24 февр. URL: http://www.ng.ru/politics/2014-02-24/1_trudarmia.html; Словецкий В. Тревожная доля. К 2050 году половину населения России могут составить мигранты // Новые Известия. – 2014. – 16 апр. URL: <http://www.newizv.ru/society/2014-04-16/200262-trevozhnaja-dolja.html>

числа политиков, политтехнологов, журналистов и простых обывателей, специализирующихся на манипулировании статистическими данными и фактами.

Рост массивов накопленной информации и несомненные успехи в методах ее обработки и анализа вместе с увеличением числа исследователей часто создают иллюзию прогресса науки и качества научных знаний. Но так обстоит далеко не всегда. Даже беглое сравнение дореволюционных этносоциальных и географических исследований с современными вызывает впечатление шока. Популярные очерки описания Российской империи («Живописная Россия»), издававшиеся в конце XIX века под редакцией П.П. Семенова (Тян-Шанского) представляют недостижимый в современной России образец научного исследования, не говоря уже о специальных работах по данной теме. Тогда не было наложено табу на подобного рода работы, в отличие от советского времени, когда национальная политика колебалась вместе с линией партии, и официальная идеология интернационализма постоянно конфликтовала с реальной политикой. Статистика закрывалась и тщательно препарировалась, а исследования движения населения, межнациональных отношений и конфликтов концентрировались в спецслужбах, где соответствующая информация накапливалась, хранилась и использовалась. Частичное снятие запретов и ограничений привело к возрождению отечественных общественных наук и росту спроса на объективное исследование демографических и социальных процессов. Работы 1960-х годов, в частности В.И. Переведенцева, В.В. Покшишевского, Ж.А. Зайончковской и многих других, возможно, несколько уступали лучшим зарубежным образцам того времени, но часто оказываются более информативными и точными в сравнении с современными исследованиями.

Самая серьезная проблема для общественности, науки и, кажется, Правительства РФ – отсутствие достоверной статистики по миграции населения и, главное, доверия к публикуемым данным. «В 2012 г. руководитель ФМС сообщил, что на территории страны находятся 14 млн мигрантов. Далее численность мигрантов в России необъяснимым образом начала снижаться, и это при декларируемом ФМС росте валового объема иммиграции. По заявлению главы ФМС, по состоянию на 20 ноября 2013 г. в России находились 11,1 млн иностранных граждан. Однако спустя чуть более двух месяцев руководитель миграционной службы заявил о

пребывании на территории России 10,4 млн иностранцев»¹. Возможно, дело в том, что в различных докладах чиновников присутствуют неодинаковые оценки нелегальной миграции, либо данные приводятся без ее учета.

На проблему качества официальных статистических данных постоянно указывают многие специалисты. Если при оценке экономических данных ошибки составляют проценты, то при оценке миграционных потоков и накопленной миграции данные независимые оценки расходятся в разы². Все это создает атмосферу всеобщего недоверия к официальным данным, что отражает потерю авторитета и репутации властей. Расширение числа и мощности каналов информации в современном обществе одновременно означает и большие возможности для дезинформации и манипулирования общественным мнением. Следует помнить, что, помимо прямых фальсификаций, количественные оценки существенно зависят от методики расчетов, что также нередко применяется в политических целях. Распространенность негативных настроений по отношению к мигрантам часто используется политиками и публицистами для увеличения своей популярности или для микширования действительных социальных и экономических проблем.

Возможно, дело в том, что официальная статистика основана на регистрационных документах. Но это лишь часть миграционного потока, к тому же не отражающая передвижения мигрантов по стране. Постоянное ужесточение миграционного законодательства и рост тарифов при легализации пребывания в России заставляют мигрантов уходить в тень и становиться нелегальными. «Ежегодно в стране от 3 до 5 миллионов иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения»³.

¹ Самарина А. Трудармия может превратиться в пятую колонну // Независимая газета. – 2014. – 24 февр. URL: http://www.ng.ru/politics/2014-02-24/1_trudarmia.html

² Словецкий В. Тревожная доля. К 2050 году половину населения России могут составить мигранты // Новые Известия. – 2014. – 16 апр. URL: <http://www.newizv.ru/society/2014-04-16/200262-trevozhnaja-dolja.html>

³ Голунов С. Опасные иммигранты или искаженные восприятия? Взаимосвязь между иммиграцией и преступностью в России. – С. 3. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=25281>

Учитывая популярность у части общества идеи ограничения миграции, российские власти в последнее время стремятся продемонстрировать жесткость проводимой ими миграционной политики. Так, в 2013 г. и в начале 2014 г. Правительство инициировало широкомасштабные депортации трудовых мигрантов и ужесточило некоторые нормы иммиграционного законодательства. В частности, гражданам тех стран, которые имеют с РФ безвизовый режим, было позволено находиться в РФ без разрешения на работу в течение не более чем 90 дней в рамках 180-дневного периода¹. Ранее последнее условие отсутствовало, и желающие по истечении 90 дней могли тут же вернуться в Россию после кратковременного формального выезда из нее.

Степень интегрированности России в мировую экономику

В сравнении с советским периодом современная Россия является достаточно открытой страной, глубоко интегрированной в мировую экономику. Согласно рейтингу связанности (connectedness) стран с мировой экономикой, который составляет McKinsey Global Institute, Россия занимает 9-е место из 131 страны, охваченной обследованием (табл. 2.2). Рейтинг учитывает долю страны в общем объеме мировых финансовых, товарных, людских потоков, потоков услуг и данных, а также ее открытость. Высокое место в рейтинге Россия получила благодаря людским потокам, в которых учитывалось количество международных туристов, студентов по обмену и мигрантов. По данным McKinsey, Россию в 2010 г. посетили 21 млн туристов и студентов, а 33 млн россиян побывали в других странах. Количество иммигрантов, находящихся в России, составило 11,8 млн человек, а эмигрантов из России в других странах – 10,1 млн человек. Место в рейтинге определялось с учетом общего населения страны и доли в мировых показателях. Поскольку население нашей страны (около 140 млн человек) не так уж велико относительно приведенного выше количества мигрантов, студентов и туристов, она заняла 2-е место

¹ Концепция государственной миграционной политики. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/

в подрейтинге людских потоков (на первом – США)¹. Разумеется, приведенные данные не вполне корректно отражают масштабы миграции. С одной стороны, лица, получившие гражданство, в них не учитываются. С другой – в современном мире можно практически постоянно проживать в чужой стране, учиться, работать или заниматься предпринимательской деятельностью, не теряя гражданства. Это касается как России, так и многих других стран. Еще один вопрос – считать ли мигрантами детей, родившихся на территории одного государства, если его родители являются гражданами другого? Непонятно, какая доля временно проживающих в той или иной стране окончательно оседет на ее территории. Очевидно, что реальные размеры накопленной миграции минимум на порядок ниже приведенных выше оценок.

Таблица 2.2

Рейтинг связанности стран с мировой экономикой

Место	Страна	Место в рейтинге по категориям					Размер потоков товаров, услуг и финансов, млрд долл.
		товары	услуги	финансы	люди	данные и коммуникации	
1	Германия	3	5	7	5	2	3 770
2	Гонконг	1	4	3	14		1 437
3	США	8	9	5	1	7	5 622
4	Сингапур	2	3	4	18	5	1 198
5	Великобритания	13	6	9	7	3	1 471
6	Нидерланды	6	7	15	29	1	1 213
7	Франция	9	10	36	15	4	1 581
8	Канада	16	22	13	9	18	1 381
9	Россия	19	30	16	2	21	1 277
10	Италия	11	20	31	16	10	1 187

Источник: McKinsey Global Institute

¹ McKinsey: Россия больше всех развивающихся стран связана с мировой экономикой URL: http://slon.ru/economics/mckinsey_rossiya_bolshe_vsekh_razvivayushchikhsya_stran_svyazana_s_mirovoy_ekonomikoy-1089572.xhtml

Так или иначе, на территории России одновременно пребывает свыше 11 млн граждан других стран (около 8% от общей численности населения). Учитывая, что большая часть мигрантов приезжает в нашу страну в целях трудоустройства, можно утверждать, что мигранты составляют около 10% занятых, а в отдельных городах и регионах – существенно больше. Значительная часть иностранцев на территории России, по понятным причинам, являются гражданами стран-членов СНГ (до 80%). По данным Федеральной миграционной службы, в настоящее время численность граждан этих стран на территории России составляет около 8,7 млн человек. Данные по девяти странам СНГ (без Туркмении) приведены в табл. 2.3.

Таблица 2.3

**Сведения в отношении иностранных граждан,
находящихся на территории Российской Федерации,
в половозрастном разрезе (по состоянию на 1 июня 2014 г.)**

Страна	Количество иностранных граждан, тыс. чел.	В том числе мужчин	Доля мужчин		
			в общей численности граждан	в возрасте 18–29 лет в общем их числе	в возрасте 30–39 лет в общем их числе
Азербайджан	603,8	412,5	68,3	33,1	20,9
Армения	509,3	357,5	70,2	32,7	22,4
Беларусь	415,7	255,4	61,4	31,4	27,6
Казахстан	566,9	328,6	58,0	29,4	19,6
Киргизия	545,5	336,7	61,7	51,6	18,8
Молдова	582,7	393,4	67,5	40,6	25,4
Таджикистан	1170,8	996,4	85,1	50,6	22,6
Узбекистан	2580,9	2148,8	83,3	49,5	23,5
Украина	1638,8	1037,5	83,3	30,4	25,1

Источник: Федеральная миграционная служба. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/foreign/details/54891/>

Из приведенных данных, во-первых, следует, что миграция из этих стран имеет целью временное трудоустройство, т.е. носит преимущественно трудовой и маятниковый характер. На это указывает половозрастная структура мигрантов. Люди в большинстве своем не собираются переселяться в Россию, предпочитая здесь зарабатывать, а семьи содержать на родине. Страхи, что жители Средней Азии и Закавказья массово переселятся в Россию, несколько преувеличены, по крайней мере, в настоящее время. Во-вторых, в общественном восприятии преобладают мифы относительно национальной структуры трудовых мигрантов. Так, граждане Таджикистана занимают только третью позицию по численности, а число азербайджанцев или молдаван несущественно отличается от количества белорусов.

Любопытно, что если приток мигрантов в Россию обсуждается во множестве научных и публицистических работ, то на обратный процесс – отток населения из России в другие страны – обращают значительно меньше внимания. В 1990-е годы эта проблема обсуждалась в Правительственных документах более обстоятельно. «Эмиграция в настоящее время не имеет острого проблемного характера, как это имело место, когда она долго сдерживалась по политическим мотивам. Пик эмиграции пришелся на 1990 г. и составил 103,6 тыс. человек (до середины 80-х годов ежегодно выезжало до 3 тыс. человек). В последние годы ежегодное количество выезжающих с территории Российской Федерации эмигрантов колеблется от 60 до 80 тыс. человек. Социальную структуру эмиграции в основном составляют представители интеллигенции, высококвалифицированные специалисты, студенчество; национальную – евреи, армяне, этнические немцы, греки, некоторые другие национальности»¹. В последние годы отток населения из России на постоянное место жительства стабилизировался на уровне около 50 тыс. человек в год².

Если верить приведенным данным McKinsey Global Institute, не менее 5 млн российских граждан одновременно живут и работают по всему миру, внося свой вклад в ВВП других стран, вы-

¹ Постановление Правительства РФ от 03.08.1996 № 935 Об уточнении Федеральной миграционной программы URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/er-dokumenty/q2n.htm>

² URL: http://ruxpert.ru/Эмиграция_из_России

плачивая налоги в их бюджеты и способствуя их процветанию. Если состав эмигрантов из России более качественный, чем иммигрантов, то наша страна экспортирует человеческий капитал в неменьшей степени, чем финансовый.

Стратегия миграционной политики

В преддверии Президентских выборов в 2012 г. В.В. Путин посвятил отдельную статью перспективам национальной политики, специальный раздел которой был посвящен проблемам миграции¹.

Констатировав общественную значимость и выразив неудовлетворенность сложившейся ситуацией, автор поставил задачу на порядок повысить качество миграционной политики государства. Было отмечено, что, во-первых, ужесточение миграционной политики не дает результата либо приводит к обратным эффектам. Но при этом «внятные полицейские функции и полномочия миграционных служб необходимо усилить». Одновременно предложена дифференцированная политика в отношении легальной миграции на основе критериев квалификации, компетентности, конкурентоспособности, культурной и поведенческой совместимости.

Во-вторых, внутренние мигранты должны знать и уважать культурные особенности местного населения, для чего необходимы контроль в рамках Административного и Уголовного кодексов и регламентов органов внутренних дел, введение уголовной ответственности за нарушение миграционных правил и норм регистрации.

В-третьих, требуются укрепление судебной системы и строительство эффективных правоохранительных органов. Миграционная политика должна противодействовать возникновению замкнутых национальных анклавов, являющихся питательной средой для формирования альтернативной правовой системы, коррупции и преступности, включая этническую. Социализация и интеграция мигрантов в российское общество должны начинаться с развития системы образования. Но при этом предлагается мигрантам доказать «готовность освоить нашу культуру и язык».

¹ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 янв.

URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве рассматриваются как реальная альтернатива неконтролируемым миграционным потокам, поскольку должны привести к сокращению неравенства в развитии и условиях жизни в этих странах. Создание новой экономики с эффективной занятостью, воссоздание профессиональных сообществ, равномерное развитие производительных сил и социальной инфраструктуры на всей территории страны и евразийская интеграция названы ключевыми инструментами нормализации миграционных потоков.

Характерным для статьи в целом является отсутствие упоминания таких понятий, как «правовое государство» и «гражданское общество». Одновременно присутствуют понятия «государственно образующий народ», «особая цивилизация» и «русская культурная доминанта». Даже в разделе «Национальная политика и роль сильных институтов» собственно институтам уделено совсем немного внимания. Судя по всему, основной упор будет делаться на совершенствование работы СМИ и системы образования в формировании чего-то, определяемого как национальный код, что заставляет вспомнить публицистические работы А.Г. Дугина. Указано на необходимость создания нового ведомства под руководством коллегиального органа для реализации Стратегии национальной политики. Между тем, если судить по результатам, предыдущие попытки создания ведомства, отвечающего за национальную политику, не принесли значимых результатов, а анализ выступлений официальных лиц и публикаций в СМИ демонстрирует нарастание проблем в области миграционной политики.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

После вводной части, иллюстрирующей неблагоприятное положение в области демографического развития Российской Федерации и отдельных ее регионов, усугубляемых стихийной миграцией, перечисления проблем в данной области, корреспондирующихся с указанными в статье В.В. Путина, выступлениях других политиков и чиновников и зафиксированных в Правительственных документах, авторы определяют цели миграционной политики:

а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения страны;

б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;

в) содействие обеспечению потребности экономики России в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

Таким образом, основными приоритетами политики оказываются национальная безопасность и ликвидация нехватки рабочей силы. Совершенно правильные слова относительно самых разнообразных аспектов миграционной политики, задач по адаптации мигрантов и их интеграции в местные сообщества, приобщение к российской культуре и т.п. завершаются разделом VII «Этапы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации», которая включает три этапа¹.

На первом (2012–2015 гг.) предлагается:

а) разработка и принятие нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики;

б) разработка и апробация программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

в) создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом;

г) формирование на основе государственно-частного партнерства инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов;

д) создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры России;

е) проведение выборочных исследований, включающих вопросы внутренней и международной миграции.

На втором этапе (2016–2020 гг.):

а) принятие программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

¹ Концепция государственной миграционной политики. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/, С. 10–11.

б) реализация и мониторинг принятых программ в рамках осуществления основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации;

в) обобщение и анализ правоприменительной практики принятых нормативных правовых актов РФ, обеспечивающих реализацию целей, задач и основных направлений государственной миграционной политики;

г) расширение использования информационных технологий для анализа миграционной ситуации и обеспечения государственной миграционной политики Российской Федерации, в том числе уточнение программы статистических и аналитических работ в области внутренней и международной миграции.

На третьем этапе (2021–2025 гг.) предполагается:

а) оценка эффективности принятых программ в рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики;

б) уточнение основных стратегических ориентиров, приоритетов и направлений реализации государственной миграционной политики и корректировка соответствующих программ.

Создается впечатление, что разработчики Концепции предлагают работать как бы с чистого листа и ничего не знают о предыдущем опыте миграционной политики в нашей стране, эффективности тех или иных инструментов и программ, сильных и слабых сторонах действующего законодательства. При этом авторы хорошо знакомы с международным опытом.

Хотя Концепция представлена как комплексный документ, охватывающий все стороны государственной политики в сферах как внутренней, так и внешней миграции, в ней намечены широкие цели и перечислены многие средства их достижения, итоги реализации концепции выглядят крайне лапидарными. Так, по итогам реализации второго этапа предполагается к 2021 г. приостановить миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а по итогам реализации третьего этапа – к 2026 г. обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока¹. И это все. Не исключено, что авторы стремились максимально конкретизировать ожидаемые результаты и опасались представлять нереальные индикаторы дос-

¹ Концепция государственной миграционной политики. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/, С. 11.

тижения целей. Возможно, вся задумка Концепции сводилась к прекращению процессов депопуляции в восточных районах страны и повороту миграционных потоков вспять. Но обо всем этом можно только гадать.

В этом отношении Федеральная миграционная программа, принятая в 1996 г., была гораздо более конкретной и содержала количественные характеристики сложившейся ситуации и значения целевых индикаторов. Другие концепции, стратегии и программы, касающиеся перспектив социально-экономического развития восточных регионов и Дальнего Востока, при всей их научной проработке, не смогли решить проблему миграции ни в количественном, ни в качественном отношении¹.

Можно констатировать, что стратегические документы в области миграционной политики носят в основном декларативный характер вне зависимости от квалификации их авторов и понимания ими проблем. Что касается реальной миграционной политики, то она слабо связана со стратегическими документами Правительства РФ и формируется в результате принятия отдельных нормативно-правовых актов, будь то законы, положения, инструкции или приказы. Многие из этих документов принимаются как реакция на те или иные общественно значимые события, а потому носят несистемный и ситуативный характер.

¹ *Шавлохова М.* Программу развития Байкальского региона придется переписывать // Независимая газета. – 2014. – 10 июня. URL: <http://www.ng.ru/economics/2014-06-10/1baikal.html> 10.06.2014

РАЗДЕЛ 3

ФЕДЕРАЛИЗМ, ПРОБЛЕМЫ СИБИРИ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

3.1. Федерализм и демократия. От идеи до воплощения¹

Эллины, или античные греки, подарили нам множество замечательных вещей: логику Аристотеля, историю Геродота, трагедию и комедию, не говоря уже об архитектуре и Олимпийских играх. Помимо прочего, они передали нам идеи демократии и федерализма. Последний термин происходит от латинского *foedus* и буквально означает союз или соглашение. В Древней Греции полисы действительно создавали множество союзов, но одновременно они создали и нечто большее – федерацию. Независимые полисы имели различные политическую систему и формы правления, конкурировали между собой, торговали, конфликтовали, соперничали и даже воевали. Но они образовывали некое единство благодаря языку, культуре, религии, ритуалам и общим священным местам, вроде святилищ в Дельфах или Олимпии.

Разумеется, сегодня демократия и федерализм имеют мало общего с тем, что практиковали греки 2,5 тысячи лет назад. Но основная идея – единство в разнообразии – сохранилась до настоящего времени.

Экономические эффекты федерализма

Около 15 лет назад мне показалось небесполезным обобщить теоретические соображения и гипотезы, объясняющие, почему федеративные государства могут демонстрировать экономические преимущества над унитарными, почему эффекты масштабов, ожидаемые при централизации и унификации управления и предоставления услуг, могут быть меньше, чем положительные эффекты от децентрализации². Для историков и политологов важные причины и условия, которые привели к той или иной конфигура-

¹ ЭКО. – 2015 г. – № 11.

² *Клисторин В.И.* Экономические основания бюджетного федерализма // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.

ции власти и определили те или иные решения. Для экономистов важно соотношение социально-экономических выгод и издержек организации власти, поскольку именно это соотношение позволяет обсуждать проблему в терминах эффективности использования ресурсов, потенциальных и реальных темпов роста и устойчивости системы.

В той статье выделялись эффекты интеграции, т. е. снятия барьеров между ранее «независимыми» экономиками, например, при объединении Германии во второй половине XIX века, и собственно федеративные эффекты, связанные с разделением полномочий властей.

Анализ литературы позволяет выявить отдельные факторы, способствующие более эффективному использованию ресурсов и повышению устойчивости социально-экономического развития федеративных государств. При объединении государств в федерацию проявляется эффект масштабов (расширение рынков и анти-монопольный эффект), может иметь место сокращение удельных издержек на исполнение отдельных функций (например, оборону или правовое регулирование). Кроме того, благодаря снижению барьеров при перемещении рабочей силы возможны сокращение локализации безработицы, дифференциации доходов и снижение социальной напряженности.

Но специалисты выделяют и собственно положительные эффекты федерализма. Во-первых, передача полномочий и ресурсов региональным и муниципальным органам власти может значительно снизить конфликт интересов при принятии решений и повысить эффективность контроля при производстве общественных благ и выполнении других функций государства. Во-вторых, децентрализация функций по производству общественных благ означает, что местные сообщества сами выбирают, какие именно виды благ наиболее востребованы населением, что вместе с конкуренцией между регионами и городами за мобильные ресурсы может служить своеобразным встроенным ограничителем функций государства и размеров государственного вмешательства в экономику. Более точное определение местных потребностей и более рациональная трата средств также способствуют эффективности государственных расходов.

Известна так называемая теорема о децентрализации: если она не влияет на уровень издержек, то децентрализованное принятие решений не хуже с точки зрения общей эффективности.

Наконец, федерализм открывает большие возможности для проведения экспериментов в части государственного управления, стимулирования экономического развития и роста, инновационной активности и т. п. Обычно достаточно быстро выявляются позитивные и негативные эффекты реализации политики региональных властей по результатам движения мобильных факторов производства и итогам голосования, в том числе и «ногами», что позволяет исправлять ошибки и распространять положительный опыт. Это так называемая гипотеза Тибу, утверждающая, что «при наличии большого числа территориальных единиц и интенсивной миграции населения бюджетная децентрализация способствует Парето-улучшениям, поскольку создает предпосылки для адекватного выявления предпочтений, касающихся локальных общественных благ, и наиболее полной реализации этих предпочтений»¹.

Дж. Бьюкенен и Г. Таллок в работе «Расчет согласия»² показали, что, поскольку внешние издержки принятия индивидуальных решений представляют собой убывающую функцию от числа индивидов, принимающих данное решение, а издержки согласования решений представляют растущую функцию, то путем децентрализации процесса принятия решений можно снизить суммарные общественные издержки и число недовольных при принятии решений.

Результаты исследований субсидий на производство общественных благ показывают, что посредством софинансирования можно влиять на «цены» общественных благ и расширять их производство сверх пределов, оптимальных в случае национальной экономики и, тем самым, проводить стратегию территориального развития страны.

Передача части полномочий по выполнению государственных функций вниз означает реальное смещение в сторону минимального государства на федеральном уровне при сохранении общего уровня производства общественных благ и государственного

¹ *Якобсон Л. И.* Экономика общественного сектора. – М.: Аспект Пресс, 1996, С. 293. Как известно, эта гипотеза была подвергнута критике с разных сторон.

² *Бьюкенен Дж., Таллок Г.* Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. Джеймс М. Бьюкенен. Соч. Пер. с англ. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. /Фонд экономической инициативы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р. М. и др. – М.: Таурис Альфа, 1997 [3. С. 98].

вмешательства в экономику. Это обычно устраивает бюрократию и большинство населения. С другой стороны, производство общественных благ на региональном и местном уровнях приобретает черты, сходные с производством частных товаров: здесь также присутствуют и ограниченность доступа к благам (для нерезидентов), и элементы конкуренции.

Некоторые дополнительные аргументы в пользу как федеративного, так и унитарного государственного устройства можно извлечь из опыта преодоления крупнейших кризисов: Великой депрессии и кризиса 2008 г., последствия которого не до конца изжиты и в настоящее время.

В 1930-е годы были популярны представления о том, что эпоха федерализма (равно как и демократии) пришла к концу. Это означало, что федеративные государства, такие как США и некоторые другие, не способны с позиций их институционального устройства отвечать на вызовы, требующие более высокой концентрации ресурсов и оперативности в управлении ими. Это неизбежно должно привести к централизации принятия решений и движению от федеративного устройства к унитарному государству.

Но этого не произошло и сейчас – как показал последний кризис, федеративные государства в основном более успешно справляются с новыми вызовами и проблемами¹.

В настоящее время в мире более 25 федеративных государств, причем их список постоянно пополняется, несмотря на драматический распад ряда федераций, таких как Пакистан, СССР, СФРЮ, ЧССР. Ряд унитарных государств, согласно действующим в них конституциям, приобретают черты фактических федераций, в их числе Великобритания, Испания², Италия, Польша, Венгрия и многие другие³. Созданы даже специальные термины для их обозначения: «квазифедерации» или «децентра-

¹ *Клисторин В. И.* Федеративные отношения в периоды экономической турбулентности // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 2. – С. 91–106.

² Такие государства, как Испания, уже приравнены к федерациям, а Китай следовало бы причислить согласно Конституции КНР (в состав страны входит 5 автономных районов, 3 национальных района и 22 провинции) и, тем более, после объединения с Гонконгом и законодательного оформления последнего в качестве Специального административного района Сянган.

³ *Watts R. L.* Comparing federal systems. Queen's University and the McGill-Queen's University Press. – Montreal & Kingston – London – Ithaca, 1999, P. 13.

лизованные унитарные государства». Не менее 40% жителей земного шара живут в федеративных государствах и еще около 1/3 – в децентрализованных¹.

Правда, существует и такая точка зрения, что интерес к федеративному устройству государств высок из-за экономических успехов США, Германии или Швейцарии, которые были достигнуты благодаря политике их Правительств, а не из-за совершенства их государственного устройства. Поскольку дискуссии в России по поводу выбора модели федеративного устройства, распределения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, а также в области региональной политики и межбюджетных отношений не стихают, целесообразно вернуться к исходным теоретическим представлениям по проблеме федерализма. Последним по времени призывом к реформе федеративных отношений в России является выступление Е. М. Примакова на заседании «Меркурий-клуба», опубликованное в «Российской газете» 13 января 2015 г.

Критерии федерализма

Существует большое число научных публикаций, содержащих помимо прочего и критерии, которым должны отвечать федеративные государства. Д. Элазар² выделяет следующие признаки федерализма:

- закрепленные в конституции распределение власти и гарантии центральному и региональным Правительствам относительно неизменности их полномочий;
- наличие двухпалатного парламента, представляющего интересы населения и регионов;
- представительство регионов на федеральном уровне через двухпалатный парламент;
- право регионов влиять на процесс изменения конституции страны, но не изменять собственную конституцию в одностороннем порядке;
- наличие децентрализованного Правительства, означающее, что полномочия центрального Правительства на федеральном уровне выше, чем полномочия регионального Правительства на региональном уровне.

¹ *Elazar D. J. Exploring federalism. Tuscaloosa, Alabama & London: The University of Alabama Press, 1991, P. 2.*

² *Elazar D. J., P. 22–23.*

Р. Уотс¹ предлагает несколько иные критерии для выделения федеративных систем:

- наличие Правительств двух уровней – центрального и регионального;
- закрепленное в конституции распределение законодательной и исполнительной власти и разделение доходных источников между этими двумя уровнями власти;
- представительство регионов на федеральном уровне, обычно в виде второй палаты парламента;
- конституционное право изменять конституцию страны с согласия регионов;
- посредничество в форме судебной системы или референдумов при разрешении конфликтов между Правительствами;
- наличие институтов для межправительственного сотрудничества и соответствующие процессы в тех областях, где распределение полномочий не определено, или оно пересекается.

Несмотря на некоторые различия в подходах и терминологии, все авторы говорят о том, что признаками федерации являются наличие: 1) полноценного Правительства на региональном уровне с разделением властей, 2) собственной финансовой базы и автономного бюджетного процесса на каждом уровне власти и 3) институтов, обеспечивающих переговорный процесс и взаимодействие между уровнями власти в разрешении конфликтов. Важно отметить, что указанные критерии достаточно формальны и не гарантируют сохранения «духа федерализма» в формально федеративном государстве. Даже незначительное отступление от принципов федерализма может угрожать снижением эффективности его институтов. Отсюда и полемическое название статьи в умеренной «Независимой газете» – «Федеративна ли Российская Федерация?»².

Соблюдение принципов федерализма, использование федеративных институтов и соблюдение соответствующих их духу процедур принятия решений, с одной стороны, и централизация/децентрализации полномочий и ресурсов – с другой, тесно связаны, но далеко не тождественны. Федерализм – более широкое понятие, нежели децентрализация. В рамках федеративного уст-

¹ *Watts R. L.*, P. 7.

² Независимая газета. – 2015. – 22 мая. URL: http://www.ng.ru/editorial/2015-05-22/2_red.html

ройства государства могут осуществляться политика централизации ресурсов и передача полномочий центру. В унитарном государстве могут происходить обратные процессы, но при этом федеративное государство остается федеративным, а унитарное – унитарным. Дело в том, что в первом случае решения вырабатываются и принимаются с согласия и при участии всех уровней власти, во втором – достаточно решения центрального Правительства¹.

Эффективное соотношение централизации и децентрализации полномочий и ресурсов зависит от соблюдения двух фундаментальных принципов. Во-первых, оно должно способствовать максимально полному и эффективному использованию ресурсов страны, дополнять конкуренцию между субъектами экономики конкуренцией между регионами и муниципалитетами за мобильные ресурсы. Во-вторых, необходимо обеспечить максимально возможную степень координации экономической политики всех ветвей и уровней власти. Первое, если не учитывать эффект масштабов, достигается децентрализацией, второе – путем как централизации, если системы контроля «сверху» работают эффективно, так и децентрализации, когда эффективно работает контроль «снизу». В любом случае это подразумевает политическую ответственность властей за принимаемые решения.

Тонкий баланс соотношения полномочий и ответственности, равно как и их распределение между властными структурами невозможно расписать в конституции или в совокупности правовых актов. Поэтому существуют институты участия регионов в формировании общегосударственной политики (верхняя палата парламента, ратификация региональными парламентами отдельных актов федерального Правительства, референдумы и т. д.), а также суд для разрешения конфликтных ситуаций. Но необходимым условием для функционирования указанных институтов являются полноценная субъектность и относительная независимость всех участников. Кроме того, видимо, должны иметь место некоторые ментальные особенности населения – способность к самоорганизации, ощущение гражданства города, региона и страны, уверенность в правовом характере государства.

¹ Основы теории и практики федерализма. – Лейвен, Бельгия: Институт европейской политики Католического университета г. Лейвена, 1999. – 323 с., С. 7–16.

Немного о демократии

Поскольку теории федерализма и демократии формировались под большим влиянием опыта США, а большинство федеративных государств, несомненно, являются демократическими, многие исследователи считали статистически значимой связь между этими характеристиками. Другие, такие как Д. Элазар, полагали, что федерализация является путем к становлению демократии, которая способствует формированию эффективного федерализма. С другой стороны, В. Райкер писал: «Я уверен, что между федерализмом и демократией не существует простой причинной связи»¹. Другие исследователи также допускали устойчивость федеративных государств в недемократических обществах. Суть проблемы видится в том, что долгое время демократия считалась уделом стран со сравнительно немногочисленным населением.

Переход к представительной демократии вроде бы снимал эту проблему, но создавал другую – повышение экономической и политической роли особых каст: политиков и чиновников, что неминуемо вело к унификации и стандартизации в перераспределении ресурсов и расширению возможностей для популистов. Отсюда – тенденции к унитаризму во многих федеративных государствах. Многие исследователи указывали на недемократичность процедур голосования и принятия решений в федеративных государствах, поскольку часто нарушается принцип «один человек – один голос». С другой стороны, Дж. Мэдисон считал, что большое государство с многочисленным населением и представительной демократией является наиболее надежной гарантией от распада страны, что искупает проблемы представительной демократии и федерализма.

Противовесом этим тенденциям может служить перераспределение полномочий и ресурсов на муниципальный уровень, т. е. применение принципов федерализма на уровне субъектов федерации. Именно состояние и тенденции в развитии местного самоуправления являются важным индикатором реального федерализма и демократии в той или иной стране².

¹ *Riker B. Federalism: Origin, Operation, Significance.* – Boston, 1964, P. 15.

² *Клисторин В. И.* Российский федерализм: региональная политика, направленная на поддержку муниципальных образований // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 41–54.

Кроме того, в недемократических государствах центральные власти имеют возможность не только определять экономические и политические приоритеты граждан и предопределять их выбор, но и не вступают в диалог с кем бы то ни было, включая и власти субъектов федерации и муниципалитетов. Это означает, что все-таки связь между принципами демократии и федерализма имеет место.

Заключение

Продолжение дискуссий о федерализме в Российской Федерации вызывает очевидный вопрос о том, почему эта тема столь актуальна. Представляется, что дело не столько в огромных различиях между регионами России, очевидной асимметрии в политико-экономическом положении субъектов РФ и технических сложностях построения и совершенствования межбюджетных отношений и даже не в тех экономических трудностях, которые переживает Россия. Если внимательно перечитать соответствующие главы последней книги Е. М. Примакова¹, то возникает ощущение: автор понимает, что для преодоления нынешней экономической ситуации необходима конкуренция.

Поскольку политическая и, в значительной степени, экономическая конкуренция в современной России институционально ограничены, то единственное поле, где конкуренция возможна и даже желательна, – это конкуренция между регионами и городами за ограниченные ресурсы. Такая конкуренция должна привести к сокращению неоправданных расходов, повышению эффективности расходов государства, снижению обязательств федерального центра и возможности более точно оценивать результаты деятельности региональных властей. Это очень напоминает концепцию федерализма, создающего рынок, популярную около 15 лет назад. Если считать федерализм субститутотом демократии, то Е.М. Примаков абсолютно прав.

¹ *Примаков Е.М.* Россия: надежды и тревоги. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 244 с.

3.2. «Сибирь как колония».

Взгляды Н.М. Ядринцева на проблемы и перспективы освоения Сибири¹

Сибирь как колония. Звучит немного обидно, но так называлось самое известное произведение Н. М. Ядринцева, впервые опубликованное 137 лет назад и не потерявшее своей актуальности по сей день, поскольку в нем были поставлены вопросы о путях и перспективах развития одного из крупнейших и богатейших природными ресурсами мегарегионов планеты – Сибири².

Второе, расширенное издание этого труда, опубликованное спустя десять лет (в 1892 г.)³, включало ряд новых глав, посвященных, в частности, развитию кустарной промышленности, общественной жизни городов, сибирской литературе и произведениям о Сибири. Но основные идеи книги остались неизменны. С годами Н. М. Ядринцев лишь укреплялся в правильности своего первоначального анализа и выводов. Более того, для него было очевидно, что геостратегическое положение Российской империи определяется контролем над Сибирью и выходами к Тихому океану. Книги тогда писались долго, и можно смело утверждать, что основные идеи Н.М. Ядринцева были сформулированы полтора века назад.

Этот труд часто рассматривают как некий манифест сибирского областничества⁴, пример интеллектуального поиска оптимального устройства общества в противовес существующим общественным отношениям. При этом, в отличие от других концепций и программ, предполагались реформы не столько на уровне Российской империи в целом, сколько в отдельном крупном регионе при изменении отношений, как бы сказали сегодня, между центром и периферией. В некотором смысле областничество напоминало национально-освободительные и автономистские дви-

¹ Эко. – 2019. – № 1.

² Ядринцев Н. М. Соч. Т. 1. Сибирь как колония. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Тюмень, 2000. 471 с. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-648/> Далее в тексте все ссылки приведены по факсимальному изданию 1882 г.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

⁴ Сибирское областничество – общественно-политическое течение среди сибирской интеллигенции (середина 1850-х годов – начало XX века).

жения на национальных окраинах империи, за исключением того, что в Сибири в то время уже преобладало русское население, и ее отрыв от России рассматривался, скорее, как вынужденный и крайне нежелательный вариант. По своим политическим взглядам областники были близки к социалистам в народнической интерпретации и являлись сторонниками демократии с российской спецификой. Одновременно в их среде были популярны и либеральные взгляды в широком диапазоне – от Дж. С. Милля до А.И. Герцена. Именно эти обстоятельства и вызвали репрессии против представителей областничества, и даже само понятие «Сибирь» попало на некоторое время под запрет и было заменено на «Азиатскую Россию».

Обсуждаемая книга написана живым литературным языком, содержит огромное количество фактов и ссылок на работы других авторов, дневниковые записи, отчеты, личные впечатления и высказывания. Ее можно отнести к жанрам публицистических и научно-популярных произведений, столь распространенных в конце XIX века. Яркий пример таких работ – многотомное издание «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», издававшееся под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского примерно в то же время. К сожалению, сейчас подобные проекты, служащие делу просвещения, не предпринимаются.

Что такое Сибирь

Сразу следует сказать, что под Сибирью Н.М. Ядринцев и другие областники понимали все пространство от Уральского хребта до Тихого океана, несмотря на крайнее климатическое и ландшафтное разнообразие этой территории. Они считали важнейшим критерием выделения региона его историко-культурное своеобразие, общность истории заселения, управления и, следовательно, освоения и развития, а также его исторические и политико-экономические перспективы. Причины культурного своеобразия сибиряков Н.М. Ядринцев находил в широком распространении смешанных браков, активном заимствовании у аборигенного населения не только отдельных слов и выражений, но и бытовых привычек, еды, приемов общения, ритма жизни и т.д., вплоть до элементов мировоззрения. Он неоднократно отмечал, ссылаясь на личный опыт и заметки очевидцев, что сами

сибиряки противопоставляли себя жителям европейской части Российской империи, равно как и жители центральных губерний отчетливо противопоставляли Россию и Сибирь. Более того, сибирские старожилы недоверчиво и, как писал Н. М. Ядринцев, с иронией относились к новопереселенцам. Для них, а также для тех, кто приезжал в Сибирь на время – с целью торговли или по иным делам – даже существовали специальные прозвища, нередко обидные.

Вторая глава целиком посвящена так называемому сибирскому характеру. В ней автор доказывал, что образ жизни русского населения Сибири формирует натуры, сильно отличающиеся от тех, что встречаются в Европейской России. Например, жители Сибири в целом жили более зажиточно в сравнении с представителями аналогичных сословий в центральных губерниях. Сибиряки не знали лаптей и носили сапоги, ели много мясной пищи, употребляли много больше алкоголя и т.д. Одновременно в Сибири наблюдалось колоссальное имущественное неравенство, что было весьма заметно на фоне сравнительно малочисленного населения вообще и привилегированных сословий, в частности. Поэтому многие авторы выделяли в качестве типичных для сибиряков черт индивидуализм, хитрость, скрытность и страсть к наживе.

Здесь царили мироедство, кабала и монополии, что, по мнению Н.М. Ядринцева, было характерно и для Северо-Американских Соединенных Штатов. На формирование особого сибирского характера оказала большое влияние история заселения Сибири, в частности, постоянные стычки с аборигенным населением, вакуум власти, грабежи и разбой, а также то обстоятельство, что значительная часть населения (не только казаки) была вооружена. На формирование социально-экономических взглядов Николая Михайловича большое влияние оказали идеи немецкой исторической школы. Он понимал колонии вполне в духе Вильгельма Рошера, считая, что в их обустройство в целом переносится национальный дух колонистов. Однако из-за необходимости преодолевать препятствия и защищать свою собственность и свои семьи с оружием в руках люди меняются. Их нравы становятся более свободными и демократическими.

Первая глава (во втором издании 1892 г. – первые четыре главы) посвящена географическому описанию Сибири. Важным моментом является обозначение ее границ как ареала русской коло-

низации восточных районов страны, носившей преимущественно сельскохозяйственный и торгово-промысловый характер. Поэтому Н. М. Ядринцев рассуждал о естественных границах Сибири в историко-географическом контексте. Он не включал в этот макро-регион Манчжурию, Монголию и Туркестан, но включал Акмолинскую и Семипалатинскую области. По его мнению, южная граница Сибири проходила по Чуйской долине, отрогам Тянь-Шаня и озеру Иссык-Куль. Далее на восток по горным хребтам Алтая и Саян, рекам Амур и Уссури до Тихого океана. Именно этот регион стал объектом русской колонизации: военных походов, сравнительно мирного проникновения и расселения, торговой и промышленной экспансии и т.п.

Разумеется, Сибирь не была terra incognita для русской и мировой науки задолго до работ Н. М. Ядринцева. В своей книге он подробно описывал результаты многочисленных исследований края и его частей. В те годы комплексное описание территории с географической, исторической, этнографической и других точек зрения было весьма распространено и считалось едва ли не нормой. В этом смысле труд Н. М. Ядринцева вполне вписывается в научную традицию тех лет. Одновременно он констатировал широкое распространение всевозможных легенд, мифов и небылиц о Сибири в европейской части страны, и даже образованных столичных кругах. Этому способствовали не только и не столько отдаленность и обширность территории, суровость ее климата, дикость и первозданность природы, но и казавшиеся невероятными истории о баснословных богатствах региона, быстрых случаях обогащения удачливых дельцов и служилых людей, дикости местных нравов и опасностях, подстерегающих переселенцев. Собственно, обсуждаемая работа во многом посвящена развенчанию этих легенд и мифов.

Поскольку для Н. М. Ядринцева Сибирь представлялась прежде всего регионом сельскохозяйственной колонизации, он сконцентрировал свое внимание на полосе между 45-м и 60-м градусами северной широты, каковую считал вполне пригодной для акклиматизации выходцами как из Архангельской губернии, так и Бессарабии.

Во времена Н. М. Ядринцева в Сибири проживало от 4,5 до 4,8 млн человек русского населения и примерно 4,5 млн инородцев. Различия в оценках могут объясняться разными датами обследования и тем, в каких границах рассматривался регион. К тому же надо иметь в виду, что значительная часть населения, осо-

бенно кочевого, не регистрировалась. Сам Н. М. Ядринцев сетует на крайне низкую плотность населения и низкие темпы освоения Сибири. По его мнению, только Западная Сибирь за счет земледелия и промыслов способна вместить и прокормить более 50 млн человек. В те годы здесь насчитывалось 11,25 млн голов скота, что было больше, чем в Австралии (около 10 млн). Дискуссии о границах и понимании роли Сибири в стране и мире продолжаются и сегодня¹.

Колония как понятие

Следует сразу оговориться, что полтора века назад понятие колонии не несло столь негативной коннотации, как сегодня. Во второй половине XIX века оно ассоциировалось с поселениями на новых территориях выходцев из других стран, как это было принято еще в античной традиции. Термин «процветающая колония» часто встречался в публицистической, художественной и даже научной литературе. И действительно, многие интеллектуалы тех лет рассматривали процессы колонизации как позитивные и прогрессивные, идущие на пользу не только пришлому, но и коренному населению. Антиколониальные войны и восстания они обычно соотносили с неприятием прогресса отдельными представителями местной элиты, темнотой и фанатизмом коренного населения. Только в самом конце XIX века под влиянием, главным образом, социалистических идей стало укрепляться представление об эксплуатации метрополиями колоний и коренных жителей. Первая мировая война и создание Коммунистического интернационала придали новый импульс антиколониальным движениям, которые привели, в конечном итоге, к деколонизации.

Н.М. Ядринцев писал: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества;

¹ Сибирь: имидж мегарегиона / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. 364 с.; Сибирь как мегарегион: сущность и динамика: коллективная монография / Под ред. В. И. Супруна. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. 159 с.

результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям, к стремлению создать новую жизнь в новой стране»¹.

По-видимому, Николай Михайлович разделял взгляды Т. Мальтуса на тесную взаимосвязь между естественным и механическим приростом населения, с одной стороны, и наличием возможности обеспечить растущее население продуктами питания, с другой. Мальтузианство было тогда общепринятой теорией, из которой следовало, что оптимальная плотность населения той или иной территории определяется типом хозяйства. Так, например, земледелие, обеспечивая более интенсивное использование территории и более высокий выход продовольствия с единицы площади, предполагает и более высокую плотность населения. Поэтому развитие в результате колонизации на почти пустых пространствах земледелия и горной промышленности резко увеличивают оптимальную плотность заселения. С другой стороны, наблюдаемый в центральных губерниях быстрый рост численности населения, обусловленный начавшимся демографическим переходом в результате постепенного снижения детской смертности при сохранении высокой рождаемости, стал приводить к проблемам перенаселенности. В самом начале книги Н. М. Ядринцев отмечал: «Сибирь как колония будет представлять достаточный запас земель для избытка населения Европейской России»².

Таким образом, Н. М. Ядринцев всячески приветствовал колонизацию Сибири, полагая, что она позволяет решать проблемы и самого края, и европейской части страны. Он выделял несколько моделей (типов) колонизации: военную, казенную, промышленную, торговую и народно-вольную³ в зависимости от их основных мотивов, движущих сил и субъектов. По его мнению, «до Годуновых» преобладала вольно-народная колонизация. В другие периоды на первый план могли выходить другие типы, хотя на любом отрезке времени существовало их сочетание в той или иной пропорции. В 1622 г. первая перепись определила численность русского населения Сибири в 70 тыс. жителей и 7,4 тыс. ссыльных. Позже принимаются меры по сдерживанию вольного переселения. Так, в 1697 г. на основных дорогах были установлены заставы для поимки беглых крестьян. В 1743 г. вышел царский

¹ Ядринцев, С. 126.

² Там же, С. 6.

³ Там же, С. 132

указ о запрете проникать за пограничную линию, за его нарушение предписывалось наказание кнутом. Выбор Сибири в качестве места ссылки несколько испортил ее имидж, но сдержать поток жаждущих переселиться оказалось невозможным. «Положение ссыльных поселенцев в Сибири было легче, чем крепостных в Европейской России... крепостные часто объявляли себя дезертирами или преступниками, чтобы попасть в ссылку»¹.

Очевидно, что запреты и ограничения, а в дальнейшем прямая регламентация переселений приводила к росту прямых и транзакционных издержек мигрантов. По мнению Н. М. Ядринцева, переселению сильно мешали дороговизна транспорта, тяготы дороги, необходимость получения паспорта, отыскание места вселения, податная система. Кроме того, еще необходимо было «встать на ноги на новом месте». Прямые издержки на переселение одной семьи он оценивал в 500 руб. серебром, что часто превышало стоимость всего ее имущества. И это без учета процветавших волокиты и взяток. Таким образом, легальное переселение фактически было доступно только для богатых или зажиточных крестьян. Административные барьеры сменились экономическими. Н. М. Ядринцев указывал на пагубность такой политики, напоминая, что «теперь уже нет в Европе стран, которые бы сдерживали переселения. После освобождения крестьян за 20 лет переселилось всего 100 тыс. душ»².

В истории заселения и освоения Сибири, как известно, большую роль сыграла ссылка. По имеющимся данным, только в XIX веке в Сибирь было сослано 860 тыс. человек³. Кажущаяся легкость заселения и общественные выгоды от использования практически подневольной, а потому чрезвычайно дешевой рабочей силы, по мнению Н. М. Ядринцева, более чем перекрывались негативными факторами, которые порождал такой метод освоения края. Это и рост преступности, и низкое качество рабочей силы (уголовники, да и политические, были плохими работниками), распространение болезней, усиление административного надзора и т.п. Особо он отмечал бедственное положение ссыльных: «Ссылка наполняла Сибирь бездомным несчастным пролетариа-

¹ Ядринцев, С. 135.

² Там же, С. 136. Эти масштабы переселения Н. М. Ядринцев считал ничтожными и приводил пример САСШ, которые приняли с 1820 г. по 1870 г. 7,55 млн человек.

³ *Марианский А.* Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969. – 224 с. С. 149.

том, который не создавал оседлого гражданского элемента, но постоянно вымирал. Ссылка оставляла едва 1/5 людей на местах, остальные исчезали или погибали»¹. По мнению ученого, только добровольное переселение может служить необходимым, хотя и недостаточным условием процветания края.

Национальный вопрос

Широко известна публицистическая деятельность Н.М. Ядринцева в защиту инородцев. И здесь поведению местной администрации и русскоязычной верхушки он нередко противопоставляет политику центральных властей (по крайней мере, со времен Екатерины II и, особенно, графа М. М. Сперанского) по защите инородцев от чрезмерной эксплуатации, обеспечению их минимальных прав и развитию просвещения. Впрочем, усилия центральных властей он также считает недостаточными, ставя России в пример политику других стран в Индии, Новой Голландии и в Капской колонии².

Третью главу Н. М. Ядринцев посвятил так называемому инородческому вопросу, а именно – бедственному положению значительной части аборигенного населения, и сформулировал эту проблему следующим образом. Во-первых, это «вопрос о дальнейшем существовании инородцев и предупреждение вымирания рас» (иными словами, речь шла о физическом выживании). Во-вторых, это «экономический вопрос об обеспечении их существования вместе с культурным развитием» (то есть речь шла о повышении уровня и качества жизни). В-третьих, это «вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия и равенства перед законом». Наконец, «вопрос духовного развития и просвещения»³. Последнее Николай Михайлович понимал как приобщение к культуре и распространение грамотности, в том числе обучение на родном языке. Политика насильственной русификации и ассимиляции, проводившаяся местными властями и церковью, подвергалась им жесткой критике из-за неэффективности. Отрыв от традиционного образа жизни в конечном счете приводил к обнищанию и вымиранию коренного населения. Н. М. Ядринцев констатировал сокращение общей численности аборигенов и особенно

¹ Ядринцев, С. 159.

² Там же, С. 410.

³ Там же, С. 87.

некоторых этносов. В числе основных причин он называл истребление русскими, междоусобные войны, набеги соседних народов, болезни, алкоголизм, голод, хищническое уничтожение зверя, непосильный ясак, сокращение и деградация угодий¹.

Единственным залогом позитивного развития как аборигенных народов, так и русского населения Н. М. Ядринцев видел в широком распространении современного образования. Он полагал, что только при этом условии «русское население поднимет инородцев, а не снизится до его уровня». Другие предлагавшиеся в то время стратегии, например, меры по укреплению общин, развитие экономики и рост благосостояния и т.п., он не считал эффективными и, ссылаясь на опыт Северо-Американских Соединенных Штатов, утверждал, что «только рост богатства не может искоренить бедность, нужно образование и нравственное воспитание».

Богатство Сибири

Особое внимание Н. М. Ядринцев уделял проблеме эксплуатации природных богатств Сибири. Представление об этом регионе как о неисчерпаемом источнике природных ресурсов, дающем возможности сказочного обогащения, бытовало с давних времен, и манило сюда представителей всех сословий – от промышленников и купцов до крестьян и лихих людей. Состояния в Сибири действительно делались колоссальные. Более того, уровень жизни населения Сибири в среднем был выше, чем в европейских губерниях. Но богател ли от этого сам край, и если да, то в какой степени и какой ценой?

Николай Михайлович посвятил целую главу описанию хищнической эксплуатации природных ресурсов. Это не только истребление пушного зверя, который долгое время считался главным богатством края, но и опыт развития горнорудной промышленности. В книге описывается падение добычи золота, серебра, меди, свинца, чугуна в Алтайском горном округе² в результате быстрой, а главное, неизбежной отработки запасов.

Кроме того, Н. М. Ядринцев обращает внимание, что продукция, производимая в Сибири, по преимуществу вывозится из региона и не поступает во внутренний оборот. Поэтому внутренний

¹ Он особенно отмечает, ссылаясь на различные источники, что весь XVIII век – это эпоха волнений, восстаний и даже локальных войн в Сибири.

² Ядринцев, С. 236.

рынок развивается медленно и крайне монополизирован. В то же время регион вынужден ввозить извне практически все товары первой необходимости. Модель, в которой все, что производится в регионе, вывозится, а все остальное, включая необходимое для жизни людей – ввозится, угнетает экономику и потому нежизнеспособна. Николай Михайлович неоднократно отмечает в книге порочность принятой структуры торговли, способствующей монополизации и ценовым дисбалансам. Он приводит многочисленные сведения о невероятной рентабельности торговых операций, доходящей до двухсот и более процентов: «Сырые сибирские продукты покупаются по самой низкой цене, почти за бесценок, а привозные – втридорога»¹ и с горечью констатирует, что в широких общественных кругах сформировалось мнение, что Сибирь всегда будет поставщиком сырья, обреченным на бедность. Он особо отмечал, что общественность настроена против железной дороги, способствовавшей вывозу богатств.

В те времена, помимо металлов, минералов и пушнины, из Сибири вывозился главным образом хлеб. Между тем, по мнению Н. М. Ядринцева, регион мог бы поставлять в Россию и Европу мясо, рыбу, лекарственные растения, лес и многое другое, что «лежит втуне» из-за бездорожья, нехватки капиталов и незнания технологий. Он отмечает те эффективные шаги, которые предприняло царское Правительство для подъема промышленности в регионе. Например, в 1839 г. по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрин проводилась бесплатная раздача земли под фабрики и заводы². Тот же Канкрин требовал от местных начальников представить сведения о том, какие производства можно было бы организовать для использования местного сырья, в каких специалистах есть нужда при организации этих производств.

Но одновременно с успехами в освоении Сибири были неудачи и разочарования. Прежде всего, учитывая размеры края, многие усилия по его преобразованию были малозаметны при взгляде из центра. Сибирь в глазах столичного начальства так и оставалась далекой и заснеженной пустыней. Создавалось впечатление, что она скорее приносит убытки, чем прибыли, и фактически живет за счет России. Самым ярким высказыванием подобного рода было: «Сибирь стоит меньше, чем один Невский проспект». Кро-

¹ Ядринцев, С. 255.

² Там же, С. 246.

ме того, несомненно, существовал конфликт интересов между торговым и промышленным капиталами. Промышленники стремились зарабатывать за счет дешевого местного сырья, а купцы опасались угрозы своей монополии на рынках. Монополии и ужасающая даже по российским меркам коррупция обеспечивали им сверхприбыли. Постоянные гонения на «пришлых» конкурентов, например, ограничения бухарской торговли вместе с ростовщичеством и торговлей в долг помогали поддерживать существующее положение дел. Н. М. Ядринцев приводит примеры создания миллионных состояний крестьянами, купцами и промышленниками. Собственно описание этих процессов и явлений составляет главное содержание глав об эксплуатации и экономическом положении Сибири. Данные о росте цен на товары в городах при движении с запада на восток красноречиво свидетельствуют о состоянии путей сообщения и развитии торговли.

Представление о Сибири как о кладовой природных богатств, экономические соображения о возможности их эксплуатации, будь то в государственных или частных интересах, Николай Михайлович критиковал, поскольку считал, что главное богатство страны или региона – это люди. В этом смысле он разделял точку зрения Фридриха Листа, утверждавшего, что способность создавать богатство важнее самого богатства.

Управление

Особой проблемой для Н. М. Ядринцева представлялось управление Сибирью. По его мнению, управление этим необъятным краем, осуществлявшееся как бы из столицы, но руками назначаемых губернаторов, порождало злоупотребления и коррупцию, чрезмерные даже по российским меркам. Регулярные сообщения с метрополией долгое время носили сезонный характер, и контроль за работой назначенных чиновников был крайне затруднен. Особые полномочия, с одной стороны, и фактическое отсутствие Правительственного надзора, с другой, имели следствием административный произвол. Приводится высказывание М.М. Сперанского о том, что «двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны, чтобы расстроить и привести в беспорядок наиболее успешную губернию»¹. При этом слишком многое зависело от личности конкретного губернатора. Так, в целом по-

¹ Ядринцев, С. 351.

ложительная оценка деятельности М. М. Сперанского в Сибири контрастирует с высказыванием о том, что И. Б. Пестель отрезал Сибирь от всякого правосудия¹. Отчасти это объясняется особенностями целеполагания. Перед сибирскими наместниками и чиновничеством в первую очередь ставились главным образом военные и полицейские задачи, а потом в основном фискальные. При надлежащем выполнении этих приоритетов мелкие преступления не замечались.

«Начиная с Петра I наказания правителей усилились: их ссылали на каторгу, им вырывали ноздри, били кнутом, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло в нравы»².

Для повышения эффективности управления царское Правительство использовало множество технологий – от частой ротации кадров до назначения лично преданных императору и многократно проверенных чиновников; то и дело границы губерний и областей менялись за счет разделения, укрупнения, объединения или переименования; менялись титулы и круг полномочий высших чиновников; реформировались законы, меры поощрения и наказания; проводились внезапные ревизии. Ничто не помогало.

Режим генерал-губернаторской власти в Сибири поэтому вызвал следующий приговор: «В самом деле, что может сделать один сановник, не знающий края, неопытный в сибирских делах, перед кучей злоупотреблений, веками утвержденных, когда за рутину стоит весь подчиненный ему персонал, когда с существованием старых порядков связаны материальные и моральные интересы всего чиновничества?»³.

Николай Михайлович с горечью писал, что хотя «Сибирь не испытала крепостного права, но она испытала нечто худшее – административный произвол»⁴. Под последним он понимал административно-командные методы модернизации края вроде принуждения бурят к земледелию, прикрепления крестьян к рудникам и заводам, насильственное насаждение сеянца пеньки и запрет на выращивание табака, перепланировку, благоустройство и озеленение городов в приказном порядке. Корень зла он видел в том, что

¹ Ядринцев, С. 314.

² Там же, С. 300.

³ Там же, С. 352.

⁴ Там же, С. 316.

большинство присылаемых чиновников не связывали свою судьбу с жизнью края и, по сути, были здесь временщиками. Однако практически весь служилый аппарат оставался постоянным и действовал вполне самостоятельно в собственных интересах.

Н.М. Ядринцев разработал целую программу реформы управления применительно к Сибири, основными пунктами которой были отделение военной власти от гражданской, упразднение губерний и организация земства¹. Но главные надежды он возлагал на развитие образования, повышение уровня жизни широких масс населения и рост его численности, повышение открытости сибирской экономики и развитие конкуренции. Особо он выделял необходимость развития системы образования, в особенности высшего и специального, поскольку множество проблем объяснялись малограмотностью чиновничества, а образование он связывал с нравственным воспитанием.

Будущность страны

Будучи несомненным патриотом Сибири, Н. М. Ядринцев не стремился к приукрашиванию ее истории и актуального состояния дел, а возможно, местами и сознательно сгущал краски. Его идеи по переустройству Сибири были важны не столько из-за их оригинальности и радикальности (он артикулировал мысли, уже широко распространенные в обществе), сколько из-за жесткости аргументации.

Прежде всего речь идет о федерализации Российской империи (хотя бы применительно к Сибири) и демократизации управления, построению гражданского общества и укреплению власти закона. Он доказывал, что, если навязывать извне политику развития колоний, как это было в случае с Мексикой или Бразилией, неизбежны их стремление к независимости и со временем потеря для империи. Такому сценарию он противопоставлял прогрессивный, как ему казалось, опыт Британской империи, поощрявшей вольно-народную колонизацию, не препятствующей развитию торговли, предоставлявшей статус и защиту колониям, а после достижения ими определенной зрелости – превращавшей их в доминионы. Он считал, что самоуправление и выгоды торговли с метрополией гораздо сильнее привязывают колонии, чем административные и военно-полицейские меры.

¹ Ядринцев, С. 363.

В свою очередь, верховенство закона, самоуправление и выгодная торговля повышают привлекательность регионов для капиталов и населения, превращая их в образец для других стран и даже собственной метрополии. Он писал: «Наши первые и настоятельные нужды – это введение земства, гласного суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселений и прекращение ссылки в Сибирь»¹.

Многие из идей Н. М. Ядринцева были реализованы. Политика, связанная с именами С. М. Витте и П. А. Столыпина, привела к переселению в Сибирь и на Дальний Восток в 1900–1914 гг. 4,5 млн человек, чему в немалой степени послужило строительство Транссибирской железной дороги и последовавшее за ним повышение открытости рынков и снижение их монополизации. Колонизация Сибири продолжалась и при советской власти. Правда, в некоторые периоды преобладали столь ненавидимые Н. М. Ядринцевым казенно-заводской, военной и ссыльно-каторжные типы колонизации. Последней широкомасштабной колонизацией, которую бы он одобрил, было освоение целинных земель. В советское время уровень доходов населения Сибири поддерживался на более высоком уровне, чем в центральных регионах страны.

Огромные успехи были достигнуты в деле научного изучения Сибири, развития ее экономики, социальной сферы, науки и образования в регионе². Если во времена Н. М. Ядринцева только появился Томский университет (напомним, что в это время в Канаде при меньшей численности населения работало семь университетов)³, то сегодня по числу высших учебных заведений и количеству студентов и преподавателей на душу населения Сибирь не уступает другим частям страны (правда, как и 150 лет назад, лучшие выпускники уезжают отсюда). Существенно изменилось положение национальных меньшинств, которые получили собственную письменность, литературу и образование.

Вероятно, Н. М. Ядринцев не одобрил бы очень высокий уровень урбанизации в современной Сибири, стягивание населения в крупные города, деградацию и даже исчезновение множества ма-

¹ Ядринцев, С. 447.

² Сибирь в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. 788 с.

³ Полтора века назад во всей Сибири было 11 книжных лавок и 12 библиотек, а типографии для выживания были вынуждены печатать винные этикетки.

лых поселений, процессы депопуляции в большей части регионов Сибири и Дальнего Востока. Уровень доходов в Сибири сегодня не выше, а ниже, чем во многих других регионах страны. Не одобрил бы он и бытующее поныне прежнее представление о Сибири как о кладезе природных ресурсов, поскольку считал, что главное богатство любой страны – это населяющий ее народ.

3.3. О программах вообще и освоения и развития Сибири в частности¹

Современная международная экономическая жизнь похожа на ралли по сильно пересеченной местности, причем в нем участвуют машины всех классов и размеров, а правила и маршрут не установлены. Информация, которой могут пользоваться водители и штурманы, крайне ограничена: кое-что они помнят о пройденных участках дороги и кое-что знают об успехах и проблемах вырвавшихся вперед или, наоборот, безнадежно отставших машин.

Россия представлена грубо, но крепко сделанным автомобилем гигантских размеров с мощным двигателем, но крайне инерционным в силу своей огромной массы. Но самое слабое место – это экипаж. То ли его так подбирали, то ли водитель и штурман плохо понимают свои роли, то ли их что-то постоянно отвлекает, но работает этот экипаж неслаженно. Штурман считает, что он знает, куда и когда должен прибыть автомобиль, но не хочет и слышать о качестве дороги за ближайшим поворотом. Водителю маршрут неинтересен, его волнует только то, как он впишется в ближайший поворот и пересечет видимое препятствие. При этом штурман обязан прокладывать маршрут, а водитель может его игнорировать.

В современной России создается и принимается множество стратегических документов, некоторые из которых по-своему неплохи, содержат анализ существующей ситуации, формулировку проблем, обсуждение альтернатив, обоснование целей, задач и инструментов их решения. Некоторые из этих стратегий, концепций, программ и даже доктрин можно и нужно критиковать, но нельзя отрицать, что большинство из них выполнено на достаточно высоком уровне. У них только один крупный, но зато фатальный недостаток – они не выполняются и часто устаревают еще до того, как

¹ ЭКО. – 2011. – № 9.

прошли все стадии экспертизы, обсуждения и утверждения. К такого рода документам относится, например, проект «Бюджетная стратегия Российской Федерации на период до 2023 года»¹, который был опубликован в августе 2008 г. В это время уже было зафиксировано падение промышленного производства, но признать сползание экономики России в масштабный финансово-экономический кризис было недопустимо с политической точки зрения. Видимо, поэтому проект так и не был утвержден, но по-прежнему присутствует на официальном сайте Минфина РФ. Вместе с тем он содержит весьма подробный и квалифицированный анализ текущих и перспективных проблем, дает представление о способах их решения, снабжен прогнозными расчетами при достаточно четко прописанных исходных гипотезах и предположениях.

Можно и нужно критиковать подобные документы, например, непонятное утверждение о том, почему при высоких и слабо обоснованных темпах прироста ВВП на уровне около 6% годовых доля доходов и расходов бюджета в ВВП в течение 15 лет будет монотонно снижаться, что противоречит мировым тенденциям и отечественной практике. Но в целом документ был подготовлен весьма квалифицированно, хотя и не учитывал уже развернувшийся в то время мировой кризис и риски других кризисов в течение прогнозного периода.

Все сказанное выше целиком относится и к многочисленным стратегиям развития Сибири².

Нужна ли Сибири особая стратегия

Насколько нам известно, в Российской империи писанных концепций и стратегий развития Сибири или иных регионов не существовало. Это не значит, что обходились вовсе без них. Более

¹ Проект «Бюджетная стратегия Российской Федерации на период до 2023 года». – М.: Минфин РФ, август 2008 г. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.minfin.ru%2F&text=%D0%B1%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F&l10n=ru&mime=html&sign=4c491686cf8ee76bce3b510fb9be036a&keyno=0>

² Здесь и далее Сибирь понимается как часть Российской Федерации, ограниченная с запада Уральскими горами, с востока – водораздельными хребтами у Тихого океана, с севера – Северным Ледовитым океаном, с юга – государственной границей России.

того, такие решения, как закладка городов, строительство Великого сибирского рельсового пути (Транссиба), переселенческая политика начала XX века или создание казачьих областей, имели явно стратегическое значение.

Об успешности или неудачах прошлых стратегий можно судить по динамике численности населения региона и его частей. Для России, по крайней мере, до завершения демографического перехода в середине XX века, это хороший индикатор успешности экономической и социальной политики. Рост населения характеризуется естественным и механическим приростом. Последний же определяется добровольной и вынужденной миграцией.

Несмотря на высокие темпы колонизации Сибири, роль миграции была незначительной до конца XIX века даже на фоне принудительных поселений уголовных и политических ссыльных и каторжных, общее число которых за 100 лет составило не менее 900 тыс. Подобно тому, как ранее в США и Канаде не столько железнодорожное строительство, сколько развитие капитализма в европейских странах, высвободившее ресурсы для массовой миграции, привело к взрывообразному росту населения, быстрое экономическое развитие в пореформенной России открыло начало массового освоения Сибири. Согласно переписи 1897 г., население Сибири составляло 5,7 млн чел., а накануне первой мировой войны – превысило 10 млн.

Драйверами освоения Сибири, обеспечившими скачки численности населения, были пушнина, серебро, золото, потом зерно и масло, Транссиб. Сдерживали освоение Сибири архаичные общественные отношения на большей части Европейской России и масштабные проекты, такие как колонизация степных районов нынешней Украины, бассейна Дона, Северного Кавказа, позднее – присоединение Туркестана. Так, освоение и заселение южной и восточной Украины считается первой массовой колонизацией степных районов, которую можно сравнить по масштабам лишь с освоением Великих равнин (прерий) в США и Канаде спустя почти 100 лет. Считается, что за XVII–XIX вв. в России переселилось 11 млн человек¹. Сибири так не повезло. Если в 1913 г. численность населения Канады составляла 7–7,5 млн чел. против 10 млн в Сибири, то теперь в Канаде проживает более 34 млн чел.

¹ Марианьский А. Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969. – 224 с., с. 152.

Особенно не повезло большинству регионов Азиатской России в постсоветский период. За последние 20 лет численность населения Сибири сократилась на 2 млн человек, причем процессом депопуляции охвачены практически все субъекты РФ, за исключением некоторых национальных автономий. Чем дальше с запада на восток – тем сильнее убыль населения.

Чего мы не знаем о Сибири

Сибирь уже давно не является белым пятном на карте. Массу разнообразных сведений о ней можно получить в трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири»¹. Те, кто интересуется современными тенденциями ее экономического и социального развития, намечаемыми проектами и оценкой их влияния на макроэкономические параметры развития регионов Сибирского федерального округа, могут много полезного извлечь из монографии «Сибирь в первые десятилетия XXI века» и других обобщающих работ ИЭОПП СО РАН².

Разумеется, с каждым годом мы все больше узнаем о прошлом и настоящем Сибири, ее развитии и ходе реализации различных проектов. Но что-то принципиально новое узнать очень трудно. Большинство обсуждаемых проектов были известны еще 30–50–100 лет назад. Создается впечатление, что жизнь застыла в Сибири, и по большому счету ничего здесь не меняется. Да, жизнь кипит в нескольких крупных мегаполисах вроде Новосибирска или Красноярска, но территория за пределами городских агломераций все больше превращается в экономическую и социальную пустыню.

Давно набило оскомину перечисление запасов полезных ископаемых в недрах региона и постоянное упоминание о доле Сибири в запасах и их добыче в России. Никому не придет в голову оспаривать тот факт, что мотор экономического роста современной России находится именно в Сибири. Достаточно

¹ Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. / Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.

² Сибирь в первые десятилетия XXI века/ Отв. Ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – 788 с. Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации – М.: Анкил, 2009. – 320 с.

Оптимизация территориальных систем / Под ред. д.э.н. Суспицына С.А. / – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 632 с.

вспомнить о структуре экспорта страны и доходов бюджетной системы, тесной корреляции темпов роста ВВП, валютного курса, доходов населения и проч. с ценами на нефть, газ и металлы.

Сибирь остается слабо изученным и освоенным регионом страны в сравнении с Европейской частью России. Но мы знаем вполне достаточно для разработки и принятия стратегических решений. Во всяком случае, гораздо больше, чем во времена С. Витте и П. Столыпина. Но если мы знаем достаточно о Сибири и ее роли в экономическом развитии страны, постоянно говорим о необходимости ее ускоренного развития, то почему все программы развития Сибири неизменно превращаются в ритуальные заклинания, вроде камлания сибирских шаманов?

Почему не выходит «каменная чаша»

Сибирь далеко от Москвы. Сибирь представляется некоторой кладовой, из которой можно черпать по мере необходимости. Более того, если какие-то ресурсы пока не используются – они остаются будущим поколениям, что само по себе неплохо. Государственные визиты в столицы Сибири и отчеты губернаторов создают иллюзию стабильного развития.

Мало избирателей. Похоже, электоральный цикл настолько завладел умами некоторых чиновников и аналитиков, что подменил собой все остальные представления о стабильном развитии. Разумеется, в этих условиях Сибирь представляет собой меньшую проблему, нежели Москва, Санкт-Петербург, Юг России или Кавказ.

Прожектерство властей. Громкие проекты с международным резонансом вроде Олимпиады или чемпионата мира, Сколково или расширения территории Москвы гораздо интереснее какой-нибудь железной или автомобильной дороги в сибирской глуши. Подобная «креативность» неизбежно приводит к ликвидации самой идеи стратегического планирования и осмысленной региональной политики.

Низкая квалификация чиновников. Трудно сказать, какими критериями руководствуются власти в своей кадровой политике, но качество решений, которые принимаются, оставляет желать лучшего. Надо быть совсем наивным человеком, чтобы связывать это исключительно с интеллектуальным уровнем и деловыми ка-

чествами лиц, подписывающих те или иные документы. Похоже, что вся система выработки решений переполнена людьми, для которых профессионализм и квалификацию следует не демонстрировать, а скрывать.

Короткий горизонт реального планирования. Все вышеперечисленное приводит к тому, что система управления направлена на реагирование на некие вызовы, реальные и надуманные. Принятие стратегии, также как и каких-то правил, сужает «свободу» в принятии решений и не вписывается в современную российскую управленческую культуру.

«Империализм», который укладывается в формулу «что наше – то наше, а о вашем еще поговорим». Стремление к внешней экспансии, попытки приобрести зарубежные активы, установить флаг, все разговоры о геополитике приводят к тому, что сил на обустройство собственно России и Сибири не остается.

Крупные корпорации. Российский капитализм привел к формированию «национальных чемпионов», которые окончательно отделили материальные потоки от финансовых. Создалась специфическая ситуация, когда и без того высокая степень монополизации экономики усугубляется тесным взаимодействием крупнейшего бизнеса и власти. Причем это взаимодействие, мало общего имеющее с государственно-частным партнерством, уже стало вынужденным, поскольку корпорации слишком велики, чтобы обанкротиться и даже поменять собственников. Наряду с просто крупнейшими корпорациями были созданы государственные с декларируемой идеей развития, но фактически закрытые от институционального контроля¹. Крупные корпорации, как с государственным участием, так и частные, больше заняты приобретением активов, чем созданием новых производств, и не отличаются высокой эффективностью и стратегическим мышлением менеджмента, что также показал недавний кризис.

Налоговая система. Система налогообложения, в которой налоги, уплачиваемые преимущественно предприятиями вместо населения, ориентирует власти всех уровней на промышленную политику вместо политики доходов, приводит к росту социального расслоения и сокращает доходную базу местных властей.

¹ См., например, Деягин М. Госкорпорации: коррупция под видом модернизации. URL: <http://www.apn.ru/opinions/article19459.htm>

Трансферты. В качестве основных инструментов региональной политики в России рассматриваются государственные программы и трансферты. Но программы выполняются плохо, а трансферты в принципе не могут быть инструментом стимулирования развития регионов, как бы их ни конструировали в виде кнута или пряника¹. Трансферты по определению являются механизмом выравнивания бюджетной обеспеченности, то есть решения текущих социальных задач.

Что делать

Прежде всего, восстановить институт независимой экспертизы. Принимаемые впопыхах решения, будь то законы или программы, наверняка будут больше отражать чьи-то узкие интересы, чем отвечать общественной пользе.

Необходимо создать механизмы политической ответственности за слова и дела.

А начинать надо с формирования заново федеративных институтов и местного самоуправления. Но это уже отдельная тема.

* * *

Завершая автомобильную тему, необходимо признать, что следует обратить внимание на мотор, вместо того чтобы бесконечно заниматься тюнингом...

3.4. Финансовые ресурсы местного самоуправления²

Среди политиков, специалистов, ученых и в общественном мнении наблюдается редкое единство мнений о нежелательности и даже вредности для будущего развития страны высокой дифференциации уровней доходов и качества жизни в территориальном разрезе. Степень неоднородности экономического пространства страны может служить индикатором успешности региональной политики государства и даже уровня развития страны в целом. Наибольшая территориальная дифференциация показателей эко-

¹ Трансферт навсегда // Система межбюджетных отношений консервирует региональное неравенство // Коммерсантъ. – 2006. – № 109 (№ 3440).

² ЭКО. – 2014. – № 9.

номической активности, условий и уровня жизни наблюдается в развивающихся и, особенно, беднейших странах мира.

Сама по себе неоднородность экономического пространства страны – неизбежное явление, сопровождающее ее развитие. Ее причины достаточно хорошо известны. Это географические и климатические факторы, наличие природных ресурсов и запасов полезных ископаемых, отраслевые сдвиги, эффекты концентрации и масштабов, историческое наследие, этнические особенности местного населения и многое другое.

Государство, в меру своих возможностей, предпринимает усилия по сглаживанию неравномерного развития территорий по политическим, социальным и экономическим соображениям. Мерами бюджетной политики обычно добиваются выравнивания уровней обеспеченности основными социальными услугами, к которым относятся образование, здравоохранение, содержание нетрудоспособных, охрана общественного порядка и т.п. Для ускорения развития отстающих в своем развитии и депрессивных территорий используются инструменты региональной политики, предполагающие формирование специальных фондов, программ и институтов развития¹. Хотя в России имеются в наличии все институты и инструменты региональной политики, результаты таковы, что специалисты ставят под сомнение само ее существование².

Большинство исследований в России, посвященных проблемам территориальных диспропорций, сосредоточены на измерении и анализе регионального неравенства на уровне федеральных округов и субъектов Федерации. Вместе с тем в России, как и в других странах, максимальные различия в уровнях и темпах социально-экономического развития наблюдаются на муниципальном уровне. Но в России контрастность экономического пространства на муниципальном уровне настолько велика, что Н.В. Зубаревич выделяет четыре качественно различные социально-экономические системы, включая структуру экономики, поведение населения, систему расселения и, соответственно, модели и перспективы их развития. По ее мнению, уже следует го-

¹ *Клисторин В.И.* Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 3. – С. 79–95.

² *Артоболевский С.С.* Территориальные проблемы и государство: трансформация или деформация пространства? // ЭКО. – 2013. – № 1. – С. 23–41.

ворить не о территориальных различиях, а о параллельном существовании разных стран¹.

Исследования проблем муниципальных образований обычно ограничиваются масштабами одного субъекта РФ. В содержательном плане изучаются вопросы развития инфраструктуры, транспортной доступности, обеспеченности населения городов и районов базовыми услугами, а также состояния местных бюджетов, их динамики и межбюджетных трансфертов. Определенные достижения имеются у социологов и географов в части оценки размеров и выявления причин территориальной дифференциации на муниципальном уровне. Следует выделить работы С.С. Артоболевского, Н.В. Зубаревич, Т.Г. Нефедовой, Л.В. Смирнягина, А.И. Трейвиша и др. Среди экономистов можно отметить работы Е.А. Коломак, В.Н. Лексина, А.С. Маршаловой, А.С. Новоселова, С.А. Суспицына, А.Н. Швецова и некоторых других. Вместе с тем взаимосвязь институтов местного самоуправления, их полномочий и ответственности, с одной стороны, и преодоления диспропорций в пространственном развитии – с другой, изучена недостаточно.

Нормативно-правовая база местного самоуправления

Для решения проблем муниципальных образований и формирования более гомогенного экономического пространства требуются устойчивая нормативно-правовая база, последовательная региональная политика и соответствующие финансовые ресурсы. Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления и тем самым безоговорочно признала ее верховенство над национальным законодательством. В ней прямо указано, что местное самоуправление – это право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. Это означает безусловное право местного населения на самостоятельное и ответственное решение вопросов социально-экономического развития в границах своего поселения.

Закон о местном самоуправлении в России принимался в 1991, 1995 и 2003 г. Последний вариант закона полностью вступил в действие в 2009 г. Но в него до сих пор ежегодно вносятся поправ-

¹ Зубаревич Н. «Четыре России» на одной территории. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/60998.html>

ки, иногда весьма существенные. Кроме этого, на состояние и развитие местного самоуправления влияют и другие федеральные законы: налоговый и бюджетный кодексы, ФЗ № 126 «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации», ФЗ № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и многие другие. Помимо федерального законодательства имеется обширная и также постоянно меняющаяся нормативно-правовая база субъектов РФ. Следует отметить и большое количество подзаконных актов различных ведомств: писем, инструкций и методических рекомендаций.

Несмотря на ежегодное принятие многочисленных поправок, а возможно, и благодаря ему, нормативно-правовая база местного самоуправления остается противоречивой. Нестабильность законодательства отрицательно влияет на возможность муниципальных властей формулировать и проводить долгосрочную политику развития подведомственных территорий. Особенно это касается средних, малых городов и сельских поселений.

Принятие ФЗ № 131 формально резко расширило число муниципальных образований в России¹. Но правом формировать местный бюджет, владеть муниципальной собственностью и обладать выборными органами самоуправления могут лишь муниципальные районы и городские округа, что, наоборот, резко сузило число реальных муниципальных образований.

К вопросам местного значения законодательство относит:

- 1) формирование, утверждение, исполнение бюджета;
- 2) установление, изменение и отмену местных налогов и сборов; владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом;
- 3) организацию электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, снабжения его топливом;
- 4) содержание и строительство местных автомобильных дорог, мостов и иных транспортных инженерных сооружений;
- 5) организацию транспортного обслуживания населения;
- 6) участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций;

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 14.11.2013) // Консультант Плюс. – 1992–2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154107/

7) обеспечение первичных мер пожарной безопасности, охраны общественного порядка;

8) создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания.

Кроме того, на муниципальный уровень власти в значительной мере переданы полномочия по обеспечению населения жильем, льготами для определенных категорий граждан, выполнению решений государственных органов в области образования и здравоохранения. Казалось бы, при таком объеме полномочий неизбежно перераспределение финансовых ресурсов на местный уровень власти. Но в действительности происходил скорее обратный процесс: ресурсы консолидированного бюджета России концентрировались в федеральном бюджете и внебюджетных фондах, а доля финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении региональных и местных органов власти, снижалась даже с учетом межбюджетных трансфертов. Число источников доходов местных органов власти было резко сокращено и строго регламентировано федеральными законами. Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ упала до примерно 35% в 2013 г. по сравнению с более чем 50% в начале 2000-х годов. Эти изменения частично объясняются быстрым экономическим ростом в России благодаря проведенным в начале века институциональным реформам, благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре и восстановительному росту после кризисов начала 1990-х и 1998 г. Большую роль сыграли и противоречивые цели политики федерального центра. С одной стороны, он снял с себя все большую часть трудновыполнимых социальных обязательств и расходов на развитие инфраструктуры и передал их органам власти субъектов РФ и муниципалитетов. С другой – федеральный центр стремился к повышению «управляемости», построению вертикали власти, включая муниципальный уровень. Следует отметить, что региональные власти в большинстве случаев проводили сходную политику по отношению к муниципалитетам. В результате росли как объемы трансфертов из вышестоящих бюджетов, так и число получателей трансфертов и каналов, по которым они выделялись.

В результате на большей части территории страны наблюдается лишь формальное функционирование органов местного самоуправления, основная часть обязанностей которых заключается в исполнении государственных обязательств, переданных на му-

ниципальный уровень и финансируемых из вышестоящих бюджетов транзитом через местные бюджеты. Эта проблема прекрасно осознается на всех уровнях государственной власти, но решения бывают неожиданные, например, финансировать часть расходов муниципалитетов на образование и здравоохранение напрямую из региональных бюджетов. Недавно на федеральном уровне было принято решение о финансировании дошкольного образования из бюджетов субъектов Федерации и т.д.

Стратегические документы Правительства России содержат качественную диагностику региональных проблем развития страны и формулируют необходимые меры для преодоления диспропорций. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации¹, в разделе 7 «Региональное развитие» содержится перечень мер по формированию устойчивой системы расселения. Указано, что для этого необходимы:

- рост финансовых ресурсов и полномочий муниципалитетов, прежде всего в муниципалитетах центров роста;
- расширение области экономической и финансовой деятельности муниципальных органов управления;
- повышение эффективности муниципального хозяйства;
- формирование рациональных градостроительных планов, увязанных с развитием окружающих территорий, и повышение разнообразия и комфортности городской архитектурной и обеспечивающей среды;
- усиление устойчивости монопрофильных городов, расширение их функций, содействие росту качества и мобильности населения, решение проблем монопрофильных городов и поселков с истощенной сырьевой базой, создание механизмов переселения их жителей;
- формирование нового современного облика российской деревни.

Но за совершенно правильными словами не последовало реальных действий, поскольку были недостаточно конкретно определены методы, инструменты и ресурсы для реализации этих задач. Переход к положительной практике разработки стратегий,

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М., Минэкономразвития России. – 2008. – Март. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/static/activity/sections/strategicPlanning/concept/> (The RF Long-Term Socio-Economic Development Concept, 2008).

программ и среднесрочных планов пока мало сказался на практике и механизмах принятия решений и не придал желаемой устойчивости развитию, особенно на муниципальном уровне. Ведь планы и бюджеты даже на текущий год подвергаются серьезным корректировкам в ходе их исполнения, что несколько обесценивает надежность прогнозов на более длительный срок, снижает уверенность в совершенстве информационного и методического обеспечения процесса принятия решений.

Дело, видимо, в том, что планирование и управление может иметь индикативный характер и быть при этом эффективным, если есть работающие институты и соответствующие инструменты. В режиме же «ручного управления» эффективны только кадровые решения и управление финансовыми потоками. Практически все новации в этих областях свидетельствуют о том, что «управляемость» в указанном смысле является основной идеей в политике по отношению к муниципальным образованиям.

Экономический рост, бюджетная политика и финансовые ресурсы местного самоуправления

Стратегические решения обычно принимаются исходя из долгосрочных прогнозов развития страны. Предполагалось, что по завершении восстановления экономики России и ее основных торговых партнеров в Европе среднегодовые темпы прироста отечественной экономики в перспективе до 2030 г. составят 4–5%. Но уже 2013 г. показал, что эти темпы недостижимы. Минэкономразвития РФ скорректировал долгосрочный прогноз развития экономики с 3,2 до 2,5% годовых темпов прироста по консервативному варианту, который обычно служит основой бюджетной политики. Представляется, что в нынешних условиях с учетом роста неопределенности и изменившейся геополитической ситуации в бюджетной политике следует рассчитывать на 1,5% среднегодового прироста.

Но и для этого требуется «продолжение активных институциональных преобразований, направленных на улучшение делового климата, развитие конкуренции, повышение качества и эффективности корпоративного и государственного управления»¹.

¹ Пояснительная записка «О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». – С. 2. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz> (Explanatory Notes on The Forecast of the RF Long-Term Socio-Economic Development 2030).

Если год назад специалисты говорили о существенном замедлении экономического роста и грядущих проблемах со сбалансированностью бюджетной системы¹, то в настоящее время они спорят о том, находится ли экономика в состоянии стагнации, рецессии или стагфляции.

Ранее мы писали о неблагоприятных тенденциях в бюджетной системе, в частности, о соотношении темпов увеличения государственного долга и экономического роста². Основная проблема видится в том, что в 2000-е годы был проведен финансовый маневр, когда суверенный долг России сокращался, а корпоративный долг на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры рос. В нынешних условиях может возникнуть необходимость обратного маневра – замещения корпоративных долгов суверенным. Следует также помнить, что дефицит федерального бюджета без нефтегазовых доходов в настоящее время составляет около 9,6% ВВП, и даже при благоприятном развитии в перспективе до 2030 г. он не снизится до 6%³.

Значительную проблему для бюджетной системы России в средне- и долгосрочной перспективе представляет рост трансфертов из федерального бюджета внебюджетным фондам, размеры которых превысили суммарный консолидированный бюджет субъектов РФ. В 2013 г. на эти цели было выделено около 3 трлн руб., а в ближайшей перспективе ежегодный дефицит фондов превысит 4 трлн руб.⁴

Дефицит бюджетной системы Российской Федерации в последние годы постепенно перераспределяется на региональный и муниципальный уровни. В результате в 2013 г. суммарный консолидированный бюджет субъектов РФ стал дефицитным. Ранее на основании данных Минфина РФ мы отмечали, что суммарный долг этих уровней власти достаточно мал и не превышает 2,5%

¹ Потомкам нынешних россиян останется 890 трлн рублей долга // Независимая газета. – 2013. – 11 нояб. URL: <http://www.ng.ru/news/448923.html>

² *Клисторин В.И.* Экономический рост и бюджетная политика: институциональные ограничения для России // ЭКО. – 2014. – № 1. – С. 54–66.

³ Основные направления бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/07/Osnovnye_napravleniya_budzhethoy_politiki_2014-2016_gg.zip

⁴ Федеральный закон от 03.12.2012 № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» (07.12.2012) URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/12/FZ216-FZ_ot_031212.pdf

ВВП, а суммарный дефицит их бюджетов, по данным Минфина, в 2013 г. составит 0,3% ВВП¹.

Одновременно указывалось на необычайно высокие темпы роста долга субъектов РФ и муниципалитетов и прогнозировалось резкое наращивание задолженности на основании их структуры доходов². Наш прогноз оказался излишне оптимистичным: консолидированный долг субъектов РФ вырос в 2013 г. не на 15%, а на 29%, и в нынешнем году эта тенденция продолжится, несмотря на определенные решения Правительства РФ³.

Следует отметить, что основные источники доходов региональных и местных бюджетов (помимо трансфертов) – налоги на прибыль предприятий и НДС – практически не растут. Прибыль предприятий просто снижается. Поскольку заимствования на финансовых рынках обходятся федеральному бюджету гораздо дешевле, чем региональным и, тем более, муниципальным, то такая политика достаточно рискованна.

Следует помнить, что сокращение расходов вовсе не означает повышения их эффективности, равно как и их увеличение вовсе не гарантирует достижения заявленных целей. Поэтому дискуссии вокруг бюджетной и промышленной политики будут только обостряться.

Что касается перспектив бюджетной политики и распределения финансовых ресурсов между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, то определенную информацию дают Основные направления бюджетной политики на период до 2030 года⁴ (табл. 3.1).

¹ Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 01.10.2013. URL: http://www.minfin.ru/ru/public_debt/subdbt/

² *Klistorin V.I.* Financial resources of local governments // Local production systems and regional economic development : [collection of papers] / ed. by A.S. Novoselov, V.E. Seliverstov; SB RAS, Institute of economics and industrial engineering, University of national and world economy, Ternopil national economic university, Universiti of Lodz. – Novosibirsk-Sofia-Ternopil-Lodz: IEIE SB RAS, 2014. – P. 285–291.

³ *Шухов Ю.* Регионы в шелках. Лента ру. – 2014. – 15 июня. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/06/11/regions/>

⁴ Пояснительная записка «О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz> (Explanatory Notes on The Forecast of the RF Long-Term Socio-Economic Development 2030).

Таблица 3.1

**Прогноз основных параметров бюджетов
бюджетной системы Российской Федерации в 2013–2030 гг., % ВВП**

Показатель	2013	2014	2016	2020	2025	2030
Бюджетная система Российской Федерации						
Доходы (без учета межбюджетных трансфертов)	36,9	35,1	34,4	34,6	33,6	32,7
Расходы (без учета межбюджетных трансфертов)	37,6	35,8	34,9	34,7	33,6	33,0
Дефицит (профицит)	-0,7	-0,7	-0,5	0,1	0,0	-0,3
Федеральный бюджет						
Доходы	19,3	18,2	17,4	16,6	15,4	14,2
В том числе:						
нефтегазовые	9,0	8,0	7,2	6,9	5,9	4,7
нефтегазовые	10,3	10,2	10,2	9,7	9,5	9,5
Расходы	19,8	18,7	18,0	17,0	15,7	14,5
Дефицит (профицит)	-0,5	-0,5	-0,6	-0,4	-0,3	-0,3
Нефтегазовый дефицит	-9,6	-8,5	-7,8	-7,8	-7,0	-6,0
Резервный фонд и ФНБ	9,0	8,8	8,4	9,8	10,2	9,9
Государственный долг РФ	11,9	12,8	12,8	13,2	13,9	14,7
Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации						
Доходы	12,7	12,6	12,4	12,5	12,6	12,9
Расходы	13,0	12,8	12,5	12,5	12,5	13,0
Дефицит (профицит)	-0,3	-0,1	-0,02	0,0	0,1	-0,1

Источник: Пояснительная записка «О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz> (Explanatory Notes on The Forecast of the RF Long-Term Socio-Economic Development 2030). – С. 12.

В долгосрочном периоде Правительство РФ предусматривало значительное сокращение налоговой нагрузки на экономику. Доля консолидированного бюджета в ВВП должна была снизиться с 37 до 33%. Это объяснялось меньшим присутствием государства в экономике и стремлением повысить ее конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность.

Но не меньшую роль должен был сыграть рост налоговых расходов, что неизбежно при реализации крупных инфраструктурных проектов и стимулировании освоения минерально-сырьевых ресурсов в северных и восточных регионах страны. При этом доля региональных и местных бюджетов в суммарных доходах бюджетов всех уровней должна была возрасти с 39,7 до 45,9%, а в расходах – с 39,6 до 47,3%.

Это подтверждает вывод о том, что в долгосрочной перспективе перераспределение расходных полномочий на региональный и местный уровни будет осуществляться более высоким темпом, чем финансовых ресурсов. Сокращению реальных полномочий в области бюджетной политики субъектов Федерации и муниципалитетов будет служить и переход к программному построению бюджетов, поскольку значительную часть расходов федерального бюджета в регионах предполагается направить через федеральные программы. Поэтому абсолютные объемы межбюджетных трансфертов не должны увеличиваться, а программы развития регионов будут определяться возможностями их властей вписаться в федеральные программы, инициировать и «продавливать» соответствующие проекты в федеральных ведомствах.

Новые реалии и бюджетные маневры

В 2013 г. планировалось, что в среднесрочной перспективе до 2016 г. общие расходы федерального бюджета должны вырасти на 17%, а расходы по пяти программам по направлению «Сбалансированное региональное развитие» – только на 13%¹. Одновременно предполагалось перераспределение доходных полномочий на субфедеральном уровне в пользу региональных бюджетов. Так, в результате распределение отчислений от налога на доходы физи-

¹ Основные направления бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов. – С. 14. URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/07/Osnovnye_napravleniya_budzhethoy_politiki_2014-2016_gg.zip

ческих лиц между региональным и местными бюджетами составит в перспективе 70 : 30% по сравнению с соотношением 60 : 40% в 2013 г.¹.

Но жизнь внесла свои коррективы в бюджетную политику. Прежде всего, были пересмотрены перспективы развития отечественной экономики и приоритеты бюджетной политики. Существенно снижен прогноз по динамике ВВП и таких его составляющих, как прибыль предприятий, доходы населения и инвестиции. Главным источником роста доходов и расходов бюджетной системы в этих условиях становится девальвация национальной валюты и рост инфляции. Основные направления бюджетной политики РФ фиксируют изменение макроэкономической ситуации² (табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Прогноз основных макроэкономических параметров на 2014–2017 год
(из ФЗ №349 от 02.12.2013 г. и прогноза МЭР от 20.05.2014)**

Показатель	2014		2015		2016		2017
	ФЗ № 349	Прогноз	ФЗ № 349	Прогноз	ФЗ № 349	Прогноз	Прогноз
ВВП, трлн руб.	73,3	71,5	79,7	76,1	86,8	82,3	89,8
Рост ВВП, %	103,0	100,5	103,1	102,0	103,3	102,5	103,3
Прибыль прибыльных предприятий, трлн руб.	12,7	13,1	13,5	13,1	15,1	14,4	16,4
Инфляция (ИЦП), %	105,0	106,0	104,5	105,0	104,5	104,5	104,3
Курс доллара, руб.	33,4	35,5	34,3	37,0	34,9	38,0	38,8
Фонд заработной платы, трлн руб.	18,0	17,7	19,5	18,9	21,1	20,3	22,1

Источник: Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. – С. 18. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017_1.pdf

¹ Основные направления бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов.. – С. 22.

² Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. – С. 165. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017_1.pdf

Соответственно изменены параметры развития бюджетной системы (табл. 3.3). Тем не менее общее направление бюджетной политики сохраняется. Доля федерального бюджета в доходах бюджетной системы Российской Федерации (до предоставления межбюджетных трансфертов) сократится с 54% в 2014 г. до 51,4% в 2017 г. Доля доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в общем объеме доходов бюджетной системы Российской Федерации (до предоставления межбюджетных трансфертов) возрастет с 26,6% в 2014 г. до 27,6% в 2017 г. Но доля расходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации сократится с 32,6% до 31,4% в 2017 г.

Таблица 3.3

**Основные параметры бюджетов
бюджетной системы Российской Федерации в 2013–2017 гг., трлн руб.**

Показатель	2013	% ВВП	2014	% ВВП	2015	% ВВП	2016	% ВВП	2017	% ВВП
Доходы, всего	24,4	36,6	26,4	36,9	27,9	36,7	29,8	36,2	31,7	35,3
Федеральный бюджет	13,0	19,5	14,2	19,9	14,9	19,6	15,5	18,8	16,3	18,1
Консолидированные бюджеты субъектов РФ	8,2	12,2	8,4	11,8	8,9	11,7	9,4	11,5	10,1	11,3
Расходы, всего	25,3	37,8	27,1	37,8	29,6	38,9	31,3	38,0	33,0	36,7
Федеральный бюджет	13,3	20,0	14,0	19,5	15,3	20,0	16,0	19,5	16,8	18,7
Консолидированные бюджеты субъектов РФ	8,8	13,2	9,3	13,0	9,9	13,0	10,4	12,6	11,0	12,3
Дефицит/профицит	-0,9	-0,5	-0,7	-0,9	-1,7	-2,2	-1,5	-1,8	-1,3	-1,4

Источник: Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. – С. 50. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017_1.pdf

Межбюджетные трансферты будут уменьшаться, предполагается оптимизация расходов региональных и муниципальных бюджетов, в том числе за счет изменения методики расчетов потребности в расходах, и т.д. Будет осуществлен перевод части дотаций в условно утвержденные расходы. Предусмотрены и дополнительные источники доходов, например введение налога с продаж. Но несбалансированность бюджетов все равно будет расти.

В этих условиях «от органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления требуется проведение крайне взвешенной долговой и бюджетной политики, особенно в отдельных регионах, уровень государственного долга которых приближается к предельному уровню, определенному законодательством»¹.

Сравнение прогноза консолидированных бюджетов субъектов РФ на 2014–2016 гг. и на 2015–2017 гг. (табл. 3.4) приводит к следующим выводам.

Таблица 3.4

**Прогноз основных параметров
консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации
в 2015–2017 гг., трлн руб.**

Показатель	2014	2015	Темп роста	2016	Темп роста	2017	Темп роста
Доходы, всего	8,44	8,93	105,8	9,44	105,8	10,14	107,3
В т.ч. налоговые и неналоговые	7,03	7,52	107,1	8,12	107,9	8,76	107,9
Межбюджетные трансферты	1,42	1,41	99,2	1,33	94,3	1,38	103,8
Расходы, всего	9,3	9,87	106,1	10,39	105,2	11,04	106,3
Дефицит	-0,86	-0,94		-0,95		-0,91	

Источник: Основные направления бюджетной политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов. – С. 156. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017_1.pdf

¹ Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. – С. 165. URL: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2014/07/main/ONBP_2015–2017_1.pdf

Темпы прироста общих доходов консолидированных бюджетов снижены примерно в 2 раза: с примерно 10% до чуть больше 5%. При этом темпы прироста налоговых и неналоговых доходов должны снизиться с примерно 12% до 8%. Межбюджетные трансферты должны сократиться даже номинально. Расходы же консолидированных бюджетов будут подвергнуты существенной корректировке только за пределами 2015 г. Дефицит должен возрасти на порядок в сравнении с предыдущими планами и составит около 1 трлн руб. в год. Дополнительные дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации в 2014–2016 гг. в целях реализации Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. в целом не меняют картину.

Подводя итоги, можно утверждать, что в условиях замедления экономического роста и изменения приоритетов бюджетной политики региональные и, особенно, муниципальные власти еще в большей степени зависят от вертикали власти, и их свобода маневра в бюджетной политике сокращается. Оптимизация расходов и налоговые новации будут способствовать стагнации экономики. Налогово-бюджетная политика в большей степени ударит по отстающим регионам и городам. Дифференциация экономического и социального развития на уровне муниципальных образований в обозримой перспективе не снизится, а, скорее всего, существенно возрастет. Но главное – «безусловное право местного населения на самостоятельное и ответственное решение вопросов социально-экономического развития в границах своего поселения» будет неизбежно сокращаться.

Можно согласиться с редакцией «Независимой газеты», констатировавшей, что «российские власти начали хаотично реагировать на возникающие проблемы, принимая мгновенные меры по ситуации и не просчитывая их системные последствия»¹.

¹ Санкции рожают хаос в головах министров // Независимая газета. – 2014. – 30 июля. URL: http://www.ng.ru/editorial/2014-07-30/2_red.html

3.5. Бюджетные проблемы крупного города (на примере г. Новосибирска)¹

Постановка проблемы

Промышленная революция, начавшаяся в XIX веке, привела к урбанизации и росту крупных городов, превратившихся уже в XX веке в мегаполисы, городские агломерации и конурбации и иные городские системы, концентрирующие все возрастающую долю населения и экономической активности. Опережающий рост крупных городов характерен скорее для развивающихся стран, но проявляется и в некоторых развитых странах. Имеется большое число исследований, объясняющих феномен продолжающейся урбанизации и стягивания экономических процессов в крупные города. Доказывается, что именно крупные города и агломерации могут предложить своим жителям большее разнообразие мест приложения труда и более высокий уровень услуг, предприятия и организации могут рассчитывать на более качественную рабочую силу и легче находить требуемых специалистов. Кроме того, в крупных городах можно рассчитывать на эффект масштабов. Более высокий уровень конкуренции как на рынках товаров и услуг, так и на рынке труда способствуют повышению мотивации работников и инновационной активности предпринимателей. Утверждается, что данная тенденция наблюдается как за рубежом, так и в Российской Федерации². Действительно, в России, несмотря на неблагоприятные демографические тенденции, количество жителей городов-миллионников постоянно увеличивалось. Крупные города являются центрами экономической жизни, трудовой деятельности, образования, здравоохранения, они являются опорным каркасом расселения³. Более того, эта тенденция считается прогрессивной и зафиксирована как генеральное направление в Стратегии пространственного развития Российской Феде-

¹ Совместно с Т.В. Сумской, ЭКО. – 2018. – № 8.

² Буфетова А.Н. Структура урбанизации и тенденции внутрирегиональной дифференциации уровня жизни // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2013. – Том 13, выпуск 1. – С. 57–66.; Коломак Е.А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. – 2014. – № 10. – С.82–96.

³ Зубаревич Н.В. Города на постсоциалистическом пространстве // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С.5–19.

рации до 2025 года¹. Правда, имеются исследования, показывающие, что далеко не во всех странах, включая Россию, с ростом численности населения городов наблюдается рост эффективности экономического развития². Кроме того, неочевидно, что во всех странах, включая и Россию, механизмы роста эффективности производства в зависимости от численности населения одинаковы. Возможно, помимо описанных выше преимуществ крупнейших городов имеют место и другие факторы, определяющие относительно более быстрый рост крупных городов и их преимущество в сравнении с другими муниципальными образованиями. Поскольку в Российской Федерации более 1/3 ВВП перераспределяется через бюджетную систему, то предлагается рассмотреть влияние бюджетной политики на рост и развитие крупнейших городов страны. Ранее мы неоднократно обсуждали бюджетные проблемы и влияние бюджетной политики на экономический рост на субфедеральном и муниципальном уровнях³. Обсуждению этих вопросов на примере г. Новосибирска и посвящена данная статья.

Бюджет г. Новосибирска в системе межбюджетных отношений

Город Новосибирск формально считается самым крупным муниципальным образованием страны (Поскольку Москва и Санкт-Петербург являются субъектами Федерации) с развитой обрабатывающей промышленностью, транспортной и финансовой инфраструктурой. В городе сконцентрированы значительные экономические, административные и интеллектуальные ресурсы. В городе проживает 1613 тыс. человек, что составляет

¹ Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. – 2018. – № 2. – С. 264–287.

² Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. – 2017. – № 7. – С. 5–19.

³ Клисторин В.И. Финансовые ресурсы местного самоуправления // ЭКО. – 2014. – № 9. – С. 5–19.; Клисторин В.И., Губенко Д.В., Сумская Т.В. Влияние бюджетной политики на экономический рост и развитие регионов // Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / под ред. А.С. Новоселова, В.Е. Селиверстова; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2016. – Гл. 4. – С. 157–196.

58% населения области. Можно утверждать, что не менее $\frac{3}{4}$ легальной экономики Новосибирской области и, следовательно, налоговых доходов, поступающих в бюджетную систему Российской Федерации, сконцентрировано именно в региональной столице. Несмотря на это, город формально является реципиентом регионального бюджета, а доля бюджета города в доходах и расходах консолидированного бюджета Новосибирской области составила в 2017 году 23,5% и примерно 26,0%, соответственно. Это существенно меньше, чем в предкризисные годы, когда доля бюджета г. Новосибирска в доходах консолидированного бюджета области составляла 37% в 2007 г. и 32,1% в 2008 г., а доля расходов в консолидированном бюджете области составляла 37,4% и 34,8%, соответственно. Представители городских властей неоднократно отмечали, что доля города в собираемых на его территории налогов составляет лишь 18%, что является несправедливым и тормозит развитие города и выполнение социальных программ и решение его других проблем. С другой стороны, областные власти указывают на необходимость выравнивания бюджетной обеспеченности населения других муниципальных образований области, выполнения социальных обязательств перед всеми жителями области. Кроме того, трансферты из областного бюджета в городской постоянно растут и в 2017 г. составили 15,16 млрд рублей, или почти 41,3% от доходной части бюджета города.

Анализ финансовых потоков на территории г. Новосибирска был бы неполным, если бы мы не упомянули прямые расходы бюджетов других уровней, которые, минуя городской бюджет, также финансируют проекты в городской черте и сказываются на доходах предприятий, организаций и жителей города. Точных данных о прямых расходах областного и федерального бюджетов на территории города нет, но им можно дать только примерную оценку. Учитывая долю города Новосибирска в численности населения области, можно утверждать, что расходы областного бюджета по социальным статьям на территории города следует оценить в интервале от 30 до 50%. Что касается прочих статей расходов, то не менее $\frac{3}{4}$ расходов областного бюджета, таких как общегосударственные вопросы, национальная безопасность и правоохранительная деятельность, национальная экономика, культура и кинематография, СМИ, расходуются фактически на территории города. Таким образом, мы не слишком ошибемся,

если примем, что половина расходов областного бюджета расходуется в г. Новосибирске, что составило в 2017 г. не менее 58 млрд руб. Косвенно это подтверждается тем обстоятельством, что доля Новосибирска в капитальных вложениях и в бюджетных инвестициях по данным Министерства финансов и налоговой политики Новосибирской области за счет средств областного бюджета в 2017 г. составила около 76%, а за счет средств федерального бюджета – более 70%.

Что касается расходов федерального бюджета на территории города, то расходы на содержание и функционирование региональных представительств федеральных ведомств, науку и научное обслуживание, высшее образование и т.д. весьма значительны. Всего расходы федерального бюджета на территории Новосибирской области в 2016 г. составили 78 млрд руб., из которых безвозмездная помощь была более 15,3 млрд руб. Следовательно, прямые расходы составили около 63 млрд руб., и из них большая часть была израсходована в Новосибирске. Следует также вспомнить о налоговых и неналоговых расходах. За исключением льгот сельскохозяйственным производителям, их большая часть опять-таки приходится на Новосибирск.

Таким образом, финансовые ресурсы бюджетной системы в очень большой степени сконцентрированы на территории города, и проблема не столько в том, что денег мало, сколько в том, кто администрирует денежные потоки. Новосибирск имеет потенциальное преимущество и в том, что в условиях выделения федеральных ресурсов на условиях софинансирования может осилить относительно более масштабные проекты в сравнении с подавляющим числом российских городов.

Анализ исполнения бюджета г. Новосибирска

Ранее одним из авторов был выполнен сравнительный анализ бюджета г. Новосибирска с другими российскими городами-миллионниками¹. Установлено, что в Новосибирске уровень

¹ Сумская Т.В. Проблемы бюджетной обеспеченности крупных городов // Могущество Сибири будет прирастать!?: сб. докладов междунар. науч. форума "Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развития регионов" (Новосибирск, 12–13 окт. 2017 г.) : в 4-х т. / М-во обр. и науки РФ, РФФИ, Пр-во Новосиб. обл., Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск : НГУЭУ, 2018. – Т. 2. – С. 94–100.

налоговых и неналоговых доходов выше, чем в среднем по рассмотренным городам-миллионникам, а уровень безвозмездных перечислений ниже, чем в среднем по представленным городским округам. В целом по совокупным доходам и расходам на душу населения Новосибирск занимает седьмое место среди рассмотренных городов (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Агрегированные бюджетные показатели
по городам-миллионникам Российской Федерации
в 2016 г. (руб. на чел.)**

Город	Налоговые доходы	Неналого- вые доходы	Безвозмездные перечисления	Всего доходов	Всего расходов
Воронеж	6421	1882	9169	17472	15582
Волгоград	6493	2689	10302	19483	19886
Ростов-на-Дону	9913	2088	16530	28571	27772
Уфа	5306	3341	12080	20727	23002
Казань*	8492	3187	6893	18573	20024
Пермь	11484	2475	9404	23363	22943
Новосибирск	9718	3368	8851	21937	22442
Нижний Новгород	5962	3565	12762	22289	22241
Самара**	8912	1584	7894	18390	19413
Екатеринбург	8167	3847	11327	23341	23047
Челябинск	6703	1915	17422	26040	26296
Красноярск	9480	3468	11513	24462	25826
Омск	4031	2557	7550	14139	14816
Среднее по городам	7614	2717	11071	21404	21737

* – Расчеты проводились по данным за 2013 г.

** – Расчеты проводились по данным за 2015 г.

Что касается г. Новосибирска, то в период 2006–2016 гг. существенно менялась структура доходов и расходов городского бюджета. В налоговых доходах более половины составляют поступления от налога на доходы физических лиц, и в целом за рассмотренный период она возрастала (за исключением кризисного 2015 г.). Доля налогов на имущество и налога на совокупный доход в 2006–2013 гг. сокращалась, а с 2014 г. начала расти. В структуре неналоговых доходов преобладают доходы от использования имущества и доходы от продажи материальных и нематериальных активов. Поэтому неналоговые доходы снижаются как относительно, так и в абсолютном выражении. В 2016 г. Новосибирск находился на четвертом месте среди крупнейших городов страны по удельному весу налоговых доходов в совокупных доходах бюджета. Если в 2006–2008 гг. доля налоговых доходов составляла не более трети общих доходов бюджета, то в настоящее время она выросла до 45% (табл. 3.6).

Таблица 3.6

**Динамика укрупненной структуры
доходов бюджета г. Новосибирска, %**

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Налоговые доходы, в т.ч.:	36,67	35,34	36,99	40,54	37,92	35,26	42,21	42,02	45,95	41,50	44,30
НДФЛ	19,48	19,10	23,45	25,83	24,53	23,47	30,14	30,90	33,99	28,33	30,68
Налоги на совокупный доход	5,15	3,45	3,75	4,06	3,93	3,60	3,77	3,28	3,39	3,81	3,87
Налоги на имущество	12,04	12,80	9,80	10,65	9,47	8,19	8,29	7,83	8,35	9,17	9,48
Неналоговые доходы, в т.ч.:	33,46	26,02	31,49	24,02	25,02	25,84	18,80	17,81	18,83	18,18	15,35
Государственная пошлина	0,83	0,64	0,66	0,85	2,08	1,69	0,56	0,56	0,72	0,98	0,85
Доходы от использования имущества	15,02	12,03	13,25	11,39	9,59	8,39	9,23	8,64	10,72	10,48	8,01
Доходы от продажи активов	10,64	8,89	10,23	5,16	7,49	7,65	5,50	4,91	4,31	2,65	2,17

Удельный вес собственных доходов бюджета г. Новосибирска за период 2006–2016 гг. сократился с 70 до 60%, а доля безвозмездных перечислений выросла с 25 до 40%. Отметим, что в 2014 г. уменьшилась не только доля, но и абсолютный размер безвозмездных перечислений в бюджет Новосибирска. Анализ структуры бюджетных расходов позволяет сделать ряд выводов (табл. 3.7).

Таблица 3.7

Структура расходов бюджета г. Новосибирска, %

Показатель (руб. на д.н.)	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Общегосударственные вопросы	9,72	7,19	7,15	8,74	8,01	6,08	6,22	5,98	6,89	6,92	6,97
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2,53	1,95	2,11	2,55	2,84	2,21	0,50	0,50	0,63	0,61	0,62
Национальная экономика	9,62	15,07	15,86	13,76	18,65	3,39	14,80	19,54	16,95	11,52	9,65
Жилищно-коммунальное хозяйство	21,01	19,62	18,22	12,98	13,00	27,59	12,39	14,93	10,39	7,92	5,86
Охрана окружающей среды	0,03	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Образование	34,23	30,64	35,37	37,82	35,41	35,93	45,85	49,28	52,17	59,09	59,48
Культура, кинематография, СМИ	2,37	1,94	1,90	2,19	1,83	2,21	1,71	1,77	2,12	2,57	3,01
Социальная политика	3,58	11,96	4,91	6,50	5,12	3,80	5,11	4,88	6,28	6,46	8,56

С 2006 по 2016 гг. доля расходов на общегосударственные вопросы сокращалась с 9,72 до 6,97%. Удельный вес расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность не превышал 3%, сократившись в 2016 г. до 0,62%. На национальную экономику в рассматриваемом периоде направлялось от 9,6 до почти 20% расходов. Резкое сокращение данных расходов в 2011 г. было обусловлено отсутствием в этом году расходов на дорожное хозяйство.

Расходы на ЖКХ составляют около 20%, и их доля изменяется из-за колебаний инвестиций и тарифов. В структуре расходов бюджета г. Новосибирска удельный вес расходов на образование в целом за период 2006–2016 гг. возрастал, достигнув в 2016 г. 59,5%. Доля расходов на культуру, кинематографию и средства массовой информации была в среднем на уровне 2%. На социальную политику в 2006–2016 гг. город направлял от 3,58 до 8,56%, при резком скачке удельного веса данного вида расходов в 2007 г. (11,96%).

Городские власти ответственны за важнейшие направления социально-экономического развития. При этом они располагают очень ограниченными налоговыми доходами, которые находятся полностью в их ведении. Кроме того, доходы от местных налогов практически не зависят от эффективности экономической политики муниципального образования. Например, снижение процента отчислений налога на доходы физических лиц, поступающих в бюджет г. Новосибирска с 40 до 30%, привело к сокращению доходов городского бюджета в 2015 г. на 3,5 млрд руб.

Анализ устойчивости бюджета города с использованием бюджетных коэффициентов показывает, что за рассматриваемый период произошло увеличение соотношения безвозмездных перечислений и полученных доходов, что говорит о возрастающей зависимости бюджета города от областного бюджета. Но оно по-прежнему существенно выше, чем среднее для городских округов и административных районов Новосибирской области.

В последние годы усилилась практика роста централизации доходов территориальных бюджетов, что сопровождается и увеличением доли безвозмездных перечислений в бюджетах муниципальных образований. Наблюдается снижение уровня самостоятельности бюджетов и растет доля безвозмездных перечислений, которая может внезапно снизиться, как это было в 2014 г. Структура расходов городских бюджетов в целом отражает рас-

пределение приоритетов выполнения ими своих основных функций, в соответствии с которыми основными статьями расходов являются расходы на образование, жилищно-коммунальное хозяйство и национальную экономику. Однако структура расходов городского бюджета во все большей степени определяется решениями федеральных и региональных властей.

Анализ структуры доходов бюджета г. Новосибирска свидетельствует о снижении уровня самостоятельности бюджета и свободы действий муниципальных властей в выборе бюджетной политики. Структура расходов городского бюджета в целом отражает распределение приоритетов выполнения им своих основных функций, в соответствии с которыми основными статьями расходов являются расходы на образование, жилищно-коммунальное хозяйство и национальную экономику. Однако неустойчивость собственных доходных источников делает проблематичным финансовое обеспечение бюджетных полномочий городских властей.

В последние годы возрастает финансовая дисциплина, о чем говорит сокращение отклонения отчетных данных по сравнению с бюджетными назначениями. Однако корректировки параметров бюджета в ходе его исполнения значительны.

Формально возрастает целевой характер планирования и исполнения бюджета: доля расходов по целевым программам выросла с примерно 20 до 85%. Но методика оценки эффективности программ требует совершенствования.

Бюджет г. Новосибирска перешел на трехлетнее планирование, но необходимо совершенствование и в этой области. В частности, требуется разработка инвестиционной программы города на длительный срок – не менее 5 лет, что, в частности, позволит сделать более обоснованными выводы об эффективности программы заимствований и программы капитальных расходов, повысит предсказуемость бюджетной политики в целом.

Расходы инвестиционного характера в рассматриваемом периоде сокращались. Так, в 2010 г. они составили более 5,5 млрд руб., в т.ч. за счет бюджета города более 2,7 млрд рублей. В 2015 г. уже 4,8 млрд руб., в 2016 г. менее 2,1 млрд руб., и, наконец, в 2017 г. чуть больше 1,8 млрд руб., в том числе за счет городского бюджета 1,1 млрд руб. И все это в текущих ценах. Можно утверждать, что бюджетные расходы инвестиционного характера реально сократились в 8–10 раз.

3.6. Экспертиза экономических решений органов исполнительной власти¹

Человеку свойственно ошибаться. Даже не признаваясь себе в своих сомнениях, мы часто обращаемся за советом к друзьям и знакомым, рассчитывая на их компетентность, порядочность и независимость суждений. Собственно, тем же самым занимаются или должны заниматься органы исполнительной власти, функционирование которых, по крайней мере в теории, сводится к процедурам выявления проблем, подготовки и принятия решений и контроля за их исполнением. Экспертиза решений органов власти не может полностью исключить неверные решения, т.е. получение непредвиденных и нежелательных результатов, но резко снижает их вероятность. Особую роль играют решения исполнительных органов власти ввиду их гипертрофированной роли в современной России и более низкой степени прозрачности их деятельности в сравнении с другими органами власти. В круг рассматриваемых вопросов не включены проблемы воздействия на процессы принятия решений и их реализацию со стороны групп с особыми интересами, включая лоббирование и коррупцию. Представляется, что это тема совсем другого исследования, хотя независимая экспертиза решений органов исполнительной власти может внести свой вклад в решение этих проблем.

Причины «плохих» решений

Легенда гласит, что Талейран, узнав о казни герцога Энгиемского, сказал: «Это хуже чем преступление. Это ошибка». Если бы Талейран был не политологом, а экономистом, он мог бы сказать подобное по поводу континентальной блокады, сделавшей неизбежными испанскую и русскую кампании, и, в конечном счете, гибель империи². Важнее другое: ошибочные решения органов власти могут привести и часто приводят к более тяжелым последствиям, чем происки врагов или прямое предательство.

Причины ошибочных решений видятся в следующем:

- Недостатки и дисбалансы в разделении полномочий и ответственности органов власти и, соответственно, избыточная централизация или децентрализация в системе управления.

¹ ЭКО. – 2009. – № 11.

² Тарле Е.В. Наполеон. – М.: Наука, 1991. – 464 с.

- Цейтнот и реактивный стиль управления, использование исключительно стандартных приемов и инструментов при решении возникающих проблем.

- Эпигонство, т.е. копирование чужих решений без должного учета институциональных условий и качества исполнителей.

- Открытость власти по отношению к группам с особыми интересами и закрытость по отношению ко всем прочим¹.

- Плохая организация аналитической работы и информационного обеспечения процесса принятия решений.

Все это вместе (возможны и другие причины, например – субъективного характера) и приводят к параличу стратегического управления и ошибкам. Ранее нами были высказаны некоторые соображения по поводу состояния стратегического планирования в России в начале XXI века².

Появлению «плохих» решений способствуют множество обстоятельств. Инерционность социально-экономических процессов и наличие значительных лагов между решениями и их результатами приводят к тому, что ошибки выявляются не сразу и потому накапливаются. Синдром привыкания к власти, которого трудно избежать, создает ощущение всемогущества и всезнания, особенно в периоды благополучного развития страны, что грозит ошибочными решениями. Очень сложная система органов власти и раздутый аппарат также могут быть причиной ошибок, поскольку резко затрудняют разделение полномочий и ответственности, с одной стороны, и усложняют процедуры согласования, – с другой. Кроме того, процесс согласования решений может до неузнаваемости изменить первоначальный замысел.

Человеку вообще свойственно некритично относиться к собственным идеям, особенно, если их реализация обеспечивает ему карьерный рост, что заставляет не обращать внимания на возможные угрозы и риски предлагаемого решения. Важным источником ошибок может служить неправильное использование интеллектуального потенциала специалистов. В настоящее время в России создано множество общественных (общественно-консультативных) советов при Президенте и

¹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.

² Клисторин В.И. Возможности и риски стратегического планирования Журнал: Совет директоров Сибири. 2008, № 3, с. 8–9.

Правительстве РФ, федеральных ведомствах и их территориальных подразделениях. Вообще трудно представить орган исполнительной власти любого уровня, при котором не было создано специализированных советов и комиссий, призванных, помимо прочего, проводить экспертизу принимаемых решений. Создается парадоксальная ситуация: на первый взгляд, нет никаких институциональных проблем для квалифицированной экспертизы проектов решений органов исполнительной власти. Вместе с тем мало кто из специалистов, да и представителей властных структур, включая руководителей самого высокого ранга, признает достаточно высокое качество принимаемых решений. Финансово-экономический кризис еще более четко высветил ошибочность многих решений, принятых в докризисный период, а также неудачные антикризисные мероприятия, что признано на самом высоком уровне.

Ощущение дефицита системности принимаемых решений и их стратегической направленности привело к идее разработки стратегических программ, что в принципе правильно, поскольку одной из важнейших функций государства является информирование субъектов экономики о текущей ситуации и перспективах ее изменения, что снижает неопределенность и риски при принятии решений. Но самая главная проблема – институционализация квалифицированной профессиональной экспертизы решений – не была решена, поскольку от экспертного сообщества требовалась формулировка идей в рамках определенной политики, а не критика самой политики. Подмена целей и перенос фокуса экспертизы с критики предлагаемых решений на выработку рекомендаций привели к значительному снижению качества документов, примерами которых могут служить как Стратегия социально-экономического развития РФ до 2020 г., так и Программа антикризисных мер Правительства РФ, концептуально и информационно устаревшие еще в ходе их подготовки.

Следует различать общественную и профессиональную экспертизу. Если первая предполагает вынесение заключения по проекту документа со стороны заинтересованных лиц и организаций, то вторая предполагается независимой, т.е. результаты заключения никак не повлияют на деятельность эксперта. Здесь также много путаницы. В качестве примера сошлемся на бюджетный процесс, в котором кроме профессиональной экспертизы проекта бюджета и проекта отчета об исполнении бюджета в со-

ответствии с ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обязательной является независимая общественная экспертиза указанных документов. В частности, прямо указано на обязательность проведения публичных слушаний этих документов с приглашением независимых экспертов.

В нашей стране накоплен значительный опыт экспертизы документов, определяющих и/или отражающих социально-экономическую политику государства. В СССР роль независимого эксперта (а иногда и разработчика) программных документов социально-экономической направленности играла Академия наук СССР и ее учреждения. Конечно, решения органов исполнительной власти, в том числе и в социально-экономической области, проходили и проходят в настоящее время экспертизу. Проблема состоит в том, что в большинстве случаев процедуры подбора экспертов, сроки экспертизы, содержание и качество экспертного заключения, обязательность его публикации и т.д. слабо регламентированы.

В результате страдает качество принимаемых документов (как наиболее общих, таких как всевозможные стратегии, концепции, доктрины, так и проекты нормативно-правовых актов, например, законов). В качестве примеров сошлемся на программы «Дальний Восток» и «Сибирь», «Концепцию разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления», разработанной специальной комиссией, созданной Указом Президента РФ № 741 от 21.06.01. Что касается законов, непосредственно затрагивающих социальные и экономические интересы миллионов граждан, то нельзя не вспомнить Федеральный закон № 122–ФЗ, в который за короткое время (в течение года после вступления его в силу с 1 января 2005 г.) 15 раз вносились серьезные изменения. То же самое относится и к упомянутому выше Федеральному закону № 131–ФЗ, в который еще до вступления его в силу в целом в течение первого года после его принятия серьезные изменения вносились 17 раз¹.

¹ Технология законодательства (опыт Санкт-Петербурга) / Под ред. И.П. Михайлова. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2006.– 378 с., с. 15–16.

Миссии и доктрины органов исполнительной власти

Каждый орган власти имеет установленные законом и выраженные в регламентирующих документах полномочия и направления деятельности. Хотя среди нормативных документов обязательно присутствуют те, которые разграничивают функции различных органов управления и учреждений, и, более того, отдельных руководителей органов исполнительной власти, на практике такие разграничения работают слабо. Хотя каждое новое Правительство как на федеральном, так и на региональном уровнях начинает свою работу с распределения функций и зон полномочий и ответственности, этот процесс видится перманентным, поскольку всегда возникают проблемы, решение которых неизбежно носит межведомственный характер. Разумеется, имеют место амбиции отдельных руководителей, межведомственная конкуренция и борьба за ресурсы, стремление перестраховаться и переложить ответственность на другое ведомство (руководителя) в случае неблагоприятного развития ситуации и т.п., но в данной работе нас интересуют объективные обстоятельства, определяющие проблемы разграничения зон полномочий и ответственности. Все вышеперечисленные обстоятельства имеют место в действительности, но являются в большинстве случаев не причиной, а следствием объективных проблем.

Помимо нормативных актов, регламентирующих деятельность отдельных органов власти, существуют так называемые миссии, т.е. устоявшееся и устойчивое представление о важнейших целях организации. Кроме того, существует часто также не формализованное и неоформленное юридически понимание основных принципов и правил по разграничению полномочий и ответственности между организациями и внутри организаций, которые Роджер Хилсман назвал доктринами¹.

Несмотря на неформальный характер, а, возможно, благодаря ему, именно доктринами руководствуются руководители и работники организаций и учреждений при возникновении проблем при определении роли организации, ее задач и ответственности, при разграничении обязанностей между организациями и внутри них. Таким образом, доктрины представляют собой неформальную расшифровку миссии организации и выражают

¹ Хилсман Р. Стратегическая разведка и политические решения. М.: Иностранная литература, 1957. – 192 с.

культуру организации, т.е. ценности и суждения, разделяемые всеми сотрудниками организации и позволяющие ей работать как единый организм.

«Хотя доктрины и нельзя рассматривать как точное отражение практической деятельности, необходимо, однако, иметь в виду, что они оказывают на нее существенное влияние. Во-первых, доктрины являются как бы вехами, указывающими чиновнику границы его компетенции и предупреждающими его об опасности вторжения в чужую область работы; во-вторых, и это важнее, они намечают пути решения вопросов»¹.

Данное утверждение имеет серьезные методологические и методические последствия, поскольку означает, что путем опросов соответствующих групп респондентов можно выявить не только их личное (индивидуальное) мнение по вопросам разграничения функций и полномочий, а также проблем, связанных с таким разграничением, но и познакомиться с самими доктринами, т.е. выявить некоторое общее понимание проблемы всеми участниками процессов принятия решений.

Особенности ценностной ориентации и цели участников процесса принятия решений

Нет никаких сомнений в том, что в силу различия в доктринах разные участники процесса принятия решений преследуют разные цели. Хотя ценности различных людей не совпадают, устойчивое участие в работе различных профессиональных групп формирует ценности, близкие или совпадающие для всей группы. Это утверждение касается, прежде всего, значимости проводимой ими работы, критериев профессионального успеха и значимости результатов их работы. Без подобного сближения (если не совпадения) ценностей и, следовательно, целей невозможно формирование доктрин и даже само длительное существование организации.

Оставляя в стороне сложные вопросы профессиональной компетенции участников процесса принятия решений, рассмотрим важнейшие вопросы, по которым разделяются лица, принимающие решения (назовем их политиками или чиновниками) и лица, участ-

¹ Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения. М.: Иностранная литература, 1957, с. 8

вующие в подготовке принятия решений (назовем их специалистами или аналитиками). Эта вторая группа по своей ментальности и типу выполняемой работы ближе к исследователям и состоит из специалистов в различных областях знаний. Они занимаются анализом текущей информации, выявляют проблемы в своей области и готовят предложения для политиков. Эти лица могут состоять в штате ведомств или привлекаться к работе на различных условиях. Обычно они не ограничиваются функциями аналитиков, и пытаются проводить полноценные исследования.

Будем считать, что обе эти группы, разделяя общие доктрины, обладают различными взглядами и отношением к решаемым проблемам. Взгляды политиков и специалистов (правда, только в части информационной работы) проанализированы в упоминавшейся выше работе Р. Хилсмэна¹.

Приведем в кратком виде результаты этого автора в табл. 3.8.

Таблица 3.8

Характеристики взглядов	Политики/ чиновники	Специалисты/ аналитики
Практицизм	Свою работу политики видят в принятии решений. Поэтому та работа, которая не заканчивается принятием решения, рассматривается как бессмысленная	Специалисты считают, что если работа завершается четкими и однозначно трактуемыми выводами, то ее практическая ценность несомненна
Упрощенчество	Политики склонны к принятию простых решений, поскольку сложные решения трудно аргументировать и согласовывать	Специалисты работают в рамках сформулированных предположений и гипотез и ясно осознают ограниченность полученных результатов
Отношение к организационным перестройкам	Любое решение требует исполнителя. Если это крупное решение, то его реализация начинается обычно с изменения организационной структуры	Специалисты обычно скептически относятся к организационным изменениям, поскольку они слабо влияют на их профессиональные контакты

¹ Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения. – М.: Иностранная литература, 1957, с. 57 и далее.

Характеристики взглядов	Политики/ чиновники	Специалисты/ аналитики
Отношение к информации	«Люди, склонные все упрощать, обычно склонны к недооценке значения информации»	Специалисты обычно работают в условиях дефицита информации и осознают ее недостаточность и несовершенство
Отношение к исследовательской работе	Исследовательская работа рассматривается как процесс сбора и представления информации, информация допускает единственно правильное толкование и позволяет получить единственно верный план действий	Исследовательская работа рассматривается как поиск нового знания, получение которого в большей степени связано с методологией и методикой, нежели с первичной информацией
Отношение к практическому опыту	Личный опыт ценится гораздо выше, чем профессиональные навыки, т.е. принятие решений рассматривается как особая профессия	Профессиональные навыки и личный опыт отождествляются, принятие же решений рассматривается как синекура
Интуиция	Практическая деятельность развивает интуицию и позволяет принимать правильные решения в кратчайшие сроки	Интуиция исследователя заключается в умении формулировать новые гипотезы
Отношение к интеллекту	Вера в силу практического опыта формирует отношение к специалистам как к людям, оторванным от действительности и увлеченным абстрактными построениями, не имеющими практической ценности.	Интуиция и интеллект являются более важными качествами, нежели трудоспособность, владение инструментарием и информацией.
Самоуверенность	Политики в силу необходимости завоевывать и постоянно отстаивать свой статус вынуждены демонстрировать оптимизм и уверенность в собственной правоте	Специалисты обычно считают, что при условии достаточного финансирования, времени и информации готовы решить любую проблему
Сомнения	Политики работают в условиях жесточайшего цейтнота. Они понимают, что не в состоянии переработать всю поступающую информацию и осознают высокую вероятность ошибок при принятии решений	Специалисты обычно понимают, что наши знания всегда ограничены, и решение одной проблемы влечет за собой постановку новых задач

Таким образом, существует определенный конфликт между политиками и специалистами, имеющий ценностную природу, который выражается в том, что при самом идеальном стечении обстоятельств политики испытывают определенное неудовлетворение работой специалистов, осуществляющих деятельность в рамках своего ведомства. В ряде случаев этот конфликт может быть разрешен путем обращения к внешним экспертам, чьи суждения и оценки полезны по ряду причин. Сама возможность привлечения внешних специалистов к работе ведомства способствует мобилизации специалистов и повышению их производительности. Одновременно возможно снижение уровня сомнений и повышения самоуверенности руководителей. Понимание, что одобрение, хотя бы частичное, со стороны независимых специалистов ранее принятых решений повышает доверие к властям как со стороны населения, так и вышестоящих инстанций, дорогого стоит. Политики знают, что специалисты, проработавшие какое-то время в органах власти, незаметно превращаются в чиновников. Наконец, часто руководители убеждены, что только внешние специалисты способны сформулировать новые идеи и/или выявить новые проблемы. Поэтому озвучивание новых проблем и выработка новых подходов к их решению является важным условием для карьерного роста и/или отстаивания позиций ведомства и его руководителя.

Основные понятия, элементы зарубежного опыта

Для обоснования необходимости внешней экспертизы решений органов исполнительной власти попытаемся ответить на ряд взаимосвязанных вопросов:

- зачем и для чего нужна независимая экспертиза;
- как возникают и строятся взаимоотношения властей с разными группами экспертов;
- что такое независимый эксперт и независимая экспертиза в мировой практике и в специфических российских условиях;
- как функционирует рынок экспертных услуг и что можно сделать для его оживления.

Под **экспертизой** принято понимать комплексное исследование какого-либо вопроса (проблемы, процесса или явления), требующее специальных знаний и умений, с представлением обос-

нованного мотивированного заключения, возможно, с элементами рекомендаций¹. Естественно, под экспертизой решений органов исполнительной власти подразумевается исследование и оценка качества документа, подготовленного аппаратом органа исполнительной власти или сторонней организацией по заданию органа власти.

В этом случае **заказчиком** документа, как и его экспертизы, является всегда орган власти, **разработчиком** – его аппарат (самостоятельно или с привлечением внешних специалистов), **экспертом** – независимое лицо. Выстраивается следующая схема взаимодействия участников подготовки решения и экспертизы проекта документа:

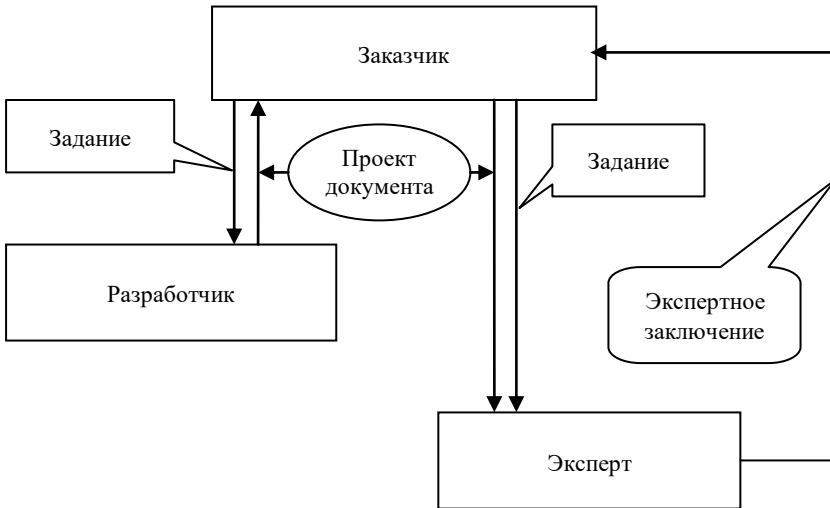

Рис.3.1. Схема взаимодействия участников процесса экспертизы

В схеме на рис. 3.1 принципиальным является наличие двух контуров взаимодействия: заказчик – разработчик и заказчик – эксперт, которые не должны пересекаться или быть связанными.

¹ Технология законодательства ..., с. 54.

Объектом экспертизы является политика властей, цели, задачи, объекты и инструменты которой фиксируются в документах (точнее, проектах документов, поскольку проведение экспертизы предполагается до их принятия и утверждения). **Предметом экспертизы** является текст документа на предмет адекватности указанных характеристик политики объективным условиям и ограничениям, интересам различных групп и оценки последствий предлагаемой политики. Особое значение имеет оценка рисков, связанных с принятием предлагаемых решений.

Здесь следует пояснить, что обычно разработчик, подобно любому другому автору, склонен отстаивать преимущества своей разработки и не замечать или приуменьшать ее слабые стороны. Критика проекта документа, в том числе оценка рисков, связанных с реализацией данного варианта политики – удел эксперта.

Эксперт – человек, обладающий опытом и неформализуемыми знаниями существенных специальных аспектов объекта экспертизы¹.

К эксперту обычно предъявляются следующие требования:

- компетентность в исследуемых вопросах;
- владение информацией о проблемах и интересах заинтересованных групп граждан и/или способность ее оперативно собрать и обработать;
- обладание умениями и навыками проведения соответствующих исследований;
- обладание достаточно развитыми адаптивными способностями²;
- независимость, под которой понимается отсутствие интереса к любым последствиям принятия или отклонения обсуждаемого документа.

Таким образом, будем называть экспертом лицо (физическое или юридическое), обладающее достаточной квалификацией и профессиональными навыками для оценки качества принимаемых решений.

¹ Технология законодательства, с. 54.

² Под этим понимается, во-первых, способность быстро включаться в суть проблемы и находить альтернативы ее решения, во-вторых, критически относиться к рассматриваемому материалу, в-третьих, находить убедительные и доходчивые аргументы в пользу своей позиции, умение объяснять непрофессионалам суть своих прогнозов и рекомендаций.

Мы специально уделяем вопросам терминологии столь пристальное внимание, поскольку не только в обыденном сознании, но и в представлениях специалистов наблюдается определенная путаница. Очень часто, особенно в СМИ, под экспертами понимают лиц, которые занимаются обсуждением сути происходящих событий. Их следовало бы называть **комментаторами**, поскольку они излагают свое понимание причин и последствий происходящих событий, интересов и движущих мотивов акторов. Иногда наряду с оценкой событий им задаются вопросы по поводу возможных вариантов развития событий. В этом случае следовало бы говорить о **прогнозистах**.

Наконец, при выполнении прикладных работ исполнители также часто называются экспертами. Здесь их роль двояка: они проводят анализ ситуации и находят варианты решения проблем, с другой стороны, – дают экспертные оценки для качественной и количественной оценки параметров, рассчитать которые на основании имеющихся данных трудно или невозможно. Очевидно, что в контексте данной работы понимание экспертизы и, соответственно, эксперта, много уже.

Внешняя экспертиза нужна еще и потому, что специалисты, работающие в научных и аналитических организациях, исповедуют иную доктрину, отличную от той, которой придерживаются органы власти.

Обычно выделяются три этапа и три функции в прикладном исследовании: мониторинг, анализ и оценка (экспертиза). На всех этапах используются специалисты (эксперты в широком смысле слова). Но обычно эксперты (особенно независимые) используются на стадии оценки, хотя в профессиональном плане одни и те же лица могут выполнять все функции, а на практике часто так и происходит, что, по нашему мнению, недопустимо в одной работе. В этом смысле функции эксперта отличаются от функций аналитика, деятельность которого направлена на установление и интерпретацию фактов.

В зарубежной практике использование независимых экспертов в процессе принятия решений часто бывает закреплено в нормативных документах. Огромный опыт экспертизы, в том числе и независимой, накоплен в ЕС¹. «Целью оценки является

¹ Дж. Балчер. Оценка региональной политики в Европейском сообществе. В кн.: Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск: Экор, Сибирское соглашение. – 2000.

проверка истинных причин вмешательства в дела общества, проверка воспроизводимого удачного опыта и провалов политики ... и *отчет перед гражданами*¹. Оценка (экспертиза) проводится на всех стадиях реализации проектов и программ от начала их разработки до постпроектного анализа.

В традиционной управленческой методике экспертиза связывается с эффективным управлением государственными расходами (например в Великобритании). При «демократическом» подходе экспертиза представляет скорее оценку политики и политиков и представляет собой техническую поддержку общественности, выносящей окончательное суждение (например в Дании). Компромисс этих двух подходов реализуется во Франции. Очевидно, что все уровни и ветви власти в этих странах располагают достаточным количеством собственных специалистов для проведения квалифицированной экспертизы. Но в целях эффективности контроля и большей объективности при принятии решений в области бюджетной политики и, особенно, формировании региональной политики привлекаются независимые эксперты, в качестве которых используются национальные исследовательские институты и университеты, а также аудиторские и консалтинговые фирмы. Власти не обязаны следовать выводам экспертов, но *публикация* отчетов независимых экспертов влияет на принимаемые решения и, добавим, повышает степень доверия к политике властей.

В России, как обычно, существует своя специфика. Еще с советских времен независимая экспертиза получила широкое распространение в процессе принятия решений центральными и региональными властями. Причин тому было несколько. Прежде всего, при принятии решений было желательно опереться на авторитет науки и создать прецедент коллективного решения. Во-вторых, власти действительно не всегда знали как желаемое решение, так и его возможные последствия. В-третьих, экспертиза служила для разрешения конфликтов и споров, неизбежных при принятии решений и могла служить основанием для выработки компромиссных формулировок в

¹ СЕС. Evaluation design and management, Vol. 1, MEANS Collection: Evaluating socio-economic programs. Luxembourg: Commission of the European Communities, ООРЕС. 1997.

конфликтной ситуации. В качестве примера можно сослаться на экспертизу проекта переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан, комплексную экспертизу последствий строительства Катунской ГЭС и ряд других работ, выполненных АН СССР в 1980-е годы.

Законодательство, вообще говоря, не требовало и никак не регламентировало участие экспертов, что оставляло большой произвол в их подборе и организации их работы. Существовали титульные организации, поставлявшие экспертов и определенная ранжировка экспертов, например, в АН СССР¹, т.е. баланс между наличием научных титулов, важностью экспертизы и уровнем органа, принимающего решение о ее проведении.

В постсоветский период ситуация изменилась радикально. Традиционные подходы к решению и даже постановке проблем были поставлены под сомнение. В результате роль экспертов существенно возросла, равно как и произвол при их выборе. Во-вторых, потребовались специалисты в тех областях, которых не оказалось в аппаратах действующей власти. В-третьих, наряду с принятием хотя и важных, но текущих решений, формировалась новая нормативно-правовая база, отражающая новые социально-экономические реалии. Кроме того, требовалось учесть (и, главное, сослаться на зарубежный опыт), и специалистов в этих областях явно не хватало.

Независимые эксперты в основном привлекались для двух основных крупных направлений работ: формирование региональной нормативно-правовой базы и разработки программ регионального развития.

Наряду с традиционными запросами в НИИ и вузы и заключением договоров стал практиковаться метод рекрутирования экспертов по принципам известности и общественного признания, а также личного знакомства. Расцвел пышным цветом институт консультантов и советников. Эффективность этой работы была не очень высока по многим причинам, главной из которых была неопределенность статуса экспертов и отсутствие технологии

¹ В Уставе АН СССР и СО АН СССР было записано, что указанные организации и их институты участвуют в экспертизе по важнейшим научным и народнохозяйственным проблемам.

работы с ними¹. Часть экспертов фактически переходили на работу в органы власти (постоянно или временно) и теряли независимость, другие становились разработчиками документов и переставали быть экспертами. Но самая главная проблема состояла в «номенклатурном» характере экспертизы и отсутствии публикации ее результатов.

С начала 1990-х годов как при федеральных, так и региональных органах власти создаются экспертные организации под видом аналитических и образовательных центров. Часть из них возникает на базе высших учебных заведений, другие организуются как исследовательские и консалтинговые организации. Пожалуй, первой такой организацией стал Центр экономических реформ при Правительстве РФ. Он мыслился как информационно-аналитическая организация, но потом постепенно превратился в обычное ведомство с информационно-аналитическими и экспертными функциями.

Следующим этапом в развитии экспертного сообщества стало создание научно-исследовательских институтов и некоммерческих экспертных организаций в виде фондов как места работы для отставных чиновников. В качестве примеров можно сослаться на структуры, созданные Е. Гайдаром, К. Затулиным, А. Шохиным и др. В регионах наблюдалась та же картина, но в значительно меньших масштабах. Уже в начале нынешнего века бурно стали возникать различные «фабрики мысли», начиная с клубов партии Единая Россия и заканчивая журналом «Эксперт».

¹ В советской административной традиции наблюдалось систематическое смешение функций и ролей помощников, советников (экспертов) и функционеров (линейных и штабных руководителей). Помощники должны были помогать первым лицам планировать рабочий день, советники – давать заключение по специальным направлениям, а функционеры – принимать решения в рамках своей компетенции или готовить их для руководства. На деле личные амбиции, принцип удобства, хроническая нехватка времени для принятия решений и традиционное пренебрежение писанными правилами приводили к тому, что помощники превращались в советников, советники в функционеров, а функционеры в помощников и т.д. Неопределенность статуса, фактический отрыв реально выполняемой работы от должностных инструкций и формального статуса, сохранившиеся правила «подбора и расстановки кадров» и ориентация руководителей на личную преданность подчиненных, стремление к получению быстрых результатов и т.п. порождают специфические проблемы взаимоотношения не только внутри аппарата, но и определенный тип отношения лиц, облеченных властью со всеми, вступающими с ними в контакт.

Успешный опыт работы Центра стратегических разработок под руководством Г. Грефа, идеи и материалы которого действительно были востребованы властями и реализовывались на практике в течение нескольких лет, но, главное, обеспечили карьерный рост ведущим сотрудникам, породил новую волну создания исследовательских, аналитических и экспертных центров и групп, в том числе и в регионах. Но результаты этих структур оказались менее впечатляющими.

Наконец, в течение всего постсоветского периода возникали консалтинговые компании, изначально ориентированные на работу с предприятиями, но с учетом узости рынка и специфики конкуренции на нем быстро переключавшиеся на работу с государственными структурами.

Технология экспертизы

Цели. Приступая к экспертизе документа, следует прежде всего выделить его цели. При этом следует различать цели документа и цели органа власти. Цель документа определяется его местом в системе принятия решений и неизбежно носит подчиненный характер. Она, разумеется, должна отражать цели органа власти, но если последние носят политический характер и представляют своего рода компромисс между целями различных групп с особыми интересами и потому достаточно размыты и неконкретны, то цели документа должны быть прежде всего функциональны, т.е. отражать направления и способы решения проблем, которые определены для данного документа. В этом смысле цели документа – это средства достижения целей органа власти. Наиболее распространенная ошибка – рассматривать каждый конкретный документ как всеобъемлющую программу действий органа власти. Такой подход особенно наглядно проявляется при разработке всякого рода стратегий и концепций. Поэтому эксперты прежде всего должны обратить внимание на формулировку целей органа власти и цели данного документа в контексте целей органа власти.

Цели обычно разворачиваются в систему задач. Здесь, как обычно, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, гарантирует ли выполнение поставленных задач достижение цели и, во-вторых, не являются ли определенные задачи избыточными с точки зрения поставленной цели.

Цели органа власти должны предполагать критерии их достижения и, желательно, количественные индикаторы, по которым можно судить о степени достижения цели. Очевидно, что критерии и индикаторы должны быть увязаны с задачами. Но при этом часто забывают, что также должны быть критерии и индикаторы, характеризующие достижение целей собственно документа.

Далее следует **аналитический раздел документа**. В нем фиксируется исходная ситуация, описываются проблемы и сценарии развития ситуации. Основное назначение этого раздела – выявить и наиболее четко описать основные тенденции развития объекта, его сильные и слабые стороны. Для выполнения указанной задачи обычно используется ретроспективный анализ, сопоставление с другими подобными объектами и/или неким искусственно конструируемым идеальным (эталонным) объектом. При экспертизе этого раздела особое внимание следует уделять оценке глубины ретроспективного периода, который должен быть не меньше, чем прогнозный. При этом особое значение следует уделить тому, выделяются ли в ретроспективном периоде моменты смены тенденций, выявлены ли основные факторы, определяющие тенденции развития и дана ли оценка значимости и продолжительности действия этих факторов. Очень важно определить те пределы или пороги, до достижения которых можно ожидать сохранения наблюдаемых тенденций. При достижении пороговых значений можно ожидать слома тенденций или кризиса, что очень важно для оценки качества прогноза.

Далее следует собственно **прогноз**: описание сценариев развития и выявление угроз и вызовов, а также возможностей, вытекающих из развития внешней ситуации. Здесь особое внимание следует уделить выявлению и оценке угроз и рисков. Дело в том, что разработчики при анализе альтернатив будущего развития обычно склонны переоценивать нежелательные стороны и негативные последствия отвергаемых вариантов и недооценивать слабые стороны рекомендуемых вариантов. Поэтому задачей эксперта является оценка сильных сторон и потенциальных выгод отвергаемых вариантов и поиск слабых сторон и выявление источников рисков в рекомендуемых вариантах.

Далее обычно следуют **выводы и рекомендации**. Здесь самая важная задача для эксперта состоит в оценке того, в какой степени выводы и рекомендации увязаны с целями и задачами, содержательной частью документа, и насколько они обоснованы.

Дело в том, что очень часто выводы и рекомендации известны разработчику заранее и вытекают не столько из проведенного исследования, сколько из его убеждений, знания интересов заказчика и тому подобных обстоятельств.

Обычно предметом экспертизы не является методология и методика проведения исследования. Однако всегда следует обращать внимание на то, насколько четко и ясно авторы документа показывают источники информации и методическую базу. Если из текста документа эти вопросы остаются неясными, следует его изучить более тщательно.

Обычно предлагаемые решения могут как открывать новые возможности (расширять поле возможных решений), так и резко их сужать, поскольку делают неизбежными другие решения. Пожалуй, самая трудная задача для эксперта понять и обосновать изменение возможностей в будущем.

Проблемы формирования экспертного сообщества

Организованные экспертные сообщества (далее – ОЭС) возникают в процессе эволюции и усложнения общества, ведущего к дивергенции областей знаний и профессиональной экспертизы. Разнообразные ОЭС эволюционируют в результате углубляющейся специализации из ранних форм институтов, отвечающих за производство, практическое применение и передачу новым поколениям знаний и экспертизы в той или иной области деятельности. Ранние формы таких институтов включают производственные гильдии, военные ордена, монастыри, госпитали, и пр. ОЭС формируется как доминантный представитель данной профессиональной области в рамках социального договора между обществом в целом и профессиональными сообществами. Примеры областей, где действуют такие ОЭС, включают в себя политику, экономику, медицину, юриспруденцию, оборону, разные разделы инженерного дела, науку и образование, религию, искусство, информацию и пр. Каждое ОЭС возникает в ответ на нужды общества в определенной области профессиональной экспертизы и из-за невозможности охвата новых областей знания в рамках всего общества, государства или в рамках уже существующих ОЭС¹.

¹ Ефимов И. Как создать научно-образовательное экспертное сообщество России. 17 июня 2008, <http://polit.ru/science/2008/06/17/efimov.html>

Спрос на услуги экспертного сообщества в части социально-экономической экспертизы инициирует в основном государство. И только по мере формирования саморегулируемых групп может возникать спрос на экспертные услуги со стороны этих групп. Наиболее подготовленными экспертами в нашей стране могут считаться лишь представители академической науки, поскольку только они имеют источник дохода, альтернативный заказам на экспертизу (что важно для их независимости), имеют опыт критики, хотя бы в виде научной критики, и достаточные профессиональные знания и навыки к исследовательской и аналитической работе, что обычно можно выяснить путем анализа научных публикаций каждого автора.

В России, как и в других странах, стали формироваться ОЭС в узких областях, например сообщество финансовых аналитиков. Имеются специализированные сайты, с помощью которых происходит обмен подготовленными документами и обсуждаются методические и сущностные проблемы. Важную роль в становлении и развитии этого сообщества сыграла система рейтингов, практикуемая администрацией сайтов.

В отличие от других стран, например США, в которых существуют и успешно функционируют в течение длительного времени региональные и межрегиональные ассоциации бюджетных аналитиков, в нашей стране такое сообщество пока не формируется.

Еще большие трудности могут возникнуть на пути формирования ОЭС в части социально-экономической экспертизы решений органов власти, поскольку такая работа гораздо менее специализирована и, в силу политических причин, менее афишируема как с точки зрения выполнения самих работ, так и публикации результатов.

Проблемы подбора и мотивации экспертов

Очевидно, что для подбора экспертов нужно иметь поле для их выбора. Для пользы дела главными критериями отбора должны быть профессиональная компетентность и неангажированность. Проблема состоит в том, где в настоящее время работают потенциальные эксперты, как и на каких условиях их можно привлечь к экспертизе бюджета или отдельных проблем, связанных с бюджетом, как мотивировать на эффективную работу.

Далее идут работники администрации области и городов, специалисты аппаратов областного и городского советов. Многие из них являются очень хорошими специалистами, но, как и положено, связаны деловой этикой и не склонны давать резкие оценки. Кроме того, будучи практиками, они пишут с большим трудом и, за небольшим исключением, не владеют современными методами анализа. Тем не менее, они могут привлекаться в качестве независимых экспертов при оценке ситуации вне их служебной компетенции или вне зоны прямой ответственности их органа управления. Например, сотрудники администрации области могут выступать экспертами по г. Новосибирску и наоборот.¹

Следующая группа экспертов – сотрудники аудиторских и консалтинговых фирм. Они обладают достаточной квалификацией, в большинстве своем молоды и хорошо образованы, но могут привлекаться к аналитической и экспертной работе только как сотрудники фирм.

Наконец, имеется много специалистов в банках, на промышленных и прочих предприятиях города, большинство из которых являются выходцами из науки, высшего образования или коридоров власти. Но проблемы их привлечения к экспертной работе так же сложны, как и в предыдущем случае.

Таким образом, круг потенциальных экспертов сжимается до двух категорий: сотрудники НИИ и вузов и специалисты органов власти.

Что касается мотивации, то, помимо отмеченных выше ограничений и сложившегося уровня оплаты труда, для большинства специалистов, как ученых и преподавателей, так и работников администраций и аппаратов (многие из которых по совместительству преподают в вузах), серьезными мотивами являются публикация результатов в виде научных статей, участие в конференциях и семинарах, расширение круга общения. Сама возможность отвлечься от рутинной работы и включиться в творческий поиск является прекрасным стимулом. Но всегда возникают проблемы руководства коллективом экспертов (иногда в виде научного лидерства) и статуса экспертизы.

¹ Клисторин В.И. Опыт участия независимых экспертов в работе органов власти как форма общественного участия в бюджетном процессе / Общественное участие в бюджетном процессе: опыт и технологии / Под ред. Т.И. Виноградовой. – СПб.: Норма, 2002, с. 114–126.

Для научных сотрудников и преподавателей участие в различных мероприятиях и проектах, проводимых совместно с властями, полезно еще и тем, что открывается доступ к информации. Для подбора экспертов используются три основных методики: выбор на основе публикаций (в специальной литературе и СМИ), оценка по результатам участия во всякого рода конференциях, семинарах, круглых столах и т.д. и рекомендации других специалистов. Очевидно, что все эти методы не независимы и существует значительная корреляция между публикациями, участием в научно-практических мероприятиях и известностью в кругах специалистов. Это, с одной стороны, упрощает процедуру подбора экспертов, с другой, формирует их замкнутое сообщество.

Независимость экспертов: как определить и как поддерживать

Очевидно, что всегда возникает вопрос о степени независимости независимых экспертов. Для ответа на этот вопрос в каждом конкретном случае следует понять мотивацию эксперта и, самое главное, выявить истинного заказчика экспертизы. Очевидно, что далеко не во всех случаях это удается сделать. Поэтому следует искать альтернативные критерии.

Существует несколько механизмов функционирования рынка экспертных услуг. Административный, при котором четко формулируются жесткие критерии, предъявляемые к уровню квалификации экспертов. Квази-рыночный, когда наряду с предъявлением квалификационных требований устраивается конкурс между экспертами. Как вариант может рассматриваться олигополистическая ситуация, когда создается саморегулируемая организация экспертов, вырабатывающая критерии профессиональной этики и надлежащей практики своей работы и регулирующей вхождение новых организаций и лиц на рынок соответствующих услуг и выход с него путем своеобразного лицензирования. И, наконец, рыночный, когда конкуренция создается не только среди экспертов, но и среди заказчиков.

Квалификация эксперта является важным, но далеко не определяющим условием для качественного проведения экспертизы. Обычно выделяются два параметра: наличие ученых степеней и званий и количество ранее выполненных работ по теме экспертизы. В российских условиях оба этих критерия не дают гарантий.

Более того, учитывая колоссальный разброс в квалификации научных сотрудников и преподавателей, имеющих аналогичные степени и звания, что проистекает из принципиально различных «планок» при их присвоении различными учеными советами, вполне объективным этот критерий признать нельзя. Не меньшие проблемы вызывает оценка квалификации эксперта исходя из «послужного списка». Частое привлечение эксперта (человека или организации) к выполнению подобного рода работ приводит к установлению определенного стиля «доверительных отношений» как между экспертом и заказчиком, так и между экспертом и властями. Вообще говоря, за рубежом этой проблеме уделяется много внимания и предпринимаются серьезные усилия для того, чтобы разделить функции и роли финансирующей организации (спонсора), исполнителя работ и получателя конечного результата (бенефициара). В этом случае искусственно создается система взаимного контроля и снижается конфликт интересов. Вместе с тем, как показывает анализ литературы, эти проблемы существуют и в Западной Европе¹. Одновременно сохраняется и проблема качества экспертизы и квалификации экспертов, несмотря на более высокую, чем в России, стандартизацию обучения и подготовки специалистов².

Что касается регионов России, то при узости экспертного потенциала и наличии особого менталитета (делать взаимные услуги «по дружбе»), угроза превращения независимой экспертизы в «халтуру» или механизм манипуляции при частом обращении к одному и тому же кругу экспертов чрезвычайно велика.

Создание в последние годы множества новых вузов и, особенно, кафедр по экономическим и финансовым дисциплинам, независимых аналитических центров, появление множества новых имен и расширение числа источников финансирования экспертной деятельности, казалось бы, должно было резко

¹ В упоминавшейся выше работе Дж. Балчера прямо говорится, что есть стимулы концентрации оценочных исследований в небольшом числе институтов даже при наличии системы конкурсов при распределении таких работ (стр. 201).

² Более того, личный опыт автора при работе с экспертами программы ТАСИС показывает, что качество их конкретной работы может существенно варьироваться вне зависимости от степеней, званий и CV, а также того обстоятельства, что все они проходили достаточно жесткий конкурсный отбор. Видимо, определенную роль играет нестандартность российских условий, что отчасти обесценивает эффективность стандартных подходов и методик.

расширить возможности выбора между экспертами и повысить конкуренцию между ними, что в мировой практике всегда способствовало росту качества работы. Однако в условиях российской периферии это далеко не так. Не секрет, что многие кафедры и аналитические центры создавались не просто как форма бизнеса или отстойник для не слишком удачливых профессиональных управленцев, но и как выносные подразделения администраций.

Особой проблемой является самоцензура экспертов, когда специалисты, где бы они ни работали, стараются избегать резких оценок и четких формулировок. Боязнь кому-то не понравиться и вызвать тем самым шквал критики в свой адрес понятна, но является напрасной. Конечно, политическая ситуация меняется, но власти более готовы к сотрудничеству со своими критиками, чем с полностью лояльными экспертами. Парадокс заключается в том, что в критике присутствуют элементы новых идей, в отличие от апологетики. Это, кстати, затрудняет оценку степени независимости экспертизы, поскольку наличие резких высказываний в адрес властей не исключает заказного характера работы со стороны последних¹. Поэтому главным критерием качества экспертизы и ее общественного звучания (а следовательно, и характеристикой качества самого эксперта) является **обоснованность выводов и прозрачность используемой методики**. Учитывая, что независимость эксперта является в современном мире все более ценной его характеристикой, своеобразным капиталом, можно смотреть в будущее с определенным оптимизмом.

Проблемы формирования экспертного сообщества и рынка экспертных услуг

Прежде всего, это проблема обучения, притока «свежей крови» в ряды экспертов и повышение квалификации практикующих специалистов. Органы власти объективно заинтересованы в проведении исследований по своему кругу проблем и увеличении числа молодых специалистов, которые могли бы впоследствии составить конкуренцию имеющимся.

¹ В качестве примера сошлемся на нашу шумевшие в свое время работы Сергея Кургина и его группы, содержавшие нелицеприятные оценки и, тем не менее, финансировавшиеся Московским горкомом КПСС и носившие явно заказной характер.

Наряду с проведением конференций, семинаров и всякого рода профессиональных встреч, следовало бы приступить к созданию ассоциаций аналитиков и экспертов, которые могли бы объединить различные категории специалистов от ученых до практиков с тем, чтобы обучение и обмен знаниями, опытом, методиками работы проходили более интенсивно.

В-третьих, экспертному сообществу, общественности и СМИ следует добиваться обязательной публикации результатов экспертизы (экспертного заключения). Знание, что результаты твоей работы будут доступны для коллег, существенно повышает объективность оценок и качество работы. Важную роль в формировании рынка экспертных услуг может сыграть оценка экспертных заключений третьими лицами.

Очень большую роль в повышении качества экспертизы может сыграть параллельная экспертиза двумя параллельно работающими группами.

Заключение

Наша страна все еще отличается наличием большого числа образованных и талантливых людей. Более того, появились стимулы и реальная возможность быть независимыми от властей. Это относится и к специалистам, которых можно привлекать к экспертизе не только бюджетов регионов и муниципалитетов, но и решений органов исполнительной власти, имеющих важное социально-экономическое значение. Имеется значительный опыт взаимодействия властей с независимыми экспертами. Известны методы и формы такого взаимодействия, их сильные и слабые стороны, а также подводные камни и угрозы, лежащие на пути эффективной и общественно-полезной экспертизы. Этот опыт позволяет сформулировать предложения для повышения качества экспертизы и ее результативности, изменения механизмов взаимодействия властей, профессиональных экспертов и гражданского общества. Очевидно, что по мере изменения социально-экономической ситуации необходимость независимой экспертизы решений органов власти и требования к ней могут меняться. Соответственно изменится круг экспертов, критерии их подбора и механизмы работы с ними. Но сама необходимость останется.

3.7. Парадоксы прогнозирования¹

Автор солидарен с Марком Твенем: прогнозировать трудно, особенно на будущее. Но прогнозирование, несмотря на все его неудачи, невозможно исключить из процессов принятия решений. И совершенствование методов – только одна и далеко не самая важная часть получения достоверных прогнозов.

С тех пор, когда у части людей появилось свободное время и они осознали альтернативность будущего, они и задумались о нем. Постепенно выделилась каста профессиональных предсказателей, оформились и стандартизировались технологии «прогнозирования» (гадание по костям и внутренностям животных, полету птиц, впадение в транс или наркотическое опьянение и т.п.), а также методы воздействия на будущее в виде молебнов, жертвоприношений и других ритуалов. Возникает закономерный вопрос, насколько далеко мы ушли от тех времен и методик.

Несмотря на обилие неудачных прогнозов (или пророчеств), попытки разглядеть будущее остановить невозможно. Как сказал Джон Голсуорси, «если вы не думаете о будущем, его у вас и не будет». Человеческая деятельность, и в первую очередь экономическая, предполагает определенное представление о будущем, т.е. прогнозирование. Дело обстоит таким образом, что люди конструируют свое понимание мира, в котором они живут, и выделяют существенные параметры и связи между ними. Эти знания они используют не столько для описания будущего, сколько для выявления угроз и возможностей для себя и тех коллективов и структур, в которые они включены.

Наука, казалось бы, давно вытеснила альтернативные институты «прогнозирования», такие как ясновидение, астрология, общение с духами или расшифровка текстов, содержащих сокровенное знание и мудрость давно ушедших цивилизаций и умерших людей. Но, как мы знаем, болезненная притягательность такого рода методов получения знаний о будущем не угасает. Более того, повышение интереса к подобным пророчествам является прекрасным индикатором душевного здоровья общества и степени его нестабильности.

¹ Эко. – 2011. – № 1.

Откуда же возникает неудовлетворенность научными методами прогнозирования? Как известно, теория должна обладать определенными прогностическими возможностями как для подтверждения своей истинности, так и с утилитарной точки зрения. Более того, критика различных теорий часто велась с позиций неадекватности их прогностических возможностей. Действительно, экономические прогнозы крайне ненадежны, и дело не только в том, что даже годовые прогнозы основных параметров национальных экономик неоднократно пересматриваются в течение года. Очень часто экономисты не могут предсказать смену тенденций. Еще 20–30 лет назад казалось, что проблема прогнозирования – чисто техническая, а неудачи связаны с неадекватностью используемых моделей или с ограниченностью информации и (или) вычислительных возможностей.

Наибольшие усилия в области научно-технического и социально-экономического прогнозирования прилагались в социалистических странах, особенно в СССР, поскольку возможности государства в реализации нужного варианта прогноза в этих странах представлялись безграничными. Но именно в СССР, где разрабатывались долгосрочные прогнозы под общим названием «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий», были самые большие провалы в оценках долгосрочных тенденций.

Прогнозирование основывается на идее устойчивости причинно-следственных связей, но в этом-то и видится большая проблема. Во-первых, зная прогноз, люди используют эту информацию так же, как и фактическую. В этом состоит эффект «самореализации» прогноза. Во-вторых, опираясь на прогнозную информацию, субъекты, стремясь избежать негативных последствий, тем самым создают другую реальность. В этом состоит механизм «самонереализации» прогноза. В-третьих, в обществе постоянно возникают инновации, являющиеся как результатом творчества, так и ответом на вызовы. Огромные трудности возникают у прогнозиста в результате невозможности точно очертить границы прогнозируемой системы. Многие специалисты прогнозировали наступление кризиса российской экономики в 2010–2011 гг., но мировой кризис 2008–2009 гг. спутал им карты. Специалисты по региональной экономике ожидали цепной реакции дефолтов в субъектах РФ, но дефолт августа 1998 г. снял или затушевывал эту проблему, и она не отложились в общественном сознании.

Вообще представление о том, что вся информация о будущем заключена в прошлом, требует критического восприятия. Всякого рода модели, будь они хоть трижды нелинейными и многократно верифицированными, всего лишь отражают устойчивость связей и зависимостей в прошлом. Кризис же на то и кризис, что означает слом тенденций и изменение если не вида функций, то хотя бы параметров.

В общественных науках нет ничего надежнее демографических прогнозов в силу инерционности демографического поведения и используемых методик, которые шлифовались в течение 200 лет. Но такие прогнозы даже в стабильных странах Европы (например во Франции) в мирное время приводили к серьезным расхождениям между прогнозной и фактической численностью населения уже через 10 лет.

Еще большие «ошибки» мы наблюдаем при прогнозировании технического прогресса и распространения инноваций. О возникновении инноваций уже и не говорим. Достаточно вспомнить головокружительные прогнозы 1960-х и 1970-х годов о массовом переходе на сверхзвуковую и гиперзвуковую пассажирскую авиацию или самолеты с ядерным двигателем. Причем технически это были вполне реализуемые проекты. В 1877 г. Т. Эдисон опубликовал статью, в которой описал возможные направления использования изобретенного им фонографа: сохранение последних слов умирающего, запись книг для слепых, облегчение работы секретарей и т.д., но был убежден, что звукозапись никогда не будет использоваться для воспроизведения музыки, поскольку шипение и скрип полностью устранить не удастся.

Понятно, что прогнозирование развития социально-экономических систем является гораздо более трудной задачей, поскольку в них действуют люди, имеющие собственные ценности и цели, иногда слабо осознанные и еще хуже сформулированные. Они принимают решение не только на основе текущей информации, но и прошлого опыта, заставляющего их верить или не верить официальной статистике и высказываниям руководителей государства и экспертов. В советское время очередные пятилетние планы развития страны и выступления Генерального секретаря ЦК КПСС не воспринимались как серьезный повод для пересмотра планов, а все важнейшие решения, такие как строительство БАМа, Атоммаша или подъема

Нечерноземья, принимались вне планов и между съездами. С другой стороны, публикация Продовольственной программы, в которой обещалось в разы поднять производство продуктов питания, вызывала инстинктивное желание запастись крупами и консервами.

В то же время мы знаем об удивительных и граничащих с чудом прогнозах и пророчествах. Жюль Верн предсказал множество технических новаций, Герберт Уэллс, помимо прочего, предсказал наступление эпохи маневренных войн и стратегических бомбардировок. Илья Эренбург в начале 1920-х годов написал, что сверхмощная бомба на основе радия будет использована Америкой против Японии в следующей войне. Андрей Амальрик еще в 60-е годы поставил под сомнение само существование СССР в результате нарастания экономических и национальных противоречий.

По-видимому, ограниченность возможностей прогнозирования в силу методологических, технических и информационных проблем отчасти может быть компенсирована использованием творческого воображения.

Попытки обобщения методологии футурологии, некогда популярной науки о будущем, привели Р. Юнга к следующей классификации ее методов:

- **логическое воображение** (определение пределов экстраполяции, произвольное изменение параметров, метод парадоксов, контекстуальное картографирование, вторжение в другие дисциплины);

- **критическое воображение** (отход от основных современных социальных институтов и ценностей). Критическая оценка настоящего должна служить базой для критической оценки будущего. Для этого прогнозированием должны заниматься люди в возрасте до 30 лет и не связанные с истеблишментом;

- **творческое воображение**. Необходима разработка научного метода творческого воображения, поскольку будущее человека, видимо, заложено в нем самом, его способности связывать себя с тем, что шире и глубже, чем материальная сила. Творческое озарение по Юнгу означает озарение, возникающее из подсознания и близкое к мистическим видениям.

Особая проблема – прогнозы государственных структур и отдельных политиков и чиновников. Помимо естественного желания не поднимать панику, не признавать собственных ошибок

или того, что может быть воспринято как слабость, есть еще и чисто аппаратные проблемы скорости прохождения информации в структурах власти и ее искажения. Конечно, нельзя прощать историю принятия бюджета в конце 2008 г. на следующий год исходя из ожидаемых темпов прироста ВВП России в 5,5% при том, что специалисты уже спорили об оценке темпов падения (5 или 10%). Точно так же рассуждения о «тихой гавани» наказали тех, кто в них поверил, и поощрили скептиков. О программе 2020 можно не упоминать. Но эта проблема решается путем политической ответственности должностных лиц. Это важно, поскольку «неудачные» прогнозы подрывают доверие к власти в целом и дезориентируют общество.

От прогнозирования отказаться невозможно вне зависимости от успехов и неудач в этой области. Нельзя отказаться от прогнозирования любой длительности: спрос на все виды прогнозов имеется всегда. Социально-экономическое прогнозирование вряд ли станет наукой или инженерной дисциплиной и всегда будет включать элементы искусства. Правительственные прогнозы, планы и программы должны восприниматься всерьез и служить снижению неопределенности и рисков. Тогда запустятся механизмы самореализации прогнозов и блокируются противоположные им механизмы.

3.8. О точности и надежности прогнозов¹

Точность и надежность прогноза являются его важнейшими характеристиками, по крайней мере, для пользователей, поскольку сами прогнозисты далеко не всегда являются единственными потребителями результатов своей работы. Другие критерии, такие как научная обоснованность и оригинальность модельного аппарата, экономность и обоснованность исходных предпосылок, глубина ретроспективы и качество исходной информации гораздо менее интересны читателю и вызывают обсуждение только в кругу партнеров по цеху.

Под точностью прогноза мы подразумеваем количественную характеристику – ошибку или расхождение между прогнозируемым и фактическим значением показателя, а под надежностью

¹ ЭКО. – 2011. – № 12.

прогноза – близость между прогнозируемыми и реальными тенденциями. Особенно успешным следует признать прогноз, «угадывающий» смену тенденций, т.е. точки перелома и другие качественные характеристики динамики системы.

Примеры, заставляющие задуматься о нетривиальности оценки качества прогноза

Когда какая-нибудь уважаемая организация снижает прогноз роста ВВП какой-нибудь страны с 3,9 до 3,6 % на предстоящий год, следует помнить, что сами расчеты ВВП и, следовательно, его темпов роста содержат ошибку, обычно существенно превосходящую указанные 0,3%, и изначальный прогноз следует считать достаточно точным. В лучшем случае тому, кто интересуется прогнозом, следует обратить внимание на знак корректировки.

Другое дело, когда в конце 2008 года рост российской экономики на следующий год прогнозировался и закладывался в бюджетных расчетах на уровне 5,5%, а в действительности произошел спад в размере около 8% в расчете на год. Такой прогноз не может быть признан ни точным, ни надежным, что существенно подрывает доверие к его разработчикам.

Другим примером могут быть прогнозы ведущих социологических служб итогов выборов в Государственную Думу. В 2003 году доля голосов, отданных за «Единую Россию», прогнозировалась на основании опросов населения в диапазоне 20–25%, а фактически составила 37%.

После этого социологи стали учитывать в своих расчетах фактор «административного ресурса», и ошибки сократились до приемлемого уровня в 1–2%. Однако не оставляет ощущение, что что-то изменилось в самой социологии, в методиках работы специалистов уважаемых организаций, а также в самих предмете и объекте изучения и прогнозирования.

Перечитывая книги «Взгляд в будущее: 1999» А. Уоскоу, «Год 2000» Э. Винера и Г. Кана или «Предвидимое будущее. Размышления о 70 – 80-х» Г. Кана и Б. Брюс-Бригса, написанные около 40 лет назад, удивляешься невероятным просчетам в количественных оценках и, одновременно, удивительно актуально звучащим качественным выводам. Например, идея, что технологические кризисы и профессиональная ограниченность политиков, менед-

жеров и ученых станут главными вызовами наступающей эпохи в отличие от популярной тогда позиции Дж. Форрестера и супругов Медоуз об ограниченности запасов сырья как основной проблемы. Другими примерами могут служить выдвижение Китая в качестве одного из центров экономической мощи наряду с США (правда и СССР тоже), снижение военной роли объединенной Европы, распространение международного терроризма и другие совсем не очевидные 40 лет назад утверждения. Перечень тезисов можно продолжать, поскольку они иногда дословно совпадают с тем, что нам сегодня говорят политики и аналитики. Возможно, многим авторам прогнозов просто повезло, поскольку обычно запоминаются либо удачи, либо поражения, и редко кто подводит баланс между ними.

Вне зависимости от реальных достижений прогнозистов, потребность в прогнозах не только сохраняется, но и постоянно растет, поскольку увеличивается количество информации, циркулирующей в обществе, растет доля государства в экономике, расширяется арсенал инструментов регулирования социально-экономических процессов. Все экономические субъекты нуждаются в прогнозной информации, а поскольку численность населения и количество организаций растет, прогнозисты не останутся без работы.

Государственные и надгосударственные структуры стремятся стать главными производителями и потребителями прогнозов и достигли в этом больших успехов, поскольку в результате многолетнего сотрудничества многие независимые научные коллективы установили с ними слишком тесные связи, не говоря уже об обмене кадрами.

К «ведомственным» прогнозам следует относиться с определенной осторожностью, поскольку их оценки могут быть смещенными из-за конфликта интересов. В современной России прогнозы экономических ведомств от федеральных до муниципальных излучают оптимизм, а ошибки в прогнозах могут быть отчасти смикшированы органами статистики. С другой стороны, финансовые ведомства обычно настроены пессимистично, поскольку неисполнение планов по доходам и расходам наказывается, а перевыполнение поощряется. Наверное, имеются и дополнительные причины политического воздействия на результаты прогноза вроде электорального цикла или активности оппозиции. Но и такие прогнозы представляют большой

интерес, т.к. отражают миссию ведомств, представление властей о реальных угрозах и вызовах, а также цели и приоритеты государственной политики.

Причины ошибок прогноза

Причин ошибок и разнообразных провалов прогнозистов существует множество. Это может быть исходно неадекватное представление об объекте, когда наши теоретические представления не соответствуют действительности, некачественная информация, узкая выборка и отсюда плохая модель, неправильная интерпретация результатов и даже давление заказчика.

Считается, что прогноз может быть либо верным, либо неверным. Но, строго говоря, мы должны говорить об ошибке прогнозных параметров, которая должна быть исчислена изначально. Если переменные оказались в пределах ошибки, то прогноз остается хорошим, несмотря на количественные расхождения. Следует также помнить об экономическом принципе соизмерения издержек и выгод применительно к прогнозированию. Во-первых, прогнозист, добиваясь большей точности прогноза, будет вынужден собирать и обрабатывать все большее количество данных, тестировать все большее число гипотез и строить все более сложные модели с непредсказуемым результатом. Таким образом, можно говорить об экономичности прогнозирования, когда предельные издержки усилий по улучшению качества прогноза будут равны предельным ожиданиям повышения его точности и надежности.

Во-вторых, для потенциального пользователя прогноза (им, как отмечалось выше, не обязательно является сам прогнозист) предельные издержки на сбор и оценку прогнозной информации должны быть равны предельным оценкам устойчивости консенсус-прогноза.

В любом случае следует помнить о том, что прогноз – это все-таки прогноз, и его точность никогда не достигнет точности исходных данных, хотя ими во многом определяется. Несмотря на то что наблюдается большой прогресс в эконометрическом моделировании, революционных изменений в точности прогнозирования за последние 30 лет, по мнению Кеннета Холдена, не произошло. Вместе с тем эконометрические модели наиболее пред-

почтительны для прогнозирования, поскольку они, по крайней мере, не нуждаются в ретроспективном тестировании в отличие от многих других моделей.

Технология прогнозирования

В целях прогнозирования используются любые модели, зарекомендовавшие себя в качестве аналитического аппарата. Долгое время наиболее популярным инструментом были простейшие производственные функции, пример, Коба-Дугласа. В СССР очень популярны были модели «затраты – выпуск» и различные варианты оптимизационных и имитационных моделей. Использовались и до сих пор используются простейшие схемы в виде экстраполяции динамики ключевых индикаторов с помощью линейных, экспоненциальных или логистических функций. Но наиболее популярны в настоящее время методы эконометрического прогнозирования. Считается, что пионером в этой области был Ян Тинберген, который в 1939 году опубликовал для Лиги наций работу под названием «Статистическая проверка теорий делового цикла».

Эконометрическое прогнозирование сводится к следующему:

- На основе некоторой теории выделяются наиболее важные переменные, которые подразделяются на экзогенные и эндогенные. Та же теория позволяет установить связи между переменными и выразить их с помощью уравнений. Определяются временные периоды, к которым относятся показатели и ожидаемые лаги между переменными.

- Далее следует сбор данных и их оценка с точки зрения соответствия теории и эконометрическое моделирование для количественной оценки параметров модели и качества самой модели.

- Проводится анализ полученных результатов с позиций соответствия теоретическим представлениям и здравому смыслу и расчет значения эндогенных переменных на прогнозный период (периоды) и анализ результатов прогноза.

Особенно важен последний пункт, поскольку здесь нет общепринятых технологий. Теория и здравый смысл подсказывают наличие и знак связи между переменными. И если расчеты показывают иное, необходимо понять, верна ли теория, хороша ли модель или мы столкнулись с неким новым явлением.

Кроме того, обычно экономисты используют данные расчетов в виде «грубого приближения» и в дальнейшем «причесывают результаты» на основании собственных представлений и, возможно, экспертных оценок и критики коллег. Это делается для получения более надежных оценок, отражающих влияние факторов и условий, не учитываемых в модели (например, рост забастовок и социальных протестов, уклонение от уплаты налогов, бегство капитала и т.п.). Разумеется, «причесывание результатов» не должно иметь ничего общего с удовлетворением ожиданий заказчика или априорными представлениями и, главное, идеологическими предпочтениями самого исследователя, чего крайне трудно избежать.

Главная претензия к эконометрическим методам прогнозирования (помимо идеологического убеждения в том, что прогнозирование вообще не относится к профессиональным задачам экономиста, который должен изучать существующее, а не должное или возможное) заключается в том, что неявно предполагается неизменность характера политики государства. Если государственная политика радикально меняется, то изменятся экзогенные и эндогенные переменные и параметры модели, и, следовательно, прогноз будет некорректным. Такое соображение впервые высказал Р. Лукас в 1976 году. То же самое относится и к внешним шокам как результатам изменения характера политики других государств или их объединений. Выход видится в оценке устойчивости прогноза и/или разработке многовариантных прогнозов.

Как сделать прогноз лучше

К сожалению, многие авторы разрабатывают только один вариант прогноза. К аналогичному результату приводит и многовариантный прогноз, в котором один вариант (оптимистический, оптимальный, инновационный и т.п.) в дальнейшем анализируется, а альтернативные играют роль статистов, оттеняющих достоинства основного прогноза. Иногда авторы подробно описывают сценарные условия с качественной и количественной сторон, иногда ограничиваются только чем-то одним, иногда просто приводят названия сценариев. Очевидно, чем лучше описаны сценарные условия, тем больше доверия к прогнозу, да и сам прогноз «лучше». Очень хорошо, когда прогнозист дает оценки вероятности

того или иного варианта прогноза. Сравнение распределения вероятностей с нормальным позволяет выявить, какие еще варианты можно было бы построить и, если автор этого не делает, то понять, почему. Желательно, чтобы прогнозист раскрыл свою «кухню», т.е. описал источники информации, подготовку данных и методику расчетов.

Повышению качества прогноза могут служить дополнительные процедуры. Можно идти от частного к общему на основе оценки простых моделей и конструируя все более сложные. Можно наоборот – идти от общего к частному, изначально включая в модель максимальное число факторов, и постепенно исключать малозначимые и снижать степень мультиколлениарности.

Для потребителя прогнозной информации можно посоветовать конструировать консенсус – прогноз на основании доступных оценок различных групп и коллективов, учитывая их прошлые достижения и провалы в виде весов в процедуре усреднения прогнозных показателей.

Известно, что прогнозы, выполненные с использованием разных эконометрических моделей, могут существенно различаться между собой. Причины расхождений могут быть различны, начиная с адекватности исходной теории и кончая корректностью работы с моделью и интерпретации выводов. Разумеется, если имеется уверенность в качестве прогноза, альтернативные прогнозы можно критиковать или просто игнорировать. Но, как показал Клайв Грейнджер и его соавторы, если имеются несколько прогнозов, то полезно использовать их все для получения комбинированного прогноза, и при этом можно добиться меньшей дисперсии, и даже предложил методы для выбора весов.

Кроме обоснованности сценарных условий, раскрытия источников данных и методики расчетов в повышении качества прогноза и убедительности выводов, большую роль могут играть манера изложения материала, или риторика. Как полагает Кеннет Холден, хорошо убеждают в качестве выводов точность экономических метафор, исторические аналогии, убедительность интроспекций, сила авторитета, очарование симметрии и требования морали. Математика также может быть особой формой риторики. Как бы убедительна ни была риторика, решающую роль должны играть научные методы, а не эмоции.

Многие ведущие экономисты, в частности М. Блауг, весьма критически оценивают результаты развития экономической науки с точки зрения ее прогностических возможностей. Крайняя точка зрения заключается в том, что вся история экономической науки свидетельствует о том, что в критически важные для общества периоды наука оказывалась не в состоянии дать ответ на наиболее острые и насущные проблемы. Так было во времена Великой депрессии, нефтяного кризиса и стагфляции 1970–1980-х годов, так происходит, по-видимому, и сейчас. То, что экономисты спорят о причинах возникших проблем, факторах экономического роста, эффективности государственных мер и постоянно ошибаются в своих прогнозных оценках, не должно смущать общественность, поскольку это означает, что процесс научного поиска продолжается. Хуже, если основными объясняющими параметрами становятся интересы отдельных личностей, а прогнозы начинают строиться исходя из политической целесообразности. Поскольку разные группы прогнозистов работают с разными массивами данных исходя из различных теоретических представлений, владеют разным модельным аппаратом и преследуют разные цели, разброс в прогнозах неизбежен.

Но такая ситуация может быть чрезвычайно полезна для потребителя прогнозной информации, поскольку позволяет ему формировать собственное представление о будущем, сравнивать и оценивать достижения и провалы разных коллективов.

РАЗДЕЛ 4

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ, КУЛЬТУРА И НАУКА

4.1. Рыночная экономика, нравственность, этика и религия¹

«Ничего личного – это только бизнес». Эта знаменитая фраза из «Крестного отца» Фрэнка Копполы произносилась в постсоветской России множество раз, и исправно служила моральным оправданием бесчисленного количества гнусных поступков, а иногда и преступлений. Не менее прочно в общественном сознании закрепилась знаменитая фраза Карла Маркса о том, что капиталист пойдет на любое преступление ради 300% прибыли.

Подобные высказывания казались столь самоочевидными, что мало кто вспоминал о разрушении бизнеса и моральном крахе семьи Корлеоне. Точно так же мало кто попытался эмпирически проверить и гневные филиппики К. Маркса в адрес морально разложившейся буржуазии².

Очень широко распространено мнение о моральной ущербности и ничем не сдерживаемой алчности представителей класса предпринимателей-капиталистов (варианты: финансовые воротилы, олигархи, акулы капитализма, бароны-разбойники и т.д.). Такая точка зрения особенно популярна в периоды экономической турбулентности. В результате финансовый и экономический кризис часто перерастает в политический и социальный.

Дело не меняется от того, что в речах политиков и общественном мнении бизнес разделяется на «хороший» и «плохой». В разных странах в разное время «плохим» бизнесом считались торговля, финансовые операции и посредничество, а «хорошим» – промышленное или сельскохозяйственное производство. Были периоды, когда «хорошим» считалось только сельское хозяйство, а промышленность считалась вредной. Несомненно, вредны крупные компании, а малые чрезвычайно полезны, иностранные фирмы «хуже», чем местные, поскольку эксплуатируют местные

¹ ЭКО. – 2010. – № 1.

² См.: Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. – Челябинск: Социум, 2007. – 374 с.

ресурсы и вывозят прибыль (можно подумать, что национальный бизнес этим не грешит). Наконец, как это провозглашалось в Германии около 80 лет назад, есть национально-ориентированный арийский капитал и компрадорский спекулятивный еврейский. Сейчас в большинстве стран об этом говорят мало, но многие охотно верят в то, что государственные предприятия в большей степени служат интересам народа, нежели частные.

Как минимум поводом задуматься о том, является ли денежная выгода единственным мотивом предпринимателя, является известное высказывание Вальтера Ратенау, приведенное Вернером Зомбартом: «Я никогда еще не знал делового человека, для которого заработать было бы главным в его профессии, и я хотел бы утверждать, что тот, кто привязан к личной денежной наживе, вообще не может стать крупным деловым человеком»¹.

Разумеется, людям свойственно совершать неэтичные поступки, пренебрегать нормами морали и даже идти на преступления. Насколько больше подобное поведение распространено среди бизнесменов и финансистов, чем среди населения в целом и отдельных профессиональных и социальных групп – вообще говоря, неясно.

Более интересны ответы на другие вопросы:

- действительно ли эффективное с экономической точки зрения поведение ортогонально или даже противоположно этическим и нравственным принципам;
- может ли государство быть более приверженным этим принципам, нежели частные лица;
- действительно ли религиозная этика может способствовать экономическому развитию?

Возрождение интереса к этике со стороны экономистов

Когда-то давно, например, у Аристотеля, этика, политика и экономика представляли единую систему взглядов. Потом они разошлись, но на протяжении всей истории развития экономической науки их пути пересекались. Так, многие знают, что Адам Смит за 17 лет до «Богатства народов» опубликовал «Теорию нравственных чувств», но мало кто связывает содержание и основные идеи этих двух книг великого шотландца в единое целое. Последую-

¹ Зомбарт В. Буржуа. Пер. с нем./ Инт-т социологии. – М.: Наука. – С. 131.

щие поколения экономистов приложили огромные усилия для изгнания «нерациональных» мотивов из описания поведения экономических субъектов. Триумфальным завершением этого процесса стало использование экономико-математических моделей, в которых, как известно, нет места сантиментам.

Представления о существенности ценностей и этики при выборе решений и в экономическом поведении, а, следовательно, и для оценки результатов таких решений сохранились почти исключительно в традициях немецкой исторической и австрийской школ. Так, Г. фон Шмоллер считал, что изучение экономики следует начинать с исследования базовых институтов, формирующих ценности и национальный дух, таких как семья, церковь, соседская община и т.п. Л. фон Мизес уделял много внимания соотношению ценностей и целей в своей концепции экономического поведения. Но в России мало кто интересовался этими работами: обе школы считались архаичными и излишне гуманитарными. Немецкую традицию подверг уничижительной критике еще К. Маркс, противопоставив ей теорию и методологию Д. Рикардо, а с австрийской школой расправились уже советские экономисты, начиная с Н. Бухарина, издавшего «Политическую экономию рантье».

Хотя многие ведущие экономисты, такие как К. Эрроу и представители разных направлений институционализма, исследовали влияние институтов на выбор хозяйственных решений, для большинства исследователей и широкой публики экономика оставалась бездушной, механистической и апологетической наукой, поскольку игра рыночных сил оказывалась сильнее индивидуума и поэтому снимала с него всякую, в том числе и моральную, ответственность за принимаемые решения.

Рыночная экономика и этические принципы

Немецкий философ и экономист Петер Козловски¹ показал, что соблюдение некоторых этических принципов необычайно важно для эффективного функционирования рыночной экономики. Это относится как к реализации на практике принципа максимизирующего поведения индивидов, так и к механизмам координации их индивидуальных решений. Поэтому важно понять, как

¹ Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 334 с. (Этическая экономика: Исследования по этике, культуре и философии хозяйства; вып. 7).

соблюдение или несоблюдение этических принципов влияет на аллокацию ресурсов, экономическое развитие и рост.

«Этика претендует на то и стремится к тому, чтобы пронизать все области деятельности ценностными ориентациями. Общественная задача этики состоит в том, чтобы формулировать общие ценности и нормы, служащие ориентации членов данного общества»¹. Пожалуй, главным выводом П. Козловски следует считать утверждение, что **соблюдение этических норм резко повышает эффективность рыночных институтов и снижает общественные издержки для достижения равновесия.**

Его аргументы сводятся к тому, что соблюдение даже частью субъектов определенных установок, например, выполнение контрактов, снижает транзакционные издержки и тем самым способствует росту общественного благосостояния. У некоторых субъектов соблюдение определенных норм может соответствовать их ценностям и целям и тем самым входить в целевую функцию. Очевидно, чем большее количество субъектов разделяют некие этические принципы и придерживаются стратегии неукоснительного исполнения контрактов, тем в большей степени проявляется преимущество подобной экономики. Такое поведение становится еще более целесообразным, если субъект максимизирует свою функцию полезности на длительном промежутке времени. Тем самым он порождает информационный поток, свидетельствующий о предпочтительности следования контрактным обязательствам – именно с ним и может получить некую дополнительную прибыль, которую можно трактовать как «ренту с честности»².

Наконец, по мере усиления взаимосвязанности в экономике, иногда до глобальных масштабов, растет роль внешних эффектов при принятии решений. Если индивидуум, принимая решения, учитывает внешние эффекты и интересы третьих лиц, он снижает риски противодействия с их стороны и повышает вероятность достижения собственных целей. Таким образом, соблюдение неких этических принципов также может рассматриваться как рациональная стратегия.

¹ Там же. – С. 18.

² Эта мысль в утрированном виде присутствует в рассказе О'Генри «Игра на граммофон», где Г.П. Меллинджер говорит: «У меня здесь монополия на честные сделки. Конкуренции никакой... Денег это дает не ахти сколько, но заработок верный, и ночью спишь спокойно». – С. 64.

Мы знаем, что экономическая теория в ее рафинированном учебном курсе не видит различий в том, совершаются ли трансакции как единичные и между случайными агентами или как повторяющиеся между одними и теми же сторонами. Но мы также знаем, что гораздо эффективнее общаться и совершать сделки с теми лицами, которых мы хорошо знаем. Мы даже готовы поступиться частью выручки и, соответственно, прибыли не столько ради снижения риска быть обманутыми, сколько для продолжения этих отношений и снижения трансакционных издержек в будущем. Эти эффекты настолько распространены, что вряд ли кому-то незнакомы из личной практики.

Таким образом, соблюдение хотя бы некоторых этических и моральных принципов при принятии хозяйственных решений не только не противоречит эффективности в экономическом и финансовом смысле, но в некоторых случаях полезно именно с этих позиций. Если индивидуум придерживается их в выбранной стратегии, то он может рассчитывать на ответные действия, его позиции с точки зрения потенциальных партнеров могут усилиться, он может избежать некоторых рисков и даже укрепить свои переговорные позиции ссылками на необходимость учета интересов третьих лиц. Происходит нечто подобное тому, когда субъекты неукоснительно соблюдают законодательство, но в еще более сильной форме, следуя не только букве, но и духу закона. Отсюда вытекает, что социально ответственное и экологически ориентированное поведение, благотворительность и т.п. далеко не всегда снижают экономическую эффективность в долгосрочной перспективе, а издержки, связанные с ними, приобретают характер инвестиций, в отличие от расходов на рекламу и PR¹.

И чем большая доля индивидов придерживается подобной стратегии, тем ниже, как говорилось уже, трансакционные издержки, и, следовательно, эффективнее осуществляется рыночная координация.

Проблема единства и эволюции этических принципов

Наверное, в древности, когда работа, досуг, военные действия и отправления культов составляли неразрывное целое, люди воспринимали этические принципы как нечто единое и неизменное.

¹ Мы считаем, что в долгосрочном аспекте успешной может быть только реклама действительно хорошего продукта.

Выделение профессиональных групп и их обособление в профессиональные организации не могло не сказаться на единстве этических принципов. Купеческие гильдии, рыцарские ордена, ремесленные цехи, пиратские республики и т.д. создавали свои формальные и неформальные институты. Сейчас можно говорить об этических кодексах врачей, учителей, ученых, журналистов, чиновников, равно как и о степени их соблюдения. Имеется обширная литература, посвященная деловой этике. Можно утверждать, что чем меньше численность профессиональной группы, чем выше барьеры для вхождения в эту группу и сильнее механизмы контроля поведения внутри нее (группы), тем консервативнее этические принципы и выше доля лиц, их соблюдающих, внутри этой группы. Важно также наличие лиц, одновременно являющихся профессиональными и моральными авторитетами. Наоборот, если ведущие позиции в группе занимают люди, не обладающие этими качествами, этика в группе деградирует. Возможно, в нашей стране наука, высшее образование и здравоохранение окончательно не рухнули только потому, что еще сохранились носители профессиональной этики и отдельные механизмы ее трансляции.

Отметим, что применительно к этике оппортунистическое поведение достаточно широко распространено. Можно придерживаться неких принципов, а можно их нарушать. Строгость принципов может быть никак не связана со степенью следования им, подобно тому, как строгость законодательства может быть не связана с его исполнением.

Для иллюстрации того, насколько сильно меняется мир и наше представление о хорошем и плохом, можно привести соображения по поводу женской моды. Не так давно показать лодыжку считалось верхом неприличия, в то время как обнажить грудь – невинным флиртом. В странах строгого ислама и то и другое рассматриваются как преступление сродни супружеской измене, а в джунглях Амазонки – нормой жизни. То же самое относится и к деловой этике. Во времена А. Смита среди купцов незэтичным считалось рекламировать свой товар и переманивать клиентов, но считать монополию считалось нормой.

Отдельной проблемой является конфликт между этическими нормами, присущими разным областям человеческой деятельности в одно и то же время. Наиболее характерным сегодня представляется конфликт норм и правил в производстве и потребле-

нии. «В настоящее время в сфере потребления принцип функционирования основан на гедонистическом расчете, а в производственной сфере – на строгой трудовой этике и отказе от непосредственного удовлетворения потребностей»¹.

Отметим, что в настоящее время в ряде стран формируется новый праздный класс, рассматривающий определенные, пусть даже невысокие стандарты потребления как норму, но утративший трудовую этику еще в предыдущем поколении.

Этические принципы подвержены изменениям. Единственное, что не меняется, это само существование таких принципов – по крайней мере, до того момента, пока не появляется человек, который заявит: «Я освобождаю вас от такой химеры, как совесть».

Государство и этика

Широко распространено мнение не только о всемогуществе государства, но и об особых навыках и талантах государственного управления, о большей по объему и более качественной информации, на основании которой органы власти принимают свои решения. Но даже такой сторонник активного государственного вмешательства, как Пол Кругман, отмечает риск беззаветной веры в мудрость властей вообще и китайских, в частности: «Некоторые комментаторы говорят, что не стоит волноваться. Что в Китае есть сильные и умные лидеры, которые сделают все необходимое, чтобы справиться со спадом... я очень хорошо помню получение аналогичных гарантий в отношении Японии в 1980-х годах... А позже были гарантии того, что Америка никогда больше не будет повторять ошибок, которые привели к «потерянному десятилетию» Японии. Но мы, в сущности, делаем все еще хуже, чем было в Японии». Известно и более точное и горестное выражение другого нобелевского лауреата и одного из авторов идеи смешанной экономики Пола Самуэльсона: «...нужно признать: сумасшедшие во власти способны самостоятельно воспроизводить свое безумие и вовсе не нуждаются в помощи ни покойных, ни нынешних экономистов»².

Такие оценки государственной политики становятся понятны, если учесть временной горизонт государственных решений. По-

¹ Козловски П. Принципы этической экономики. – С. 10.

² URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/12/23_a_3938022.shtml

литик решает конкретные задачи и стремится получить результат в кратчайшие сроки. Что касается чиновников, то они также руководствуются своими регламентами и неформальными правилами. Обычно в ведомствах существует годовой цикл работ, определяемый бюджетным процессом и привязанными к нему политическими событиями. Таким образом, реальный горизонт планирования для властных структур очень короткий и обычно варьирует от нескольких месяцев до двух-трех лет. Политики, и особенно чиновники, как правило, мало внимания уделяют долгосрочным внешним эффектам принимаемых решений. Первые – поскольку должны выполнить свои обещания любыми способами, вторые – в силу жесткого разделения труда между властными структурами. И те и другие работают в очень сложных иерархически организованных структурах, в которых ответственность часто размыта. Наконец, политики и чиновники обязаны реагировать на всевозможные события и больше всего боятся обвинения в бездействии. Все это приводит к тому, что в государственных структурах формируется особая этика, которая, с точки зрения непосвященных, может показаться безнравственной и бесчеловечной. Отсюда представление о государстве-левиафане.

Теория общественного выбора исходит из того, что представление об «общественной» пользе, на основе которой принимаются государственные решения, изначально наивно. Политики и чиновники стремятся к максимизации расходов на программы, которые они проталкивают и курируют. Это увеличивает их власть, расширяет полномочия и даже может определять продолжительность их пребывания во власти.

Если управляющий может формировать объект управления, то становится понятно, почему государство, прикрываясь тезисами об экономии и прозрачности расходов, стремится к унификации и стандартизации не только в государственном секторе, но и в обществе в целом, во всех аспектах человеческой деятельности. Экономический рост невозможен без развития транспорта, коммуникаций, здравоохранения, образования и других инфраструктурных отраслей. Но «естественным» желанием Правительства является унификация этих услуг и обеспечение равного доступа к ним. Не обсуждая рациональности или утопичности таких решений, отметим, что и власти, и граждане легко соглашаются с доводами в их пользу. Опасностью является подмена понятия равенства унификацией.

Государство как субъект, устанавливающий правила и обладающий (хотя бы в теории) монополией на насилие, в принципе менее связан обязательствами по контрактам, нежели прочие субъекты. Более того, в определенных случаях государство проводит селективную политику в части исполнения своих обязательств.

Из всего вышесказанного следует, что государство в целом, политики и чиновники потенциально менее склонны следовать общепринятым этическим правилам, нежели население в целом и большинство профессиональных и социальных групп, включая бизнесменов. Исправить ситуацию частично может общественный контроль за работой властей. Возможно, эти соображения могли подтолкнуть Томаса Джефферсона написать в 1798 г.: «Свободное Правительство основано на подозрительности, а не на доверии».

Роль религиозной этики

Общеизвестно, что любая религия формирует свою этическую систему. Экономическая наука давно обратила внимание на это обстоятельство. Если В. Зомбарт выводил капитализм из расовых особенностей отдельных народов, то М. Вебер показал близость профессиональной и предпринимательской этики и кальвинизма в буржуазном обществе тому рационализму, который заменил в части Европы и США традиционные представления о человеческой деятельности. Правда, у В. Зомбарта было другое представление о роли кальвинизма и других протестантских сект в социально-экономической эволюции. Видимо, оба автора были правы лишь в минимальной степени.

По мере того, как интеллектуальное, технологическое, экономическое и военное возвышение Запада становилось самоочевидным фактом, росло внимание к христианской этике. Но эта волна сменилась на обратную, и стал возрастать интерес к буддистской и мусульманской этике. Частично это объясняется кризисом социального государства «всеобщего благоденствия», частично тем, что «западные страны» слишком полагались на свое научно-техническое и финансовое доминирование в меняющемся мире и были уверены, что так будет всегда. Наверное, имела место излишняя эйфория относительно действенности мер и инструментов государственного регулирования экономики.

Людам свойственно интересоваться чужим опытом и копировать удачные, как им кажется, решения. При этом желание разобраться в причинно-следственных связях часто отступает на второй план. В разные годы образцами для подражания были Голландия, Англия, Германия, США, Япония. Теперь их место занимают Китай, Сингапур и некоторые другие страны, добившиеся действительно огромных успехов, а главное – повысившие свою конкурентоспособность и продемонстрировавшие свою устойчивость в период последнего кризиса. Будет ли так всегда? Очевидный ответ – нет.

Как же влияет религиозная этика на высвобождение человеческой энергии и процессы рыночной координации? Доверие к единоверцу обычно выше, чем к иноверцам, подобно тому, как оно выше к соседу, приятелю, родственнику или земляку в сравнении с совершенно незнакомым человеком. Отсюда снижение транзакционных издержек и большая легкость при заключении сделок, с одной стороны, и добровольная сегрегация этнических и религиозных общин в многоконфессиональных и полиэтнических странах – с другой. В результате может сформироваться своеобразная социально-профессиональная и этноконфессиональная структура общества, где каждая группа занимает определенную нишу, что снижает социальную и профессиональную мобильность.

Чему обязан Китай в своем удивительно быстром экономическом развитии на протяжении последних 30 с лишним лет? Грамотной и последовательной экономической политике, наличию дешевой и дисциплинированной рабочей силы, иностранным инвестициям и технологиям, заниженному курсу национальной валюты, отсутствию пенсионной системы для большей части населения или конфуцианской этике? Всеу вместе и ничему в отдельности, поскольку большая часть перечисленного существовала и ранее, только развития не было.

Каждая религия формирует свою этическую систему, но на разных исторических этапах и в разных странах эти системы реализуется разным образом. Нетерпимость, свойственная христианству в начале прошлого тысячелетия, поразительно контрастировала с веротерпимостью в арабском мире времен Халифата. Только человек, слабо знающий историю, может утверждать, что страны с преобладанием буддизма, конфуцианства или синтоизма не знали войн. Анабаптисты и исмаилиты в свое время строили

почти коммунистическое общество. Общественные настроения и социальные конфликты легко перерастали в религиозные войны, и даже особое ожесточение, свойственное гражданским войнам, не обошлось без религиозного противостояния¹.

Европейские евреи были бесправным и изолированным меньшинством, но их эмансипация в XIX веке привела к тому, что представители этого народа внесли огромный вклад в мировую культуру. Разителен пример США, где проводилось множество исследований влияния этноконфессиональных факторов на уровень жизни. Общий вывод таков: те группы, которые вели коллективную борьбу за свои гражданские права и экономическое равноправие, добились гораздо меньших успехов, нежели те группы, которые предпочитали индивидуальные действия. Естественное желание сохранить этнокультурную идентичность имеет мало общего с солидарностью и замкнутостью общины, экономическим и социальным прогрессом ее членов в долгосрочном периоде.

Религиозная этика имеет значение для экономического и социального развития или деградации общества. Но преувеличивать значение этого фактора все-таки не стоит. Особенно это относится к таким понятиям, как справедливость, толерантность, равенство, в том числе имущественное и по доходам. Можно легко показать, что в христианской Европе дифференциация по доходам и уровню жизни ниже, чем в обеих Америках и странах с преимущественно буддистским, конфуцианским или мусульманским населением. Но это заслуга не европейских христианских общин, а европейских социалистов. И неизвестно еще, чем это может кончиться. Адепты различных религий постоянно перечитывают священные тексты и находят в них то толкование, которое ищут.

Вместе с тем, как было показано выше, влияние этики на экономическое развитие может быть очень велико. Социальная и экономическая деградация общества неизбежно сопровождается упадком деловой этики и ростом мистицизма, всеобщей подозрительности и враждебности, и, как ни странно, конформизма. Это окончательно добывает инвестиционный климат и воспроизводст-

¹ А. Герцен объяснял особую ожесточенность обеих сторон во время пугачевского восстания тем, что среди казаков преобладали старообрядцы. Экспессы гражданских войн в России и Испании многие авторы связывают с тем, что революционный марксизм является скорее верой, нежели простой идеологией.

во этических норм. Все это требует осмысления и дополнительных исследований.

Закончить статью хочется еще одной цитатой из П. Козловски: «Любая экономическая теория, которая хочет быть чем-то большим, чем вариационное исчисление с заданными параметрами, и не желает постоянно опровергать себя с помощью оговорки «при прочих равных условиях», уже является некоторой онтологической теорией максимизации существования и ценности в мире ограниченных ресурсов»¹.

4.2. Экономика: нравственность и свобода. К 250-летию «Теории нравственных чувств» А. Смита²

На фоне запоздалого осознания, что финансовый кризис, во-первых, оказался еще и экономическим, во-вторых, мировым и, в-третьих, – наиболее глубоким и продолжительным за последние 20, 50 или даже 70 лет, зазвучали многочисленные голоса о системном кризисе децентрализованной рыночной экономики. Заговорили об алчности и аморальности финансистов, менеджеров и ошибках ФРС, диктате доллара, зловерности хедж-фондов, злокозненной роли офшоров и необходимости строительства новой мировой финансовой архитектуры, в которой развивающиеся страны получили бы достойное представительство.

Необходимо заметить, что эти эпигоны О. Бланки и Л. Троцкого оживились не случайно, но их выводы и предложения, как это и водится у левых интеллектуалов и правых радикалов, представляют собой гремучую смесь невежества и ангажированности, органической неспособности к анализу фактов и вопиющего цинизма.

Не совсем понятно, кто из «критиков» капитализма стремится «отмазать» провалы государства, кто в юношеском задоре стремится сломать все то, что было построено «предками», а кто просто делает бизнес на имидже радикала. Но вне зависимости от цели все критики пытаются максимально упростить реальные и предложить надуманные проблемы, переверстать историю и манипулировать фактами. И вот уже режиссер-«документалист»

¹ Козловски П. Принципы этической экономики. – С. 21.

² ЭКО. – 2010. – № 1.

Майкл Мур делает фильм об аморальности капитализма, Николя Саркози объявляет войну бонусам, а Барак Обама ставит новые рекорды в дефицитном финансировании государственных расходов.

Так действительно ли аморален капитализм, действительно ли государство адекватнее выражает общественный интерес, чем система рыночных обменов, а всемогущее государство способно обеспечить технологический и социальный прогресс как в отдельной стране, так и во всемирном масштабе?

Прежде чем «усиливать» воздействие государства, следовало бы ответить на эти вопросы, вспомнить дискуссии прошлых лет на подобные темы и переосмыслить аргументы сторон.

Речь не идет о призыве к интеллектуальному фундаментализму в светском или религиозном смысле (хотя такие движения имеют место, но представляют паллиативное решение действительных проблем, поскольку мир меняется, как бы ни противно это было кому-либо или всем вместе). Простое чтение великих произведений прошлого способствует интеллектуальному осмыслению сегодняшних проблем и позволяет (отчасти) избежать ошибок и заблуждений.

Это вовсе не значит, что любую дискуссию следует начинать «от Адама», но размышления Адама Смита, как представляется, помогут удержаться от изобретения велосипеда.

Образованщина, или о вреде учебников

Обычно автор всегда умнее или, по крайней мере, знает гораздо больше, чем изложено в его произведении¹. Но среди общедоступных произведений есть особая порода книг, называемых учебниками, в которых авторы вынуждены заметно упрощать собственные знания и идеи для сохранения логики и простоты изложения, исключения спорных или дискуссионных моментов и т.п. Очевидно, что характер этих упрощений определяется составом аудитории, которой предназначено произведение. Поэтому осознание авторами ограниченности собственного знания, логических нестыковок и особых случаев никого не интересует. Более того, можно легко запутать неподготовленного читателя и отбить у него интерес к последующему чтению.

¹ Мы оставляем в стороне вопрос о божественном откровении.

Проблема состоит в том, что для подавляющего большинства последующее чтение вовсе не наступает, и многие интеллектуалы в своем развитии так и остаются на уровне учебников или их отрицания, что в принципе одно и то же. Отсюда знаменитая шутка о том, что экономике можно обучить и попугая: достаточно добиться от него отчетливого произношения слов «спрос» и «предложение».

Если говорить серьезно, то хорошего экономиста от плохого отличает лишь то, что первый постоянно помнит, что имеет дело с людьми, а второй лишь оперирует индикаторами.

О том, для чего написана эта статья, или вперед к Адаму

250 лет назад в Глазго была опубликована книга «Теория нравственных чувств»¹, которая, несомненно, относится к числу классических произведений – тех, о которых многие слышали, да не многие прочитали.

Пересказывать содержание этой книги совершенно невозможно, поскольку ее автор отличался исключительной скрупулезностью при написании своих произведений: он отсекал все лишнее и надуманное, писал четко и коротко, а стиль изложения и аргументация таковы, что, по выражению одного из комментаторов, его мысли были понятны самому тупому из современных ему читателей.

Адам Смит поставил перед собой амбициозную цель создать общую теорию о человеке и обществе, которая включала бы психологию, элементы философии (такие, как этика и эстетика), и уже самостоятельные в то время области знаний, например, историю и экономику. Но начал он именно с этики.

Современным экономистам следовало бы обратить внимание на некоторые особенности этого произведения, методологические находки и идеи, представляющие интерес и спустя четверть тысячелетия. Кое-что в книге звучит банально, но ведь и заповедь «не укради» когда-то была открытием...

Рассмотрение общего порядка и предельных случаев. А. Смит излагает свои мысли так, что почти в каждый абзац хочется вставить слова «обычно» или «как правило». Это позволяет ему однозначно определять причинно-следственные связи и

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

строить модель «медиального» индивида. Казалось бы, крайности его не интересуют: «Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его... свойственно участие к тому, что случается с другими...»¹. Но он рассматривает особые и предельные случаи, например в главе о происхождении честолюбия.

Теория и история. А. Смит черпает не только примеры, но и сами идеи из исторического анализа, но нигде не показывает, будто в истории есть какая-то внутренняя логика или философия. Наличие связей между историческими фактами не дает основания для утверждения, что история движется в каком-то направлении.

Воображение как способность людей понимать друг друга. «Так как никакое непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении»².

Для А. Смита изначально человек становится человеком только в обществе, где система общения и обменов, на каких бы принципах они ни строились, оказывается необходимым элементом самого существования индивида. При этом перенесение на других собственных представлений о ценностях и целях является единственной стабильной основой существования общества как единого организма. Более того, наш чувственный опыт нужен только для того, чтобы корректировать свои ожидания. И именно ожидания составляют фундамент общения и обменов.

Чувство симпатии как основа общения. Против обычного представления о том, что нам безразлично, с кем иметь дело, и вся проблема общения заключается лишь в личной выгоде, А. Смит утверждает, что люди инстинктивно выбирают партнеров среди тех, чьи ценности и цели близки им. Это делает общество сегментированным безотносительно к имущественному расслоению, классовой принадлежности и положению в системе властных отношений. Тем специалистам, которые занимаются проблемами малых групп, клиентелизма и коррупции, настоятельно рекомендую перечитать эти пассажи классика.

Общественные, антиобщественные и промежуточные страсти. Реакция одобрения людьми всех действий, направлен-

¹ Смит А. Указ. Соч. С. 31.

² Там же. С. 31.

ных на построение мирной и счастливой жизни, является нормальной, как и порицание поведения, обуславливающего разлад и разрушения. Добавлю: если люди перестают понимать разницу между первыми и вторыми, то нравственность в таком обществе находится в явном упадке. Тогда общество тяжело больно.

Тщеславие. «Главная цель наша состоит в тщеславии, а не в благосостоянии или удовольствии...»¹. А. Смит не порицает тщеславие как таковое, равно как и основные способы его удовлетворения – богатство и славу. Более того, он утверждает, что и большинство людей не видят в них ничего скверного и аморального. Причем уважение и восхищение «богатыми и знаменитыми» носит вполне альтруистический характер. «Наша угодливость перед высшими чаще рождается из нашего восхищения выгодами их положения, чем из затаенной надежды получить какую бы то ни было пользу от их расположения»².

Элита и остальные. Если богатые и знатные люди занимают общественное положение просто в силу неких прошлых обстоятельств, то простому человеку требуются усилия для достижения положения в обществе, и у него (в нормальном обществе) нет других средств, кроме личных достоинств и качества ума. «Честность и благоразумие, великодушие и искренность должны отличать все его поступки в обыденной жизни»³.

А. Смит считал, что в силу этого высокие моральные качества чаще встречаются среди простых людей, так же, как и трудолюбие, настойчивость, твердость и т.д., что объясняет назначение на самые важные и ответственные должности представителей именно средних классов в странах с разным политическим устройством. «Для средних и низших слоев общества едва ли не единственная возможность отличиться состоит в приобретении богатства, по крайней мере, в такой степени, на которую они могут благоразумно рассчитывать»⁴. Эти же слои в основном предъявляют спрос на нравственное поведение окружающих и справедливые законы.

В дальнейшем К. Маркс выдвинул теорию классовой морали и объявил аристократию и буржуазию, в отличие от проле-

¹ Смит А. Указ. Соч. С. 70.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 79.

тариата, безнравственными классами. Интересно, что Смит на исторических примерах показывает, что «унижение государя» более невыносимо в глазах народа, чем гибель сотен и тысяч простых людей¹.

Добродетель и порок. А. Смит избегает четких дефиниций применительно к этим, казалось бы, фундаментальным понятиям. Он осознает их относительность не только в отдельных случаях и конкретных поступках, но и в различных эпохах и обществах. Ограничиваясь описанием проявлений добродетели и порока, делает исключение лишь для справедливости, поскольку без нее «громадное здание, представляемое человеческим обществом... немедленно рушится и обращается в прах»².

Важно, что именно понятие и восприятие населением справедливости (при всех особенностях этого восприятия) составляет основу устойчивости всех режимов: от монархических до демократических.

Религия, церковь и мораль. А. Смит был, по-видимому, религиозным человеком, но лишь изредка в своем произведении упоминает о божественном происхождении нравственности, и то в весьма своеобразной форме. Так, пятую главу третьей части книги он назвал «О влиянии и авторитете общих правил нравственности; они справедливо принимаются за законы самого Бога». Более того, в других фрагментах он показывает, что нравственные нормы имеют социальную природу и могут лишь совпадать с религиозными убеждениями и нормами, равно как и с законами государства. Еще меньше внимания уделено церкви как социальному институту в формировании нравственных норм. Об этом обстоятельстве следует напомнить тем, кто связывает проблему нравственного возрождения с клерикализацией школы и общества.

Полезность. «Проницательный философ³, который впервые заметил, почему нас привлекает полезность, был до такой степени поражен отмеченным обстоятельством, что решился вывести наше уважение к добродетели из ... полезности... Однако я остаюсь при мнении, что первая и главная причина нашего одобрения

¹ Возможно, если бы И. Сталин ограничился убийством Тухачевского и Блюхера, Каменева и Зиновьева или Бухарина и Рыкова (все они посмертно реабилитированы), он не вызывал бы того обожания у значительной части граждан России, как это происходит теперь.

² Там же. С. 101.

³ Имеется в виду Дэвид Юм.

или неодобрения не вытекает из осознания того, что может быть нам полезно или вредно»¹.

Рациональность. Вся книга оставляет впечатление, что человек в понимании А. Смита – существо эмоциональное, то есть нерациональное. И это сбивает с толку тех, кто слышал о «homo oeconomicus» из «Богатства народов» того же автора. Но противоречия здесь нет. Будучи иррациональными, мы пытаемся представить себе других людей рациональными только потому, что это позволяет наладить общение и обмен. Мы пытаемся понять их ценности и цели, прогнозировать их реакцию и поступки. Но это гораздо проще сделать, если мы мыслим наших партнеров законченными эгоистами или – что еще проще, алчными себялюбцами. Исключение мы делаем для ближайшего окружения либо из-за чувства долга, либо в силу взаимной симпатии (см. Д. Карнеги).

Простим себе это упрощение. Можно встретить немало суждений, что отдельные политики психически неадекватны, страдают фобиями и комплексами, но люди охотнее воспринимают объяснение их решений более рациональными причинами.

Идеи А. Смита и последующие поколения экономистов

По иронии судьбы идеи отца-основателя классической политической экономики вполне успешно развивали и представители других направлений экономической мысли.

Ученик Д. Рикардо Дж. С. Милль был в большей степени смитцианцем, чем рикардианцем. Его идеи социального и нравственного прогресса, которые базируются на укреплении института частной собственности и определяют в конечном счете технологический и экономический прогресс, близки к идеям А. Смита. Представление Милля, что защищенность жизни и имущества приводит к смягчению нравов, развитию солидарности, благотворительности и т.п., Смит, несомненно, одобрил бы.

В. Рошер и К. Маркс, хотя и по-разному, уделяли большое внимание единству экономической и социальной жизни. В частности, Маркс вовсе не догматически относился к своей теории, когда речь шла о практических вопросах, например о путях перехода России к социализму.

¹ Там же. С. 188.

Г. фон Шмоллер начал свои «Основы общего учения о народном хозяйстве» с анализа психологических, этических и правовых норм человеческих общностей, базовых институтов: семьи, социальной группы и нации. И только потом перешел к понятиям собственности, классов и форм предпринимательства. Ясно, что традиционные экономические понятия – рынок, стоимость, рента, кредит и т.п., при таком изложении приобретали совсем другое звучание.

В. Зомбарт в центр всей своей конструкции поставил эволюцию «духа» общества. Его социально-психологическое описание генезиса буржуазного мировосприятия и его трансляции в другие социальные группы и сегодня не только с интересом читаются, но и вполне полезны для понимания действительности. То же справедливо и для подхода к анализу поведения социальных групп М. Вебера, включая проблемы рентоориентированного поведения, роли городов в развитии общества, генерации идей и их влияния на нравственные нормы.

А что же представители «main stream»? Л. Вальрас, а за ним и В. Парето считали, что экономика как наука состоит из «чистой теории», подобной классической механике, прикладной экономики, где уже необходимо учитывать несовершенства рынка, неполноту информации и т.п., и морали (или, как сказали бы сегодня, – социологии и социальной психологии). Причем В. Парето свою главную заслугу видел именно в создании современной социологии. Представление об инстинктах, почерпнутое, видимо, из психологии (или трудов Т. Веблена), привело к идее одновременной рациональности и иррациональности поведения индивида, когда последний осуществляет выбор на основании иррациональных инстинктов, а потом рационально объясняет свои действия.

Иную схему предлагали австрийцы. Так, Л. фон Мизес считал ценностные суждения принципиально не проверяемыми, а иррациональными, следовательно, не подлежащими обсуждению: например, невозможно переубедить человека в том, что его идеи ложны. Как сказал один умный человек: «Верую, ибо нелепо». Соответственно, цели, преследуемые индивидом и основывающиеся на ценностях, тоже иррациональны. Более того, лишь будущие историки смогут частично реконструировать наши цели и отчасти тот круг ценностей, который их породил.

Рациональным может быть лишь выбор средств достижения цели, этим и должна заниматься экономическая наука.

Вызывает уважение позиция В. Ойкена, высказанная в Германии в середине 1930-х годов: социальная рыночная экономика, то есть экономика свободного общения, единственная, которая может дать благосостояние для большинства, базируется на частной собственности и ответственности, с ней связанной. А его единомышленник У. Липман показал, как общество может отвернуться от этих идей.

Список мнений, отличных от базовых моделей, изложенных в учебниках, можно продолжать до бесконечности. Хорошему экономисту следует быть осведомленным о достижениях других наук. Трудно говорить о профессионализме, если специалист не знает истории, в том числе и собственной науки.

О свободе

Если согласиться, что моральные нормы вырабатываются в ходе общения, то возникает вопрос: в чем причина их разительных отличий в разных обществах? По А. Смитю, сами причины делятся на объективные и субъективные. Объективные связаны с недостатком: «Человек только тогда начинает интересоваться прочими людьми, когда его собственное положение становится сносным», а субъективные – с образцами поведения: «В каждую эпоху и в каждой стране поведение более всего уважаемых людей принимается за мерило, с которым сравнивают вообще все добродетели и нравственные качества»¹.

Свобода общения и обменов создает условия как для роста благосостояния (о чем написано в «Богатстве народов»), так и для трансляции образцов нравственного поведения. (Когда руководители страны и творческая элита начинают использовать жаргон и нецензурную лексику – моральный, экономический и социальный кризисы стране гарантированы.)

Откуда же берется «упадок нравов»? Из нищеты, безнравственного поведения сильных мира сего и диктата государства, создающего нормы, обязательные для подданных, но необязательные для избранных, то есть – из нарушения принципа справедливости...

¹ Там же. С. 204.

4.3. Как обществу стать богаче и совершеннее?¹

В предыдущей статье² были приведены некоторые аргументы в пользу того, что этическое поведение даже части субъектов в части соблюдения обязательств, учета интересов третьих лиц и ряда других принципов не только не мешает отдельным субъектам в достижении долгосрочных экономических целей, но и способствует этому, а также помогает достичь общественной координации, равновесия в экономике и роста эффективности рыночных институтов.

К примеру, если индивидум не демонстрирует «жадность» и ориентируется на «средние» цены, равновесие в экономике достигается быстрее. Полезность этического поведения для оптимальной аллокации ресурсов можно доказать и методом от противного. Взятки и откаты, обычно объясняемые несовершенством институтов, жесткостью конкуренции и благородной целью сохранения предприятия, рабочих мест и доходов, неизбежно будут приводить к консервации существующей структуры экономики, сохранению неэффективных производств, которые в ином случае неизбежно ушли бы с рынка.

Факты коррупции вызывают общественное порицание как незаработанные доходы и статусная рента, но для экономиста они более опасны как источник общей неэффективности экономики и способ перевода конкуренции в специфическую и разрушительную плоскость. Но присвоенные таким образом доходы, видимо, составляют не основную часть общего ущерба от коррупции для общества.

В данной статье предлагается ответить на следующие вопросы:

- Возможно ли представить экономику, в которой все субъекты придерживались бы единых норм и правил?
- Что происходит при нарушении этических норм и как это связано с всеобщим благосостоянием?
- В какой мере можно считать этику общественным благом?

Конфликт формальных и неформальных норм

Светская и религиозная этика, с одной стороны, и государственные институты – с другой, полезны для экономического и социального развития лишь в той степени, в какой они повы-

¹ ЭКО 2013, № 3.

² *Клисторин В.И.* Рыночная экономика, нравственность, этика и религия // ЭКО. – 2012. – №10. – С. 167–178.

шают эффективность рыночной координации индивидуальных планов и действий экономических субъектов. «Этика и религия снижают неопределенность относительно того, какие варианты из стоящих перед ними альтернатив действий предпочтет другой субъект. Этика предполагает, что действующий субъект берет на себя обязательство сократить диапазон вариантов действия до определенного, этически оправданного набора»¹. Предполагается, что в этом направлении действуют и государственные институты, устанавливая формальные правила и требуя их соблюдения от всех без исключения экономических субъектов. В этом смысле этика, религия и государство являются субститутами и находятся в состоянии конкуренции. Люди часто сталкиваются с проблемой выбора норм, которым они должны следовать, принимая решения в той или иной ситуации. Человек может оправдывать свои неэтичные поступки законопослушанием или религиозными запретами. Или же, наоборот, нарушение закона – следованием нравственным или религиозным принципам.

Казалось бы, наилучшей из возможных представляется ситуация, когда светские, религиозные и законодательные предписания и нормы не противоречат друг другу, а совпадают или крайне близки между собой. В этом случае экономические субъекты, будучи сами подвержены тройному контролю, ожидают соблюдения определенных норм от других субъектов, что снижает транзакционные издержки и облегчает достижение равновесия и оптимума по Парето. Но в реальности это недостижимо. Не только потому, что большая часть населения Земли живет в полиэтнических и многоконфессиональных государствах, а действующее законодательство столь обширно и противоречиво, что не нарушить его очень трудно. Религиозные, этические и правовые нормы генетически не сводимы друг к другу и эволюционируют по разным причинам и с разным темпом, а иногда и в разных направлениях.

Этические нормы транслируются через множество слабо связанных между собой институтов, таких как семья, школа, армия, разного рода общины, другие коллективы и группы. Религиозные же нормы и государственные решения обычно проводятся через

¹ Козловски П., Принципы этической экономики. – СПб: Экономическая школа, 1999. – С. 93.

церковь и государственные структуры, которые, как правило, представляют собой иерархические организации¹.

Кроме того, соблюдение этических и религиозных правил и норм предполагает систему поощрений (неважно, на этом свете или на том) наряду с системой наказаний (опять-таки, возможно, в другой жизни). Государство больше полагается на систему наказаний, иногда весьма строгих. В этом смысле оно обеспечивает «жесткую» координацию деятельности субъектов, в то время как этика и религия – «мягкую»².

Действенность и моральная обязательность этических правил не только в экономике, но и в любых видах человеческой деятельности становятся источником и гарантией выполнения обещаний других людей и повышают предсказуемость их действий. Поскольку основой рыночной экономики является договор равноправных субъектов (с набором взаимных обязательств), а соблюдение договоров – главный принцип рыночного хозяйства, то поощрение этикой доверия друг к другу имеет важные экономические последствия в виде снижения неопределенности и рисков. Значение доверия в хозяйственном порядке, основанном на свободных договорах, показывает, почему государство и другие экономические институты должны быть заинтересованы в том, чтобы хозяйствующие субъекты доверяли партнерам, равно как и в том, чтобы это доверие было оправданным.

В идеале окружающая человека среда, полная неопределенности и всевозможных рисков при принятии решения действующим субъектом, благодаря наличию этики, религии и государства, в теории должна превращаться в нечто, почти полностью зависящее от нравственного решения законопослушного человека, а следовательно, не может влиять на эти решения. На практике это позволяет человеку действовать в условиях достаточной определенности в мире, полном неопределенности. И, самое главное, этика и религия служат гарантом, что последствия его собственной деятельности будут предсказуемыми.

¹ Религиозные организации, даже имея сетевую структуру, обычно имеют центр, основанный на идее авторитета.

² «Этика не навязывает религии и религия не принуждает к этике. Несостоятельность этики не вызывает автоматически корректирующего вмешательства религии, вера в истинность религии не вызывает сама по себе этического поведения» // *Козловски П.* Цит. соч. С. 71.

Стремление к следованию этическим нормам и правилам обычно предполагает низкий уровень предпочтения настоящего над будущим. Напротив, близорукий гедонизм, т.е. высокий уровень предпочтения настоящего по сравнению с будущим и материального над духовным, трудно сочетается с этическим поведением, что давно отмечено как религиозными мыслителями, так и экономистами.

Но идеальная с точки зрения статистики ситуация близости или совпадения религиозных норм, обыденных правил и законодательных предписаний на деле характерна только для тоталитарных обществ, которые ставят консолидацию общества выше других ценностей, включая ценности развития. Такие общества, как показывает история, внешне хотя и выглядят монолитными, но обычно долго не живут, поскольку очень быстро внешнее соблюдение норм вытесняет внутреннюю мотивацию. Этот процесс, как правило, начинается в высших слоях общества и постепенно захватывает остальные слои.

Индивидуальная рента, получаемая в результате нарушения норм в обществе, в котором все обязаны им следовать, обычно столь велика, что не может оставаться незамеченной. Моральное разложение приводит к извращению смысла и деградации институтов, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности координации и снижению экономического роста.

Более того, поскольку этические, религиозные и законодательные нормы несводимы друг к другу, в тоталитарных обществах в конечном счете остается что-то одно: либо подавление религии и нравственности законом, либо распространение религиозных норм на все стороны жизни общества и придание им характера права. И тогда роль светских этических норм подавляется, а сами они трансформируются в нечто противоположное.

Что происходит при нарушении норм

Надежды на всеобщее соблюдение неформальных норм всеми субъектами утопичны изначально – в ином случае такие общества были бы зафиксированы в памяти людей. В них, очевидно, не было бы формальных институтов и системы наказаний, коль скоро не было бы самих нарушений и преступлений. Но, во-первых, всегда, как минимум, найдутся лица с нарушением психики. Во-вторых,

можно легко представить ситуацию, когда человек стоит перед дилеммой: какое из правил следует нарушить. Вся мировая литература посвящена именно таким случаям. В-третьих, даже зная и в принципе соблюдая нормы, человек может не устоять перед соблазном, когда выигрыш представляется особенно желанным или проигрыш – особенно чувствительным. Поскольку нижней границы таких выигрышей и проигрышей не существует, такое поведение представляется весьма распространенным.

Соблюдение этических норм требует обычно определенных усилий и достаточно четких представлений о долгосрочных последствиях и внешних эффектах, поэтому трудно требовать их соблюдения от детей. Но зная, какое большое число людей, даже став взрослыми, сохраняют детскую непосредственность и хитрость, нельзя представить всеобщее соблюдение общепринятых норм.

Возникает вопрос о том, каковы общественные потери при наличии исключений, когда нет всеобщего исполнения норм. Около полувека назад Дж. Бьюкенен и Г. Таллок показали, что возможны ситуации, когда потери несущественны или даже приводят к росту общей полезности или росту благосостояния. Если запрещено ходить по газону в целях его сохранения, но это правило иногда нарушается, то общественная полезность при 90%-м соблюдении правила будет выше, чем при 100%-м.

Далее, люди экспериментируют с нормами своего поведения подобно тому, как они экспериментируют в области технологии производства и потребления благ, законодательстве или в искусстве. Даже если эксперименты закончились провалом, как это было с движением хиппи, они не проходят бесследно. Культура современных обществ меняется достаточно динамично. Творческие искания художников во всех смыслах, молодежные протесты, деятельность государственных и негосударственных институтов и религиозных организаций постоянно ставят под сомнение те или иные этические принципы или пытаются их сформулировать иным образом¹.

¹ «Экономика вместе с наукой и искусством образует три главные области культуры... Действия людей в этих областях нацелены на экономическую, теоретическую и эстетическую ценность, которым соответствуют блага пользования, познания и искусства... Экономическая ценность не является независимой от эстетической, этической и культурной ценности блага». (Козловски П. Цит. соч. С. 116–117).

Самое интересное заключается в том, что изменение господствующих ценностей и отражающих их этических норм может носить кумулятивный характер, поскольку скорость их распространения зависит от доли индивидуумов, их разделяющих, от относительной величины выигрыша для лиц, придерживающихся подобной модели поведения, и от величины ущерба для тех, кто придерживается иной морали. Все эти параметры, очевидно, тесно связаны между собой. Что подтверждается в случае так называемой эрозии этических стандартов или снижении предельной морали, когда, например, сквернословие или физическое насилие по отношению к более слабым из запретного превращается в обязательное. Специалисты даже говорят о некоем социальном законе Грешема, когда формируются механизмы давления на субъектов, в результате которого «плохие» нормы вытесняют «хорошие». В эволюции этических норм это означает, что процессы деградации идут значительно быстрее, чем восстановления.

Исходя из сказанного, следует, во-первых, что государство не должно пытаться заменить собой этические и религиозные нормы или сделать их законом. Во-вторых, оно должно следовать принципу милосердия или как минимум не ужесточать наказания. В-третьих, подавать пример этичного поведения и способствовать укреплению институтов «самоочищения» власти путем выборов, ротации или чего-то подобного.

Общественные блага и полезные продукты: роль этики и государства

Согласно Р. Масгрейву, государство помимо прочего производит общественные блага и способствует росту потребления полезных продуктов (достойных благ) и ограничению потребления вредных. Чтобы убедить общество в правильности своей политики, государство прилагает значительные усилия для подтверждения того, что производимые им блага действительно являются общественными; полезные продукты, производимые фирмами, домашними хозяйствами и самим государством, – полезными, а вредные – действительно несут в себе угрозу с общественной точки зрения.

Общественные блага характеризуются отсутствием конкуренции при их потреблении и порождают «проблему безбилетника». Типичный пример – национальная оборона – показывает, что

наслаждение безопасностью при отсутствии угрозы внешнего нападения никак не зависит не только от числа тех, кого защищают Вооруженные силы, но и даже от того, каков личный вклад того или иного субъекта в укрепление обороноспособности страны.

Другое дело – полезность или вредность продуктов. Действительно ли детское питание или медикаменты настолько полезны, что их следует субсидировать, а наркотики настолько вредны, что их следует запрещать? Может быть, следовало запретить алкоголь¹ или опасные виды профессий, автомобили, поскольку в результате ДТП погибает людей больше, чем в современных войнах (кроме гражданских), профессиональный спорт, многие виды развлечений и т.п.?

Государство не только улавливает настроения людей, но и может манипулировать общественным мнением. Применительно к интересующему нас предмету – проблеме ценностей, государство умеет придавать некоторым благам высший приоритет ценности, в результате чего меняется общественная ценность всех других благ. При этом возникающая в общественном сознании высшая абсолютная ценность этих благ принимает характер дихотомии. На самом деле это далеко не так. Казалось бы, очевиден тезис о том, что много безопасности не бывает. Следовательно, расходы на оборону могут быть ограничены только ресурсами, находящимися в распоряжении общества, способностью Правительства аккумулировать эти ресурсы и возможностью эффективного их использования. Разумеется, немаловажную роль играет и реальность внешней угрозы.

Но сколько раз в новейшей истории заботы о национальной безопасности приводили к обратному результату! Нарращивание военной мощи ведущими европейскими державами привело в XX веке к двум мировым войнам, хотя уже в то время в Европе говорили только об обороне от агрессии. Причины видятся, во-первых, в представлении о том, что угроза определяется не декларациями, а возможностями, а, во-вторых, в том, что обороняться можно и путем наступления. Наличие мощных вооруженных сил само по себе создает соблазн и даже необходимость их использования, поскольку еще древние знали, что меч в ножнах

¹ Опыт реализации сухого закона в США показывает, что запрет только усугубляет проблему и имеет следствием рост организованной преступности и коррупции.

ржавеет быстрее... Итак, наличие военной мощи не является залогом безопасности, а для Германии и России в прошлом веке послужило одной из важнейших причин цепочки национальных катастроф. Но и без всякой войны милитаризация экономики только до определенной степени может служить росту общественного благосостояния, как бы мы его ни понимали и как бы его ни измеряли. Следовательно, с определенного момента общественное благо может превратиться в анти-благо¹.

В более широком историческом контексте следует вспомнить, что войны велись и общественная безопасность поддерживалась частным образом. История большинства стран дает множество таких примеров. Так действительно ли оборона и безопасность, производимые государством, всегда являются общественным благом? Всемирная история говорит о том, что это бывает в редчайших случаях.

Если же среди экономических субъектов рассматривать и государственные структуры, которые извлекают пользу из производства таких общественных благ, то проблема общественных благ применительно к ряду областей вообще снимается. Эти блага (например ту же безопасность) можно рассматривать как частное благо для Правительства и/или отдельных его ведомств. Тогда рыночная координация опять становится всеобщим принципом. И для достижения равновесия и оптимума по Парето необходимы лишь гибкость цен и этика как способ снижения транзакционных издержек. Анализ другого «хрестоматийного» общественного блага – маяка – провел Р. Коуз в знаменитой статье².

Но есть общественные блага другого плана, например, наука и искусство, моральные и нравственные нормы. Здесь, в отличие от обороны и безопасности, действительно нет конкуренции в потреблении, а доступ на рынок в качестве производителя и потребителя регулируется совсем другими факторами, в отличие от частных благ. Много честности или порядочности не бывает.

Как известно, общественные блага обладают такими свойствами, как неконкурентоспособность, а, следовательно, «неизна-

¹ Любопытно, что профессиональный военный Д. Эйзенхауэр, покидая пост Президента США в разгар холодной войны, посчитал уместным предупредить нацию об опасности концентрации власти в руках военно-промышленного комплекса, к развитию которого приложил немало усилий.

² Коуз Р. Маяк в экономической теории // Фирма, рынок и право. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.

шиваемость» в процессе потребления, и положительным эффектом масштаба в части потребления и производства. Последнее означает стабильность или даже рост предельной полезности с ростом потребления и аналогичное поведение предельной производительности при производстве¹.

Все эти свойства полностью относятся к совокупности благ, объединяемых понятием «культура». Ценность научных открытий, произведений искусства, рукотворных или природных ландшафтов определяется не их изначальной полезностью для их авторов или первооткрывателей, а числом индивидов, знакомых с ними и извлекающих пользу из этого знакомства. Но достижения науки, искусств и этическое поведение, соответствуя указанным выше критериям, «производятся» тем не менее частным образом при поддержке, а иногда и вовсе без поддержки государства.

Таким образом, мы убеждаемся, что простая и стройная теория общественных благ, включающая простую дихотомию общественные блага – частные блага, обязательность участия государства в их производстве путем финансирования и придание общественным благам приоритета высшей ценности, как минимум, требует уточнения. Отсюда концепция государства как некоего субъекта, производящего набор стандартных, привычных и потому не требующих дополнительного обоснования услуг, также требует пересмотра.

Справедливость как ценность и критерий эффективности политики

Справедливость является одной из центральных этических норм и самым загадочным экономическим принципом. Иногда экономистам удавалось сформулировать и операционализировать понятие справедливости применительно к определенным видам экономической деятельности. Например, справедливость в налогообложении понимается как обязанность всех субъектов платить налоги по единым правилам (при условии исключения лазеек для уклонения), а государство должно собирать налоги таким образом и в такое время, когда это наиболее удобно налогоплательщику, и заранее извещать последнего обо всех обстоятельствах сбора налогов.

¹ Козловски П. Цит. соч. – С. 122–127.

Несколько иная ситуация с рыночными сделками. Сделки признаются несправедливыми, если:

- одна из сторон использует рыночную власть, например в преддверии размещения акций их курс искусственно вздувается, а после размещения он «внезапно» падает;
- монополия сужает поле альтернатив, например, если должник вынужден соглашаться с любой процентной ставкой или тарифом;
- используются определенные методы давления, например локауты, шантаж или запугивание;
- одна из сторон обманывает другую, и та приобретает некачественное или вообще мнимое благо;
- одна из сторон вводится в заблуждение и не может оценить риски и отдаленные последствия принимаемого решения.

Перечень несправедливых сделок можно было бы продолжить. Государство должно обеспечить максимальную информационную и правовую симметрию при заключении рыночных сделок или как минимум предупредить о возможных опасностях. В случае же выявленных нарушений – способствовать расторжению сделки и восстановлению стагус-кво. Хуже обстоит дело с понятием справедливой цены. Даже краткий обзор дискуссий по этому вопросу потребовал бы целой монографии. Экономистам пришлось согласиться с тем, что «справедливые цены» – это цены легального рынка, очищенные от перечисленных выше искажений и тех, которые могут быть навязаны внешними субъектами, например международными организациями. Именно поэтому технократические рекомендации МВФ и Всемирного банка и деятельность транснациональных корпораций часто воспринимаются как несправедливые.

Совершенно плохо обстоит дело с понятием справедливости применительно к распределению. Представление многих экономистов и неэкономистов о том, что, произведя чистый продукт, общество может его распределить в любой пропорции между текущим потреблением и инвестициями, а те и другие – в любой пропорции между общественными группами, отраслями и видами деятельности, – неверно. Дело не только в «оптимальном» соотношении между потреблением и накоплением, требованием возмещения услуг факторов и т.п., но и в том, что в долгосрочном аспекте разделение процессов создания богатства, его распределения и потребления не работает даже как аналитический инст-

румент. Кроме того, общество и отдельные его группы имеют свое представление об этичности поведения субъектов в указанных областях и могут реагировать на факты эксплуатации, несправедливости или расточительности. Принципы равенства в минимальных жизненных стандартах, в шансах на улучшение своего положения, правило «каждому по делам его» – соответствуют справедливости, но могут противоречить друг другу.

Джон Ролз попытался сформулировать критерий распределения, отвечающий понятиям справедливости. Само по себе социальное и экономическое неравенство, с его точки зрения, не может быть признанным справедливым или несправедливым. Но распределение можно считать справедливым, если наиболее обездоленные будут иметь лучшие перспективы, а само неравенство будет связано с должностями и позициями, изначально доступными всем в равной степени. Большинство специалистов трактуют теорию Ролза как крайне эгалитарную.

Другой подход, обычно называемый утилитаристским и формально противостоящий эгалитаризму, предполагает максимизацию совокупного благосостояния как стремление к справедливости. Тогда «жертвы» со стороны отдельных групп в пользу других считаются неоправданными, если общество в целом не может достичь максимально достижимого уровня потребления материальных и духовных благ.

Опасность обеих концепций состоит не только в том, что выбранные критерии справедливости противоречат другим, разделяемым значительной частью общества, и могут быть достижимыми как при абсолютно равномерном, так и чрезвычайно дифференцированном распределении. Обе концепции хотя бы частично переносят ответственность за результаты индивидуальных решений с уровня экономических субъектов на уровень государства и общества в целом. Такое возможно в случае, когда государство «знает» потребности этих субъектов, может ранжировать потребности или как минимум отличить истинные потребности от мнимых.

Поскольку в экономике результаты распределения доходов и имущества определяются не только объемами ресурсов и качеством методик расчетов, но и везением, счастливым стечением обстоятельств, вопрос о справедливости в распределении становится совсем запутанным. С одной стороны, справедливо помогать тем, кто попал в тяжелое положение, с другой – субъект должен

нести полную ответственность за принимаемые решения. Формальные теории вряд ли справятся с этой проблемой, но она постоянно решается в конкретных ситуациях на основании действующих этических норм и здравого смысла.

Государство и наиболее обеспеченные группы в принципе заинтересованы в сохранении и распространении этических норм и здравого смысла, которые помогают решать проблему справедливости как постоянный процесс ограничения несправедливости¹. В этом отношении им следует брать пример с части европейской аристократии. Если же по каким-то причинам они устраняются от решения подобной задачи, распространение «плохих» норм и деградация институтов могут принять необратимый характер.

4.4. О консерватизме, протекционизме и исторической памяти²

Размышления по поводу статьи С.Ю. Барсуковой об эффективном протекционизме.

Про героев и кино

В советское время наряду с фильмами о вождях и героях гражданской войны был создан особый тип «исторических» фильмов, посвященных царям, полководцам, ученым и литераторам далекого прошлого – таким, как Александр Невский, Богдан Хмельницкий, хирург Пирогов и многие другие. Все эти герои мало походили на свои исторические прототипы, но обладали рядом отличительных черт: патриотизмом, ненавистью к внешним и внутренним врагам, сверхчеловеческой проницательностью и глубокой народностью. Видимо, к тому времени было осознано, что иконостас, созданный из профессиональных революционеров и мифических полярников, свиначков и спортсменов, явно неполон, а история страны началась не в XX веке.

Пантеон героев прошлого регулярно пополнялся, но, несмотря на внешние отличия, адмирал Ушаков, Петр I или генералис-

¹ Трудно требовать от нищих и бездомных уважения институтов собственности, так же как и соблюдения гигиенических норм или представлений о здоровой жизни как высшей ценности.

² ЭКО. – 2011. – № 7.

симус Суворов больше походили на Котовского, Свердлова или Дзержинского. Эти рыцари без страха и упрека не делали ошибок и твердо владели истиной в последней инстанции. Не случайно в этом пантеоне не оказалось места для Сперанского, Витте, Столыпина или философа Ильина, которые стали популярными лишь в постсоветское время – по мере роста запроса со стороны общества (и, особенно, его элиты) на стабильность и консерватизм.

Идеологии и их отсутствие

Как и сто лет назад, в России сосуществуют три основные идеологии: либерализм, консерватизм и социализм. Либералам и социалистам одинаково претит национализм консерваторов, социалисты и консерваторы ненавидят либералов за намерение ограничить интервенционизм государства, а либералам и консерваторам дружно не нравятся мечты социалистов о патернализме со стороны государства. Первым, поскольку ущемляются личные свободы, вторым – поскольку разрушаются традиционные институты и, главное, ликвидируется сословность.

Бюрократия, воспитанная на исполнении приказов и формулировании инициатив, приятных начальству, идеологии лишена – поскольку идеология неизбежно является ограничением в политике, что снижает свободу маневра и препятствует карьерному росту. Она готова использовать любые лозунги в своих целях, но неизбежно выбирает те, которые в данный момент способствуют укреплению ее власти, независимости от общества и неподконтрольности. Тактические союзы между носителями любых идеологий, равно как и бюрократии с любой идеологической доктриной, возможны, что мы и наблюдали в России и в мире неоднократно.

Про экономическую политику и экономическую науку

Правда ли, что каждый политик в своих решениях придерживается некой экономической теории? О слабом влиянии результатов экономических исследований на экономическую политику писал Дж. Стиглер. Он объяснял свою позицию тем, что «им (экономистам) недоставало специального профессионального знания сравнительной компетенции государства и частного бизнеса». Далее он отмечал, что «хотя экономист играет фундаментально важную роль, когда увеличивает объем знаний о функцио-

нировании экономических систем... его открытия слишком специализированы и формализованы, чтобы их легко могли понять те, кто не принадлежит к узкому кругу его собратьев по научной работе. Влияние трудов экономиста и уважение, которым он пользуется среди непрофессионалов, по всей вероятности должны отрицательно коррелировать друг с другом»¹.

Другая точка зрения на соотношение научных теорий и практической политики была сформулирована Дж. М. Кейнсом: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад»².

Разумеется, не только алчность, но и идеи правят миром. Однако отечественные политики и чиновники с глубоким недоверием относятся к экономической науке. Дело не только в различиях языка, на котором говорят ученые и политики. Проблема видится в том, что академические ученые при формулировке своих выводов часто злоупотребляют ссылкой на «прочие равные условия» – то есть игнорируют нюансы, которые важны для политиков, и мало интересуются реальными ограничениями – например настроениями избирателей или силой оппозиции. Кроме того, у политиков и бюрократов есть серьезные сомнения в профессиональной компетенции отечественных академических экономистов.

Очевидно, что исторический подход в экономических исследованиях в значительной мере лишен этих недостатков, поскольку предполагает одновременное исследование экономических, социальных и политических процессов в их взаимосвязи и акцентирует внимание на развитии конкретной ситуации. Но такой релятивистский подход делает выводы и более ограниченными, по-

¹ Дин Ф. Роль истории экономической мысли. Панорама экономической мысли конца XX века. – СПб: Экономическая школа, 2002. – С. 50–51.

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс, 1978. – С. 458.

сколько каждый раз рассматривает ситуацию как уникальную. Лучше всего этот вывод сформулировал В. Рошер, который призывал не ругать и не хвалить экономические учреждения – из них лишь очень немногие полезны или вредны для всех народов одинаково... И прежде всего стараться выяснить, каким образом и почему целесообразное часто превращается в нелепое, а благодеяния оборачиваются бедствиями.

Историческая школа и Фридрих Лист

С.Ю. Витте считал Листа самым выдающимся из экономистов, а Ф. Энгельс характеризовал его работы как лучшее из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература, хотя все его прославленное произведение списано у француза Ферье¹.

Националист и сторонник пангерманизма Ф. Лист отстаивал особый путь Германии в экономическом развитии. Он не доверял корыстным буржуа и изобрел концепцию внешних издержек для доказательства несовместимости коммерческого расчета с великой целью развития национальных производительных сил (несовпадение локального и глобального оптимумов). Им была фактически предложена программа экономической интеграции Германии; он активно отстаивал идею экономической колонизации восточной Европы. Жертвы, которые должен был понести немецкий народ в результате протекционистской политики и экспансии, он считал естественными издержками «индустриального воспитания нации».

Его внимание к таможенной политике объяснялось тем, что он был сторонником стабильного курса национальной валюты, основанной на золотом стандарте. Однако он не считал целесообразным бесконечно поддерживать высокие таможенные тарифы, поскольку если за продолжительное время в тепличных условиях та или иная отрасль не достигла должного уровня конкурентоспособности, то она его не достигнет никогда. Ф. Лист писал ярко и образно. Неудивительно, что его приглашали редактировать «Новую рейнскую газету».

Национализм Ф. Листа, как и многих других представителей немецкой исторической школы, пришелся по вкусу германскому истеблишменту, поскольку давал обоснование той политики, ко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – С. 490.

торую они были склонны проводить. Социальный мир и градуированные реформы для его поддержания, активная промышленная политика и защита внутреннего рынка, внешняя экспансия и подчинение железнодорожного строительства интересам генштаба – как это все могло не импонировать Бисмарку? Национализм Листа и исторической школы вообще в немалой степени способствовал развитию идеологии, принесшей немецкому народу столько бедствий в XX веке.

Сергей Юльевич Витте

С.Ю. Витте оставил нам прекрасные воспоминания¹, которые вполне характеризуют его самого, условия, в которых он жил и работал, его убеждения и те компромиссы, на которые он шел. Поскольку в те времена не было принято нанимать журналистов для написания подобных текстов, то следует отметить несомненный литературный дар и остроумие автора. Из сказанного выше в принципе понятно, почему Витте так нравились идеи Ф. Листа. В те времена открытие внешних рынков и навязывание свободной торговли под дулами канонерок было обычной практикой. Витте разделял точку зрения Листа на полезность свободной торговли для наиболее передовых (Англия) и наиболее отстающих в экономическом развитии стран (Китай, Персия и т.п.). Эта концепция позволяла закрывать собственный рынок от английских и немецких товаров, но при этом требовать открытости рынков для своих товаров у периферийных стран.

С.Ю. Витте был консерватором, но, подобно Бисмарку, шел на радикальные реформы для сохранения базовых институтов тогдашнего российского общества, причем монархия и сословные привилегии были не последними в списке приоритетов. Талантливый человек, он не боялся конкуренции и привлекал к работе способных людей. Этот тонкий политик знал, с кем надо согласовывать свои предложения. Недаром он вел долгие беседы с К.П. Победоносцевым, чье имя было в те годы нарицательным. Самого же Победоносцева он оценивал так: «человек он был недурной, разумный и талантливый, но страдал полным отсутствием положительного жизненного творчества; он ко всему относился критически, а сам ничего создать не мог»². В противополож-

¹ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991.

² *Витте С.Ю.* Указ. соч. – С. 201.

ность другим консерваторам Витте сделал много. Помимо того, что уже вошло в учебники истории, можно вспомнить создание корпуса пограничной стражи при Министерстве финансов и введение многопартийного протопарламента.

Своеобразен юмор С.Ю. Витте. «В то время, в 70–60-х годах, все были ужасные фритредеры: все стояли за свободу торговли и считали, что этот закон о свободе торговли так же непреложен, как закон мироздания... При обсуждении пошлины на кофе Тернер сказал, что пропускать кофе нужно без всякой пошлины, поскольку лица, которые не употребляют кофе, – глупеют, что кофе чуть ли не единственное средство для развития мозговой системы, а потому и ума»¹. Далее идет комментарий: «Тернер любил очень много писать, но все что он писал, было бесцветно». Или чего стоит такая характеристика: «вице-директором этого департамента был генерал-лейтенант барон Ган, человек очень хороший, но вполне ничтожный»².

Но Витте прекрасно понимал, что политика, особенно внешнеэкономическая, это не столько следование тем или иным доктринам или инструкциям, а трудный путь переговоров, в которых надо обеспечить сильную позицию. Так было и во время таможенной войны с Германией, и при заключении Портсмутского договора с Японией. И последнее. Он хотел сохранить в России все, что можно было сохранить, но атаки со стороны как радикализирующегося общества, так и правящей бюрократии не позволили ему реализовать свою программу. Саша Черный писал: «Витте родиной живет и себя не любит. Вся страна с надеждой ждет, кто ее погубит».

О пользе и вреде протекционизма

С.Ю. Витте был националист и государственный, но он строил открытую экономику. Для него протекционизм был не только и не столько средством поддержки отечественного капитала, сколько механизмом привлечения прямых иностранных инвестиций. Собственно, введение золотого рубля послужило снижению валютных рисков и резко сократило спекуляции на валютном рынке, особенно со стороны лиц, владевших инсайдерской информацией. Напомним, что в условиях фиксирован-

¹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. – С. 187–188.

² Там же. – С. 233.

ных валютных курсов именно таможенные тарифы и нетарифное регулирование становились важнейшими инструментами промышленной политики.

Другие инструменты, такие как государственные кредиты и гарантии, Витте рассматривал как излишне «коррупциогенные» и в целом относился к ним негативно, хотя и вынужден был использовать. В своей экономической политике он был сторонником сбалансированного подхода: регулирование движения товаров и капитала должно было способствовать как развитию внутреннего производства и рынка, так и внешней экспансии российских товаров и капитала.

С тех пор многое изменилось. Мир перешел к системе плавающих валютных курсов, резко расширился перечень целей и инструментов государственного регулирования экономики, усложнились структура экономики и мотивация поведения ее субъектов, повысилась мобильность ресурсов и доступность информации. Классический протекционизм конца XIX в. уступил позиции более изощренным инструментам повышения конкурентоспособности отечественных производителей – как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Открытые торговые войны теперь никому не нужны, а вместо жалоб на запретительные тарифы мы слышим проклятия по поводу манипулирования курсом национальной валюты.

Нужно ли нам вступать в ВТО? Формально это – международная организация, призванная обеспечить свободу торговли в широком смысле, то есть воюющая с тарифными и нетарифными ограничениями и несправедливыми конкурентными преимуществами вроде субсидий, демпинга, снижения издержек за счет уничтожения окружающей среды или эксплуатации труда. Но главный смысл организации – в ведении переговоров по этим и другим вопросам. Поскольку нет механизма исключения из ВТО, то не самая либеральная в экономическом плане Куба остается ее членом.

О методологическом плюрализме и обоснованности выводов

Экономисты могут придерживаться разных доктрин. Одни верят в то, что свободный рынок является идеальным механизмом координации деятельности субъектов (при выполнении ряда ус-

ловий). Другие полагают, что рыночный механизм неидеален, но лишь он позволяет выявлять и, следовательно, исправлять ошибки. Третьи скептически оценивают возможности рыночного механизма и концентрируются на фиаско рынка, их своевременном диагностировании и лечении. Четвертые видят в ценах не столько игру спроса и предложения, сколько результат распределения экономической власти и конфликты институтов.

Но экономическая теория нужна, помимо прочего, еще и для того, чтобы грамотно формулировать исследовательские гипотезы, подлежащие эмпирической проверке. И если такая проверка пройдена успешно, мы можем говорить о корректности и надежности выводов. Таким образом, при всем различии в методологии и инструментарии исследований, экономическая наука в целом делится только на хорошую и плохую. Это же в полной мере относится и к историко-экономическим исследованиям.

4.5. Совместимы ли русский национальный характер и модернизация?¹

Провозглашенный курс на модернизацию, инновации и преодоление сырьевой ориентации экономики России вызывает все больший скептицизм в обществе и среди специалистов. Среди объяснений торможения инициатив Президента и Правительства РФ все чаще мелькает тезис об исключительно сильном влиянии русского национального характера на экономико-политические процессы в нашей стране и исторической предопределенности либо вечной отсталости России, либо неизбежности ее модернизации только «сверху», либо того и другого вместе. Обильные цитирования различных авторов, от В.О. Ключевского и Г.И. Успенского до современных писателей, подталкивают читателя к мысли, что менталитет русского народа не меняется или меняется крайне медленно. Трудовая пассивность, долготерпение, неприхотливость, нерациональность при выборе занятости, иждивенчество, ненависть к богатым и успешным и т.п. якобы являются чертами национального характера, и в этом смысле русские противопоставляются американцам. Причины авторы подобных пассажей видят во влиянии географического фактора,

¹ ЭКО. – 2011. – № 11.

поздней отмене крепостного права, советском опыте или всего вместе¹. Выводы обычно сводятся к тому, что в политике надо использовать особенности национального характера, а модернизация не может быть быстрой. В переводе на русский язык это означает, что с этим народом что-то толковое сделать трудно. Его нужно заново социализировать, т.е. воспитать нового человека, а назревшие (и непопулярные) реформы следует проводить только «сверху», поскольку так было всегда, а оплачивать эти реформы должно «население», особых выгод для которого, как обычно, не предполагается.

Национальный характер и географический детерминизм

Почему же тезис об особенностях национального характера как основного тормоза модернизации столь популярен? Заметьте, как тесно он переплетается с утверждениями о том, что армия (милиция, прокуратура и вообще любая бюрократическая структура) являются частью народа, и каков народ – такова и армия (милиция, прокуратура и далее по списку). Это означает, что сделать ничего нельзя, а если что-то сделать, то будет только хуже. Все преобразования, в том числе и перезревшие, надо растянуть на как можно более длительное время и проводить под неустанным контролем бюрократии, которая ежедневно доказывает свою неэффективность. Именно для этого понадобились понятия «особенности» русского народа: уникальности его менталитета и особой исторической судьбы.

Справедливости ради следует согласиться с тем, что великие писатели и мыслители прошлого, включая историков, социологов и социальных философов, действительно объясняли особенностями национального характера скотское положение русского народа и эмпирически наблюдаемый разрыв в ценностях, разделяемых большей частью крестьянского населения, в общественном устройстве и общественной жизни, а также в развитии производительных сил в сравнении с «передовыми странами». Вот если бы русские приняли не восточное православие, а католицизм, если бы не жили так долго под татаро-

¹ См, например, *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov/ (дата обращения 14.05.2011).

монгольским игом, если бы центром консолидации нации стала не Москва, а Киев, Новгород Великий или какой-нибудь город Галицийской Руси, то все было бы иначе. Конечно, было бы иначе. Но теперь уже иначе не будет.

Все это – рассуждения о случайности исторического процесса. Но многим хотелось бы видеть в этой череде случайностей какую-то закономерность, и в результате появляется концепция географического детерминизма в разных видах и формах. Объясняющими факторами становятся короткий вегетационный период и низкие температуры зимой, неудачное направление русла рек, низкая плотность населения, наличие девственных лесов или их отсутствие, низкое естественное плодородие почв и наличие уникальных черноземов. Перечислять можно до бесконечности. Короче, благодаря холодному климату редкое население среднерусских равнин пришло в движение и постоянно захватывало близ- и дальнележащие земли, поскольку обладало особой ментальностью и негативной трудовой этикой.

Две тысячи лет назад Плиний Старший считал, что Египту природой гарантировано быть житницей Средиземноморья, в отличие от холодной, каменистой и неплодородной Италии, не говоря уже о заросших непроходимыми лесами Галлии и Германии или дикой, заснеженной и негостеприимной Скифии, располагавшейся на северном побережье Черного моря. Если все пойдет своим чередом, то Италия, не говоря уже о более северных странах, всегда будет бедной, а Египет – богатым. Наверняка не последней в длинной череде подобных работ окажется и известная книга «Почему Россия не Америка».

В древние времена зависимость общества от природы и влияние последней на скорость эволюции технологии, государственного устройства и особенности национального характера, возможно, была высокой. Но это уже давно не так. По крайней мере, лет 500. Если исходить из гипотезы географического детерминизма, то европейцы, проехавшие в Северную Америку или Австралию, должны были перенять образ жизни и менталитет аборигенов, не говоря уже о цыганах, столетиями живущих бок о бок с другими народами. Именно общественные институты становятся главными факторами прогресса или деградации человеческих обществ, и главным из них является государство.

Насколько устойчив национальный характер

Если исходить из гипотезы географического детерминизма и исторической памяти, то национальный характер должен меняться очень медленно. Например, малый ледниковый период должен был сильно повлиять на характер населения Северной Европы, Великая французская революция и наполеоновские войны – возможно, а мирное развитие последних десятилетий XX века – определено нет, если не принимать в расчет глобальное потепление. Но можно вполне обоснованно утверждать, по крайней мере, применительно к Европе, это не так.

Действительно значительные изменения в структуре ценностей и поведении больших масс населения, в раскрепощении творческой активности, расцвете наук, искусства и формировании новых институтов мы обнаруживаем в Северной Италии в XV веке. Революции в торговле и финансах привели не только к росту богатства (не для всех), но и к достижениям в области архитектуры и техники, сравнимым и даже превосходящим достижения античности.

Показателен пример Германии. В начале XIX века немецкоязычные государства были относительно бедными и, что еще более важно, инертными, сонными и медленно развивающимися странами. Но после начала процесса объединения, еще до создания Германского рейха, но особенно после франко-прусской войны, развитие шло столь стремительно, что Германия обогнала Великобританию.

Англия в свое время сильно отставала от Франции в экономическом развитии, а сами англичане были неплохими моряками и солдатами, хотя, с точки зрения предпринимательской активности, сильно уступали голландцам. Потом в результате промышленной революции, а скорее, еще до нее, по предприимчивости обогнали всех, и Англия развивалась невиданными темпами. Еще позднее, уже в конце XIX века выяснилось, что англичане гораздо менее любопытны и предприимчивы, чем немцы и американцы, а также их соотечественники из заморских владений. В конце концов, во второй половине XX века, Великобританию поразили стагфляция и социальный склероз. Казалось, навсегда. Но потом выяснилось, что не навсегда.

Немного следует сказать о национальном характере и трудовой этике китайцев. В 1970-е годы специалисты по Китаю отме-

чали невероятный феномен – упадок трудовой этики в Китае. Но в конце прошлого века уже трудно было встретить статью, в которой не говорилось бы о невероятном трудолюбии и упорстве китайцев. Сейчас почти все коллеги, с которыми удается поговорить на эту тему, утверждают, что китайцы (речь обычно идет об ученых и бизнесменах) вовсе не так уж трудолюбивы, а упорны в основном при ведении переговоров, очень любят путешествовать, отдыхать, вкусно и обильно пить и есть, наслаждаться жизнью. Вот такой национальный характер. Можно говорить о классовом или сословном менталитете, сознании и поведении, но тогда концепция национального характера рассыпается, поскольку нация по определению состоит из классов, сословий и социальных групп.

Немного о русском национальном характере

В 1913 г. праздновалось 300-летие дома Романовых. В праздничном календаре было опубликовано множество статистических данных, в том числе национальная и конфессиональная структура населения. Так вот, в России, согласно этим данным, проживало 83 млн великоросов, 20 млн малоросов, 18 млн монголов, 16 млн поляков, по 9 млн финнов и белорусов, 6 млн евреев¹. На 1000 жителей приходилось 699 православных, 108 магометан, 89 католиков, 48 протестантов, 40 иудеев и т.д. С учетом того, что армяне, грузины, греки, осетины, а также многие немцы и финны были православными, этническое и конфессиональное, а, следовательно, культурное разнообразие населения империи было исключительно велико. Желая ознакомиться с этим разнообразием рекомендуем многотомное издание «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», вышедшее в конце XIX века под общей редакцией вице-председателя Императорского русского географического общества П.П. Семенова.

Люди общались, особенно в городах, перенимали стереотипы поведения друг у друга, меняли структуру потребления и т.д. В начале XX века А.В. Чаянов описал изменения в структуре потребления крестьянских хозяйств под влиянием отхожего промыс-

¹ Так в тексте. (Прим. авт.)

ла и извоза. Он же объяснил экономическое поведение трудового крестьянского хозяйства, включая его якобы нерациональность.

А сами великороссы? Есть ли основания для разговоров о едином национальном характере? Сибиряки славились свободолюбием и предприимчивостью. Ярославцы за свою деловую хватку назывались русскими янки: они держали значительную долю мелких магазинов, лавок и кабаков в обеих столицах. Псковичей выделяли и называли скобарями. Об особенностях казаков, которые были русскими и православными, уже и говорить не стоит: почитайте М. Шолохова или Л. Толстого. Старообрядцы, сектанты разного рода, например жидовствующие или скопцы – у них был тот же национальный характер и та же трудовая этика, о которых пишут уважаемые историки? А еще были поморы, волжане, москвичи, уральцы... А семейские в Забайкалье или молоткане в Закавказье... Это все «простые» люди. Но были еще и европейски образованные специалисты, которые также были частью народа и оказывали влияние на эволюцию «национального характера».

Русские и выходцы из России в XX веке проявили удивительные адаптационные способности и, как правило, добивались успеха в самых разных странах, от США и Канады до Боливии и Норвегии. Представление о дореволюционной России как о дикой и отсталой стране является мифом, восходящим к революционерам, в частности к В.И. Ленину, считавшему Россию слабым звеном и активно работавшему на ее развал. А после этого эмигранты из России создали американский балет, развивали изобразительное искусство и литературу во Франции и не только, внесли выдающийся вклад в развитие различных областей науки и техники в самых разных странах.

Разумеется, национальные особенности имеют место, но примитивное их описание и использование детерминированных конструкций для объяснения исторических процессов столь же малопригодно, как классовые или технократические теории.

Кое-что об отечественной исторической науке

Труды наших историков очень часто вызывают изумление не столько натянутостью аргументов и явной тенденциозностью выводов, сколько полным пренебрежением к фактам и элементарной логике. Видимо, изучение исторического материализма и любовь

к простым доктринам не прошли даром. Сколько было опубликовано макулатуры про великие свершения советского народа. То есть полагалось, что духовные свойства этого народа превосходили все известное в истории. И вот нам говорят, что мы ленивы и нелюбопытны, поскольку таковы наши исторические корни. Как объяснить, что после вытеснения или уничтожения значительной части человеческого и социального капитала в послереволюционный период моральные, деловые и прочие качества народа неизмеримо возросли. Страну постоянно охватывал то трудовой энтузиазм, то патриотический подъем.

Для целей индустриализации определенную роль могли сыграть расширение системы образования и привлечение иностранных специалистов, но когда речь заходит о подвигах народа, то по официальной версии речь идет о раскрепощении невиданных возможностей освобожденных от эксплуатации трудящихся, а по другим сведениям – о невиданной эксплуатации и растрате человеческих ресурсов.

Мы до сих пор не имеем полноценной истории России в XX веке. Но этого мало. Квазинаучное словоблудие захватывает и более древние слои истории. Вне зависимости от того, какой концепцией, материалистической или идеалистической, руководствуются «светила» исторической мысли, они в больших объемах производят мусор, обильно оснащенный перекрестными ссылками. И уже невозможно понять, кто, когда и по какому поводу высказал ту или иную мысль и что именно она означает в контексте его произведения. В упоминавшейся книге Л.В. Милова в очередной раз обосновывается тезис об аграрном кризисе как причине русских революций, но Пол Грегори показал, что в конце XIX – начале XX веков аграрного кризиса в России не было, как и не было принуждения сельского населения к «голодному экспорту»¹. Вообще создается впечатление, что экономисты сейчас вносят большой позитивный вклад в понимание прошлого страны, нежели профессиональные историки. Причина видится в том, что экономисты больше внимания уделяют верификации фактов и проверке гипотез.

Особый вред наносят те историки, которые переквалифицировались в политологов. Вздорные идеи из курсов истории партии и научного коммунизма, сомнительные концепции и факты из

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. – М.: РОСПЭН, 2003. – 256 с.

трудов предшественников они переводят на язык современной политики, сдабривают все это цинизмом и демагогией, немало способствуя оглушению как «элиты», так и широких «народных масс». Вот такие у нас «бои за историю».

Вместо заключения

В 2010 г. Институт социологии РАН опубликовал аналитический доклад под названием «Готово ли российское общество к модернизации». Обсуждение содержания этого доклада не входит в наши планы и возможности. Поэтому ограничимся цитатой: «Россиянам по-прежнему присущ внутренний динамизм, готовность к переменам. Есть в России и тот двигатель, тот внутренний импульс, который при правильном его понимании и использовании способен придать невиданную динамичность развитию России, так как он носит внутренний, а не внешний по отношению к деятельности людей характер. Этот импульс – интерес к содержанию выполняемой работы».

4.6. О кризисе экономической науки в стране и мире¹

Всякий раз, когда для властей и общественности кризисное развитие экономики становится несомненным фактом, возникает очередная дискуссия о кризисе в экономической науке или даже шире – в социальных науках вообще. Нельзя сказать, что подобные разговоры не имеют никакого основания. Наука как система знаний представляет собой развивающийся комплекс идей и моделей и, как всякая динамическая система, неизбежно претерпевает изменения. Революции в науке описаны философами и специалистами по методологии науки, а также в той области, что получила название «Science studies». И революции немислимы без кризисов.

Термин «кризис науки» не нов и не оригинален – во многих публикациях и дискуссиях использовался неоднократно. Но явление, за ним стоящее, исследовано недостаточно: слово «кризис» зачастую воспринимается в обыденном, то есть негативном смысле – как разрушение нормального развития процесса. Тогда

¹ ЭКО. – 2009. – №9.

как под кризисом следует понимать неотъемлемый этап перехода в качественно иное состояние. Новое же может родиться только из старого, и только тогда, когда это старое перестает нас удовлетворять. Если мы признаем неизбежность и даже необходимость кризисов в процессе «созидательного разрушения» и соглашаемся с тем, что им свойственно повторяться, тогда их следует изучать примерно так же, как экономисты изучают финансовые и экономические кризисы, а не довольствоваться приемами, подобными тем, какими обыватели описывают катастрофы.

Только сформулировав критерии, позволяющие диагностировать кризисы, выявив их причины и механизмы развития, мы поймем направления развития экономической науки, осознаем, на решении каких проблем следовало бы сконцентрировать усилия, а какие постепенно утрачивают смысл.

Наука как развивающаяся система: миссия, знания, институты

Наука представляет собой систему знаний, организаций и институтов. Здесь мы ограничимся только первым из перечисленных аспектов.

Цели экономической науки, на основании ее общественной функции, можно определить следующим образом: разработка понятийного аппарата и базовых моделей развития социально-экономических систем (формирование «научной» картины мира), создание основ для принятия решений (разработка прикладных моделей и систем принятия решений) и использование результатов научных исследований в качестве оружия идейной и политической борьбы. Глубокий и всесторонний обзор взглядов на эволюцию профессии экономиста с позиций функций экономической науки, специфики ее положения в обществе и формировании идеологии и политики представлен в статье А.У. Коутса «Экономист как профессия»¹.

Будем рассуждать в предположении, что наука призвана обеспечить адекватное представление об окружающем нас мире – в противовес обывательским и религиозным представлениям. Адекватные знания нужны, как представляется, различным субъектам экономики для принятия решений, в особенности государ-

¹ Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринуня, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т.1. – 668 с.

ственным структурам. Правда, остается открытым вопрос о причинах такой заинтересованности: рекомендации необходимы для принятия решений или для их оправдания? Но в любом случае наука генерирует знания для последующего использования.

Экономическая наука зародилась как система практических рекомендаций, то есть как прикладная наука, и в значительной степени остается таковой сегодня. Более того, в определенном смысле эта наука стала более прикладной, чем когда бы то ни было в прошлом. Достаточно отметить, что великое множество профессиональных экономистов работают в частных и государственных компаниях, заняты на государственной и муниципальной службе, трудятся в различных «фабриках мысли» и очень часто мигрируют из академического сектора в другие структуры и обратно.

Несколько сложнее дело обстоит с использованием научных результатов в идеологической и политической борьбе. История показывает, что результаты одной и той же теории применимы для оправдания диаметрально противоположных политик. Например, теория предельной полезности более 100 лет назад служила и для оправдания невмешательства в экономическую и социальную жизнь общества (ведь вмешательство искажает цены и приводит к отклонению от оптимального по Парето равновесного состояния), и для доказательства эффективности государственного участия, например в фабианском социализме (действительно, если предельная полезность дополнительного дохода для богатых меньше, чем для бедных, то перераспределение средств как результат прогрессивного налогообложения и субсидий приведет к росту общественного благосостояния).

Еще более поразительно сходство рекомендаций, проистекающих из совершенно разных теорий. Так, государственные инвестиции в инфраструктуру (например дорожное строительство) могут считаться полезными с точки зрения представителей классической и неоклассической школ (ведь они рассматривают дороги как общественное благо), социалистических теорий и исторической школы (поскольку приводят к росту производительных сил общества), кейнсианства (ибо такие меры укладываются в представления о стимулировании эффективного спроса) и, наконец, некоторых направлений либеральных теорий (вследствие развития инфраструктуры рынки становятся более открытыми, и усиливается конкуренция).

Теперь о природе экономического знания. Оно включает две основные ветви: экономическую теорию, позволяющую верифицировать и интерпретировать факты, и рассеянное экономическое знание, являющееся по сути полезным опытом, извлеченным экономическими субъектами из своей практической деятельности. Последнее – это обширный набор исторических фактов, обращение к которым позволяет более или менее безупречно сводить новые задачи к прецедентам.

Данная ветвь позволяет сформулировать, во-первых, аналогии для диагностики текущих проблем, а во-вторых, рекомендовать для их решения определенные действия, которые были успешны в прошлом, в других странах или регионах, других отраслях или на предприятиях и т.д. В экономических и политических дискуссиях зачастую профессиональные экономисты не выделяют аргументы, базирующиеся на теоретических моделях, и не обосновывают выводы ни сколько-нибудь системным обобщением исторических примеров и фактов, ни здравым смыслом.

Экономическая теория представляет комплекс моделей, позволяющих содержательно объяснять и интерпретировать факты, а полезный опыт говорит лишь об успешности тех или иных технологий в прошлом. Непреодолимой стены между двумя частями экономического знания в принципе нет и быть не может. Если мы сможем объяснить причины успеха в прошлом (построить логическую цепочку или представить некоторую модель процесса) – это уже теоретический результат. Если же наши теоретические размышления приведут нас к выработке рекомендаций, к которым прислушаются и будут следовать, то (в случае успеха!) такие действия, несомненно, добавляют крупицу полезного опыта. Поскольку теоретическая модель всегда условна, а практика всегда конкретна, «получится» именно практический опыт, который, конечно, может подтвердить правоту теоретической модели, но будет восприниматься как «история успеха» и элемент практического опыта.

Всякий человек, в том числе и ученый-экономист, хотя бы изредка должен задаваться вопросами: что он делает, как он это делает и как относится к собственным результатам? Подобные вопросы полезны для выбора направлений дальнейшей работы, что необычайно важно вообще и для собственного удовлетворения, в частности. Студенты (и не только они) иногда удивляются, узнав, что это ключевые вопросы методологии любой науки.

Кризисы и революции в экономической науке прошлого

Благодаря Т. Куну¹, который ввел понятие «научных революций», и альтернативной теории «методологии научно-исследовательских программ» И. Лакатоса², научный обиход обогатился пониманием неаддитивности развития научного знания. Другими словами, история науки переживала и периоды, когда результаты исследований в основном взаимно дополняли друг друга, и такие (хотя и не часто), когда «почти завершенное» здание науки внезапно обрушивается и на его месте выстраиваются совсем иные теоретические концепции. Это и есть революция в науке, означающая, помимо прочего, смену исследовательской программы. Но подобное революционное событие невозможно представить без предварительного кризисного этапа, когда сначала немногих, а потом и остальных ученых начинают угнетать и раздражать явные дефекты «магистрального» направления. «Признаками, свидетельствующими о необходимости появления новой парадигмы, служат наличие дискомфорта, некоторые теоретические «неловкости», неспособность без натяжек объяснить происходящие явления, втиснуть их в устоявшиеся схемы. Типичным становится уклон в сторону эмпиризма и прагматизма, отмахивание от «общих вопросов», объявление теории простой «болтовней»»³.

Общественность и власти обычно разочаровываются в результатах науки в периоды экономических неурядиц. Но это не всегда означает, что проблемы у самой науки: реальная экономика, несомненно, является управляемой системой, и в сбоях в системе управления, негативных результатах государственной политики и отдельных решений виновата не она.

Применительно к экономической науке история дает нам несколько примеров революций и, соответственно, предшествовавших им кризисов. Первая революция, связанная с публикацией «Богатства народов» А. Смита, означала завершение кризиса меркантилизма. Вспомним некоторые факты, плохо укладывавшиеся в меркантилистские представления. Как оказалось,

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. – 288 с.

² Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: «Медиум», 1995.

³ Абалкин Л. Экономическая теория на пути к новой парадигме // Вопросы экономики. – 1993. – № 1. – С. 4–14.

золото не является универсальным богатством и даже не может быть его естественным измерителем. Великая Французская революция, с одной стороны, и несомненный прогресс в Англии, где государство, за исключением хлебных пошлин, практически не ограничивало свободу торговли, – с другой, показали, что государство не всесильно. Кроме того, богатство государства не может быть отделено от богатства подданных, во всяком случае, в долгосрочной перспективе. Тогда возникла идея о существовании естественных (объективных) законов, нарушение которых приводит к бедности и деградации общества, к разрушению государства.

Несомненным признаком «кризисности» в экономических воззрениях той поры стало осознание резкого отставания экономической мысли от достижений других наук – физики, медицины и даже географии. Ответом на кризис стала классическая политическая экономия.

Но в середине XIX в. наступил и ее закат. Классическая политическая экономия не смогла приемлемо объяснить неожиданную эффективность протекционизма в некоторых странах (например, в Германии), продемонстрировала полную неспособность объяснить опережающий рост услуг в сравнении с ростом производства товаров и долгосрочные изменения в распределении национального дохода. Цены, против ожидания теоретиков, проявляли завидную гибкость и не хотели следовать издержкам. Логические противоречия в теории и невозможность использовать в исследованиях математические методы и статистику довершили картину кризиса.

Еще в первой половине XIX в. наблюдались многообещающие попытки преодолеть указанные обстоятельства (А. Курно, Г. Госсен, И. фон Тюнен). Но не только. Самый известный труд К. Маркса имеет подзаголовок «Критика политической экономии». Если первые из перечисленных авторов пытались объяснить факты путем выхода за пределы господствующей доктрины, то Маркс вернулся к истокам трудовой теории ценности Д. Рикардо и обогатил ее идеями исторической школы. Разрешение кризиса, так называемая маржиналистская революция, произошло лишь в конце XIX в. благодаря усилиям двух поколений исследователей (и завершилась в начале следующего века).

Но очень скоро (по историческим меркам) и эта теория столкнулась с кризисом. Логическая непротиворечивость и стремление работать исключительно с наблюдаемыми величина-

ми не могли противостоять нарастающей лавине фактов, не укладывающихся в теоретические модели. Все острее проявлялся феномен негибкости цен и номинальных заработных плат, что, конечно, объяснялось влиянием монополий. Но тогда это влияние надо было включать в базовую модель. Противоречие между рациональным поведением экономических субъектов и негативными последствиями для экономики в целом результатов их индивидуальных и коллективных действий оказалось необъяснимым. Факты, относящиеся к периоду первой мировой войны, и особенно начала 1930-х годов, требовали реабилитации государства как эффективного экономического субъекта.

Появление работ Дж. М. Кейнса и широкое распространение различных версий кейнсианства означало очередную революцию в экономической науке. Популярность «кейнсианских» рецептов макроэкономического регулирования (до сих пор еще не изжитая как в среде политиков, так и широкой публики) обеспечила этому направлению экономической мысли ведущее положение на долгие годы. Немалую лепту внесли и система экономического образования, и «привыкание» к патернализму со стороны государства.

Но всему бывает конец. И в этом случае он был ускорен тем, что практически одновременно с публикацией «Общей теории занятости, процента и денег» появилась обширная критическая литература. Критиков слышали только после того, как эмпирически были установлены факты неожиданной гибкости цен и феномен стагфляции. Когда перестала работать «кривая Филлипса»¹, возросли сомнения в эффективности государственного регулирования экономики. Происходило осознание роли финансовых рынков для развития реального сектора и росли подозрения о наличии сложных связей между потреблением, сбережением и инвестициями. Сами сторонники кейнсианской традиции все более отходили от «ортодоксальной» трактовки теоретической модели 1930–1950-х годов, постепенно усваивая идеи своих оппонентов.

В немалой степени разрушению основ кейнсианства способствовали новые представления о критериях истинности научного знания. Доминирующий позитивистский подход, предполагавший эмпирическую проверку не только результатов, но и исходных гипотез, не позволял принять кейнсианскую доктрину

¹ Замечательно краткое и емкое изложение «судьбы» кривой Филлипса можно найти в статье Йена Стюарта //Панорама экономической мысли...

полностью. Расширялись исследования влияния институциональных факторов на макроэкономическую динамику, существенно менялся микроэкономический фундамент макроэкономических исследований. Произошли огромные перемены в инструментарии экономических исследований. После публикации в 1953 г. очерка М. Фридмана «Методология позитивной экономической науки» резко возрос интерес к методологии экономических исследований.

И что же?

В качестве выводов из вышеприведенного краткого обзора развития экономической науки в прошлом можно сформулировать признаки кризиса в данной области знания:

- появляются или выявляются факты, которые основное направление науки не может объяснить или объясняет неудовлетворительно. Примерами могут служить отставание в экономическом развитии стран, следовавших меркантилистским рецептам, или выявление феномена стагфляции;

- снизился общественный интерес к личностям исследователей и результатам их деятельности вследствие сокращения спроса со стороны социальных групп и властей на результаты исследований при одновременном возрастании интереса к истории экономической мысли; учащаются попытки «вернуться к истокам экономической теории», иногда «властителями дум» на время становятся демагоги и аферисты;

- эпигонство и измельчание результатов исследований: научная работа все в большей степени сводится к уточнению ранее полученных результатов, остро чувствуется дефицит новых прорывных идей;

- отрицание ценности и практической значимости результатов теоретических исследований вообще и обращение к прикладным и эмпирическим исследованиям как якобы позволяющим получить единственно значимые результаты. Фор-

¹ Примерами возрождения интереса к «старым теориям» накануне кризиса экономической науки в 1960–1970 гг. могут служить публикации следующих работ: «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса, изданные Лоуренсом и Уишартом в 1963 г., десяти томник «Труды и переписка» Д. Рикардо, изданные Сраффа и Доббом в 1951–1973 гг., «Собрание сочинений» Дж. С. Милля, изданное университетом Торонто в 1960-е годы, «Богатство народов» А. Смита, изданное университетом Глазго в 1976 г. и многие другие.

мально противоположным, но фактически сходным явлением становится отработка все более изощренного инструментария исследований;

- усиление интереса к методологии науки и попытки переосмыслить не только исходные аксиомы научной теории, но также инструментарий и критерий истинности знания¹.

Признаки кризиса, очевидно, не тождественны его причинам. Чтобы разобраться с этим вопросом, следует выявить как факторы, определяющие «инерционность» системы генерации идей и знаний, так и процессы, приводящие к «устареванию» знаний и представлений и, следовательно, к ошибочности прогнозов. По-видимому, причинами неудовлетворенности экономической теорией служат, прежде всего, изменения в самой экономике, то есть в соотношении сил экономических агентов, в институтах согласования интересов, структуре и организации предприятий и т.п. Важнейшими из них оказываются изменения сфер и инструментов регулирования – то есть роли и места государства в экономике.

Велика и роль смены ценностей, разделяемых индивидами, и, следовательно, их целей и поведения. Наш мир серьезно меняется – появляются новые связи и обстоятельства, которые плохо согласуются с текущими представлениями. (Стремительное развитие банковской системы привело к необходимости составлять ежедневные балансы, а появление хедж-фондов превратило ежедневный баланс в фикцию).

Среди факторов «инерционности» в развитии знания важнейшая роль, по-видимому, принадлежит институциональным факторам, к которым относятся:

- организация экономических исследований, неизбежно порождающая научные школы и направления, формирование научного истеблишмента, определяющего правила научной экспертизы;

- профессионализация работы экономиста и формирование технологической рутины в научной деятельности и

- распространение экономических знаний, в том числе о «законах» развития экономики, «устойчивых» зависимостях между наблюдаемыми индикаторами и об используемых технологиях принятия решений субъектами, в том числе государством.

¹ И. Стюарт в статье «Роль методолога» показывает, что периоды возрождения интереса предшествуют качественным изменениям в экономической науке в целом.

Возможность кризиса в науке: инерционность парадигмы и институтов

В современном мире наука (и экономическая не исключение) представляет собой особый вид профессиональной деятельности, и весьма обширное сообщество ее представителей работает по правилам. Эти правила неизбежно сводятся к некоторой стандартизации терминологии и методики исследования, форм представления результатов, научной критики и т.д. Центральным пунктом, обеспечивающим саму возможность работы научного сообщества как более или менее единого целого, является «парадигма». Термин введен в научный лексикон американским философом Т. Куном для исследования проблем развития науки¹.

Парадигма, по мнению Э. Брауна, определяется как совокупность теорий, для которых характерна некоторая общность установок, приверженность так называемым понятиям «жесткого ядра» (*hard core*) и скрытой установки (*hidden agenda*), которые принимаются неизменными в ходе дискуссий. В принципе, совсем необязательно, чтобы жесткое ядро было сформулировано явно – достаточно, чтобы определенные (в случае экономической науки еще и идеологические) установки разделялись участниками дискуссии².

Постулат о неизменности парадигмы в течение относительно продолжительного периода, необходимый для нормального развития науки, приводит к следующим последствиям:

- во-первых, появляется тенденция к саморазвитию: дальнейшие уточнения и отчасти повторение результатов других авторов приводят к тому, что направления исследований и эволюция теоретических представлений начинают жить собственной жизнью;

- во-вторых, появляется феномен самоограничения при выборе направлений, объектов, методологии исследования, про-

¹ Концепции Т. Куна и И. Лакатоса подверглись жесткой критике в рамках обсуждения продуктивности позитивизма и инструментализма в экономической науке [См.: Панорама экономической мысли конца XX столетия. С. 14], но их идеями и результатами продолжают пользоваться и в настоящее время.

² О конкурирующих парадигмах современной экономической науки и методологических дискуссиях более подробно в последнем разделе книги: Клисторин В. И. Лекции по истории экономической мысли. Новосибирск: Издательский центр НГУ, 2005. – 140 с.

истекающий из того, что базовое образование и круг последующего научного общения приводят к консервации парадигмы.

По Т. Куну, «нормальная наука, на развитие которой вынуждено тратить почти все свое время большинство ученых, основывается на допущении, что научное сообщество знает, каков окружающий нас мир. Многие успехи науки рождаются из стремления сообщества защитить это допущение, и если необходимо – то и весьма дорогой ценой. Нормальная наука, например, часто подавляет фундаментальные новшества, поскольку они неизменно разрушают ее основные установки»¹.

Традиция в науке, заключающаяся в формировании «нормальной науки», – это и мощная созидательная сила, и тормоз на пути прогресса знаний. Созидательная – поскольку только таким образом можно организовать полноценную дискуссию, начиная с общего языка и кончая системой доказательств, то есть критериев истинности выводов. Т. Кун обращал внимание на опасности, связанные с самим фактом образования «нормальной науки».

В этом смысле экономической науке серьезно повезло – на протяжении всей ее истории не только не наблюдалось абсолютного доминирования одной парадигмы, но шла постоянная борьба между многими альтернативными экономическими теориями. Что случилось бы с мировой экономической наукой при монопольном положении одной парадигмы, наглядно показал отечественный пример периода непрерываемости марксистско-ленинской политической экономии: сохранение «нормальной науки» любой ценой привело к догматизму; догматизм же обусловил отрыв теории от практики и породил дурную бесконечность схоластических споров, особую породу ученых и оставил глубокие рубцы в общественном сознании. И хотя после отмены монополии одной теории на истинность прошло более 20 лет, в нашей стране большая часть проблем далека от решения.

Теперь многие отечественные экономисты так же искренне верят в абсолютную завершенность и непогрешимость «догматов» различных вариантов неоклассики или институциональных представлений, как раньше – в непогрешимость истинно верного учения. Бывшие марксисты легко превратились

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. – 288 с.

в институционалистов вследствие идейной близости теорий, сходству исследовательской программы и нечеткости используемых понятий.

Особенность экономической науки на протяжении всей ее истории заключается именно в отсутствии единства теории: разными исследователями использовались конкурирующие и часто взаимоисключающие теоретические модели, базирующиеся на принципиально несовместимых исходных предпосылках. В качестве более или менее современного примера сошлемся на приведенные выше исходные предпосылки (жесткого ядра) двух ведущих направлений современной экономической мысли неоклассики и кейнсианской традиции.

Есть ли кризис в экономической науке? Кое-что о нынешней ситуации

Летом 2009 г. исполняется два года, как ряд крупнейших международных банков объявил о невозможности оценить свои активы ввиду исчезновения рынка. Самый крупный финансовый кризис последних лет, превратившийся через год в экономический кризис, оказался неожиданностью для большинства ведущих исследовательских коллективов. Достаточно сказать, что о кризисе нет ни слова в прошлогоднем коммюнике G8. Еще более явно на кризисное состояние нашего восприятия действительности указывают, например, такие факты, как сравнение текущего кризиса с Великой депрессией или рассуждения о будущем мировом порядке, закате доллара или превращении Китая в мировой центр экономической жизни. В очередной раз воскресли теории заговоров¹. Спекуляции на подобные темы дискредитируют саму роль науки.

Возможно, мы действительно имеем дело с кризисом в экономической науке. К тому же подводят и чтение комментариев к текущему кризису в научной печати и публицистике (авторы словно сговорились не использовать свои теоретические построения), и постоянные пересмотры собственных прогнозов уважаемыми организациями, специалистами и политиками. Если положительный ответ на вопрос, есть ли кризисы в мировой нау-

¹ Теории заговоров, в частности, устойчивы еще и потому, что экономика всегда имеет дело с объективными последствиями субъективно принимаемых решений.

ке, носит характер гипотезы, то применительно к отечественной науке это – почти доказанное утверждение¹.

Превращение науки, в том числе и экономической, из призвания в службу наиболее наглядно именно в отечественной науке. Рутинная и регламентированная деятельность вместо творческого отношения к работе в любой сфере деятельности приводит к замедлению, а потом и приостановке роста производительности труда, к постепенному накоплению «неликвидной продукции». Эта «общемировая» тенденция в отечественной науке приобрела угрожающие масштабы: хотя многие авторы и осознают кризисную ситуацию в российской экономической науке, но готовы только к тому, чтобы представить этот кризис как проявление глобального, подобно тому, как политики охотно говорят о российском финансовом и экономическом кризисе как об инфекции с мировых рынков.

Серьезные исследования и обзоры свидетельствуют о необычайно быстром прогрессе в экономической науке и плодотворной работе профессиональных экономистов. К такому выводу приводят аргументы в статье Оливера Бланшара², или весьма информативной лекции Сергея Гуриева³, где идет речь о нерешенных проблемах и о возможности дальнейшего продвижения в рамках общепринятой парадигмы. Несмотря на критический настрой многих видных экономистов, их полемический задор и вызывающую уважение самокритику, общее состояние экономической науки, по-видимому, вполне удовлетворительно, что во многом объясняется постоянной конкуренцией научных школ и направлений, отсутствием полного доминирования «main stream» любого сорта на всем протяжении истории экономической науки. В результате экономисты научились интегрировать идеи альтернативных теорий в собственные модели, а значит, получать более качественные результаты.

¹ Справедливости ради следует отметить, что ряд экономистов представляли результаты прогнозов, предусматривающих мировой кризис, наступление отечественного кризиса обсуждалось в докладах Института экономики переходного периода. Кроме того, из-за специализации в экономической науке, большинство экономистов не обязаны заниматься подобными проблемами.

² Бланшар О. Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали Фишер и Вексель? (http://new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/facul/facul_econ/kma/DocLib3/Materials/Ustuigova/article.doc).

³ Гуриев С. Как изменит кризис мировую экономику и экономическую науку (<http://Www.polit.ru/lectures/2009/05/21/econom.html>).

О соотношении теоретических и эмпирических исследований в истории экономической науки

Мы отмечали, что начиналась экономическая наука как некое обобщение эмпирических фактов, их интерпретации и осмысления позитивного опыта. На этом основании строились логические модели, позволявшие делать выводы и выработать рекомендации путем логических построений. Но наука построена таким образом, что результаты логических построений (то есть применения некоторых моделей) нуждаются в доказательстве. Поэтому в экономической науке постоянно развивалась система верификации моделей и результатов. Ярким примером является критика классической политической экономии представителями исторической школы, исторической школы – К. Марксом, неоклассиков – институционалистами, кейнсианцев – монетаристами и т.д.

Сначала верификация сводилась к выявлению логических противоречий в модели и построению контрпримеров. Потом к этим критериям добавились экономность – минимизация количества исходных гипотез, и проверка на массовой статистике. В качестве критериев истинности теории использовались также строгость (в математическом смысле) изложения теоретической концепции и выводов и прогностические возможности модели.

Все критерии отнюдь не бесспорны. Так, строго говоря, история предоставляет нам факты, которые имеют сложную структуру и не сводятся в общем случае к экономическим явлениям. Построение экономико-математических моделей было огромным прогрессом, но привело к превращению части экономических исследований в разновидность математики и даже получило название «модельного безумия». Сейчас чтение большого количества научных статей позволяет вполне серьезно говорить о возникновении феномена «эконометрического безумия». Два года назад Я. И. Кузьминов с гордостью писал о том, что благодаря использованию эконометрических методов экономика превращается в точную науку – мы делаем свои утверждения на основании строго проверенных фактов и можем оценить точность наших утверждений.

Следует обратить внимание на ряд обстоятельств, несколько смазывающих общую благостную картину. Прежде всего, имеющаяся статистика отражает наше прошлое представление

об экономической действительности и, в силу инерционности методологии, не дает информации по тем показателям, оценить влияние которых нам интересно. В этом случае многие исследователи прибегают к использованию других показателей, якобы тесно связанных с необходимыми, но не всегда корректно проводят оценку тесноты связи. Не меньшие проблемы вызывает искусственное конструирование индикаторов на основе ряда данных из публикуемой статистики. Еще одним источником ошибок может стать использование экспертных оценок, хотя бы в качестве весов.

Наконец, пионеры использования эконометрических методов прекрасно разбирались в методологии статистических наблюдений и глубоко понимали суть тех процессов, которые частично отражали используемые индикаторы. Новые поколения исследователей часто недостаточно хорошо знакомы с этими подробностями организации статистики, что не может не отражаться на качестве исследований и получаемых результатов. Часто можно слышать в качестве ответа на вопрос слова «но другой статистики нет», что также, с моей точки зрения, не очень хорошо характеризует исследователя.

В академической науке сейчас налицо определенная растерянность по поводу того, что ортодоксальные рыночные концепции начинают давать сбои. Тысячи академических ученых по всему миру публикуют тысячи исследований каждый год, и только некоторые из них предупреждали о взрывном потенциале глобальных финансовых рынков. Резко высказался по этому поводу Ричард Дал: «Несмотря на значительные академические ресурсы, потраченные на исследования по финансовым рынкам, общее понимание того, как они себя ведут, еще недалеко ушло от времени 1929–1933 гг. или даже 1720 г.»¹.

Ответом на крупные кризисы в экономике становятся изменения в целях, инструментах и масштабах государственного воздействия на экономические процессы, что невозможно без перемен в организационной структуре, распределении функций и информационном обеспечении принятия решений. Что касается экономической науки, то ответом на кризис обычно является критическое рассмотрение ранее используемых моделей,

¹ Book review by Richard Herring // Journal of Finance. 1993. September. Pp. 1553–1556.

критериев истинности применяемых теорий, изменения в понятийном аппарате и формулировка новых требований к эмпирическим данным.

Результатом преодоления кризиса обычно становится формирование новой теории как синтеза ранее выдвигавшихся альтернативных теорий и/или обогащение экономической теории новыми гипотезами, которые формулируются исходя из результатов других наук. Примерами синтеза теорий как механизма разрешения кризисов в экономической науке можно считать, например, марксизм, интегрировавший классическую теорию ценности в рикардианской интерпретации, достижения исторической школы и идеи социалистов. Другим примером может служить кейнсианство, соединившее маржинализм с теорией ожиданий и представлениями о коллективных институтах. По сути, монетаризм объединяет ортодоксальную неоклассику с количественной теорией денег и теорией ожиданий, а новая классика дополняет неоклассику гипотезой рациональных ожиданий. Можно утверждать, что практически все последние разработки представляют собой попытки включения в общую модель различных гипотез, разработанных в рамках институционального направления. Вместе с тем остаются экономисты, сопротивляющиеся историцизму, позитивизму и методологическому плюрализму в духе Мизеса¹.

Роль инструментария и работы с данными в развитии кризисных явлений экономической науки

Развитие экономической науки было бы невозможно без разработки соответствующего инструментария, хотя инструментализм в экономической науке породил собственные проблемы. Крайняя позиция состоит в утверждениях вроде «мы не знаем, почему это работает, но это работает» или «модельные расчеты подтверждают нашу правоту». К. Поппер доказывал, что существует четкая грань между теориями и правилами вычисления, и последние сами по себе не позволяют нам отделить истину от лжи². О'Брайен же заметил: «Если мы полагаем, что нам все равно, являются ли цены на фондовом рынке результатом реше-

¹ Мизес Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум, 2007. – 374 с.

² Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

ний людей или зеленых человечков с Марса, то мы ошибаемся». В истории других наук достаточно примеров, что увлечение изощренными методами само по себе не дает новых знаний. Это, собственно, и является оправданием существования теории, которая, разумеется, должна проверяться. Согласно К. Попперу:

- теория никогда не может быть доказана, но ее всегда можно опровергнуть;
- наши научные знания всегда условны и никогда не могут быть абсолютны;
- проверка гипотезы с целью ее опровержения – единственно верный путь, по которому идет наука.

Критерии истинности теории в истории экономической науки претерпели значительную эволюцию. Таковыми на различных этапах ее развития были:

- хорошее объяснение фактов и логическая непротиворечивость;
- экономность и исключение двусмысленности в терминологии, обоснованность исходных предпосылок вне самой науки;
- проверка исходных предпосылок, базовых гипотез и конечных результатов на массовых данных;
- прогностические способности модели;
- воспроизводимость результатов.

При этом в экономической науке правит так называемый тезис Дюгейма-Куайна (при прочих равных условиях), что существенно усложняет эмпирическую проверку теории и снижает ее прогностические возможности.

В экономической науке, и особенно среди практиков и лиц, принимающих решения, широко распространено заблуждение, что при наличии достаточного количества данных разрешима любая задача, причем решение единственно. Доверие к результатам эмпирических исследований может рассматриваться как своего рода идеология и результат глубокого недоверия к теории. Но и эмпирические исследования могут приводить (и приводили в прошлом) к неправильным выводам. Причины видятся в следующем:

- некачественная работа с данными (использование имеющихся данных вместо необходимых, нерепрезентативная выборка, неправильная интерпретация результатов);
- единственный источник данных;
- информация, став достоянием общественности, меняет саму экономическую систему.

Но, поскольку экономические теории строятся на эмпирическом опыте и требуют эмпирического подтверждения в виде верификации, спецификации и фальсификации, то перечисленные выше угрозы относятся и к экономической теории.

В заключение отметим, что по аналогии с экономикой и финансами кризисы науки могут быть большими и малыми. Первые приведут к качественным изменениям системы, в то время как вторые – лишь к временным ее сбоям. Представляется, что пока нет оснований говорить о большом кризисе экономической науки.

4.7. Эволюция институтов науки и образования. Почему мы делаем то, что делаем¹

Предварительные замечания и постановка проблемы

Проблемы развития науки и образования в большинстве случаев разрабатывались философами, социологами и историками науки. В данной статье предлагается рассматривать их с позиций экономиста, т.е. в традиционных терминах целей, ресурсов, спроса и предложения. Кроме того, очевидно, что на структуру рынков и их динамику оказывает значительное влияние институциональная структура общества.

Наиболее известные теории развития науки (теория научных революций Т. Куна и альтернативная ей теория смены исследовательских программ И. Лакотоша) акцентируют внимание на содержательных вопросах, а именно – на развитии системы знаний об окружающем мире. Можно согласиться, что в прошлом имели место резкие изменения базовых гипотез (твердого ядра теории) и исследовательских программ. В результате создавалась совсем другая наука и резко повышалась интенсивность научного поиска. Подобные ситуации можно интерпретировать как революции в отдельных областях научного знания и науки в целом. Но революции обычно предшествует кризис «нормальной науки». Следовательно, было необходимо выявить признаки и причины кризисов.

В 2009 г. я опубликовал статью о кризисе в экономической науке². Не проходит и недели, как появляются новые публикации,

¹ ЭКО. – 2017. – №5.

² Клисторин В. И. О кризисе экономической науки в стране и мире // ЭКО. – 2009. – № 9. – С. 22–40.

обсуждающие эту тему, осуждающие либерализм неоклассики, выдвигающие некие контуры альтернативных концепций. Обычно авторы считают, что нужно вернуться к той точке, где, по их мнению, произошел сбой в развитии экономической науки. Кто-то предлагает вернуться к Марксу, а кто-то перечитать Гегеля. Кто-то вспоминает о меркантилистах, а некоторые, например, академик Ю. Осипов, пытаются построить теорию философии хозяйства, в которой продолжается традиция С. Булгакова по изучению организации экономической деятельности.

В упомянутой статье была высказана гипотеза, что институты организации науки создают предпосылки для кризисов, поскольку задают определенные стандарты научной деятельности, предопределяют инерцию в развитии системы знаний. Истоки этой инерции виделись в системе образования, подготовки кадров высшей квалификации и создаваемом ими феномене «нормальной науки» по Т. Куну.

Естественно предположить, что институты науки и образования оказывают чрезвычайно важное воздействие на получение, аккумуляцию и распространение знаний. Эта роль двояка. Во-первых, они придают системе инерционность, тем самым создавая предпосылки для кризисов и скачкообразного развития науки и образования. Во-вторых, институты сами развиваются, что может приводить как к ускорению развития, так и деградации системы. Причем те же самые институты, которые способствовали повышению эффективности образования и науки, в другое время и в других условиях могут способствовать их деградации.

Подобно другим отраслям экономики, темпы развития науки и образования в среднесрочном периоде определяются темпом роста ресурсов, направляемых в эти отрасли. Но в долгосрочном периоде они зависят от инновационной активности, на которую, в свою очередь, влияет качество институтов.

Как показали Д. Норт и другие, «социальный порядок с открытым доступом обеспечивает свободный доступ к организации, который «содействует экономической и политической конкуренции, результатом чего является широкий круг сложных экономических и политических организаций... В отличие от порядка с ограниченным доступом, ориентированным на рыночную власть, систематическое создание и получение ренты, для порядка с открытым доступом характерны постоянная конкуренция, свобода выхода на рынок и мобильность; к тому же он

содействует процветанию рынков и долгосрочному экономическому развитию»¹. Поэтому главной целью этой статьи является описание эволюции степени открытости институтов науки и образования европейского типа.

Еще в 1953 г. А. Эйнштейн писал: «Развитие западной науки основано на двух великих достижениях: на разработке греческими философами формально-логических систем и на обнаружении в эпоху Возрождения того факта, что причинные отношения можно вскрыть с помощью систематического экспериментирования. Я лично не стал бы удивляться тому, что китайские мудрецы не сумели сделать этих открытий. Удивляться следует другому: что эти открытия вообще были сделаны»².

Более того, представляется почти невероятным, почему и каким образом около 1000 лет назад в одном из самых отсталых уголков планеты зародилось такое явление, как европейская модель науки и образования, которая теперь распространилась по всему свету, хотя и функционирует с разной степенью успешности.

Думается, что главную роль в становлении европейской модели сыграли заложенные еще в Средневековье институты образования и науки, обеспечившие свободу творчества и конкуренцию (прежде всего автономия церкви, ее надгосударственный и наднациональный статус), которые позволили им выйти на передовые позиции в XVIII–XIX вв. Важную роль сыграло единство языка (латынь) и общих ценностей, зафиксированных в Священном писании, хотя и трактуемых по-разному. Другие важные причины того, что европейские университеты сформировали порядок с открытым доступом, это – отсутствие единой государственности и особая роль городов. В период Средневековья (с XI в. по XV в.) Европа представляла собой «лоскутное одеяло» из огромного числа независимых или формально зависимых государств. Конечно, существовали крупные королевства и даже Священная Римская империя, но это были, как правило, номинальные и рыхлые образования, что стало благом для интеллектуалов, поскольку если где-то становилось неудобно и опасно работать, можно было про-

¹ Норт Д.С., Уоллис Дж. Дж., Вейнгарст Б.Р. Концептуальный подход к объяснению истории человечества // ЭКОВЕСТ. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 4–59, – С. 6.

² Price D. Science since Babylon. Yale. 1961. P 30. Цит. по: Социология науки. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1968, С. 21–22.

сто переехать в другую страну. Например, из Испании в Польшу или Швецию, где не было инквизиции.

Наконец, в отличие от арабского мира, Китая или Индии, в средневековой Европе наблюдалась острая потребность в образованных людях. Образование было редким товаром и ценилось высоко. Например, один из саксонских королей Англии в своем письме Римскому папе просил прислать восемь ученых монахов, поскольку некому было разбирать архивы.

Церковь, государство и развитие университетов

«Социальная мысль в Средние века была еще придавлена религиозной ортодоксией. Первые прорывы к интеллектуальной автономии совершались в более безопасных областях, сначала в философии, а потом в математике и естественных науках. Главным вкладом Средних веков в последующую мысль была не идея, а институт. Таким вкладом было рождение университета»¹.

Средневековые университеты выросли из школ при монастырях и первоначально представляли собой плохо оформленные добровольные сообщества профессоров и студентов. Структура университетов постепенно менялась от землячеств к объединению по признаку специализации профессоров и студентов. Так зародились факультеты – теологический, права, медицинский и философский.

Изначально ученые степени были необязательны, поскольку церковные и светские должности рассматривались в качестве синекюры, которую получали на основе происхождения, сословных привилегий и связей. Бюрократизация церкви и развитие торговли повлекли за собой постепенный рост спроса на теологов и правоведов (судей и адвокатов), что вело к росту спроса на степени и звания, которые стали свидетельством не просто признания, но и квалификации и компетенций. Одновременно престиж церкви трансформировался в престиж университетов. По мере роста численности студентов и увеличения числа университетов появилась возможность сделать карьеру уже внутри университетского сообщества.

Именно в средневековых университетах зародились такие технологии образования, как чтение лекций с кафедры, что объясня-

¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 318 с. – С.22.

лось просто нехваткой книг, тьюторство, когда студенты и соискатели степеней прикреплялись к наставнику на годы обучения, были разработаны формы аттестации и присвоения степеней и званий, оппонирование и публичная защита диссертаций. В Средневековье закладывались стандарты научной дискуссии, практика признания дипломов других университетов и даже требования к оформлению трудов (ссылки, прямое цитирование и т. д.).

Но важнейшим институтом, сформировавшимся в средневековых университетах, следует считать институт репутации, прежде всего репутации профессоров, которые создавали репутацию университетов.

«В период Позднего Средневековья начинает возрастать социальная ценность университетской карьеры. С ростом количества людей с университетским дипломом стали развиваться требования к образованию для религиозных и политических должностей, что в свою очередь вызвало необходимость многолетнего образования для некоторых типов занятости. Количество университетов разрослось, и они включились в конкуренцию за привлечение студентов и наиболее выдающихся профессоров. Интеллектуалы стали пытаться выделиться среди своих конкурентов новыми идеями. Новшества стали сменять долгие столетия традиции и догмы – не из-за того, что окружающее общество стало меньше ценить традицию, а в силу того, что внутри этого общества стал формироваться динамичный интеллектуальный рынок»¹.

Особая роль в эволюции науки и образования принадлежит философским факультетам. Философия изначально предоставляла только низшие научные степени (бакалавра и магистра), а докторской степени в этой сфере не существовало. Это был подготовительный факультет, где студенты изучали риторику, логику и грамматику, а также четыре математические дисциплины, которые предваряли изучение высших дисциплин (теологии, юриспруденции и медицины). Преподаватели этих предметов не подвергались тому давлению в плане ортодоксии, как преподаватели высших дисциплин, и могли строить свои курсы исходя из собственных представлений. Со временем изначальная цель обучения на философском факультете, т. е. подготовка к получению истинного знания, была заменена на получение конечного

¹ Там же, С. 23.

знания. Такая подмена целей часто встречается в истории развития институтов и организаций. Вспомним, например, историю создания ФАНО.

Авторитет средневековых университетов достиг максимума в XIV–XV вв., но потом пошел на спад. Приток студентов сократился. В эпоху Возрождения научная карьера отделяется от преподавания и перемещается за пределы университетов под покровительство монархов и купцов. Для последних «академии» были предметом роскоши, престижа и удовольствия, а для «академиков» – источником существования и признанием заслуг. Развлекательная функция академической науки становится фактически важнейшей на долгие годы, а «академики» для своих богатых патронов служили работниками развлекательного жанра, но при этом им обеспечивалась значительная свобода творчества. Типичный «академик» часто служил секретарем-мемуаристом, писал стихи, исторические труды или эссе, иногда занимаясь научными экспериментами. Монархи считали лестным и полезным иметь в своей свите известных ученых, беседовать с ними на отвлеченные темы, а также вести переписку с известными учеными. Вспомним переписку Фридриха Великого или Екатерины II с французскими просветителями. Галилео Галилей демонстрировал Козимо Медичи свои эксперименты, Антони ван Левенгук удивлял и развлекал Петра I разглядыванием инфузорий под микроскопом. Даже Михаил Ломоносов, будучи первоклассным ученым, особенно ценился при дворе в качестве составителя мозаики и организатора фейерверков.

Не следует переоценивать достижения европейской науки до XV в. По-видимому, в этот период знания и технологии в значительной степени заимствовались из других стран. В XVI–XVII вв. прогресс естественных наук, вызванный новациями в военном деле, географическими открытиями и развитием торговли, постепенно привел к тому, что наука приобрела практический смысл. И до этого ученые и мудрецы строили крепости, дворцы и соборы, изобретали новые виды вооружений, предсказывали будущее и обещали окончательно решить проблему философского камня. Но в рассматриваемый период росла специализация ученых, их работы прикладного характера все более тесно увязывались с их научными интересами.

Именно инновационная восприимчивость институциональных систем европейских стран позволила им воспользоваться

плодами образования и науки и соединить развитие технологий с экономическим прогрессом. «Для появления значительной части западных технологий достаточно было только терпеливой технической работы, рутинно осуществляемой при возникновении соответствующих хозяйственных потребностей»¹. Но это развитие технологий шло почти непрерывно, по крайней мере, начиная с XV в. Если конструкция китайских джонок или арабских дау не менялись столетиями, то европейские суда прошли за 500 лет путь от каравелл до чайных клиперов и пароходов.

После эпохи Реформации и завершения религиозных войн постепенно начинается возрождение университетов. Стимулировала этот процесс постепенная замена аристократии и священнослужителей на гражданскую бюрократию. Реформация способствовала и распространению образования среди всех слоев общества, поскольку вменялось в обязанность читать Библию. В протестантской Германии церковь стала составной частью Правительственной бюрократии, что привело к росту финансирования университетов и появлению новых специальностей, таких как *Staatswissenschaft* (государственная наука), ставшая основой публичного администрирования и описательной статистики, и *Realpolitik* как основы социологии и политологии. В католической же Франции наблюдался упадок значительной части университетов, поскольку Правительство учредило в Париже независимые академии и школы для инженеров и государственных служащих².

Постепенно сложились три модели образования и науки. В Германии университеты фактически стали государственными структурами, а профессора – гражданскими служащими. Вместе с тем согласно предложениям, сформулированным В. Гумбольдтом, им была обеспечена свобода творчества и работы в лабораториях. Несмотря на государственный статус, конкуренция между университетами оставалась высокой. Во Франции интеллектуалы и амбициозная молодежь устремлялись в Париж, соревнуясь за небольшое количество высоких постов в академии и в *grandes ecoles*. Но академической свободы было меньше, чем в Германии.

¹ Розенберг Н., Бирдцелл Д. Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. – Новосибирск: ЭКОР, 1995. – 352 с. – С. 273.

² Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 318 с., С. 31–32.

Регламентировались программы обучения и исследований, и даже дресс-код. В Англии после Реформации университеты были выведены из-под влияния католической церкви. Из-за низкого спроса на чиновничество они стали школами для младших сыновей дворянских семей, а появление юридических школ при суде Лондона завершило деградацию университетов. При этом Англия дала миру множество выдающихся ученых. Причина видится в тесных контактах ученых с университетами континентальной Европы и Шотландии. Но европейские университеты достаточно быстро эволюционировали, заимствуя у конкурентов лучшие практики.

В эпоху Просвещения параллельно со становлением крупных централизованных государств наступает эпоха веротерпимости, быстро растет благосостояние, в том числе аристократии и представителей третьего сословия. Распространение начального образования привело к росту спроса на выпускников университетов¹. Технологический прогресс и накопление эмпирического материала дали толчок к развитию наук и образования. Значительным достижением XIX в. стало появление специализированных научных обществ, членство в которых стало признанием научных заслуг, равно как и учреждение первых научных наград и премий.

Научные результаты стали широко использоваться в технологических разработках только во второй половине XIX в. Хотя до этого времени изобретатели не могли дать научного объяснения своим решениям, доказательством служило то, что изобретения работали. Например, консервирование продуктов было предложено Н. Аппертом еще в 1810 г., но научное объяснение дал Л. Пастер только в 1873 г.

Но уже в конце XIX в. на заводах появляются научные лаборатории, в которых наряду с инженерами трудятся и ученые, а потом инженеры уже работают под руководством ученых.

«В организации западной науки почти не было элементов иерархического управления, если не считать отношений между отдельным ученым и его учениками, помощниками и студентами.

¹ Законы о всеобщем обучении приняты: в Пруссии – в 1717 г. и 1763 г., Австрии – в 1774 г., Дании – в 1814 г., Швеции – в 1842 г., Норвегии – в 1848 г., США – в 1852–1900 гг., Японии – в 1872 г., Италии – в 1877 г., в Великобритании – в 1880 г., во Франции – в 1882 г. В России аналогичный закон был принят 1908 г., но он не был реализован даже к началу Первой мировой войны. В некоторых странах принятие этих законов было ответом на требования общественности, но в Пруссии это было скорее национализацией системы образования.

Научное сообщество успешно функционировало просто потому, что организационные полномочия, которые обычно делегируются в пользу иерархии, лучше оставлять неделегированными¹, чему способствовали множественность каналов финансирования научных исследований, разнообразие исследовательских организаций, и, главное, особая мотивация труда ученых, где главным стимулом стало признание коллег.

Российские университеты

До начала XVIII в. не существовало официальной системы светского образования. Помимо религиозного образования при монастырях существовала система частных уроков на дому. Религиозный барьер отделял российскую систему образования от европейской. Светское образование было преимущественно военным, техническим, медицинским и т. д.

Первым российским университетом, как известно, стал Московский (1755 г.). В царствование Александра I были восстановлены Вильненский и Дерптский университеты (1803 г.) и основаны Казанский, Харьковский (1804 г.), Варшавский (1816 г.), Гельсингфорсский (1827 г.), Санкт-Петербургский (1833 г.), Одесский (1864 г.) и Томский (1888 г.). Организация университетов была дорогим удовольствием. Так, первоначальные затраты на создание Томского университета, по данным Н. М. Ядринцева, составили более 500 тыс. руб., большая часть которых была получена за счет добровольных пожертвований.

Высшее образование в России быстро развивалось, несмотря на неприязненные отношения между университетским сообществом и центральной властью. Первоначально качество образования, особенно в гуманитарных науках, было невысоким в сравнении с европейскими университетами, если верить А.И. Герцену, Д.И. Писареву и многим другим, из-за слабой подготовки профессоров. Но прогресс в развитии образования и науки во второй половине XIX в., несомненно, имел место². Спецификой России

¹ Розенберг Н., Бирдцелл Д.Е. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. – Новосибирск: ЭКОР, 1995. – 352 с., С. 264.

² Фет А. И. Русские университеты и русская интеллигенция. Часть 2 // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 4. – Том 2. – С. 145–160.

стало то, что в системе высшего образования преобладали инженерные и технические высшие учебные заведения.

«На рубеже XIX и XX веков в Российской империи насчитывалось 63 высших учебных заведения, в том числе 10 университетов, обучалось чуть больше 40 тысяч студентов. В Германии, лидировавшей тогда в Европе, в 1903 году в университетах училось 40,8 тысяч человек, в высших технических учебных заведениях 12,2 тысячи, в специальных академиях – 3,9 тысяч. На всех «факультетах» Франции в 1906 году училось 35,7 тысяч студентов, еще 5–6 тысяч обучалось в специальных учебных заведениях других ведомств и католических институтах. В университетах Великобритании в 1900–1901 годах училось около 20 тысяч человек. Из этих данных видно, что система российского высшего образования по абсолютным показателям была сопоставима с системами других ведущих европейских стран. Накануне Первой мировой войны Россия по-прежнему уступала Германии в отношении университетского образования, но заметно превосходила в области специального образования... Россия уже между 1904 и 1914 годами (вместе с США) стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию»¹.

Именно развитие образования позволило российской науке выдвинуться в конце XIX в. на передовые позиции в мировой науке. Вместе с тем преобладание специального высшего образования в ущерб университетскому, несомненно, сказывалось на общекультурном уровне выпускников высших учебных заведений.

Наука и образование в современную эпоху

Во всем мире спрос со стороны государств обеспечил бурное развитие науки благодаря сохранению автономии университетов и развитию системы их финансирования, дополнившейся во второй половине XIX в. спросом на научные разработки со стороны бизнеса. Именно в конце XIX в. появились научные лаборатории в рамках корпораций, получили развитие институты научного консультирования и спонсорства. Две мировые войны, особенно последняя, существенно сказались на масштабах государственной поддержки научных исследований. Изменились и ее инструменты.

¹ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. – М.: ИИЕТ, 2010. – 176 с. URL: <http://www.ihst.ru/files/saprykin/book-education-pote.pdf>, С. 46.

Развитие науки и образования в XX в. достаточно хорошо описано в науковедческой литературе. Гораздо меньше внимания исследователи, особенно в нашей стране, уделяли изучению проблем мотивации труда ученых и морального климата в исследовательских организациях. Сошлемся на мнение американского военного аналитика, который писал: «Можно безошибочно сказать, что расширение масштабов и широкая государственная поддержка американской науки привели ее к моральному падению и свели с истинного пути. Ученые больше не являются частью изолированного сообщества, где высшей наградой было профессиональное признание ученых коллег. Они присоединились к остальной части общества и признали наши принципы. Должность, жалование и дополнительные льготы вполне заменяют восхищение и одобрение ученого мира. Большая наука воспитала поколение исследователей, которые не хотят "раскачивать лодку". Короче говоря, большая наука превратила исследование из призвания в службу»¹.

Все это было написано более полувека назад и относилось к американской науке, но вполне современно звучит и сегодня. Более того, развитие наднациональных институтов породило еще и международную научную номенклатуру со своей собственной этикой, критериями успеха и пониманием допустимости компромиссов. Причины Дж. Томпкинс видел в следующем:

- экстенсивном росте науки как вида деятельности, что приводит к массовой подготовке кадров и снижению критериев их оценки;
- гигантомании, охватившей ученых, занятых в крупнейших проектах или стремящихся к этому;
- внутренней утечке умов, т. е. переходу специалистов из университетов в государственные структуры и корпорации, тесно связанные с государством.

Следует также добавить, что научные организации по мере их роста превратились в иерархически организованные бюрократические структуры, что также создало проблемы для эффективного труда ученых и прогресса науки. Возможно, на указанные негативные процессы оказал влияние рост престижа науки в глазах общественности, особенно после Второй мировой войны:

¹ Томпкинс Дж. Оружие третьей мировой войны. – М.: Воениздат, 1969. – 272 с., С. 194–195.

ученые степени и звания стали рассматриваться как предметы роскоши и престижа. Да и сами ученые оставались всего лишь людьми со всеми своими сильными и слабыми сторонами.

Большая наука поставила проблему оценки эффективности труда ученых и, соответственно, неизмеримо возросших затрат на науку и образование. Это привело к созданию целой отрасли знаний – наукометрии – и большого количества организаций, специализирующихся на оценке трудов научных коллективов и образовательных учреждений, составлении различных рейтингов и т. п. Поскольку критерии и методики оценки известны, результаты подобных исследований через непродолжительное время становятся объектами манипуляций и теряют смысл. Поэтому оценки на основании «объективных» данных дополняют экспертными оценками, что еще более усугубляет проблему.

Что касается нашей страны, то имелись дополнительные обстоятельства, препятствующие развитию науки и образования в послереволюционный период. Эти факторы многократно описаны в отечественной научной, публицистической и мемуарной литературе¹.

Прежде всего, отечественная наука пострадала от утечки умов. Помимо эмиграции это – высылка за пределы страны или в отдаленные от научных центров районы, уход из науки как способ выжить и т. д. Немало красноречивых данных на этот счет привел Г. И. Ханин². К сожалению, к тому времени он не располагал многими данными о кадровых потерях науки и образования в послереволюционное время, опубликованными после выхода статьи, и построил свое исследование на отдельных примерах. Репрессии образованной части общества были столь масштабны потому, что высшее образование в Российской империи имело достаточно выраженный сословный характер, и, следовательно, ученые и преподаватели оказывались социально чуждыми.

Большое влияние на развитие отечественной системы образования и науки оказали кадровая политика и многочисленные кампании по регулированию социального и национального состава научных организаций и образовательных учреждений. Кроме

¹ Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 720 с.

² Ханин Г. И. Почему пробуксовывает советская наука // Постижение: Социология, Социальная политика. Экономика. – М.: Прогресс, 1988. – С. 140–168.

того, значительную роль сыграли идеологизация науки и партийный контроль в научных и образовательных организациях.

Нельзя сказать, что советское Правительство не уделяло должного внимания развитию науки. Скорее, наоборот: организовывались научно-исследовательские лаборатории и институты, закупалось уникальное оборудование, молодые ученые направлялись на стажировку за границу. В 1929 г. немецкие ученые были поражены рассказом А.Ф. Йоффе о масштабах государственной помощи его исследованиям. Серьезная поддержка оказывалась и развитию общественных наук с учетом идеологических приоритетов, особенно в столице, при наркоматах или партийных органах.

Но эта поддержка имела и другие последствия. Историк А.Л. Сидоров в своих воспоминаниях писал: «Партийная жизнь в Институте была высоко развита и в эпоху борьбы с оппозицией часто играла доминирующую роль в определении достоинств человека и в его будущей судьбе. Партийные связи с "верхами", а не успехи в науках определяли где-то лицо человека. До поры до времени это не сказывалось на тех, кто занимался историей и находил удовлетворение в педагогике или чисто научной сфере. Но постепенно получили ход люди карьеристские, мало интересовавшиеся наукой»¹. И ситуация не ограничивалась общественными науками. Об этом писал Г.И. Ханин, цитируя академика И.Г. Петровского: «Слишком много на физфаке сволочей»².

Из-за секретности и других обстоятельств усиливался разрыв между системой высшего образования и академической наукой, начало которому положила, как ни странно, забота об исследователях, выразившаяся в их освобождении от преподавания. Особой формой «заботы» об ученых можно считать и так называемые шарашки, описанные А. И. Солженицыным.

Вторая мировая война резко повысила престиж науки и ученых, что коснулось и СССР. После войны ведущие ученые стали поднимать проблему реинтеграции науки и образования

¹ Воронкова С. В. Аркадий Лаврович Сидоров // Экономическая история. Ежегодник. – М.: Российская экономическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 441–468. – С. 451.

² Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: изб. пр. в двух томах. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. – С. 133–160. – С. 151.

в СССР. В 1946 г. появился Физтех, потом этот опыт был использован при создании других исследовательских университетов, в частности НГУ.

Золотой век советской науки пришелся на 1950–1960-е годы. Во-первых, это был период быстрого экстенсивного развития науки и образования в стране, который привел к ускорению карьерного роста в науке и повышению престижа отрасли в целом. Во-вторых, в вузы и научные учреждения пришло поколение фронтовиков и участников крупных оборонных проектов, которые знали себе цену и вели себя достаточно независимо. Но этот всплеск активности завершился в эпоху застоя.

Немалый ущерб науке и вклад в деградацию морали в научных коллективах причинила практика назначения на научные должности и перевода на преподавательскую работу в области общественных наук отставных чиновников, партийных функционеров и тому подобных лиц, нуждавшихся в синекуре, или в целях «кадрового укрепления ненадежных организаций».

Приоритеты государственной политики хорошо прослеживаются по соотношению заработной платы в различных секторах. В конце 1970-х годов зарплата в науке фактически сравнялась со средней по народному хозяйству, а потом стала отставать. Особенно это было заметно в 1990-е годы и в начале 2000-х. Поэтому неудивительно, что в постсоветский период наблюдалась утечка умов – в зарубежные университеты и исследовательские центры, либо внутренние – в корпорации и на государственную службу. Параллельно резко возросло число альтернативных исследовательских центров в виде всевозможных фондов и консалтинговых компаний, что привело к очередному этапу утечки умов. В целом отечественная наука потеряла, за небольшим исключением, целое поколение перспективных исследователей.

Итоги

Связь между развитием науки, технологическим прогрессом и экономическим ростом, несомненно, имеет место. Но она совсем не простая. На протяжении почти всей истории человечества наука и инженерия были разделены. Строители Парфенона знали геометрию, но трудно представить афинских философов, консультирующих Калликрата или Иктина. Аналогично обстояло дело со

строителями Великой Китайской стены, египетских пирамид или создателями римской артиллерии.

Связь между технологическим прогрессом и экономическим развитием гораздо более очевидна. Но если достижения фундаментальной науки столь доступны, а технологические инновации защищены только патентами, то почему далеко не все страны проявили способность воспользоваться плодами чужих достижений науки и изобретательства? Проблема видится в том, что, во-первых, в ряде стран просто недостаточно специалистов, способных оценить потенциал чужих достижений, издержки и риски, связанные с их копированием и продвижением на рынки. Во-вторых, сейчас скорость технологических изменений столь высока, что копирование чужих достижений обрекает страну на технологическую отсталость.

Развитие образования во многом определяет прогресс или регресс высшего образования, последнее со значительным лагом определяет тенденции развития науки и результативность научной деятельности. Можно утверждать, что именно запросы со стороны общества определяют качество образования и стимулируют развитие всей системы в том или ином направлении. Институты отражают эти запросы и меняются вместе с ними.

Что касается нашей страны, то, несмотря на все своеобразие ее истории, общемировые тенденции и взаимосвязи между развитием образования, науки и экономики вполне выдерживаются. Замкнутость и закрытость науки и образования, бюрократизация и коррумпированность в этой сфере, а также государственная политика в этих областях приводят к тому, что страна по своим характеристикам то сближается с наиболее развитыми странами, то движется в сторону стран третьего мира. В этом случае остается надежда лишь на то, что существует интеллектуальное меньшинство, для которого поиск истины и распространение знаний являются самоцелью, а образованные люди легко отличают истинные достижения от графомании. И последнее. Если считать науку формой творчества, то перспективы ее развития зависят от развития культуры в самом широком смысле.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел 1. Экономическая история	7
1.1. Россия в 1913 году	7
1.2. Россия в 1915 году	19
1.3. Россия в XX веке. Цена революции	26
1.4. Империализм как последняя стадия	35
1.5. «Лихие девяностые» глазами экономиста	50
1.6. Былое и думы. Ч. I. Как в России ищут ответы на вызовы в смутные времена	59
1.7. Былое и думы. Ч. II. Экономические дискуссии времен перестройки	70
1.8. К столетию падения Запада и заката Европы	81
1.9. Исторические перспективы заката Европы сто лет спустя	97
Раздел 2. Государственное управление и экономическая политика	114
2.1. Скромное обаяние государства	114
2.2. Загадка общественных благ. Еще раз об экономических функциях государства	126
2.3. Рост недоверия и неопределенности как результат регулирования в меняющемся мире	136
2.4. Назад, в будущее?	142
2.5. Экономический рост и бюджетная политика: институциональные ограничения для России	152
2.6. Внешняя миграция в России в общественном сознании, текущей политике и стратегических документах	164

Раздел 3. Федерализм, проблемы Сибири и муниципальное управление	178
3.1. Федерализм и демократия. От идеи до воплощения	178
3.2. «Сибирь как колония» Взгляды Н.М. Ядринцева на проблемы и перспективы освоения Сибири	187
3.3. О программах вообще и освоения и развития Сибири в частности	201
3.4. Финансовые ресурсы местного самоуправления	207
3.5. Бюджетные проблемы крупного города (на примере г. Новосибирска)	222
3.6. Экспертиза экономических решений органов исполнительной власти	231
3.7. Парадоксы прогнозирования	255
3.8. О точности и надежности прогнозов	259
Раздел 4. Этическая экономия, культура и наука	267
4.1. Рыночная экономика, нравственность, этика и религия	267
4.2. Экономика: нравственность и свобода. К 250-летию «Теории нравственных чувств» А. Смита	278
4.3. Как обществу стать богаче и совершеннее?	287
4.4. О консерватизме, протекционизме и исторической памяти	298
4.5. Совместимы ли русский национальный характер и модернизация?	305
4.6. О кризисе экономической науки в стране и мире	312
4.7. Эволюция институтов науки и образования. Почему мы делаем то, что делаем	329

CONTENTS

Preface	5
Section 1. Economic History	7
1.1. Russia in 1913	7
1.2. Russia in 1915	19
1.3. Russia in the XX Century. A Price of the Revolution	26
1.4. Imperialism as a Last Stage	35
1.5. The Turbulent 90s as Viewed by an Economist	50
1.6. The Past and Thoughts. How Russia Addresses Its Challenges in the Time of Troublesome. Part I.	59
1.7. The Past and Thoughts. Economic Discussions in the Time of Perestroika. Part II.....	70
1.8. On the Occasion of Centenary of the Decline of the West or the Downfall of the Occident	81
1.9. The Downfall of the Occident Hundred Years Later: Historical prospects.....	98
Section 2. Public Administration and Economic Policy	114
2.1. A modest charm of the State	114
2.2. Secret of the Public Goods: Once Again Economic Functions of the State.....	126
2.3. Increased Distrust and Uncertainty in the Changing World as a Result of Regulation.....	136
2.4. Back to the future?	142
2.5. Economic Growth and Budget Policy in Russia: Institutional Limits	152
2.6. Russia External Migration in Public Opinion, Current Policy and Strategic Documents	164

Section 3. Federalism, Problems of Siberia and Municipal Government	178
3.1. Federalism and Democracy: From idea to Their Implementation	178
3.2. Siberia as a colony. N.M. Yadrintsev’s Opinion on Problems and Prospects of the Siberian Development	187
3.3. About Programs in General and Siberian Development Programs in Particular	201
3.4. Financial Resources of Local Government	207
3.5. Budgetary Problems of a Large City: the Case of Novosibirsk	222
3.6. An Expertise of Economic Decisions Made by Executive Authorities	231
3.7. Paradoxes of Forecasting.....	255
3.8. About Accuracy and Reliability of Forecasts.....	259
Section 4. Ethical Economics, Culture and Science	267
4.1. Market Economy, Morality, Ethics and Religion	267
4.2. Economy: Morality and Freedom. To the 250 th Anniversary of the Theory of Moral Sentiments by A. Smith	278
4.3. How Could a Society Become Wealthier and More Perfect?	287
4.4. About Conservatism, Protectionism and Historical Memory	298
4.5. Are a Russian National Character and Modernization Compatible?	305
4.6. Crises in Economics: Methodology and Empirical Study	312
4.7. Evolution of Institutes of Science and Education. Why We Do What We Do	329

План изданий ИЭОПП СО РАН, 2019 г.

Научное издание

Владимир Ильич Клисторин

**ИЗБРАННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ**

Компьютерная вёрстка

С.А. Дучкова, А.П. Угрюмов

Подписано к печати 24 июля 2019 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Объём п.л. 21,75. Уч.-изд.л. 21,0. Тираж 150 экз. Заказ № 87.

Издательство ИЭОПП СО РАН
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.